

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

НЕЗРИМЫЕ АКАДЕМИКИ

Unseen Academicals

НОВИНКА!

Annotation

Для аркканцлера Наверна Чудакулли настали тяжелые времена.

Подумать только, его декан ушел из Незримого Университета! О нет, он вовсе не умер и не пал жертвой магического эксперимента (хотя среди волшебников такое частенько бывает). Подлый изменник... сменил работу, соблазнившись большой зарплатой (всем известно, что волшебников деньги не интересуют... ну, почти...) и «гарантированным соцпакетом» (тьфу, слово-то какое мерзкое!).

Вдобавок, в Свечном подвале тайком проживает гоблин, и как прикажете объяснять всем, что конкретно этот... хм, индивид не имеет привычки отрывать людям головы на завтрак?

Да еще этот вопрос патриция Витинари... А не сыграть ли великим волшебникам в футбол? «Оле, оле, оле, оле! Волшебники – вперед!»

Впервые на русском языке!

- [Терри Прагчетт](#)

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Терри Пратчетт

Незримые Академики

Terry Pratchett
UNSEEN ACADEMICALS
Copyright © 2005 by Terry and Lyn Pratchett

© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Эта книга посвящается Робу Уилкинсу, который записал ее большую часть под диктовку и у которого хватало здравого смысла время от времени смеяться, а также Колин Смит, которая меня подбадривала.

Песнь в честь богини Пеше-Ходе – это пародия на прекрасное стихотворение Ральфа Уолдо Эмерсона «Брама», но вы, разумеется, и так уже поняли.

К ночи в анк-морпоркском Королевском^[1] музее искусств стемнело. Новому сторожу по имени Рудольф Разбросс каждую минуту казалось, что, в общем и целом, возможно, следовало предупредить куратора.

Рудольф боялся темноты, странных звуков, а также, как выяснилось, буквально всего, что видел (а особенно того, чего не видел), слышал, чуял и интуитивно ощущал во время бесконечных ночных дежурств. И бесполезно было уверять себя, что в музее нет ни одной живой души. Это ничуть не помогало и, напротив, значило, что он выделяется на общем фоне.

А потом Рудольф услышал всхлип. Лучше бы он услышал крик. По крайней мере, когда человек слышит крик, то сомневаться не приходится. Если он слышит слабый всхлип, приходится ждать повторения, потому что с первого раза никогда не поймешь наверняка.

Рудольф поднял фонарь в трясущейся руке. Никого здесь быть не должно было. Музейные двери надежно заперли, никто не мог войти. До Рудольфа вдруг дошло, что и выйти никто не сможет. Он очень пожалел, что подумал об этом.

Он находился в подвале – далеко не самом жутком месте из тех, куда заносили его служебные обязанности. Там были в основном старые полки и шкафы, полные вещей, которые уже почти выбросили – но еще не до конца. В музеях не любят ничего выбрасывать – а вдруг эти вещи впоследствии окажутся очень ценными?

Снова всхлип, а затем как будто... царапанье по стенке глиняного горшка.

Возможно, где-то на задней полке скреблась крыса. Но ведь крысы не всхлипывают?

А потом полки взорвались. Рудольфу показалось, что осколки глиняной посуды и обломки статуй веером полетели к нему, словно в замедленном действии. Он опрокинулся на спину, а всё расширяющееся облако пронеслось над ним и врезалось в дальнюю стену. Висевшие там полки превратились в щепки.

Разбросс лежал на полу в темноте, не в силах шевельнуться и ожидая, что вот-вот на него набросятся демоны, кишасие в его воображении.

Дневная смена обнаружила Рудольфа поутру, крепко спящего и покрытого пылью. Они выслушали сбивчивые объяснения, обошлись с бедолагой ласково и согласились, что ему, возможно, и впрямь нужна другая работа. Некоторое время они гадали, что такое стряслось – ночные сторожа даже в лучшие времена бывают людьми загадочными, – а потом перестали ломать голову, потому что нашли *нечто*.

Мистер Разбросс устроился в зоомагазин на Пеликуньей улице, однако уволился через три дня: ему снились по ночам кошмары от того, как котятка на него смотрели. Мир бывает очень жесток к некоторым людям. Но он никогда и никому не рассказывал про прекрасную сверкающую женщину,

которая держала над головой огромный шар и улыбнулась ему, прежде чем исчезнуть. Рудольф не хотел, чтобы его сочли странным.

Давайте поговорим о постели.

Лектрология, она же наука о спальнях принадлежностях, бывает чрезвычайно полезна, если нужно побольше узнать о владельце постели. Пусть даже информация сведется к тому, что он – опытный и оригинальный мастер инсталляций.

Постель Чудакулли, аркканцлера Незримого Университета, например, представляет собой, по сути, полторы постели, потому что обладает пологом на восьми столбиках. Она включает небольшую библиотеку и бар, а также искусно встроенную герметичную уборную, сплошь из красного дерева и латуни, что избавляет аркканцлера от долгих, леденящих кровь ночных прогулок с неизбежным риском споткнуться о ковер, пустую бутылку, башмак и тому подобные предметы, непременно попадающиеся в темноте человеку, который молится, чтобы в следующую секунду наконец налететь на унитаз – или, по крайней мере, на то, что будет легко отчистить.

Постель Треворы Навроде – где попало. На полу у приятеля, на сеновале в конюшне, которую оставили незапертой (а стало быть, воздух в ней гораздо приятней), в пустующем доме (хотя в наши дни их почти не осталось). Или же он спит прямо на работе, но всегда держит ухо востро, потому что старик Смимз, кажется, никогда не смыкает глаз и может застучать в любую минуту. Трев способен спать где угодно – и усердно упражняется.

Гленда спит на старой-престарой железной кровати, пружины которой весьма любезно приняли с годами форму ее тела, так что получилось обширное углубление. Чтобы днище этого прохвостова ложа не касалось пола, под него подложена пачка дешевых и пожелтевших любовных романов – из тех, при виде которых на ум естественным образом приходит слово «корсаж». Гленда умрет, если кто-нибудь об этом узнает. Ну, или умрет тот, кто об этом узнает. А на подушке обычно лежит старенький плюшевый мишка по имени Шатун. Вообще-то, в лучших традициях сентиментального жанра у такого мишки должен быть только один глаз, но в детстве Гленда, принимаясь за штопку, слегка не рассчитала, и Шатун обзавелся тремя. Иными словами, он просвещеннее среднестатистического плюшевого медвежонка.

Когда мать Джульетты О’Столлоп мебелировала детскую, ей сказали, что эта кроватка впору для принцессы. Она более или менее напоминает

ложе аркканцлера, но скорее менее, чем более, потому что состоит из тюлевых занавесок и очень узкой дешевой койки. Миссис О'Сталлоп уже нет в живых. Об этом гласит тот факт, что кто-то подпер кровать несколькими ящиками из-под пива, когда она рухнула под весом выросшей девочки. Мать, по крайней мере, уж позаботилась бы, чтобы ящики, как и все остальное в комнате, были выкрашены в розовый цвет и разрисованы коронами.

Мистер Натт только в семилетнем возрасте узнал, что спать можно на специально предназначенном для этого предмете мебели.

Два часа ночи. Сгустившаяся тишина царила в древних коридорах и галереях Незримого Университета. Тихо было в библиотеке; тихо было в залах. Тишина стояла такая, что ее было *слышно*. Она как будто забивала уши незримой ватой – всюду, куда распространялась.

Бом!

Еле слышный звук – капля золотистой жидкости в непроницаемо черной чаше тишины – прозвучал и замер.

Тишина царила на лестницах, пока ее не прервало шарканье традиционных мягких тапочек Смимза, Свечного служителя, который обходил длинные безмолвные коридоры, перемещаясь от подсвечника к подсвечнику и пополняя их из традиционной корзинки. Сегодня ему помогал (хотя, судя по ворчанию Смимза, помогал недостаточно) один из стекальщиков.

Смимз именовался Свечным служителем, потому что именно так называлась эта должность в университетских документах почти две тысячи лет назад, когда Незримый Университет только был основан. Следить, чтобы подсвечники, бра и, не в последнюю очередь, люстры не пустели, было бесконечной работой. И самой важной, в представлении Свечного служителя. О, будучи допрошен с пристрастием, Смимз признал бы, что вокруг и впрямь полно каких-то людей в остроконечных шляпах, но вся эта публика приходила и уходила, а по большей части, просто путалась под ногами. Окон в Незримом Университете было отнюдь не избыток, и без Свечного служителя в коридорах и залах царил бы мрак даже днем. Смимзу и в голову не приходило, что волшебники могут выйти на улицу и выбрать из бесчисленной толпы кого-нибудь другого, способного лазать по стремянкам с полными карманами свечей. Смимз был незаменим. Как и прочие служители до него.

Позади послышался лязг, когда кто-то раскрыл традиционную приставную лесенку.

Смимз развернулся и прошипел:

– А ну, держи эту штуковину прямо!

– Извините, хозяин, – отозвался временный помощник, пытаюсь удержать выскальзывающее из рук и крайне травмоопасное чудовище, в которое превращается любая стремянка при первой же возможности, а зачастую и без таковой.

– И не шуми! – рыкнул Смимз. – Хочешь до конца жизни оставаться стекальщиком?

– Честно говоря, мне нравится эта работа, сэр...

– Ха! Недостаток честолубия – проклятие рабочего класса. Ну, давай сюда.

Свечной служитель ухватился за стремянку в ту самую секунду, когда злополучный помощник ее сложил.

– Прошу прощения, сэр.

– У макального чана всегда найдется еще одно местечко, – намекнул Смимз, дуя на пальцы.

– Верно, сэр.

Свечной служитель уставился на серое, круглое, бесхитростное лицо. У парнишки был неистребимо дружелюбный вид, который, по правде сказать, приводил в замешательство, особенно если собеседник знал, что конкретно видит перед собой. Смимз это знал. Он только не знал, как это называется.

– Напомни, как тебя звать? Не могу же я всех помнить по имени.

– Натт, мистер Смимз. С двумя «т».

– Думаешь, вторая «т» поправит дело, Натт?

– Сомневаюсь, сэр.

– А где Трев? Сегодня дежурит он.

– Он очень болен, сэр. Попросил меня заменить.

Свечной служитель фыркнул.

– Тот, кто работает наверху, должен выглядеть молодцом, Гнутт!

– Натт, сэр. Прошу прощения, сэр. Уж таким я уродился, сэр.

– Ну, по крайней мере, сейчас никто тебя не видит, – заключил Смимз. – Ладно, пошли дальше. И постарайся казаться не таким... короче, просто постарайся никаким не казаться.

– Да, хозяин, но я подумал...

– Тебе платят не за то, чтобы ты думал, молодой... человек.

– Я постараюсь, хозяин.

Через две минуты Смимз уже стоял перед Императором. Глазел на него и должным образом впечатленный Натт.

Гора серебристо-серого воска почти полностью занимала пересечение двух каменных коридоров. Огонь этой свечи – на самом деле мегасвечи, получившейся из многих, многих тысяч сплавившихся огарков, которые поочередно стояли здесь и горели, капая воском и сплавляясь в единое целое, – так вот, огонь этой свечи маячил где-то под потолком, слишком высоко, чтобы по-настоящему светить.

Смимз выпятил грудь. Перед ним была История.

– Взирай, Гнутт!

– Да, сэр. Взираю, сэр. Меня зовут Натт, сэр.

– Две тысячи лет смотрят на нас с вершины этой свечи, Гнутт. Хотя, конечно, чтобы разглядеть тебя, им нужно наклониться.

– Вы совершенно правы, сэр. Очень остроумно, сэр.

Смимз взглянул на круглое дружелюбное лицо и не увидел ничего, кроме исключительного энтузиазма, который казался почти пугающим.

Он фыркнул, раздвинул стремянку (всего лишь прищепив при этом палец) и осторожно полез вверх, пока лестница не закончилась. Дальше шли ступеньки, которые поколения Свечных служителей вырезали на грубом челе гиганта и поддерживали в должном состоянии.

– Смотри и радуйся, парень, – произнес Смимз, чей врожденный дурной нрав слегка поумерился от соприкосновения с величием истории. – Однажды ты, может быть, станешь... человеком, которому придется влезать на эту священную свечу!

Натт, судя по выражению лица, в этот момент постарался скрыть мелькнувшую надежду, что в будущем его ждет нечто большее, нежели гигантская свеча. Натт был молод, а стало быть, не питал такого уважения к старине, как... старики. Но вскоре добродушная не-вполне-улыбка вернулась. Она никогда не исчезала надолго.

– Да, сэр, – сказал он. Эта фраза всегда срабатывала.

Некоторые утверждали, что Императора зажгли в тот самый вечер, когда был основан Незримый Университет, и с тех пор он горел, не угасая. Несомненно, Император был огромен, что неудивительно, поскольку ночь за ночью в течение двух тысяч лет новую большую свечу зажигали от оплывшего огарка старой и лепили ее на теплый воск. Подсвечник, погребенный где-то под огромными наслоениями восковых потеков, этажом ниже, не видели уже много поколений.

Примерно тысячу лет назад университетские власти проделали большое отверстие в потолке верхнего этажа – и с тех пор Император вырос из дыры на семнадцать футов. В совокупности он представлял собой тридцать восемь футов чистой, натуральной оплывшей свечи. Он служил

примером и образцом. Свет, который не гаснет, свеча в темноте, путеводная звезда. В Незримом Университете очень серьезно относились к традициям, по крайней мере, к тем, о которых помнили.

И вдруг...

Откуда-то издали донесся такой звук, как будто возмутилась огромная утка. Затем раздался крик: «Хэй-хо, Большеног!» И разверзся ад.

Из мрака вырвалась... тварь.

Есть такое выражение – «ни то, ни се, ни черт знает что». Промчавшееся по коридору существо было и тем, и сем, и черт знает чем – оно состояло из элементов, которые не встречаются ни в учебниках биологии, ни в ночных кошмарах, ни даже в кебабе. Оно было красное и чем-то хлопало на бегу. Натт заметил огромную сандалию, а еще – безумные, круглые, вращающиеся глаза и здоровенный красно-желтый клюв. Тварь исчезла в темном коридоре, непрерывно издавая странный крякающий звук, который обычно издают утиные охотники, прежде чем их подстрелят другие утиные охотники.

– Ату, ату, Большеног!

Непонятно было, откуда несется этот крик. Он как будто исходил сразу отовсюду.

– Гони, гони! Ату его!

Крик подхватили со всех сторон, и из темных недр каждого коридора, за исключением того, по которому улепетывала тварь, галопом выскочили странные существа, которые в неверном свете Императора оказались старшими представителями университетского состава. Каждый волшебник восседал на закорках у дюжего привратника, понуждаемого бежать при помощи бутылки пива на удочке, которую наездник, по традиции, держал вне досягаемости скакуна.

В отдалении послышалось скорбное кряканье. Один из волшебников взмахнул жезлом и возопил:

– Птичка улетела! Хэй-хо, Большеног!

Волшебники, сталкиваясь друг с другом, толкаясь и отчаянно борясь за первое место, немедленно бросились в погоню. Хлипкую стремянку втоптали в пол подбитые гвоздями башмаки привратников.

Некоторое время «Ату его!» эхом перекатывалось вдалеке. Убедившись, что охота ускакала, Натт выбрался из своего укрытия за Императором, подобрал останки лестницы и огляделся.

– Хозяин?.. – робко позвал он.

Сверху донеслось сердитое ворчание. Натт поднял голову.

– Хозяин, вы в порядке?

– Бывало и лучше, Гнутт. Видишь, где я?

Натт поднял фонарь.

– Да, хозяин. Очень жаль, но лестница сломалась.

– Ну так придумай что-нибудь! У меня все силы уходят на то, чтобы цепляться!

– Если не ошибаюсь, мне платят не за то, чтобы я думал, хозяин.

– И не умничай!

– Можно мне побыть умным хотя бы настолько, чтобы спустить вас в целости и сохранности, хозяин?

Суровое молчание было достаточным ответом. Натт вздохнул и раскрыл парусиновый мешок с инструментами.

Смимз, цепляясь за свечу на головокружительной высоте, слышал внизу загадочные скрипы и позвякивания. А потом – тихо и внезапно, так что он аж ахнул, – рядом с ним воздвиглось, слегка покачиваясь, нечто шипастое.

– Я свинтил три пары больших щипцов для нагара, – объяснил Натт. – Видите крюк для канделябра, который торчит наверху? Там веревка. Видите? Я так думаю, если вы сумеете завязать петлю вокруг Императора, она не будет слишком сильно скользить, и вы сможете потихоньку спуститься. Кстати, там еще коробок спичек.

– Зачем? – спросил Смимз, потянувшись к крюку.

– Не могу не отметить, сэр, что Император погас, – прозвучал снизу бодрый голос.

– А вот и нет!

– Вы сейчас сами убедитесь, что да, сэр, потому что я не вижу...

– В самом важном подразделении университета не место людям со слабым зрением, Натс!

– Прошу прощения, хозяин. Сам не знаю, что на меня нашло. Я только что увидел пламя!

Сверху послышалось чирканье спички, и на потолке появился все расширяющийся желтый кружок – Смимз зажег свечу, которая никогда не потухала. Вскоре Свечной служитель очень осторожно спустился.

– Ловко, сэр, – одобрил Натт.

Свечной служитель стряхнул полосу застывшего свечного сала со своей и без того перепачканной куртки.

– Вот и ладно, – произнес он. – Но тебе придется заглянуть сюда утром, чтобы убрать...

Но Натт, как паук, уже карабкался по веревке. С другой стороны огромной свечи послышался лязг – развинченная конструкция упала на

пол, а Натт соскользнул вниз, держа крюк под мышкой, и встал перед хозяином. Воплощенная готовность и отдраенная до блеска (хоть и дурно одетая) деловитость. В этом было что-то почти оскорбительное. Свечной служителю к такому не привык. Он почувствовал себя обязанным поставить парня на место. Ради его собственного блага.

– Все свечи в университете надлежит зажигать от огня, в свою очередь взятого от еще горящей свечи, парень, – сурово заметил он. – Где ты раздобыл спички?

– Мне не хотелось бы говорить, сэр.

– Да уж, не сомневаюсь! Отвечай, парень.

– Я не хочу, чтобы у кого-нибудь были неприятности, сэр.

– Твои сомнения делают тебе честь, но все-таки я настаиваю.

– Э... спички выпали из вашей куртки, когда вы полезли наверх, хозяин.

Издали донесся последний вопль: «Большеног пойман!» Но сгустившаяся вокруг Императора тишина слушала, от любопытства приоткрыв рот.

– Ты ошибаешься, Гнутт, – сухо ответил Смизм. – Наверное, ты нашел спички, которые обронил один из этих джентльменов.

– Да. Несомненно, именно так и произошло. Впредь постараюсь не делать поспешные выводы.

И снова Свечной служителю почувствовал, что теряет опору.

– Э... ну... короче, давай закроем тему, – наконец выговорил он.

– А что это вообще такое было, сэр? – спросил Натт.

– Ах, это? Одно из магически необходимых магических действий, парень. Без него не обойтись, если хочешь, чтобы жизнь шла своим чередом, вот тебе мое слово. О да! Не исключено, что именно волшебники не позволяют звездам сбиваться с пути. Мы просто обязаны проделывать всякие магические действия, сам понимаешь, – добавил он, старательно намекая на собственную принадлежность к обществу волшебников.

– Это магическое действие представляло собой тощего человека с большой деревянной уткой, привязанной к голове.

– Да, да, возможно, все именно так и выглядело, если задуматься, но только потому, что таким оно предстает нам, людям, не одаренным специальным зрением.

– То есть получается аллегория?

Услышав эту фразу, Смизм почувствовал себя на такой глубине, на которой в штаны незадачливым пловцам уже забираются всякие ракообразные, но все-таки неплохо вывернулся.

– Это точно, – наконец ответил он. – Облыгория. А на самом деле все далеко не так глупо.

– Полностью согласен, хозяин.

Смимз посмотрел на помощника сверху вниз. Он подумал: бедняга не виноват, он с собой ничего не может поделывать. Его вдруг охватило непривычное сочувствие.

– Ты смысленый парнишка, – сказал он. – Не исключаю, что однажды ты станешь главным стекальщиком.

– Спасибо, сэр, – ответил Натт. – Но, с вашего позволения, я все-таки надеюсь однажды получить работу, которая позволит мне чаще бывать на свежем воздухе.

– А-а, – протянул Смимз. – Но это может быть, как ты выражаешься, затруднительно.

– Да, сэр. Знаю.

– Там ведь много... э... кроме меня... ну... э... короче, ты понял. Там люди. Сам знаешь, какие они бывают.

– Да. Я знаю, какими бывают люди.

«Парень похож на пугало, а разговаривает не хуже волшебника», – подумал Смимз. Смысленый, как первый ученик, хотя с виду – дерьмо дерьмом. Смимзу вдруг захотелось погладить... мальчугана по сферической голове, но он удержался.

– Тебе, пожалуй, лучше не выходить из подвала, – сказал он. – Там спокойно и тепло, и у тебя есть собственный тюфяк. Уютно и безопасно, правда?

К его облегчению, парнишка молчал, пока они шли по коридору. Но потом Натт задумчиво произнес:

– Я тут подумал, сэр... а как часто гаснет свеча... которая никогда не гаснет?

Смимз удержался от язвительного ответа. Он каким-то образом догадался, что колкость, в перспективе, лишь породит новые проблемы.

– Свеча, которая никогда не гаснет, безуспешно пыталась погаснуть три раза, с тех пор как я стал Служителем, парень, – сказал он. – Это рекорд.

– Завидное достижение, сэр.

– Да уж! И это при том, что в последнее время здесь творятся всякие странные штуки.

– Правда, сэр? – спросил Натт. – Что-то из ряда вон выходящее?

– Знаешь... мальчик, что-то из ряда вон выходящее происходит здесь постоянно.

– Один из поварят сказал, что вчера все унитазаы на Мозаичном этаже превратились в овец, – произнес Натт. – Хотел бы я это видеть.

– На твоём месте я бы не казал носа дальше кухни, – отрезал Смизм. – И не пугайся, чем там заняты господа волшебники. Это лучшие умы на свете, вот что я тебе скажу. Если ты, к примеру, спросишь их... – он задумался, пытаясь придумать по-настоящему сложный вопрос, – ... сколько будет восемьсот шестьдесят четыре помножить на триста шестнадцать...

– Двести семьдесят три тысячи двадцать четыре, – довольно громко ответил Натт.

– Что? – ошалело переспросил Смизм.

– Просто размышляю вслух, хозяин.

– А. Ну ладно. Э... в общем, ты понял. Их в лужу не посадишь. Лучшие умы на свете, – произнес Свечной служитель, который искренне полагал, что многократно сказанное становится правдой. – Лучшие умы. Ворочают делами вселенной. Лучшие умы.

– Вот это повеселились, – объявил Наверн Чудакулли, аркканцлер Незримого Университета, плюхаясь в огромное кресло в факультетской Необщей комнате с такой силой, что оно чуть не выплюнуло его обратно. – Надо будет как-нибудь повторить.

– Да, сэръ. Непременно. Через сто лет, – самодовольно отозвался недавно назначенный магистр традиций, листая огромную книгу. Он дошел до хрустящего листа с заголовком «Охота на Большенога», записал дату и количество времени, которое понадобилось на то, чтобы помянутого Большенога обнаружить, и поставил размашистую подпись: Думминг Тупс.

– И вообще, что такое Большеног? – поинтересовался заведующий кафедрой бесконечных штудий, наливая себе портвейна.

– Какая-то птица, насколько я знаю, – ответил аркканцлер, помавая рукой в сторону подноса с напитками. – И мне, пожалуйста.

– Самого первого Большенога обнаружили в кладовке младшего дворецкого, – сказал магистр традиций. – Он сбежал в разгар ужина и послужил причиной, как выразился мой предшественник одиннадцать веков тому назад... – Думминг заглянул в книгу, – «изрядной ажитации, ибо собратья учинили за ним превеселую погоню, в игривом настроении пребывая».

– А зачем? – поинтересовался заведующий отделом посмертных связей и ловко схватил с проносимого мимо подноса графин, памятуя о том, что игривое настроение прекрасно поддерживается игривым вином.

– Ну, нельзя же, чтоб Большеног вот так бегал где вздумается, доктор Икс^[2], – ответил Чудакулли. – Это вам всякий скажет.

– Нет, я имел в виду, зачем мы гоняемся за ним каждые сто лет, – сказал глава отдела посмертных связей.

Главный философ отвернулся и пробормотал:

– Ох, благие боги...

– Такова традиция, – объяснил заведующий кафедрой бесконечных штудий, свертывая сигаретку. – Университет не может без традиций.

– Иметь традиции – это... традиция, – закончил Чудакулли и подал знак одному из слуг. – Кстати говоря, конкретно эта традиция пробуждает во мне изрядный голод. Сырное ассорти, пожалуйста. По одному на пятерых. А также, гм-гм, холодный ростбиф, ветчину, печенье и, разумеется, тележку с пикулями. – Он поднял глаза: – Еще пожелания будут?

– Я, пожалуй, побалую себя фруктами, – сказал профессор малоизученных феноменов. – А ты, библиотекарь?

– Уук, – отозвалась фигура, ворошившая поленья в очаге.

– Прекрасно, – сказал аркканцлер и махнул почтительно ожидавшему слуге. – И тележку с фруктами. Позаботься об этом, пожалуйста, Внизз. И... пускай еду принесет та новая девушка. Ей, в конце концов, надо привыкнуть к Необщей комнате.

Чудакулли как будто произнес волшебное заклинание. В комнате, утопавшей в синем дыму, внезапно воцарилось задумчивое, необыкновенно насыщенное молчание: большинство волшебников предались мечтательным размышлениям, а кое-кто – отдаленным воспоминаниям.

Та новая девушка... При одной лишь мысли об этом старческие сердца опасно заколотились.

Очень редко в повседневную жизнь Незримого Университета вторгалась красота. Университет олицетворял собой мужское начало, точь-в-точь как запах грязных носков и дымящихся трубок (а порой и дымящихся носков, поскольку волшебники обычно выколачивали трубки куда попало). Миссис Уитлоу, университетская экономка, обладательница брэнчащей связки ключей и огромного корсета, который при ходьбе скрипел, заставляя заведующего кафедрой бесконечных штудий бледнеть, с особым тщанием подбирала персонал. Служанки, хоть и являлись женщинами, не проявляли эту сторону своей натуры чрезмерно – они были трудолюбивы, опрятны, розовощеки... короче говоря, именно такие женщины, при виде которых сразу представляешь себе клетчатую юбку и яблочный пирог. И это вполне устраивало волшебников, которые никогда

не отказывались от яблочного пирога, хотя без клетчатой юбки вполне могли обойтись.

Почему, о почему экономка наняла Джульетту? О чем она думала? Появление этой девицы в университете было сродни зарождению новой вселенной в солнечной системе, и небеса закачались – точь-в-точь как покачивала бедрами Джульетта, когда шла по коридору.

Волшебники по традиции соблюдали обет безбрачия – теоретически из-за того, что женщины отвлекали от серьезных дел, а также плохо влияли на органы, порождающие магию, но стоило Джульетте пробыть в университете неделю, как большая часть профессоров начала предаваться незнакомым (как правило) мечтам и странным грезам. Они не на шутку страдали, хотя вряд ли могли объяснить, в чем именно проблема: Джульетта обладала внешностью, выходящей за рамки красоты. Это была своего рода красота в дистиллированном виде, которая распространялась вокруг, пропитывая собой атмосферу. Когда Джульетта проходила мимо, волшебники испытывали желание сочинять стихи и покупать цветы.

– Вам, возможно, будет интересно узнать, господа, – сказал свежееиспеченный магистр традиций, – что сегодняшняя охота на Большенога была самой продолжительной из всех зафиксированных в истории университета. Предлагаю вынести благодарность нашему Большеногу...

Он понял, что его никто не слушает.

– Э... господа? – окликнул он и поднял глаза.

Волшебники томно смотрели в никуда – точнее, любовались образами, которые мелькали у них в голове.

– Господа! – повторил магистр, и на сей раз ответом был общий вздох: волшебники наконец очнулись от внезапного приступа фантазии.

– Что ты сказал? – переспросил аркканцлер.

– Я всего лишь отметил, что сегодняшней Большеног оказался лучшим в истории университета, аркканцлер. Его роль исполнял Ринсвинд. Официальный головной убор Большенога очень ему идет, что характерно. Полагаю, он ушел отдыхать.

– Что? Ах да. Да. Действительно. Ринсвинд молодчина, – ответил аркканцлер, и волшебники неспешно зааплодировали и застучали кулаками по столу, что, как известно, служит одобрителем жестом в кругу людей определенного возраста, положения и объема талии. Послышались возгласы: «Да, да, молодчина этот Ринсвинд» и «Здорово, здорово». Но при этом никто не сводил глаз с двери, а уши напряженно прислушивались, надеясь уловить дребезжание тележки, которая возвестила бы о прибытии

той новой девушки, а также, разумеется, ста семи сортов сыра и более чем семидесяти различных разновидностей солений, соусов и прочих лакомых блюд. Пускай та новая девушка являла собой воплощение красоты, но в Незримом Университете не было волшебника, способного позабыть о ста семи сортах сыра.

«Что ж, по крайней мере, она отвлекает от неприятных мыслей, – подумал Думминг, захлопывая книгу, – а профессорам сейчас нужно отвлечься». С тех пор как ушел декан, университет переживал очень, очень нелегкие времена. Где это видано, чтобы профессор Незримого Университета бросал свою должность? Такого быть не могло. Порой волшебники удалялись в изгнание или в мир иной, а в некоторых случаях рассыпались прахом, но в университете совершенно не было традиции уходить в отставку. Пребывание в нем было пожизненным, а иногда и посмертным.

Должность магистра традиций неизбежно досталась Думмингу Тупсу: на него вечно сваливалась работа, для которой требовался человек, искренне убежденный, что все события обязаны происходить вовремя, а все цифры складываться.

К сожалению, когда Думминг отправился за консультацией к предыдущему магистру традиций – которого, по общему признанию, в последнее время никто не видел, – он обнаружил, что тот мертв вот уже двести лет. Впрочем, это обстоятельство трудно было назвать необычным. Думминг, проведя в Незримом Университете много лет, по-прежнему не знал подлинных размеров здания. Да и как можно было измерить университет, если на сотни кабинетов снаружи приходилось одно окно, а комнаты ночью менялись местами за закрытыми дверями, незаметно перемещались по спящим коридорам и в результате оказывались бог весть где?

Каждый волшебник делал что вздумается в собственном кабинете; в былые времена, по большей части, это значило, что он вправе курить любую гадость и громко пукать, ни перед кем не извиняясь, а во времена Чудакулли – что он вправе расширить свое личное пространство, прихватив пару соседних измерений. Сам аркканцлер это проделывал, и тем труднее Думмингу было возражать: у Чудакулли в ванной протекало полмили форельного ручья, и он заявлял, что, имея возможность разводить бардак в собственном кабинете, волшебник не станет чинить пагубу. Все знали, что он прав. Зато, не чиня пагубу, волшебник, как правило, влезал в неприятности.

Думминг не спорил, поскольку считал своей священной миссией

поддерживать огонь, на котором, образно выражаясь, кипел котелок Наверна Чудакулли, тем самым обеспечивая университету безбедное существование. Как собака улавливает настроение хозяина, так и Незримый Университет улавливал настроение аркканцлера. Все, что мог сейчас сделать Думминг в качестве единственного стопроцентно (по собственному признанию) благоразумного существа в университете, – так это по мере сил направлять корабль по течению, не ввязываться в ссоры с упоминанием человека, прежде известного как декан, и подыскивать аркканцлеру занятия, чтобы тот не путался под ногами.

Он уже собирался отложить Книгу традиций, когда плотные страницы вдруг распахнулись сами собой.

– Как странно!

– Старые переплеты становятся такими упрямыми, – заметил Чудакулли. – А иногда начинают жить собственной жизнью.

– Кто-нибудь слышал о профессоре Г. Ф. Полундере, он же доктор Эрратамус?

Волшебники перестали смотреть в сторону двери и переглянулись.

– Ну? Кто-нибудь его помнит? – настаивал Чудакулли.

– Нет, – энергично отозвался профессор самых современных рун.

Аркканцлер повернулся налево:

– А ты, декан? Ты же знаешь всех старых...

Думминг застонал. Остальные закрыли глаза и укрепились духом. Предстояла буря.

Чудакулли уставился на два пустых кресла, каждое из которых сохранило отпечаток ягодицы. Кое-кто из волшебников надвинул шляпу поглубже на лоб. За две истекшие недели Чудакулли отнюдь не перестал кипеть.

Он сделал глубокий вздох и взревел:

– Предатель! – хоть и странно было обращаться подобным образом к двум вмятинам.

Заведующий кафедрой бесконечных штудий подтолкнул Думминга Тупса локтем, намекая, что сегодня он избран жертвой.

Опять.

– Он предал нас за тридцать сребреников! – возопил Чудакулли, обращаясь к мирозданию.

Думминг откашлялся. Он всерьез надеялся, что охота на Большенога отвлечет аркканцлера от неприятных мыслей, но Чудакулли неизменно возвращался к теме отсутствующего декана, точь-в-точь как язык то и дело попадает в щербину на месте выпавшего зуба.

– Э... точнее говоря... насколько мне известно, его нынешнее жалованье как минимум... – начал он, но при нынешнем умонастроении Чудакулли самым лучшим ответом было отсутствие такового.

– Жалованье? С каких это пор волшебники работают за плату? Мы занимаемся чистой наукой, мистер Тупс! Нас не интересуют деньги!

К сожалению, Думминг был истинным логиком, который временами, словно в помрачении ума, искал прибежища в благоразумии и честности. Но когда приходилось иметь дело с разгневанным аркканцлером, то и другое, выражаясь по-научному, было абсурдно. Вдобавок Думминг не умел мыслить стратегически – в кругу волшебников это большой недостаток – и в результате делал одну и ту же ошибку, призывая на помощь, как в данном случае, здравый смысл.

– Это потому, что мы никогда и ни за что не платим, – ответил он, – а если кому-нибудь нужна мелочь, всегда можно взять вон из той банки...

– Мы – одно целое с университетом, мистер Тупс! Мы берем лишь то, что нам нужно! Волшебники не взыскуют богатства! И, разумеется, не занимают «крайне ответственных должностей, предполагающих солидный социальный пакет», что бы, черт побери, это ни значило, а также «прочие льготы, в том числе щедрые пенсионные выплаты». Пенсия, боги мои!.. Когда это волшебники уходили на пенсию?!

– Ну, доктор Парик... – начал Думминг, уже не в силах остановиться.

– Он оставил университет, чтобы жениться! – оборвал Чудакулли. – Это не то же самое, что выйти на пенсию. Это скорее то же самое, что умереть!

– А как же доктор Хаузмартин? – продолжал Думминг.

Профессор самых современных рун пнул его в лодыжку, но Думминг только охнул и договорил:

– Он уволился, потому что у него случился тяжелый случай профдеформации, а именно, он превратился в лягушку, сэр!

– Не можешь – не берись... – пробормотал Чудакулли. Напряжение слегка спало, и остроконечные шляпы осторожно приподнялись с глаз. Аркканцлеровы вспышки продолжались недолго, и это было бы приятно, если бы не тот факт, что примерно через каждые пять минут что-либо напоминало Чудакулли об изменнической, как он выражался, деятельности декана, которому взбрело в голову при помощи обыкновенного газетного объявления найти себе работу в другом университете. Не так подобает вести себя королям магии. Волшебнику не пристало сидеть перед какими-то драпировщиками, зеленщиками и сапожниками (конечно, они чудесные люди, соль земли и все такое, но тем не менее), которые судят и оценивают

его, как терьера на выставке, в том числе пересчитывают зубы. Декан предал все братство волшебников, вот что он сделал...

В коридоре послышалось поскрипывание колес, и волшебники замерли в предвкушении. Дверь распахнулась, и в комнату въехала первая, доверху нагруженная тележка.

Все взгляды сошлись на служанке, которая ее толкала, и послышались вздохи. В них звучало разочарование: волшебники убедились, что перед ними не та, кого ждали.

Она не была безобразна. Допустим, непритязательна – но точно так же непритязателен какой-нибудь милый деревенский домик, чистый, приличный, с увитым розами косяком, с вышитым «Добро пожаловать» на коврике, с яблочным пирогом в духовке. Но мысли волшебников, как ни странно, сейчас сосредоточились не на еде, хотя некоторые и недоумевали почему. Более того, служанка была даже хорошенькая, хотя грудь явно предназначалась для девушки повыше на полметра...

...но это была не Джульетта.

Волшебники пали духом, но тут же ободрились, когда в комнату въехал, извиваясь, целый караван тележек. Для подъема настроения нет ничего лучше перекуса в три часа ночи. Это всем известно.

«Что ж, – подумал Думминг, – по крайней мере, сегодня аркканцлер ничего не разбил. Не то что во вторник».

Хорошо известный в любом учреждении закон гласит: если хочешь, чтобы работа была выполнена, поручи ее тому, кто и так уже занят по уши. Эта метода стала причиной немало количества убийств, а в одном случае повлекла за собой смерть старшего директора, чью голову неоднократно зажимали в маленьком ящичке стола.

В Незримом Университете таким вечно занятым человеком был Думминг Тупс. Он даже научился извлекать из этого удовольствие. Во-первых, большинство поручений, которые ему давали, вовсе не требовалось выполнять, и большинство профессоров не возражали, если эти поручения так и оставались невыполненными (раз уж они не могли исполниться сами собой). Во-вторых, Думминг ловко придумывал эффективные способы экономить время – в частности, он очень гордился хронометрической системой, которую изобрел с помощью Гекса, университетской мыслительной машины, становившейся с каждым днем все полезнее. Подробный анализ истекшего времени вкупе с огромными предсказательными способностями Гекса означал, что, располагая несложным набором легкодоступных данных (повестка дня, которую в любом случае составлял Думминг, состав комиссии, время, истекшее после

завтрака и оставшееся до обеда), план любого совещания, как правило, можно было расписать заранее.

В общем и целом, Думминг полагал, что по мере сил вносит свою лепту в поддержание Незримого Университета в традиционном состоянии приятной динамической стагнации. Учитывая альтернативу, нарушать эту традицию не стоило.

Но страница, которая перевернулась сама собой, с точки зрения Думминга, представляла собой аномалию. Когда в Необщей комнате начался ужин, плавно переходящий в завтрак, он распрямил страницу и принялся внимательно читать.

Гленда охотно разбила бы тарелку о хорошенькую пустую головку Джульетты, когда та наконец вернулась в Ночную Кухню. По крайней мере, Гленда охотно об этом подумала, притом в подробностях, но злиться смысла не было, поскольку объект гнева отнюдь не отличался наблюдательностью в том, что касалось мыслей и чувств окружающих. Джульетта отнюдь не была зловредной, просто до нее всегда с большим трудом доходило, что кто-то пытается ей нахамить.

Поэтому Гленда обошлась следующими словами:

– Ну и где ты была? Я сказала миссис Уитлоу, что ты заболела и ушла домой. Твой отец перепугается до полусмерти! И ты подаешь дурной пример другим девочкам.

Джульетта опустила на стул таким изящным движением, что он буквально запел от радости.

– Я ходила на футбол. Мы, это, играли с теми уродами, с «Колиглазами».

– До трех часов ночи?

– Такие, типа, правила, да? Играют до утра, до первого трупа или первого гола.

– Ну и кто выиграл?

– А не знаю.

– Не знаешь?

– Ну, это, когда мы ушли, судьи считали, у какой команды больше разбитых лбов. Ну и я, короче, отчалила с Гнилым Джимми.

– А я думала, ты с ним порвала.

– Он меня, это, пригласил на ужин.

– Не надо было соглашаться. Ты нехорошо поступила.

– Почему?

Джульетта иногда полагала, что ответить можно вопросом.

– Ладно, иди мыть посуду, – сказала Гленда. «А мне придется перемыть за тобой», – подумала она, когда ее лучшая подруга неспешно подошла к одной из больших каменных раковин. Джульетта не столько мыла тарелки, сколько проводила облегченный обряд крещения. Пускай волшебники обычно не замечали на тарелке остатки вчерашней присохшей яичницы, зато миссис Уитлоу могла их заметить через стену.

Гленде нравилась Джульетта, честное слово, хотя иногда она и гадала почему. Разумеется, они выросли вместе, но она неизменно удивлялась, что Джульетта, такая красивая, что парни при ее приближении заметно нервничали, а иногда падали в обморок, была настолько, э... тупой в отношении всего остального. Точнее сказать, выросла Гленда. Насчет Джульетты она сомневалась. Иногда Гленде казалось, что она выросла за них обеих.

– Послушай, надо немного нажимать. Это совсем несложно, – вмешалась она, несколько секунд понаблюдав за тем, как Джульетта беспечно окунает тарелки в воду, после чего отобрала у подруги щетку. Смывая жир в раковину, Гленда подумала: «Вот, я опять это сделала. Опять и опять. Сколько можно? В детстве я даже играла за нее в куклы!»

Тарелка за тарелкой обретали в руках Гленды первозданный блеск. Ничто не способно справиться с упрямыми пятнами лучше подавляемого гнева.

«Гнилой Джимми, боги мои. Да от него же воняет кошачьей мочой. Он – единственный, кому по глупости взбрдет в голову, что у него есть хотя бы шанс. Господи, у девочки такая фигура, а встречается она исключительно с полными придурками! Что бы она делала без меня?»

После этого короткого развлечения жизнь на Ночной Кухне вошла в обычную колею, и те, кого называли «другими девочками», вернулись к привычной работе. Надлежит заметить, что девочками большинство из них перестали быть уже много лет назад, но работали они хорошо, и Гленда ими гордилась. Миссис Садик божественно резала сыр. Милдред и Рейчел, которые в платежной ведомости официально значились как «овощи», были трудолюбивы и достойны доверия, а Милдред вдобавок изобрела знаменитый рецепт сэндвичей со свеклой и сливочным сыром.

Все знали, что им делать. Все трудились не покладая рук. Ночная Кухня работала как часы. А Гленда любила то, что работало надежно.

У нее был дом, куда она могла вернуться, и Гленда старалась заглядывать туда не реже раза в день, но на Ночной Кухне протекала ее жизнь.

«Моя кухня – моя крепость».

Думминг Тупс уставился на страницу. В голове кишели неприятные вопросы, самым главным и самым неприятным из которых был следующий: сумеют ли каким-нибудь образом дознаться, что это его вина?

Нет.

Прекрасно!

– Э... есть одна традиция, которую, к сожалению, мы не соблюдаем уже довольно долгое время, аркканцлер, – сказал он, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Ну и что? – потягиваясь, спросил Чудакулли.

– Это же традиция, аркканцлер, – с упреком заметил Думминг. – Хотя, с позволения сказать, теперь традицией, увы, сделалось ее несоблюдение.

– И прекрасно, – сказал Чудакулли. – Если какая-нибудь традиция по традиции не соблюдается, значит, это – традиция вдвойне, не так ли? В чем проблема?

– В завещании аркканцлера Сохрана Многга, – ответил магистр традиций. – Университет получает изрядный доход с его имущества. Многги были очень богатой семьей.

– Хм... да. Что-то такое припоминаю. Очень любезно с его стороны. И что?

– Э... я был бы просто счастлив, если бы мой предшественник обращал чуть больше внимания на некоторые университетские обычаи, – продолжал Думминг, который полагал, что скверные новости нужно сообщать постепенно.

– Он умер.

– Да, разумеется, поэтому, может быть, сэр, нам следует... э... положить начало новой традиции и периодически справляться о здоровье магистра традиций?

– Он превратился в кучку праха, аркканцлер!

– Так ведь не заболел же! – заявил Чудакулли, который свято верил, что сдаваться никогда не надо. – В широком смысле слова, состояние у него весьма стабильное.

Думминг сказал:

– Завещание снабжено некоторым условием. Оно напечатано мелким шрифтом, сэр.

– Никогда не читаю то, что напечатано мелким шрифтом, Тупс.

– Зато я читаю, сэр. Здесь сказано: «...и да пребудет так, покуда Университет, собрав Команду, принимает участие в Игре, Футбол именуемой, тако же Забава Бедняков».

– Я бы сказал, орава дураков, – фыркнул заведующий кафедрой бесконечных штудий.

– Чушь какая! – воскликнул Чудакулли.

– Чушь это или нет, аркканцлер, но таково условие завещания.

– Но волшебники перестали играть в футбол много лет назад, – сказал Чудакулли. – Толпы на улицах, крики, пинки, оплеухи... и это игроки! То есть зрители были ничуть не лучше! Сотни человек в каждой команде! Матч порой продолжался несколько дней! Вот почему эту игру забросили!

– На самом деле не забросили, – сказал Главный философ. – Просто мы перестали в ней участвовать. И члены гильдий тоже. Теперь футбол считается неподходящей забавой для приличных людей.

– И тем не менее, – продолжал магистр традиций, ведя пальцем по странице, – таково условие. И оно не единственное. О боги! О ужас! Быть того не может...

Его губы беззвучно задвигались. Присутствующие дружно вытянули шею.

– Живее! – загремел Чудакулли.

– Нужно кое-что проверить, – объяснил магистр традиций. – Не хотелось бы тревожить вас без всяких оснований... – Он опустил взгляд в книгу. – О, адские врата!

– Да о чем ты?

– Похоже на то, что... Нет, просто нечестно портить вам вечер, аркканцлер, – запротестовал Думминг. – Наверное, я неправильно понял. Не мог же он иметь в виду, что... о всеблагие небеса!

– Короче, пожалуйста, Тупс! – прорычал Чудакулли. – Если не ошибаюсь, я аркканцлер этого университета! По крайней мере, так гласит табличка на двери!

– Конечно, конечно, аркканцлер, но все-таки с моей стороны было бы нехорошо...

– Я очень ценю твое желание не портить мне вечер, – перебил Чудакулли, – зато я без малейших колебаний испорчу тебе весь завтрашний день. Памятуя об этом, отвечай наконец – в чем, черт побери, дело?

– Э... насколько я понимаю... э... помните ли вы, когда мы в последний раз играли в футбол?

– Кто-нибудь помнит? – спросил Чудакулли, обращаясь к комнате в целом. Волшебники шепотом принялись спорить и сообща пришли к выводу, что это было «лет двадцать назад, плюс-минус».

– Сколько именно плюс или минус? – уточнил Думминг, который ненавидел неточность.

– Ну... не знаю. Что-то такое. Приблизительно. Примерно.

– Примерно – *сколько?* – настаивал Думминг. – Нельзя ли сказать точнее?

– А зачем?

– Если университет не принимал участия в «забаве бедняков» в течение двадцати лет или больше, наследство отходит любому оставшемуся в живых родственнику аркканцлера Сохрана Многа.

– Но футбол запрещен! – повторил аркканцлер.

– Не совсем. Все знают, что футбол не нравится патрицию Витинари, но, насколько я понимаю, Стража склонна смотреть сквозь пальцы, если играют где-нибудь на окраине и не лезут в центр. Поскольку игроки и зрители значительно превосходят числом весь наличный состав Стражи, полагаю, лучше смотреть сквозь пальцы, чем вправлять сломанный нос.

– Неплохо сказано, мистер Тупс, – одобрил Чудакулли. – Вы меня прямо-таки удивляете.

– Спасибо, аркканцлер, – ответил Думминг. На самом деле эту фразу он почерпнул из передовицы в «Таймс». Волшебники недолюбливали газету, поскольку там либо вовсе не печатали то, что они говорили, либо, напротив, печатали с обескураживающей дословностью.

Осмелев, он добавил:

– Впрочем, должен заметить, аркканцлер, что по законам Незримого Университета никакой запрет нам не страшен. Волшебники вправе не обращать на них внимания. Мы не подчиняемся мирскому суду.

– Ты прав. Тем не менее для общего блага следует *признавать* существование гражданской власти, – отозвался Чудакулли, так осторожно подбирая слова, что возникало ощущение, будто он выносит их на солнышко, чтобы повнимательней рассмотреть со всех сторон.

Волшебники закивали. Аркканцлер подразумевал следующее: «У Витинари, возможно, есть кое-какие недостатки, но это самый вменяемый человек на арк-морпоркском троне за последние несколько веков. Он нас не трогает, а главное, никогда не угадаешь, что он затеял». С этим трудно было спорить.

– Итак, Тупс, что ты предлагаешь? – спросил Чудакулли. – Я знаю, ты сообщаем о проблеме только в том случае, если уже успел придумать решение. Я уважаю твой подход, хотя, признаться, он меня слегка пугает. Ты ведь придумал, как нам выкрутиться, не так ли?

– Кажется, да, сэр. Я подумал... что мы могли бы... э... собрать команду. Здесь ведь не идет речи о выигрыше. Нам достаточно принять участие, только и всего.

В свечном подвале всегда царило восхитительное тепло. А еще, к сожалению, здесь было очень сыро и шумно, причем шум возникал непредсказуемо и неожиданно, поскольку над головой проходили гигантские трубы университетской системы отопления и водоснабжения. Они свисали с потолка, поддерживаемые металлическими скобами, с большим или меньшим коэффициентом линейного расширения. И с этого проблема только начиналась. Также в подвале тянулись огромные трубы, которые обеспечивали поддержание равномерной консистенции слуда по всему университету, труба для регуляции потока антропных частиц (которая, впрочем, работала плохо), вентиляционные трубы (которые не работали вовсе, потому что заболел осел, крутивший вентилятор), а также очень древние трубы, оставшиеся после злополучной попытки предыдущего аркканцлера создать с помощью дрессированных мартышек общеуниверситетскую систему коммуникации. Время от времени все они принимались играть какую-то потустороннюю симфонию, состоящую сплошь из урчания, бульканья и неприятных органических звуков, а иногда ни с того ни с сего издавали «брррынь», которое эхом разносилось по подвалам.

Общая непредсказуемость усугублялась еще и тем, что в целях экономии большие железные трубы с горячей водой обвязали всяким старым тряпьем. Поскольку из вещей, принадлежавших волшебникам, полностью удалить магию невозможно – сколько ни стирай, из них время от времени водопадом сыпались разноцветные искры или выпадал мячик для пинг-понга.

И все-таки здесь, среди макальных чанов, Натт чувствовал себя дома. Его это немного беспокоило; раньше, в горах, люди зло смеялись над ним и говорили, что его самого, должно быть, сделали в свечном чане. Хотя брат Овсец и объяснил, что это просто глупо, тихое побулькивание свечного сала ласкало Натту слух. В подвале было мирно и спокойно.

Теперь он был тут главным. Смизм этого не знал, потому что вообще редко удосуживался сюда заглянуть. Знал, конечно, Трев, но совершенно не возражал, поскольку Натт выполнял за него всю работу, а значит, он мог проводить еще больше времени на каком-нибудь пустыре, пиная пустую жестянку. Мнения остальных стекальщиков и макальщиков в расчет не принимались; если ты работаешь у свечного чана, это значит, что на рынке труда котируешься ниже плитуса и, набирая скорость, продолжаешь ввинчиваться в пол. Это значит, что тебе недостает обаяния, чтобы стать попрошайкой. Это значит, что ты от чего-то или от кого-то скрываешься,

может быть, от богов, может быть, от демонов, сидящих в твоей душе. Это значит, что если ты осмелишься поднять глаза, то высоко-высоко над собой увидишь подонков общества. Иными словами, лучше оставаться здесь, в теплом сумраке, где есть еда и нет неприятных встреч. И побоев, мысленно добавил Натт.

Нет, собратья-макальщики не доставляли ему проблем. Он помогал им, когда только мог. Сама жизнь так их потрепала, что у них совершенно не осталось сил трепать кого-либо еще. Ну и хорошо. Когда люди узнают, что ты гоблин, жди неприятностей.

Он помнил, как крестьяне орали на него, когда он был маленьким. И за бранью обычно следовал камень.

Гоблин. Слово, которое влечет за собой целый караван ассоциаций. Неважно, что именно ты сказал или сделал, – все равно этот караван пройдет по тебе и втопчет в пыль. Натт показывал людям вещицы, которые делал, а те разбивали их камнями, орали, как хищные птицы, и выкрикивали разные... слова.

Травля прекратилась в один прекрасный день, когда пастор Овсец неспешно въехал в город, если только кучку хижин по сторонам одной-единственной улицы, состоящей из утоптанной грязи, можно назвать городом. Пастер привез с собой... прощение. Но в тот день никто его не хотел.

В темноте на своем тюфяке захныкал тролль Бетон, который вечно сидел на «сползе», «скребе», «сбросе» и «скрипе». Он занюхивал даже железные опилки, если Натт не успевал его остановить.

Натт зажег новую свечу и достал самодельную стекальную машинку. Она весело зажужжала, и маленькое пламя сделалось горизонтальным. Натт относился к своей работе весьма серьезно. Хороший стекальщик никогда не вертит свечу в процессе; в естественных условиях воск почти наверняка стечет только в одну сторону – противоположную от сквозняка. Неудивительно, что волшебникам нравились свечи, которые оплавлял Натт. Есть нечто обескураживающее в свечке, которая оплыла сразу со всех сторон. Она способна выбить человека из колеи^[3].

Натт работал быстро и уже опускал девятнадцатую – как следует оплавленную – свечу в корзинку, когда услышал позвякивание пустой жестянки, которую кто-то гнал пинками по каменному коридору.

– Доброе утро, мистер Трев, – сказал Натт, не поднимая головы. В следующее мгновение жестянка плюхнулась прямо перед ним – бесцеремонно, как вставший на место кусочек головоломки.

– А как ты узнал, что это я, Гобби? – спросил голос за спиной.

– Услышал ваш лейтмотив, мистер Трев. И, пожалуйста, зовите меня Натт.

– Какой-какой мотив?

– Повторяющаяся тема или гармония, которые ассоциируются с конкретным человеком или местом, мистер Трев, – ответил Натт, осторожно кладя две еще теплых свечи в корзинку. – Я имел в виду, что вы любите пинать на ходу жестянку. Кажется, у вас хорошее настроение. Как прошел день?

– Ас-со... че?

– Снизойшло ли на «Колиглазов» благословение Фортуны?

– Ты ваще о чем?

Натт сдался. Если ты не вписываешься в окружение, не приносишь пользу и ведешь себя неосторожно, это может быть опасно.

– Вы *выиграли*, сэр?

– Не-а. Опять всухую. Блин, только время зря потратили. Но, типа, все по-дружески. Никто не умер.

Трев окинул взглядом полные корзинки реалистично оплавленных свечей.

– Ну, блин, ты тут и кучу наворотил, парень, – добродушно сказал он.

Натт опять помедлил, а затем, осторожно подбирая слова, произнес:

– Несмотря на явственные скотологические аллюзии, вы высказали одобрение по поводу неопределенно большого количества свечей, которые я оплавил для вас?

– Блин, да ты о чем, Гобби?

Натт лихорадочно искал приемлемый перевод.

– Я... хорошо поработал? – наконец спросил он.

Трев хлопнул его по спине.

– Да! Клево. Уважуха, парень. Но, типа, научись уже говорить по-человечески, да? Иначе, ну это, и пяти минут не продержишься. Хряснут кирпичом по кумполу, и привет.

– Нельзя сказать, что подобные происшествия не имели место... то есть... типа... ага, бывает, – сосредоточившись, выговорил Натт.

– Никогда не понимал, чего все так пугаются, – великодушно заявил Трев. – Ну, типа, были всякие великие битвы. И че? Это было давно и не здесь, и ваще, тролли и гномы тоже не лучше вас, гоблинов, прально? Ну и че? Говорят, вы, типа, режете людям глотки и воруете по мелочи, да, блин, у нас в цивилизованном городе то же самое.

«Возможно», – подумал Натт. Никому не удалось сохранить нейтралитет, когда Темная война охватила Дальний Убервальд. Не

исключено, что там и впрямь таилось подлинное зло, но почему-то, как ни странно, оно всегда оказывалось на другой стороне. Может быть, оно заразно. Отчего-то во всех нелепых историях и песенках гоблинов описывали как злобных и трусливых мелких гаденьшей, которые копят собственную ушную серу... и *всегда* оказываются на другой стороне. К сожалению, когда пришло время записать собственную историю, у гоблинов не нашлось даже карандаша.

Улыбайся людям. Люби их. Помогай. Приноси пользу.

Натту нравился Трев. Вообще у него хорошо получалось любить людей. Если ты любишь людей, в ответ они начинают капельку больше любить тебя. Хотя бы чуть-чуть, и то хорошо.

Трева, впрочем, события давно минувших дней совершенно не волновали, зато он понимал, что существо, которое не только не ест свечное сало, но и выполняет большую часть работы, притом гораздо лучше, чем удосужился бы сделать он сам, – это ценное приобретение, которое стоит защищать. И потом, он по природе был ленив, если только речь не шла о футболе, а травля требовала чересчур больших усилий. Трев вообще не любил тратить силы. Он шел по жизни дорогой, усеянной лепестками примул.

– Вас искал господин Смизм, – сказал Натт. – Но я все уладил.

– А, – отозвался Трев. И все. Никаких вопросов.

Он решительно нравился Натту.

Но Трев все стоял и смотрел, словно пытаясь что-то понять.

– Знаешь что, – наконец произнес он. – Пошли на Ночную Кухню. Промыслим завтрак. Лады?

– Нет-нет, мистер Трев, – сказал Натт, чуть не уронив свечу. – Я не склонен... то есть, типа, я не хочу... мне нельзя.

– Да брось, кто узнает? Там есть одна толстуха, которая клево готовит. Ты такой жрачки отродясь не пробовал.

Натт помедлил. Всегда соглашайся, не спорь, будь услужлив, никого не пугай.

– Я... типа, ладно, – сказал он.

Много сказано о сковородках, которые отдраены так, что можно в них смотреться. Особенно работа спорится, когда лелеешь мысль легонько постучать этой самой сковородкой по чьей-нибудь голове. Гленда отнюдь не горела желанием общаться с Тревором, когда он поднялся по каменным ступенькам, чмокнул ее в затылок и жизнерадостно крикнул:

– Эй, детка, жратва найдется?

– Только не для тебя, Тревор Навроде, – ответила Гленда, отгоняя гостя сковородкой. – И, будь любезен, не распускай руки!

– Че, неужели ни кусочка для милого дружка?

Гленда вздохнула.

– Возьми в духовке жаркое. И не вздумай проболтаться, если тебя застукают, – предупредила она.

– Вот это кормежка для парня, который всю ночь вкалывал, как раб! – объявил Тревор, чересчур фамильярно похлопав ее по спине и направляясь к плите.

– Ты ходил на футбол! – огрызнулась Гленда. – Ты вечно туда таскаешься! Ничего себе вкалывал!

Молодой человек засмеялся, и Гленда взглянула на его спутника, который поспешно попятился под взглядом кухарки, способным насквозь пронизать броню.

– И вообще, парни, мойте руки, прежде чем идти на кухню, – продолжала она, радуясь, что жертва не ухмыляется и не лезет с поцелуями. – Здесь, в конце концов, готовят еду!

Натт сглотнул. Это был самый долгий в его жизни разговор с особой женского пола, не считая ее светлость и мисс Здравинг, и притом он еще не сказал ни слова.

– Заверяю вас, я регулярно моюсь, – возразил он.

– Но ты весь серый!

– У одних от природы кожа черная, а у других белая, – ответил Натт, на грани слез. Зачем, ну зачем он ушел из подвала? Там было так хорошо, понятно и тихо (если Бетон не принимал дозу оксида железа).

– Нет-нет, так не пойдет. Надеюсь, ты не зомби? Они, конечно, стараются как могут, и никто не виноват в том, что умер, но мне неприятности не нужны. Всякий лезет пальцем в суп, а потом в кастрюле черт знает что плавает. Так нельзя.

– Я – живое существо, мисс, – беспомощно сказал Натт.

– Да, но хотела бы я знать, какое именно.

– Я гоблин, мисс...

Он поколебался, прежде чем это сказать. Ему показалось, что он лжет.

– А я думала, у гоблинов рога.

– Только у взрослых особей, мисс.

Что ж, у некоторых они действительно были.

– Вы ведь не творите никаких пакостей? – уточнила Гленда, гневно глядя на Натта.

Но гнев был, можно сказать, остаточным. Гленда сказала то, что

требовалось в ее положении, и теперь доигрывала роль, просто чтобы показать, кто тут главный. Хозяева порой позволяют себе быть великодушными, особенно если ты кажешься испуганным и потрясенным. Этот способ всегда срабатывал.

Гленда сказала:

– Трев, принеси-ка мистеру... э...

– Натту.

– Принеси мистеру Натту жаркого, слышишь? Его как будто морили голодом.

– У меня быстрый метаболизм, – объяснил Натт.

– Дело твое, только людям не показывай. Хватит с меня...

У нее за спиной раздался треск.

Трев уронил поднос с едой. Он стоял как вкопанный, глядя на Джульетту, которая, в свою очередь, смотрела на него с величайшим отвращением. Наконец она произнесла голосом, который ассоциируется обычно с жемчугами, сыплющимися изо рта:

– Че, типа, насмотрелся? Ну, блин, ты и нахал, ходить тут с этой тряпкой на шее! Все знают, что «Колиглазы» тюфяки! Ваш Бизли, типа, даже в стенку сарая мячом не попадет!

– Да? А я слышал, на той неделе вас поймали «Бегунки»! «Бегунки» с Беговой улицы! Все знают, что они просто хлюпики!

– Да? Немного же ты, блин, знаешь! Прямого Стэпли позавчера выпустили из Танти! Посмотрим, как вам понравится, когда он, типа, об вас ноги вытрет!

– Старина Стэпли? Ха! Пусть попробует – без ног останется! Он даже хромую улитку не обгонит! Мы, типа, как начнем бегать вокруг него...

Гленда с грохотом поставила сковородку на железную сушилку.

– Эй вы, двое! Хватит! Мне еще нужно прибраться, и я не желаю, чтоб вы своим футболом марали мою чистенькую кухню! Слышите? Ты останешься здесь, девочка, а ты, Тревор Навроде, марш обратно в подвал, да не забудь до завтра вымыть и принести миску, иначе придется клянчить еду у кого-нибудь другого, ясно? И заberi с собой дружка. Приятно было познакомиться, мистер Натт, но вы попали в дурную компанию!

Она помедлила. Натт казался таким растерянным и ошеломленным. «Кажется, я начинаю говорить как мама, да хранят меня боги», – подумала Гленда.

– Нет, погодите.

Она наклонилась, открыла духовку и протянула Натту огромную тарелку. Кухню наполнил аромат печеных яблок.

– Держите, мистер Натт. Желаю всего наилучшего. Вам надо немного поправиться, не то вас ветром унесет. И не делитесь с этим лоботрясом – вам всякий скажет, что такого попрошайки еще поискать. Так, а теперь мне надо прибраться, и если вы, парни, пришли не затем, чтобы помогать, убирайтесь с кухни. И вторую миску тоже вернуть не забудьте!

Трев схватил Натта за плечо.

– Отваливаем. Ты слышал, что она сказала.

– Да, но я могу помочь...

– Пошли!

– Большое спасибо, мисс, – выдавил Натт, прежде чем его поволокли вниз по лестнице.

Гленда аккуратно сложила прихватку, глядя им вслед.

– Гоблины... – задумчиво произнесла она. – Ты когда-нибудь раньше видела гоблинов, Джу?

– Че?

– Ты когда-нибудь видела гоблинов?

– Не-а.

– Думаешь, он правда гоблин?

– А?

– Мистер Натт. Как ты думаешь, он правда гоблин? – как можно терпеливее повторила Гленда.

– Он умный, прям ваще. Так говорит, как будто книжек начитался. И все такое.

С точки зрения Гленды, в этих словах заключалась почти сверхъестественная для Джульетты проницательность. Она повернулась и с огромным удивлением обнаружила, что Джульетта погрузилась в чтение – ну, или, по крайней мере, внимательно разглядывала строчки.

– Что у тебя там? – спросила Гленда.

– Это «Куль». Ну, типа, как живут всякие знаменитости.

Гленда посмотрела через плечо подруги, переворачивавшей страницы. Насколько она могла судить, у знаменитостей была одна улыбка на всех, и одевались они совершенно не по сезону.

– А почему они знаменитости? – спросила Гленда. – Только потому, что оказались в журнале?

– Тут еще модные советы, – обиженно отозвалась Джульетта. – Глянь, говорят, что писк сезона – микрокольчуги из хрома и меди.

– Это гномья страничка, – Гленда вздохнула. – Ладно, собирайся, я провожу тебя домой.

Джульетта продолжала читать, пока они стояли на остановке

омнибуса. Столь внезапное пристрастие к печатному слову встревожило Гленду. Меньше всего ей хотелось, чтобы у подруги в голове завелись какие-нибудь идеи. Там было слишком просторно, а значит, ничто не помешало бы им с грохотом отскакивать от стенок. Гленда и сама читала, стоя на остановке, – один из своих дешевых романов, в самодельной газетной обложке. Читала она точно так же, как кошки едят, – украдкой, словно бросая кому-то вызов.

Когда омнибус потащился к Сестричкам Долли, она вытащила из сумочки шарф и рассеянно повязала на запястье. Гленда ненавидела футбол с его жестокостью, но знала, как важно принадлежать к определенному лагерю. Человек, который не принадлежал ни к одному – особенно после большой игры, – всерьез рисковал здоровьем. Ступая на родную почву, нужно было демонстрировать правильные цвета. Не выделяться из толпы.

Почему-то при мысли об этом Гленда немедленно вспомнила Натта. Он был такой странный. Безобразный, но очень опрятный. От него пахло мылом, и он страшно нервничал. Что-то в нем такое было...

Атмосфера в Необщей комнате сделалась холодной, как талая вода.

– Вы хотите сказать, мистер Тупс, что мы должны публично принять участие в игре для хулиганов, мужланов и подонков? – уточнил заведующий кафедрой бесконечных штудий. – Но это невозможно!

– Я бы сказал, маловероятно. Но возможно, – устало произнес Думминг.

– Разумеется, невозможно! – воскликнул Главный философ, кивая заведующему кафедрой. – Нам придется обмениваться пинками с людьми, выросшими в сточной канаве!

– Мой дедушка забил два гола в матче против Колиглазной улицы, – негромко и как будто всего лишь констатируя факт, сказал Чудакулли. – В те дни мало кому удавалось в жизни забить хотя бы один. Если не ошибаюсь, максимум, сколько удалось забить одному человеку, – четыре. Это, разумеется, был Дэйв Навроде.

Волшебники вдруг поспешно принялись пересматривать свои воззрения.

– Ну да, конечно, тогда были совсем другие времена, – внезапно расплывшись в улыбке, сказал Верховный математик. – Тогда, насколько мне известно, даже почтенные ремесленники иногда играли в футбол, просто так, шутки ради.

– Ну, им быстро становилось не до шуток, когда они встречались с моим дедушкой, – ответил Чудакулли, слегка ухмыляясь. – Он был

профессиональный боец. Дрался за деньги. Хозяева пабов посылали за ним, если очередная ссора приобретала опасный оборот. Разумеется, в некотором смысле дедушкино вмешательство делало ее еще опаснее, но к тому времени большинство участников уже лежали на мостовой.

– Он выбрасывал их на улицу?

– Да! Но, надо отдать ему должное, обычно только с первого этажа и предварительно открыв окно. Дедушка был очень деликатен. Зарабатывал на жизнь, изготавливая музыкальные шкатулки. Очень тонкие штучки. Получал за них первые призы на выставках. Он вел трезвый образ жизни и был глубоко религиозен. Бои были для него... чем-то вроде подработки. Я точно знаю: он никому не оторвал ничего такого, что не сумели бы пришить обратно. Все говорили, что он отличный парень. К сожалению, я его не застал. Всегда жалел, что мне нечего о нем вспомнить.

Все волшебники, как один, перевели взгляд на огромные ручки Чудакулли, каждая размером со сковородку. Когда он хрустнул костяшками, отозвалось эхо.

– Мистер Тупс, значит, нам будет достаточно собрать команду и проиграть? – уточнил он.

– Именно так, аркканцлер, – ответил Думминг. – Отдать победу противнику.

– Но если мы не выиграем, все увидят, как мы проиграем? Я прав?

– Пожалуй, что так.

– В таком случае, полагаю, мы обязаны выиграть.

– Честное слово, Наверн, ты заходишь слишком далеко, – сказал Главный философ.

– Прошу прощения? – Чудакулли поднял бровь. – Позвольте вам напомнить, что аркканцлер Незримого Университета, согласно университетскому статуту, является первым среди равных.

– Именно.

– Прекрасно. Так вот, я и есть он, и ключевое слово здесь «первый». Я вижу, вы что-то такое записываете в книжечку, мистер Тупс?

– Да, аркканцлер. Я пытаюсь понять, удастся ли нам прожить без наследства Сохрана Многга.

– Молодчина, – произнес Главный философ, гневно глядя на Чудакулли. – Я так и знал, что паниковать рано.

– Я с радостью могу сообщить, что мы сможем вести вполне пристойное существование, пойдя лишь на минимальное сокращение расходов, – продолжал Думминг.

– Так, – подтвердил Главный философ, торжествующе глядя на

первого среди равных. – Вот видишь, что бывает, если не поддаваться панике.

– Да, да, – спокойно отозвался Чудакулли. Не сводя глаз с Главного философа, он спросил: – Мистер Тупс, будьте так любезны и просветите нас – что такое «минимальное сокращение расходов» *на самом деле?*

– Наследство Многга находится в доверительной собственности, – объяснил Думминг, продолжая что-то записывать. – Мы получаем значительный доход от вложений, рассудительно сделанных душеприказчиками, но трогать основной капитал не можем. Тем не менее, финансовые поступления достаточно велики, чтобы... прошу прощения за некоторую неточность... чтобы покрыть примерно восемьдесят семь процентов университетских расходов на еду.

Он терпеливо ждал, когда утихнет гневный рев. Думминг не переставал удивляться тому, что люди берутся оспаривать цифры на основании одного-единственного аргумента – «этого не может быть!».

– Казначей вряд ли с тобой согласится, – кисло заметил Главный философ.

– Согласен, – сказал Думминг, – но, боюсь, исключительно потому, что он считает десятичную точку ненужной мелочью.

Волшебники переглянулись.

– Кто занимается университетскими финансами? – поинтересовался Чудакулли.

– С прошлого месяца – я, – ответил Думминг. – Но охотно передам свои полномочия первому, кто вызовется добровольцем.

Это сработало. К сожалению, как всегда.

– Таким образом, – продолжал он в тишине, – я составил, сверяясь с таблицами калорий, режим питания, предполагающий три вполне достаточных приема пищи в день для каждого...

Главный философ нахмурился.

– Три? *Три?!* Кому хватит трех?

– Тому, кто не в состоянии позволить себе девять, – спокойно отозвался Думминг. – Мы сэкономим, если будем придерживаться здоровой диеты из зерновых культур и свежих овощей. Тогда удастся сохранить в меню сырное ассорти, в котором будет, скажем, три сорта сыра...

– Три сорта – это не выбор, а наказание! – заявил профессор самых современных рун.

– Другой вариант – сыграть в футбол, господа, – сказал Чудакулли, бодро хлопнув в ладоши. – Один разок. И все. Что вас пугает?

– Например, вероятность получить сапогом по зубам, – ответил

председатель кафедры бесконечных штудий. – Во время матча людей втаптывают в мостовую!

– Если ничего не сможем придумать, найдем добровольцев из числа студентов, – предложил Чудакулли.

– ...которое сразу сократится, заверяю вас.

Аркканцлер откинулся на спинку кресла.

– Господа, кто такой волшебник? Тот, кто умеет обращаться с магией? Да, конечно, но все присутствующие здесь знают, что человеку с подходящими способностями вовсе не трудно этому научиться. Волшебством овладевают... вовсе не по волшебству. Боги, даже ведьмы с этим справляются. Но чтобы стать волшебником, нужен определенный склад ума, способного постичь, как вращается вселенная, как мировые завихрения влияют на судьбы человечества, и так далее, и тому подобное. Короче говоря, волшебник – это тот, кто способен понять, что степень бакалавра с отличием стоит десятка-другого потерянных зубов.

– Вы всерьез предлагаете раздавать звания за обыкновенную физическую силу? – уточнил заведующий кафедрой бесконечных штудий.

– Конечно, нет! Я всерьез предлагаю раздавать звания за *выдающуюся* физическую силу! Позвольте напомнить вам, что в течение пяти лет я сам выступал в гребной команде университета и получил Коричневый кубок.

– И какой тебе от него прок?

– Такой, что на моей двери написано «Аркканцлер». Помните почему? В то время университетский совет пришел к весьма разумному выводу, что, возможно, настала пора избрать аркканцлером человека, который не глуп, не безумен и не мертв. И мне все-таки приятно думать, что лидерские навыки, тактическое мышление и изобретательное жульничество, которым я научился на реке, сослужили мне здесь изрядную службу, хоть и трудно назвать их определяющими признаками. Таким образом, за грехи мои – я их не помню, но, несомненно, они были тяжкими – я оказался в верхних строках списка, который состоял... из одного кандидата. Можно ли сказать, что это был выбор из трех сыров, мистер Тупс?

– Да, аркканцлер.

– Это так, на всякий случай. – Чудакулли подался вперед. – Господа, завтра утром, точнее, сегодня утром я намереваюсь решительно заявить Витинари, что Незримый Университет намерен сыграть в футбол. Эта обязанность падает на меня, ибо я первый среди равных. Если кто-либо из вас желает попытать счастья в Продолговатом кабинете, достаточно только сказать.

– Витинари что-нибудь заподозрит, – сказал заведующий кафедрой

бесконечных штудий.

– Он вечно что-нибудь подозревает. Поэтому он до сих пор патриций. – Чудакулли встал. – Объявляю, что наша встре... наш чрезмерно затянувшийся перекус... окончен. Тупс, ты пойдешь со мной.

Думминг заспешил следом, прижимая книги к груди и радуясь возможности убраться из Необщей комнаты, пока гнев собратьев не обратился на него. Тот, кто приносит дурные вести, обычно не пользуется всеобщей любовью, особенно если дурную весть подадут без гарнира.

– Аркканцлер, я... – начал он, но Чудакулли поднес палец к губам.

Несколько мгновений стояла абсолютная тишина, а потом послышалась возня, как будто в комнате началась молчаливая драка.

– Молодцы, – сказал Чудакулли, шагая по коридору. – Я гадал, сколько у них уйдет времени на то, чтобы осознать, что они, возможно, сегодня в последний раз видят нагруженную доверху тележку с едой. Я испытываю сильнейшее искушение спрятаться и посмотреть, как они, с тяжело нагруженными мантиями, разбредутся прятать запасы.

Думминг уставился на него.

– Кажется, вы радуетесь, аркканцлер?

– Ох, боги, нет, конечно, – сверкнув глазами, ответил тот. – Как ты мог такое подумать? И потом, через несколько часов мне предстоит сказать Хэвлоку Витинари, что мы собираемся нанести ему личное оскорбление. Когда необразованные мужланы отрывают друг другу ноги – это одно дело. Но вряд ли он обрадуется, узнав, что мы намерены присоединиться.

– Да, сэр. Э... есть еще одна проблемка, сэр, небольшой вопрос, если можно... кто такой Натт?

Думмингу показалось, что пауза была длиннее необходимого. Наконец Чудакулли произнес:

– Если не ошибаюсь...

– Он работает в свечном подвале, сэр.

– Откуда ты знаешь, Тупс?

– Я выплачиваю жалованье, сэр. Свечной служитель говорит, этот Натт как с неба свалился в один прекрасный день и напрямую заявил, что хочет работать за самую низкую плату.

– И?

– Больше мне ничего не известно, сэр. Я не знал бы и этого, если бы не расспросил Смимза. Смимз говорит, Натт смирный парень, но немного странный.

– Значит, здесь он придется ко двору, не так ли, Тупс? Более того, уже пришелся, насколько я понимаю.

– Да, сэр, с ним никаких проблем нет, но он, если не ошибаюсь, гоблин, а вы же знаете, что есть своего рода странная традиция – когда в Анк-Морпорке появляется первый представитель новой расы, он обычно начинает в Страже...

Чудакулли громко откашлялся.

– Основная проблема со Стражей, Тупс, заключается в том, что они задают слишком много вопросов. И давай не будем их к этому побуждать. – Он посмотрел на Думминга и, казалось, пришел к какому-то решению. – Тебя ждет блистательное будущее в Незримом Университете, Тупс.

– Да, сэр, – мрачно отозвался Думминг.

– В таком случае советую тебе выкинуть мистера Натта из головы.

– Прошу прощения, аркканцлер, но так же нельзя!

Чудакулли попятился, словно на него вдруг набросилась овца, до сих пор пребывавшая в состоянии глубокой комы. А Думминг продолжал – потому что если ты бросаешься с вершины утеса, остается надеяться лишь на то, что закон притяжения внезапно отменят.

– В Незримом Университете у меня двенадцать должностей, – сказал он. – Я занимаюсь бумажной работой и веду счета. Я делаю все, что требует хоть каких-нибудь усилий и ответственности! И я продолжаю это делать, даже несмотря на то, что в Коксфорде мне предложили должность казначея! И таксу! И я имею в виду не кривоногую собаку, а деньги за работу! Ну? Теперь-то. Вы. Готовы. Мне. Довериться? Что такого особенного в Натте?

– Этот подлец пытался тебя переманить? – уточнил Чудакулли. – Больней, чем быть укушенным змеей, иметь неблагодарного декана! Он что, ни перед чем не унижится? И сколько же...

– Я не спрашивал, – негромко ответил Думминг.

Вновь наступило молчание. Потом Чудакулли похлопал его по плечу.

– Проблема с мистером Наттом заключается в том, что его хотят убить.

– Кто?

Аркканцлер взглянул в глаза Думминга. Он пошевелил губами, прищурился, как человек, занятый сложными вычислениями, и наконец пожал плечами:

– Боюсь, что все.

– Пожалуйста, возьмите кусочек этого чудесного яблочного пирога, – предложил Натт.

– Но угостили-то тебя, – ухмыляясь, заметил Трев. – Мне ж, это, какюк придет, если я слопаю твой пирог.

– Но вы мой друг, мистер Трев, – настаивал Натт. – А поскольку это мой пирог, я сам вправе решать, как с ним поступить.

– Не, – Трев отмахнулся. – Зато у меня есть, знаешь ли, одно поручение, которое ты можешь выполнить. Потому что я, типа, добрый и понимающий босс, который не мешает тебе работать, сколько влезет.

– Слушаю, мистер Трев.

– Где-то, типа, в полдень придет Гленда. По правде говоря, она отсюда вообще почти не вылезает. Так вот, сходи к ней и спроси, как звать ту девчонку, которая была вечером на кухне.

– Ту, которая на вас накричала, мистер Трев?

– Ага.

– Я, конечно, охотно схожу, – сказал Натт, – но почему бы вам самому не спросить у мисс Гленды? Она вас гораздо лучше знает.

Трев снова ухмыльнулся.

– Ага. Знает. И поэтому ни фига не скажет. Я так думаю – а я, в общем, не дурак, – она не прочь узнать тебя поближе. В жизни не видал женщины, которая так жалела бы всяких бедолаг.

– О, во мне мало интересного, – заметил Натт.

Трев окинул его долгим оценивающим взглядом. Натт не отрываясь возился со свечой. Трев никогда еще не видел, чтобы кто-нибудь настолько уходил в работу с головой. Те, кого судьба заносила в свечной подвал, всегда отличались некоторыми странностями, это было почти непереносимое условие, но маленькая темно-серая фигурка Натта казалась странной... наоборот.

– Знаешь, тебе надо чаще бывать на свежем воздухе, Гнутт, – сказал Трев.

– Сомневаюсь, что мне понравится, – сказал Натт. – И, пожалуйста, будьте так любезны, называйте меня Натт. Заранее благодарю.

– Ты, это, когда-нибудь видел футбол?

– Нет, мистер Трев.

– Тогда завтра я тебя возьму на матч. Я сам, конечно, не играю, зато ни одного матча не пропущу, ну, типа, будь моя воля, – сказал Трев. – Кстати, почти никаких острых предметов. Сезон скоро начнется, все, типа, готовятся.

– Это очень любезно с вашей стороны, но...

– Завтра в час, лады?

– Но на меня будут смотреть! – возразил Натт, в чьей голове звучал голос ее светлости, неизменно спокойный и ровный: *«Не выделяйся. Сливайся с толпой».*

– Не будут. Чесслово, – заявил Трев. – Я все улажу. Ну, типа, давай, лопай пирог, а я пошел.

Он вытащил из кармана куртки пустую жестянку, поддел ее ногой, подбросил в воздух, так что она завертелась и засверкала, как маленькое небесное тело, а потом пнул, и жестянка, слегка позвякивая, полетела в дальний угол, всего в паре футов над свечными чанами. Вопреки законам физики, она на глазах у восхищенного Натта зависла в воздухе в нескольких метрах от дальней стены, перевернулась и понеслась обратно, причем, казалось, еще быстрее, чем раньше.

Трев легко поймал ее и сунул обратно в карман.

– Как вы это проделываете, мистер Трев? – удивленно спросил Натт.

– Не знаю, типа, не задумывался никогда, – отвечал тот. – Всегда удивлялся, почему у других не получается. Главное ж, просто закрутить ее как следует. Это нетрудно. До завтра, лады? И не забудь узнать, как ее зовут.

Ехать омнибусом обычно ненамного быстрее, чем добираться пешком, но в случае с омнибусом пешком идешь не *ты*, и вдобавок там есть сиденья, крыша и охранник с топором. В общем и целом, в сырые и серые предутренние часы это вполне стоило двух пенсов. Гленда и Джульетта сидели рядом и мягко покачивались, погруженные в свои мысли. По крайней мере, Гленда. Джульетте хватило бы даже половинки мысли, чтобы погрузиться и уже не всплыть.

Но Гленда научилась распознавать, когда Джульетта собирается заговорить. Наверное, точно таким же образом моряк предчувствует, что ветер вот-вот переменится. Гленда считывала кое-какие маленькие сигналы, как будто мысли нужно было предварительно разогреть хорошенький маленький мозг Джульетты, прежде чем включить зажигание.

– А кто был тот парень, который пришел за едой? – беззаботно спросила Джульетта – ну или, возможно, она думала, что спрашивает беззаботно. Или думала бы, что спрашивает беззаботно, если бы знала такое слово.

– Это Тревор Навроде, – ответила Гленда. – И держись от него подальше.

– Почему?

– Он – Колиглаз! Считает, что он – Лицо футбола. А его папаша был Большой Дэйв Навроде! Твой отец с ума сойдет, если узнает, что ты с ним разговаривала.

– У него такая милая улыбка, – заметила Джульетта томно, и в голове у

Гленды сработал сигнал тревоги.

– Он просто придурок, – твердо сказала она. – Ничем не побрезгует. И руки распускает.

– А ты, типа, откуда знаешь? – спросила Джульетта.

В этом заключалась еще одна проблема. В пространстве между безупречными ушками Джульетты как будто часами не происходило ничего, а потом тебе в лицо летел вот такой вопрос.

– Знаешь, ты бы поучилась как следует говорить, – сказала Гленда, чтобы сменить тему. – С твоей внешностью ничего не стоит подцепить парня, который думает не только о пиве и футболе. Просто выражайся немного поизящнее, понимаешь? Вовсе не обязательно...

– Гоните за проезд, дамы!

Обе подняли головы и посмотрели на кондуктора, который держал топор... ну, почти не угрожающим образом. Поднимать головы высоко не потребовалось, потому что владелец топора был невелик ростом.

Гленда осторожно отстранила лезвие.

– Не надо им размахивать, Роджер, – она вздохнула. – Меня ты не впечатлишь.

– Прошу прощения, мисс Гленда, – сказал гном и покраснел от смущения – по крайней мере, в той части лица, что не заросла бородой. – Смена выдалась нелегкая. Четыре пенса, дамы. Прошу прощения насчет топора, но некоторые умники спрыгивают, не заплатив.

– Пускай убирается, откуда пришел, – буркнула Джульетта, когда кондуктор зашагал дальше. Гленда предпочла промолчать. Насколько она могла судить – по крайней мере, до сегодняшнего дня, – у ее подруги никогда не было собственного мнения. Джульетта повторяла то, что говорили другие. Но все-таки Гленда не устояла.

– Значит, ему придется обратиться на улицу Паточной Шахты. Он же родился здесь.

– Ага, значит, он болеет за «Шахтеров»? Ну, ладно, могло быть и хуже.

– Думаю, гномов не интересуется футбол, – заметила Гленда.

– А я думаю, что настоящий моркпоркец должен болеть за свою команду! – изрекла Джульетта очередную потасканную народную мудрость. Гленда пропустила ее мимо ушей. Спорить с Джульеттой было все равно что бороться с туманом. И потом, усталые лошади наконец дотащились до Сестричек Долли. Девушки поскорее вышли.

Дверь дома Джульетты покрывали многочисленные древние слои краски – или, скорее, многочисленные слои, которые с годами превратились в небольшие бугры. И всякий раз краска была самая дешевая. В конце

концов, денег хватало либо на краску, либо на пиво, но краску пить нельзя, если только ты не мистер Джонсон из четырнадцатого номера, который, судя по всему, не пил ничего другого.

– Я не скажу твоему папе, что ты опоздала, – сказала Гленда, придерживая перед подружкой дверь. – Но завтра жду тебя пораньше, слышишь?

– Да, Гленда, – кротко отозвалась Джульетта.

– И забудь про Тревора Навроде.

– Да, Гленда, – ответ вновь прозвучал кротко, но в глазах Джульетты Гленда заметила искорку. Однажды она и сама видела ее в зеркале.

Но прямо сейчас она готовила завтрак для вдовы Крауди, которая жила в доме напротив и почти не вставала с постели. Пока занималось утро, Гленда устраивала старушку поудобнее, кое-что делала по дому, а потом наконец ложилась спать.

Последней мыслью, прежде чем Гленда уснула, было: «Кажется, гоблины воруют цыплят. Забавно, но он, кажется, совсем не такой...»

В половине девятого сосед разбудил ее, бросив в окно камешком. Он хотел, чтобы Гленда пришла и взглянула на его папашу, которому «поплохело». Начался день. Она никогда не нуждалась в будильнике.

И почему другим нужно так много сна? Натта это постоянно озадачивало. Спать ведь скучно.

Там, в Убервальде, всегда было с кем поговорить. Ее светлость предпочитала темное время суток и не покидала замок при свете дня, поэтому вечерами приезжало множество гостей. Разумеется, Натту не позволялось попадаться им на глаза, но он хорошо знал все коридоры, переходы и тайные дырки для подглядывания. Он видел изящных господ, сплошь в черном, и гномов в железной броне, которая блестела как золото (потом, в подвале, где пахло солью и грозой, Игорь объяснил ему, в чем секрет). Были и тролли, совсем непохожие на тех, от которых он привык спасаться бегством в лесу, – те были совсем неотесанные. Особенно Натт запомнил тролля, который сиял, словно драгоценный камень (Игорь сказал, у него тело из настоящего алмаза). Одно этого уже было бы достаточно, чтобы запечатлеть его в памяти, но вдобавок однажды алмазный тролль, сидя за большим столом вместе с другими троллями и гномами, поднял свои алмазные глаза и увидел Натта, который наблюдал за происходящим сквозь маленькую потайную дырочку в дальнем конце комнаты. Натт не сомневался, что его заметили. Он так поспешно шарахнулся от дырки, что стукнулся головой о противоположную стену.

Со временем он побывал во всех погребах и мастерских в пределах замка. *«Ходи куда хочешь, говори с кем хочешь. Задавай любые вопросы – тебе ответят. Если захочешь учиться, тебя научат. Пользуйся библиотекой. Бери любые книги».*

Это было приятно. Куда бы он ни заходил, люди отрывались от своих занятий, чтобы поучить его строгать, тесать, вырезать, ходить за скотом, ковать, искать руду и делать подковы – но только не прибивать их, потому что кони бесились, когда Натт заходил в стойло. Один из них даже как-то вышиб копытом часть задней стены.

В тот же вечер Натт отправился в библиотеку, где мисс Здравинг нашла для него книгу о запахах. Натт прочитал ее так быстро, что на страницах наверняка должны были остаться прожженные дорожки от его взгляда. В библиотеке уж точно кое-что осталось после его визита – на большой конторке горой выросли двадцать томов «Сочинений об ароматах», за ними последовала «Похвала верховой езде», после чего Натт прошелся по отделу исторических книг и добрался до фольклора, причем мисс Здравинг катила следом за ним библиотечную стремянку.

Она наблюдала за Наттом одновременно с удовлетворением и благоговейным трепетом. Он едва умел читать, когда попал в замок. Но этот маленький гоблин твердо вознамерился учиться. Он напоминал боксера, который готовится к поединку. Натт действительно с чем-то сражался, хотя мисс Здравинг не знала наверняка, с чем именно, а ее светлость, разумеется, не объясняла. Натт мог просидеть под лампой до утра, с книгой, словарем и справочником, выясняя все значения каждого слова и нанося безжалостные удары собственному невежеству.

Когда мисс Здравинг пришла в библиотеку на следующее утро, на конторке лежали словарь гномьего языка и «Язык троллей» Посталума.

Так учиться нельзя, твердила она себе. Знания не усвоятся. Недостаточно просто набить ими голову. Информацию нужно переваривать. Мало знать, надо понимать.

Она пожаловалась кузнецу Фасселу, а тот сказал:

– Знаете, мисс, этот парнишка однажды ко мне пришел и сказал, что раньше видел, как работает кузнец, ну и, мол, нельзя ли ему самому попробовать? Раз ее светлость приказала, не поспоришь – дал я ему железный штырь, показал, как держать молоток и клещи, он и давай работать... ну, прям как настоящий кузнец! Сделал неплохой такой нож, ей-ей, неплохой. Этот малый много думает. У него прямо на мордахе написано, что он смекает да соображает. Вы гоблинов раньше видели?

– Странно, что вы спросили, – сказала мисс Здравинг. – Если верить

каталогу, в библиотеке хранится один из немногочисленных экземпляров книги «Пять часов и шестнадцать минут среди гоблинов Дальнего Убервальда», но я никак не могу ее найти. Это библиографическая редкость!

– Пять часов и шестнадцать минут – это не так уж много, – ухмыльнулся кузнец.

– Вы думаете? В своей лекции, которую автор, мистер Бандербелл, прочел в анк-морпоркском обществе нарушителей^[4], он признал, что пять часов были лишними, – ответила мисс Здравинг. – По его наблюдениям, гоблины бывают разного размера – от неприятно больших до отвратительно маленьких, в интеллектуальном развитии уступают плесени и проводят большую часть времени, ковыряя в носу, да и то промахиваются. Просто даром занимают место, по его словам. Книга вызвала много шума. Антропологи таких вещей обычно не пишут.

– И юный Натт, стало быть, из этих самых?

– Да, я тоже удивлена. Вы видели его вчера? Лошади отчего-то его боятся, поэтому он пошел в библиотеку и нашел старую книгу, посвященную Лошадиному Слову. Это было нечто вроде тайного общества, члены которого умели готовить специальные зелья, подчинявшие им лошадей. Потом Натт просидел полдня в подвале Игоря, готовя там бог весть что, а утром уже скакал верхом по двору! Лошадь, допустим, была не в восторге, но все-таки он добился своего!

– Просто диву даешься, как у парня черепушка не треснет, – сказал Фассел.

– Ха! – с горечью воскликнула мисс Здравинг. – Это еще что. Теперь он открыл для себя Трахбергскую школу.

– Это что такое?

– Не что, а кто. Философы. Конечно, называя их философами, я...

– А, те, озабоченные, – весело сказал Фассел.

– Я бы выразилась иначе, – заметила мисс Здравинг, и это была истинная правда. Хорошо воспитанный библиотекарь не станет употреблять такие слова в присутствии кузнеца, особенно ухмыляющегося. – Давай лучше скажем «неделикатные».

Молоток и наковальня мало в ком пробуждают деликатность, поэтому кузнец, нимало не смутившись, продолжал:

– Они пишут, что бывает, если дамочки едят слишком мало мяса, и что сигары похожи на...

– Это фальсификация!

– Ага. Фалло... как ее. Так у них и написано, – кузнец явно

наслаждался ситуацией. – И хозяйка позволила Натту это читать?

– Более того, практически настояла. Не понимаю, о чем она думала. Впрочем, о чем думал Натт, мисс Здравинг не понимала тоже.

Тревога объяснил Натту, что количество свечей, которые он делает, должно быть ограничено. Иначе чудаки в остроконечных шляпах решат, что им незачем держать столько работников. Натт понял. Что тогда будут делать Безлицый, Бетон и Плакса Макко, которым больше некуда идти? Какая досада, что им не выпало жить в каком-нибудь мире попроще; в этом их чересчур легко было сбить с ног.

Порой Натт бродил по другим подвалам, но ночью нигде ничего особенного не происходило, и те, кто там работал, странно на него смотрели. Сюда не распространялась власть ее светлости. Но волшебники – не самая чистоплотная публика, никто здесь особенно не прибирался (или, по крайней мере, не пережил уборку, чтобы поведать о ней потомкам), поэтому к услугам Натта оказалось огромное количество старых кладовых и набитых всяким хламом мастерских. Сколько там было интересных вещей для существа с острым ночным зрением! Он уже обнаружил светящихся муравьев, которые куда-то тащили вилку, а еще, к большому удивлению Натта, в дальних лабиринтах нашел себе приют очень редкий пожиратель домашних мелочей – Непарный Носкоед. В трубах тоже жили какие-то существа, которые периодически издавали клохтанье. Кто знал, какие чудовища здесь обосновались?..

Натт очень старательно отмыл тарелки из-под пирогов. Гленда была к нему добра. Натт решил показать ей, что он тоже добрый. Очень важно быть добрым. И потом, он знал, где раздобыть кислоты.

Личный секретарь патриция Витинари вошел в Продолговатый кабинет практически беззвучно. Его светлость поднял глаза.

– А, Стукпостук. Пожалуй, мне снова придется написать в «Таймс». Я абсолютно уверен, что один по горизонтали, шесть по вертикали и девять по горизонтали появлялись в той же самой комбинации три месяца назад. В пятницу, если не ошибаюсь, – он презрительно бросил на стол газету, раскрытую на странице с кроссвордом. – Вот вам свободная пресса.

– Превосходно, милорд. Кстати, аркканцлер только что вошел во дворец.

Витинари улыбнулся.

– Должно быть, он наконец посмотрел на календарь. Слава богам, у них есть Думминг Тупс. Пусть подождет, как положено, а потом впусти его.

Через пять минут Наверна Чудакулли провели в кабинет.

– Аркканцлер! Какому неотложному делу я обязан твоим визитом? Наша обычная встреча должна состояться не ранее чем послезавтра, если не ошибаюсь.

– Э... да, – ответил Чудакулли. Как только он сел, перед ним поставили огромный бокал хереса^[5]. – Дело в том, Хэвлок, что...

– Какое счастливое стечение обстоятельств, что ты заглянул именно сейчас! – продолжал Витинари, пропуская его слова мимо ушей. – Возникла проблема, по поводу которой мне нужен твой совет.

– Правда?

– О да. Дело касается этой злополучной игры под названием футбол...

– Да?

Бокал в руке у Чудакулли даже не дрогнул. Он уже давно был аркканцлером, причем занял эту должность в те времена, когда волшебнику ничего не оставалось, кроме как не сморгнуть – или умереть.

– Нужно идти в ногу со временем, – заметил патриций, качая головой.

– Незримый Университет к этому не склонен, – возразил Чудакулли. – Перемены поощряют худшее.

– Люди не понимают, что у тирании есть границы, – продолжал Витинари, словно обращаясь к самому себе. – Они думают, я могу делать что хочу только потому, что я могу делать что хочу. Но стоит минуту подумать, и, разумеется, становится ясно, что это не так.

– А, с магией то же самое, – ответил аркканцлер. – Если начнешь колдовать направо и налево, как будто завтра конец света, все шансы за то, что именно он и случится.

– Короче говоря, – сказал Витинари, по-прежнему разговаривая с пустотой, – я намерен официально разрешить футбол, в надежде на то, что его эксцессы удастся должным образом контролировать.

– Ну, с Гильдией воров это сработало, – заметил Чудакулли, удивляясь собственному спокойствию. – Если в городе должна быть преступность, пусть она будет организованной. Если не ошибаюсь, ты выразился именно так.

– Совершенно верно. Я согласен с той точкой зрения, что все физические упражнения, не имеющие целью укрепление здоровья, защиту государства или улучшение пищеварения, являются пережитками варварства.

– А как же сельское хозяйство?

– Это защита государства. От голода. Но в дурацкой беготне я никакого смысла не вижу. Кстати говоря, вы поймали Большенога?

«Каким образом, черт возьми, он это проделывает? – задумался Чудакулли. – Как?» Вслух он произнес:

– Поймали, но, надеюсь, ты не имеешь в виду, что мы занимаемся дурацкой беготней?

– О нет. Все три признака к вам подходят. Традиция ничуть не менее важна, чем правильное пищеварение, а иногда даже полезнее. И, более того, «забава бедняков» и сама по себе имеет примечательные традиции, которые, возможно, стоит исследовать. Позволь мне высказаться напрямую, Наверн. Я не могу противопоставить общественному давлению обыкновенную личную неприязнь. Ну... строго говоря, могу, но для этого придется применить нелепые, воистину тиранические меры. Положить игре конец? Пожалуй... нет. При нынешнем положении вещей мы имеем две команды грубиянов, которые толкаются, обмениваются пинками и кусаются, насколько я понимаю, в слабой надежде отправить некий странный объект к далекой цели. Я не возражаю, пока они убивают только друг друга – это не так уж скверно, если подумать, – но футбол стал настолько популярен, что страдает городское имущество, и я не намерен терпеть очевидное зло. Об этом пишут в «Таймс». То, что мудрец не в силах изменить, он должен направить.

– И как же ты намерен это сделать?

– Поручить тебе. У Незримого Университета всегда были славные спортивные традиции.

– Ключевое слово здесь «были», – Чудакулли вздохнул. – В мое время все мы откровенно гордились физической силой. Но если я теперь предложу устроить бег наперегонки с ложкой и яйцом, мои коллеги, скорее всего, сразу слопают яйца.

– Увы, я и не знал, что твое время прошло, – с улыбкой заметил Витинари.

В комнате, где и так никогда не бывало шумно, воцарилась особая тишина.

– Послушай... – начал Чудакулли.

– Сегодня вечером у меня встреча с издателем «Таймс», – сказал Витинари, с легкостью прирожденного митингового манипулятора чуть заметным нажимом перекрывая голос аркканцлера, – который, как всем нам известно, заботится о благе общества. Я не сомневаюсь, он придет в восторг, когда узнает, что я попросил университет укротить демона по имени Футбол и что вы, по здравом размышлении, приняли мое предложение.

«Мне необязательно соглашаться, – вот что представляло собой

здоровое размышление Чудакулли. – С другой стороны, поскольку я сам этого хотел, а теперь даже просить не нужно, отказываться было бы неразумно. Черт побери, как типично для Витинари!»

– То есть ты не станешь возражать, если мы соберем свою команду? – наконец уточнил он.

– Более того, я настоятельно рекомендую вам это сделать! Но никакой магии, Наверн. Надеюсь, здесь я предельно ясен. Магия не входит в число славных спортивных традиций. Если только, разумеется, волшебники не играют против волшебников.

– Я играю честно, Хэвлок.

– Прекрасно! Кстати, как там дела в Коксфорде у вашего декана?

«Если бы спросил кто-нибудь другой, – подумал Чудакулли, – это была бы простая вежливость. Но я разговариваю с Витинари, поэтому...»

– Мне некогда было выяснять, – высокомерно ответил он, – но я не сомневаюсь, что все будет в порядке, как только он твердо встанет на ноги.

«Если сумеет увидеть их без помощи зеркала».

– Тебе наверняка приятно наблюдать, как твой старый друг и коллега делает карьеру, – невинно сказал Витинари. – И Псевдополис, конечно, тоже радуется. Честно говоря, я восхищаюсь непреклонными псевдополисскими бургерами, затеявшими столь смелый эксперимент по части... по части демократии. Всегда приятно видеть, что люди не оставляют попыток. Иногда еще и забавно.

– Кое-что можно сказать и в их оправдание, – проворчал Чудакулли.

– Да, и я не сомневаюсь, что именно это вы говорите в университете, – с тонкой улыбкой заметил патриций. – Так или иначе, насчет футбола мы пришли к соглашению, вот и прекрасно. Я поставлю мистера де Слова в известность о том, что вы задумали. Когда статья выйдет, местные любители футбола весьма заинтересуются, если только кто-нибудь растолкует им трехсложные слова. Пей же херес. Говорят, это очень вкусно.

Витинари встал, намекая, что деловая часть разговора, по крайней мере теоретически, окончена. Он подошел к полированной каменной дощечке, стоявшей на квадратном деревянном столике.

– И кое-что еще, Наверн... Как поживает ваш юный гость?

– Мой го... а, ты имеешь в виду... э-э...

– Именно, – Витинари улыбнулся, глядя на дощечку, как будто хотел поделиться с ней радостью, – как ты выразился, «э-э».

– Спасибо, я заметил сарказм. Как волшебник должен сказать, что слова имеют силу.

– Как политик должен сказать, что я в курсе. Как там он поживает?

Кое-какие заинтересованные лица желают это знать.

Чудакулли взглянул на маленькие резные фигурки на доске, как будто они тоже слушали. Некоторым образом так оно и было. Он хорошо знал, что половиной этих самых фигурок управляли руки, обладательница которых находилась сейчас в большом замке в Убервальде и была легендой сама по себе.

– Смизм говорит, общительным его не назовешь. Но, по его мнению, парнишка ловкий.

– А. Хорошо, – отозвался Витинари, который, судя по всему, усмотрел нечто чрезвычайно интересное в расстановке фигурок на доске.

– Хорошо?

– Анк-Морпорку нужны ловкие. У нас даже есть улица Ловкачей, если не ошибаюсь.

– Да, но...

– О-о, это уже целый *контекст*, который имеет силу, – заметил патриций, полуобернувшись с выражением неприкрытого восторга. – Я, если не ошибаюсь, уже упомянул, что я политик? Ловкий, то есть умелый, смысленый, хитрый, коварный, сообразительный, проникательный, толковый, расторопный и, наконец, лукавый. Слово, которым можно и похвалить и обругать. Ловкий – это... неловкое слово.

– Тебе не кажется, что, возможно, ваш... эксперимент зашел слишком далеко? – поинтересовался Чудакулли.

– О вампирах так тоже говорили, не правда ли? Считается, что у *них* нет развитого языка, но мне известно, что Натт свободно владеет несколькими...

– Смизм утверждает, что он «говорит как по писаному», – признал Чудакулли.

– Наверн, по сравнению с Натчбуллом Смизмом даже тролли «говорят как по писаному».

– Мне известно, что этого... юношу воспитал какой-то священник, – сказал аркканцлер. – Но что из него получится, когда он вырастет?

– Профессор лингвистики, судя по всему.

– Хэвлок, ты ведь меня понял.

– Возможно. Хотя сомневаюсь, что ты сам себя понимаешь. Я так думаю, вряд ли он один способен превратиться в жадную орду.

Чудакулли вздохнул. Он вновь взглянул на доску, и Витинари проследил его взгляд.

– Посмотри сюда. Шеренги, отряды... – он провел рукой над маленькими каменными фигурками. – Вечная война, которая продолжается

по воле игрока. Они сражаются, погибают и не могут повернуть вспять, потому что вперед их гонят бичи, и, кроме бичей, они ничего не знают. Убивай – или будешь убит. Темнота впереди, темнота позади. Темнота и свист бичей. Но что, если извлечь из игры одну фигурку... успеть прежде, чем успеет бич... перенести это существо туда, где бичей нет вообще... Что из него может получиться? Одна-единственная особь. Одно живое существо. Неужели ты лишишь его такого шанса?

– На прошлой неделе ты приговорил к виселице троих, – вдруг ни с того ни с сего сказал Чудакулли.

– У них тоже был шанс. Но они использовали его, чтобы убивать, и даже хуже. Это всего лишь шанс, а не благословение. Он провел семь лет прикованным к наковальне. Он имеет право получить свой шанс, тебе так не кажется?

Вдруг Витинари опять просиял.

– Давай не будем смотреть на вещи так мрачно. Я буду с нетерпением ждать, когда Незримый Университет положит начало новой полезной и увлекательной игре в лучших спортивных традициях. О, традиция здесь на вашей стороне. А теперь, прошу, не позволяй мне более тебя задерживать.

Чудакулли допил херес. По крайней мере, это и впрямь было вкусно.

Незримый Университет располагался неподалеку от дворца; городские власти обычно предпочитают не упускать друг друга из виду.

Чудакулли шел сквозь толпу, время от времени кивая знакомым – а в этой части города знакомыми были почти все.

«Тролли, – думал он. – Мы ладим с троллями, особенно теперь, когда они запомнили, что нужно смотреть, куда идешь. Они служат в Страже, и все такое. В общем, приличные ребята, не считая нескольких паршивых овец, которых, боги свидетели, и у людей хватает. Гномы? Они давным-давно живут в городе. Гномы, конечно, хитрят и жмутся, как сукины дети... – Аркканцлер помедлил и поправил себя: – ...здорово торгуются. Но в любом случае ты знаешь, чего от них ожидать, и потом, они такие маленькие – это очень удобно, потому что всегда знаешь, чем они там, внизу, заняты. Вампиры? Ну... Убервальдская Лига Воздержания, кажется, делает свое дело. На улицах – в склепах и так далее – поговаривали, что члены Лиги сами разбираются со своими братьями. Всякого кровососа, который не желает исправиться и пытается кого-нибудь убить в городе, выслеживают существа, хорошо знакомые с образом его мыслей и местами возможного обитания».

И за всем эти стояла госпожа Марголотта. Именно она при помощи

дипломатии и, вероятно, кое-каких прямых мер сдвинула дело с мертвой точки в Убервальде, и у нее была некая... связь с Витинари. Все это знали – но ничего сверх того. Некая, многоточие, связь. Ну, какая-то такая. И соединить точки не мог никто.

Леди Марголотта бывала в Анк-Морпорке с дипломатическими визитами, и даже многоопытным анк-морпоркским вдовицам не удавалось углядеть хотя бы намек на какие-нибудь иные чувства между нею и патрицием Витинари, кроме деловитой доброжелательности и искреннего желания достичь международного сотрудничества.

А еще он разыгрывал с ней длинные сложные партии при помощи кликов, и, не считая этого, больше не было ничего... до сих пор.

Она прислала ему Натта, чтобы уберечь. Кто, кроме них двоих, знал причину? Возможно, здесь тоже замешалась политика.

Чудакулли вздохнул. Чудовище в городе, хоть и одно-одинешенько. Очень неприятная мысль. Такие, как он, приходили тысячами, словно саранча, убивали всех подряд и пожирали убитых, в том числе своих. Темная Империя растила их в огромных подвалах. Серые демоны, у которых не было ада...

Одни лишь боги знали, что случилось с этими существами, когда Империя рухнула. Но существовали убедительные свидетельства того, что некоторое количество тварей выжило и поселилось где-то в дальних холмах. Чем они занимались? Например, один из них, прямо в эту минуту, делал свечи в университетском подвале.

Что из него вырастет?

– Изрядная заноза в заднице? – вслух предположил Чудакулли.

– Эй, ты кого, типа, назвал занозой в заднице, мистер? Ты эту улицу не купил, хочу и стою!

Волшебник посмотрел сверху вниз на молодого человека, который, судя по всему, воровал одежду только с лучших бельевых веревок, за исключением потрепанного черно-красного шарфа. Парень нервно подергивался, как будто постоянно переносил вес с ноги на ногу, готовясь в любую секунду сорваться с места и броситься наутек в непредсказуемом направлении. А еще он подкидывал в воздух и ловил пустую жестянку. В памяти Чудакулли ожили воспоминания – такие яркие, что глаза заслезились.

Аркканцлер встряхнулся.

– Я Наверн Чудакулли, аркканцлер и магистр Незримого Университета, молодой человек, а ты, кажется, проветриваешь свои командные цвета? Куда собрался? Случайно не на футбол?

– Мож, и на футбол, ну и че? – поинтересовался парень и вдруг понял, что рука у него пуста, хотя, согласно всем законам притяжения, в ней должна была лежать жестянка. Но вместо того чтобы вернуться на место после последнего броска, она слегка поворачивалась в воздухе в двадцати футах над мостовой.

– С моей стороны, конечно, это ребячество, – сказал Чудакулли, – но я требую твоего внимания. Я хочу стать свидетелем...

– Свидетелем? Ниче не знаю, первый раз слы...

Чудакулли вздохнул.

– Я хочу посмотреть игру. Ясно? Если можно, сегодня же.

– Ты? Уверен? Да тебя ж там похоронят, дедуля. Есть шиллинг?

Высоко над головой что-то звякнуло.

– Когда банка упадет, ты найдешь в ней шесть пенсов. А теперь, будь добр, назови время и место.

– А откуда мне знать, что ты не соврал? – поинтересовался парень.

– Понятия не имею, – ответил Чудакулли. – Тонкие мозговые процессы даже для меня загадка. Но можешь просто поверить.

– Че?

Парень пожал плечами и решил рискнуть. В конце концов, на кону стоял завтрак.

– Петельная улица, возле Мойки, типа, полвторого, и я тебя никогда в жизни раньше не видел, усек?

– Вполне вероятно, – подтвердил Чудакулли и щелкнул пальцами.

Жестянка свалилась в подставленную руку. Парень вытряс серебряную монетку и ухмыльнулся.

– Удачи, папаша.

– А... на этих состязаниях чем-нибудь кормят? – поинтересовался Чудакулли, для которого ленч был священен.

– Там продают пироги. Ну, типа, гороховые пироги, пироги с угрями, с картошкой и с омарами тоже... пироги, но в основном, типа, просто пироги. Пироги и всё, шеф. Пироги из теста.

– Какие именно?

Собеседник, казалось, очень удивился.

– Просто пироги, папаша. Чего ты допытываешься, дери тебя за ногу?

Чудакулли кивнул.

– В знак завершения сделки получишь пенни, если разрешишь пнуть твою жестянку.

– Гони два, – немедленно потребовал парень.

– Ах ты, плут... ладно, договорились.

Чудакулли поддел жестянку мыском ботинка, нашел удобное положение, подбросил ее в воздух и на спуске отправил в полет таким мощным ударом, что она со свистом пронеслась над толпой.

– Неплохо, дедуля, – с ухмылкой одобрил парень. Вдалеке кто-то завопил и потребовал немедленной кары.

Чудакулли сунул руку в карман и посмотрел на юнца.

– Два доллара, если удерешь сию секунду, приятель. Больше не получишь.

Тот рассмеялся, схватил деньги и убежал. Чудакулли степенно пошел своей дорогой, старея с каждой минутой.

Думминг Тупс вешал объявление на доску на стене Главного зала. Он часто это проделывал. Чудакулли полагал, что Думмингу от этого становилось легче.

Он похлопал магистра традиций по спине, так что тот уронил на каменный пол коридора все булавки.

– Это бюллетень анк-морпоркского Комитета безопасности, аркканцлер, – объяснил Думминг, собирая разлетевшиеся булавки.

– Мы тут занимаемся волшебством, Тупс. Какая безопасность? Быть волшебником само по себе небезопасно, так было и так будет.

– Да, аркканцлер.

– Но на твоём месте я бы все же подобрал булавки. Просто на всякий случай. Кстати, скажи... у нас ведь был магистр спорта?

– Да, сэр. Эванс Полосатый. Он исчез примерно сорок лет назад, если не ошибаюсь.

– То есть его убили? В те времена эту должность занимали только по смерти предшественника.

– Представить не могу, чтобы кто-нибудь ему позавидовал. Насколько мне известно, он... испарился, когда делал отжимания в Главном зале.

– Испарился? Что за смерть для волшебника? Любой волшебник умер бы со стыда, если бы просто взял и испарился. Мы всегда оставляем после себя хоть что-нибудь, хотя бы облачко дыма. Впрочем, ладно. Было бы место, а... кто-нибудь найдется. Кто-нибудь всегда находится. Как там твоя мыслительная машина?

Думминг засиял.

– Кстати говоря, аркканцлер, Гекс только что обнаружил новую частицу! Она движется быстрее света, притом в двух направлениях одновременно!

– И какой в ней интерес?

– О, огромный! Она разносит в пух и прах трансконгруэктную теорию Сполуйтла!

– Прекрасно, – бодро отозвался Чудакулли. – Нам лишь бы что-нибудь разнести. Когда Гекс закончит, пусть найдет либо Эванса, либо достойного заместителя. Магистр спорта – частица элементарная, так что Гекс, полагаю, справится без особых затруднений. И объяви сбор Совета через десять минут. Мы будем играть в футбол!

Истина – существо женского пола, поскольку она скорее красива, чем приятна. Пока члены Совета с ворчанием вваливались в зал, Чудакулли думал: «Понятно, отчего говорят, что ложь успеет обежать вокруг Земли, прежде чем истина натянет башмаки. Точнее, туфли. Потому что сначала ей придется выбрать, какую пару надеть». С трудом верится, что у женщины, имеющей возможность выбирать, может быть лишь одна пара туфель. Поскольку Истина – богиня, у нее наверняка большой ассортимент обуви. Удобные сандалии для простых истин, сабо для универсальных, подкованные гвоздями сапоги для неприятных и, возможно, шлепанцы для самоочевидных. И прямо сейчас нужно было понять, какого рода истиной он собирался поделиться с коллегами. Чудакулли решил, что его вариант – это не «вся правда и только правда», а «ничего, кроме правды», в каком случае истина обходится без излишней честности.

– Ну, ну, и что же он сказал?

– Патриций откликнулся на мои разумные аргументы.

– Да? И в чем засада?

– Ни в чем. Но он хочет, чтобы правила были более традиционными.

– Каким образом? Они и так... доисторические!

– А еще он хочет, чтобы университет все это возглавил, притом как можно скорее. Господа, в городе примерно через три часа состоится матч. Я предлагаю пойти и посмотреть. И по такому случаю советую вам надеть... штаны.

Спустя некоторое время Чудакулли вытащил часы – старомодные, с бесенком внутри и, разумеется, неточные. Он поднял золотую крышечку и принялся терпеливо наблюдать за маленьким созданием, которое передвигало стрелки. После того как бурные протесты не прекратились спустя полторы минуты, он захлопнул крышечку, и негромкий щелчок произвел эффект, который было бы невозможно достигнуть никаким криком.

– Господа, – внушительно произнес аркканцлер. – Мы должны принять участие в народной игре, поскольку, смею заметить, вышли мы все

из народа. Кто-нибудь из нас в последние двадцать-тридцать лет хотя бы видел, как играют в футбол? Полагаю, что нет. Нам нужно чаще бывать за стенами университета. Я не прошу вас сделать это ради меня или даже ради сотен людей, которые работают, чтобы гарантировать, что в пределах университета голод не поднимет свою уродливую голову. Да, есть много других уродливых голов, что правда, то правда, но кушать хочется всегда. Мы, собратья-волшебники, – последняя линия обороны против всех ужасов, которые могут обрушиться на Анк-Морпорк. И ни один из этих ужасов далеко не так ужасен, как мы сами. О да. Даже не знаю, что случится, если волшебники по-настоящему проголодаются. Поэтому давайте сыграем. Я прошу вашей помощи во имя сырного ассорти.

Чудакулли первым бы признал, что бывали в истории и куда более благородные призывы к оружию, но аркканцлер хорошо знал свою аудиторию. Ответом ему было ворчание – впрочем, волшебники склонны ворчать, даже если им скажут, что небо синее.

– Как насчет ленча? – подозрительно спросил профессор самых современных рун.

– Мы поедим пораньше, – сказал Чудакулли. – И мне сказали, что на матче продают просто... восхитительные пироги.

Истина, стоя перед своим огромным гардеробом, выбрала черные кожаные сапоги на шпильках, чтобы преподнести такую бесстыдную... правду.

Натт уже ждал – с гордым, хоть и встревоженным видом, – когда Гленда вошла в Ночную Кухню. Она заметила его, только когда повесила пальто на крючок и повернулась. Он стоял прямо перед ней, выставив две миски, как щиты.

Гленде буквально пришлось заслонить глаза, так ярко они сияли.

– Надеюсь, все в порядке? – нервно спросил Натт.

– Что ты с ними сделал?

– Покрыл серебром, мисс.

– Но как?

– О, в подвалах много всякой старой рухляди, ну и... я просто знаю, как это делается. Ни у кого ведь не будет из-за меня неприятностей? – добавил Натт, внезапно обеспокоившись.

Гленда задумалась. Пожалуй, нет, хотя с миссис Уитлоу никогда не угадаешь. Впрочем, она наверняка решит проблему, подержав миски где-нибудь в шкафу, пока они не потемнеют.

– Очень мило с твоей стороны. Обычно приходится за всеми бегать,

чтобы забрать посуду. Ты настоящий джентльмен, – сказала Гленда, и некрасивое лицо осветилось, словно озаренное восходящим солнцем.

– Вы очень добры. – Натт просиял. – И очень красивы. У вас такая большая грудь, которая наводит на мысли о множестве плодов и обильном чадородии...

В воздухе как будто повисла огромная глыба льда. Натт понял, что сказал что-то не то, но понятия не имел, что именно.

Гленда оглянулась, чтобы посмотреть, не слышал ли это кто-нибудь еще, но в огромном мрачном помещении было пусто. Она всегда приходила на кухню первой и уходила последней.

Она сказала:

– Стой здесь. И не сходи с места. Ни на шаг! – А потом, подумав, добавила: – И не вздумай воровать цыплят!

Гленда выскочила за дверь с такой скоростью, что буквально дым за клубился. Стук башмаков по каменным плитам отзывался эхом. Ничего себе словечки! Да кем он себя возомнил? Более того, кем он возомнил ее? И... кем она возомнила *его*?

Подвалы и подземные переходы Незримого Университета сами по себе составляли целый город, и мясники и пекари оборачивались, когда Гленда пробежала мимо. Она не смела остановиться, ей было слишком стыдно.

Человек, изучивший все лестницы и коридоры – при условии, что они хотя бы пять минут оставались на месте, – мог добраться в любой уголок университета, не поднимаясь выше подвала. Возможно, университетских лабиринтов не знали и сами волшебники. Немногие из них, впрочем, удосуживались поинтересоваться скучными подробностями ведения домашнего хозяйства. Ха! Они думали, что обед появляется на столе по волшебству.

Небольшой каменный пролет вел к маленькой дверце. Мало кто ею пользовался. Другие девушки ни за что бы сюда не пошли. Но Гленда ходила – с того самого дня, когда, повинувшись звону колокольчика, принесла сюда банан в качестве полуночного перекуса или, точнее, *не* принесла, потому что убежала с воплем... после чего поняла, что придется предпринять еще одну попытку. В конце концов, никто не виноват в том, каким его создали. Так говорила ее мать. И тем более никто не виноват, если обрел странное обличье по волшебному стечению обстоятельств, а отнюдь не по собственной воле. Так сказала миссис Уитлоу, когда Гленда перестала визжать от ужаса. Поэтому она взяла банан и пошла обратно.

Теперь-то, разумеется, она удивлялась, что кому-то может казаться странным хранитель университетского знания, покрытый рыжеватой

коричневой шерстью и висящий в воздухе в паре метров над столом. Гленда не сомневалась, что знает как минимум четырнадцать значений слова «уук».

Поскольку был день, в огромном помещении кипела суета, насколько это слово применимо к библиотеке. Гленда зашагала к ближайшему помощнику библиотекаря, который не успел вовремя отвести взгляд, и сказала:

– Мне нужен словарь странных слов на букву «Ч»!

Его высокомерный взгляд слегка смягчился, когда он понял, что перед ним стоит кухарка. Волшебники всегда питают слабость к кухаркам, потому что сердце у них расположено очень близко к желудку.

– Так. Думаю, нам поможет словарь Птицелова «Неприятные злоупотребления», – добродушно ответил он и повел ее к нужному столику, где Гленда провела несколько познавательных минут, прежде чем отправиться обратно, став капельку мудрее и намного сконфуженней.

Натт стоял там, где ему было велено. Он с ужасом воззрился на нее.

– Прошу прощения, я не знала, что значит это слово, – сказала Гленда и подумала: «Деторождение, материнство, произведение потомства. Что ж, теперь я понимаю, как он сюда попал, бывало и хуже, но я-то тут ни при чем. Надеюсь».

– Э... спасибо, ты очень любезен, – произнесла она, – но впредь выражайся уместнее.

– Ах да, прошу прощения, – ответил Натт. – Мистер Трев меня уже предупредил, чтобы я не «выпендривался». Я должен был сказать, что у вас огромные си...

– Довольно, слышишь! Тревор Навроде обучает *тебя* куртуазии?

– Не объясняйте, я знаю... в смысле... как вежливо себя вести? – уточнил Натт. – Да. А еще он обещал сводить меня на футбол, – гордо добавил он.

Потребовались некоторые объяснения, и в результате Гленда помрачнела еще больше. Трев, разумеется, был прав. Люди, которые не знают длинных слов, склонны обижаться на тех, кто знает. Поэтому ее соседи мужеского пола, например мистер О'Столлоп и иже с ним, не доверяли буквально никому. Их жены, напротив, обладали куда более обширным, хотя и специфическим лексиконом, почерпнутым из дешевых любовных романов, которые на каждой улице контрабандой передавали из буфетной в прачечную. Именно оттуда Гленда узнала такие слова, как «куртуазия», «пылкий», «будуар» и «ридикюль». Она не была на все сто уверена, что означают последние два, а потому избегала их использовать,

что, впрочем, при ее образе жизни не представляло особых трудностей. Она питала глубочайшие подозрения касательно того, что такое «дамский будуар», но не собиралась ни у кого спрашивать, даже в библиотеке. Вдруг бы они посмеялись над ней?

– И он собирается сводить вас на футбол? Мистер Натт, да вы же будете светить в толпе, как бриллиант в ухе трубочиста!

Не выделяйся из толпы. Так много всего нужно запомнить...

– Мистер Трев сказал, что присмотрит за мной, – Натт повесил голову. – Э... я тут подумал... а как зовут ту красивую молодую особу, которая заходила сюда вчера вечером? – отчаянно спросил он.

Гленда читала его, как открытую книгу.

– Это ведь он велел спросить, да?

Лги. Тогда будешь в безопасности.

Но ее светлости здесь не было! А эта любезная госпожа с яблочным пирогом стояла прямо перед ним! Он совсем запутался!

– Да, – кротко ответил Натт.

И тут Гленда совершила нечто неожиданное для себя самой.

– Ее зовут Джульетта, и она живет по соседству со мной, так что пускай даже не думает нанести визит, ясно? Передай, что ее зовут Джульетта О’Столлоп, и посмотри, как ему это понравится.

– Вы боитесь, что он будет, как говорится, гнуть свое?

– Джульеттин папаша сам загнет ему салазки, если узнает, что он болеет за «Колиглазов»!

Натт, судя по лицу, не понял, и тогда Гленда объяснила:

– Ты что, ничего не знаешь? «Пацаны с Колиглазной улицы». Футбольная команда. А «Долли» – это футбольный клуб Сестричек Долли! «Долли» ненавидят «Колиглазов», а «Колиглазы» ненавидят «Долли», и так было всегда!

– И в чем же заключается существенная разница?

– Что? Между ними нет вообще никакой разницы, не считая цветов! Это – две команды, одинаково жестокие! «Сестрички Долли» носят черное и белое, а «Колиглазы» – розовое и зеленое. Все дело в футболе! Мерзкой, кровавой, дурацкой игре, где люди лупят, пинают и душат друг друга! – в голосе Гленды было столько яда, что хватило бы на несколько гадюк.

– Но вы сами носите шарф «Сестричек Долли»!

– Если ты там живешь, так безопаснее. И потом, нужно поддерживать своих.

– Эта игра ведь совсем не похожа на бирюльки, нарды или «Шмяк»?

– Нет, она больше похожа на войну, только милосердия и

взаимопонимания в ней ни на грош.

– О... но ведь на войне очень мало милосердия, – озадаченно произнес Натт.

– Вот именно!

– А. Я понял. Это была ирония.

Гленда искоса взглянула на него.

– Да, наверное, – согласилась она. – Вы какой-то странный, мистер Натт. Откуда вы вообще взялись?

Старый страх ожил. *Никого не пугай. Будь полезен. Заводи друзей. Лги.* Но разве можно лгать друзьям?

– Мне пора, – сказал Натт, поспешно сбегаая по лестнице. – Мистер Трев, наверное, заждался.

«Милый, но странный, – подумала Гленда, глядя, как он прыгает по ступенькам. – И умный. А еще он заметил висящий на крючке шарф на расстоянии в десять метров».

Бренчание жестянки предупредило Натта о присутствии шефа, прежде чем он успел миновать старую арку, ведущую в свечной подвал. Остальные обитатели подвала оторвались от работы, хотя, учитывая их обычную черепашую скорость, ничего особо не изменилось. Они вяло наблюдали за ним. Но, по крайней мере, наблюдали. Даже Бетон как будто слегка оживился, но Натт заметил в уголке губ тролля коричневое пятнышко слюны – значит, кто-то снова дал Бетону железных опилок.

Трев наподдал банку башмаком, и та пролетела над головой Натта, после чего описала параболу и вернулась, словно катясь по невидимому склону, в протянутую руку. Наблюдатели издали восхищенное бормотание, а Бетон треснул кулаком по столу, что, как правило, означало одобрение.

– Ты где застрял, Гобби? Трепался с Глендой? Ну, у тебя шансов нет, можешь мне поверить. Был, пробовал... да-а. Обломись, старик.

Он сунул Натту какой-то грязный сверток.

– Живей переодевайся, иначе будешь светить в толпе, как бриллиант...

– ...в ухе у трубочиста? – подсказал Натт.

– Ага. Ты, типа, въезжаешь. Давай, не копайся, иначе опоздаем.

Натт с сомнением посмотрел на длиннющий шарф в зеленую и розовую полоску и на огромную желтую шерстяную шапку с розовым помпоном.

– Натяни поглубже, чтобы уши прикрыть, – велел Трев. – Ну, шевелись!

– Э... он розовый? – нерешительно произнес Натт, держа шарф в

руках.

– А в чем проблема?

– Если не ошибаюсь, в футбол играют грубые мужчины. Тогда как розовый, прошу прощения, это... женский цвет.

Трев ухмыльнулся.

– Да, это ты, типа, в точку. Ловко подметил. Ты ваще умный. Прямо настоящий ученый, вот что я тебе скажу. Здесь, на наших улицах, тебя, типа, обязательно оценят.

– А, кажется, я понял. Розовый цвет в данном случае символизирует воинственную маскулинность. Его носитель как будто заявляет: я такой мужественный, что могу позволить себе заронить в вашу душу сомнения, и тогда у меня появится возможность подтвердить свои лучшие качества, применив в ответ силу. Не знаю, читали ли вы сочинение Офлебергера, которое называется «Die Wesentlichen Ungewissheiten Zugehörig der Offenkundigen Mannlichkeit»...

Трев схватил его за плечо и развернул к себе.

– Блин, Гобби, ты о чем ваще думаешь? – поинтересовался он, придвигая свое покрасневшее лицо почти вплотную. – В чем у тебя проблема? Че ты здесь забыл? Ты, типа, знаешь столько длинных слов, и язык у тебя в них не путается, так какого черта ты делаешь в свечном подвале, где... э... приходится вкалывать на таких, как...? Я че-то не понимаю, правда. Ты че, слинял из Старого Сэма? Не, я не возражаю, если только, типа, ты не пришел какую-нибудь старушку, но, елки-палки, отвечай!

«Слишком опасно, – в отчаянии подумал Натт. – Надо сменить тему».

– Ее зовут Джульетта, – проговорил он. – Ту девушку, о которой вы спрашивали. Она живет по соседству с Глендой. Честное слово!

Трев подозрительно взглянул на него.

– Это тебе Гленда сказала?

– Да!

– Небось наврала. Она же знала, что ты мне скажешь.

– Не думаю, что она стала бы врать, мистер Трев. Мы подружились.

– Я вчера о ней, типа, всю ночь думал.

– Да, она превосходно готовит, – согласился Натт.

– Я думал о Джульетте!

– Э... а еще Гленда просила передать, что Джульетта носит фамилию О'Столлоп, – сказал Натт, который терпеть не мог приносить плохие вести.

– Что? Это девчонка О'Столлопов?

– Да. Гленда просила посмотреть, как вам это понравится, но я знаю,

что такое ирония.

– Ни фи́га себе клубничка в собачьей похлебке! Ну, в смысле... О'Столлопы все гады, как на подбор, им только дай подраться, это ж такие сволочи, что у человека фамильные ценности горлом полезут, как они пнут!

– Но вы ведь не играете в футбол. Вы только смотрите.

– Да, блин! Но я – Символ! Меня весь город знает, у кого хошь спроси. Все знают Трева Навроде, потому что я сын Дэйва Навроде. Всякий, кто любит футбол, про него слышал. Четыре гола! Никто столько в жизни не забивал! Он никому спуску не давал, мой папаша, вот что. Однажды он подхватил одного гаденка из «Долли», который поймал мяч, и швырнул его ажно за черту. Да уж, никому он спуску не давал, да еще с довеском.

– То есть он тоже дрался и пинался?

– Че? За шары меня решил подергать, да?

– Я никоим образом не хотел вас обидеть, мистер Трев, – возразил Натт – так серьезно, что Трев невольно усмехнулся, – но, сами понимаете, если он дрался с представителями противоположной стороны еще более жестоко, чем они с ним, разве это не значит, что он...

– Это мой старик, – перебил Трев. – А потому не надо тут равнять его с кем попало, усек?

– Усек. И что, вам никогда не хотелось пойти по его стопам?

– Чтоб меня тоже притащили домой на носилках? Нет уж, соображалка мне досталась от мамыши, а не от старика. Он был классный мужик и любил футбол, но, честно говоря, мозгов ему перепало не с избытком, и однажды они вытекли через уши. «Долли», типа, навалились на него кучей и разделали так, что мое почтение. Нет, Гобби, футбол – это не для меня. Я не дурак.

– Да, мистер Трев. Я вижу.

– Напяливай шмотки, и пошли. Мы же не хотим опоздать, блин.

– Блин, – автоматически повторил Натт, наматывая огромный шарф на шею.

– Че? – Трев нахмурился.

– Че? – сдавленно переспросил Натт. Шарфа было очень много. Он почти полностью закрывал рот.

– Ты, типа, меня за стручок решил подергать, а? – поинтересовался Трев, протягивая ему ветхий свитер, весь вылинявший и обвисший от старости.

– Пожалуйста, мистер Трев! Я сам не знаю! Такое ощущение, что у вас очень много мест, за которые я могу случайно дернуть! – Натт натянул большую шапку с розовым помпоном. – Сколько на нас розового цвета,

мистер Трев. Мы просто источаем маскулинность.

– Не знаю, что лично ты источаешь, Гобби, но запомни одну штуку. «Давай, сыпь сюда, если ты такой крутой». Ну-ка, повтори.

– Давай, сыпь сюда, если ты такой крутой, – послушно повторил Натт.

– Сойдет, – Трев окинул его взглядом. – Запомни: если во время матча кто-нибудь, типа, начнет тебя толкать или затирать, просто скажи им это самое, и они увидят, чьи на тебе цвета. Тогда они, типа, подумают, прежде чем приставать. Усек?

Натт – выглядывая между огромной шапкой и шарфом, похожим на боа-конструктор, – кивнул.

– Ну, Гобби, ты теперь настоящий... *фанат*. Тебя бы мать родная не узнала.

После короткой паузы из недр ветхих шерстяных одеяний, похожих на пеленки для новорожденного гиганта, чьи родители не знали, кого им ожидать, послышался голос:

– Полагаю, это вы довольно верно подметили.

– Да? Ну, блин, тогда хорошо, че. Давай, пошли, парни ждут. Шевели ногами и не отставай.

– Запомни, это предварительная дружеская встреча между «Ангелами» и «Великанами», усек? – сказал Трев, когда они вышли под дождь, который потихоньку превращался в смог из-за вечно висящего над Анк-Морпорком облака дыма. – Те и другие, конечно, играют паршиво, ничего особого, но «Колиглазы» болеют за «Ангелов», усек?

Потребовались некоторые объяснения, но суть, насколько мог понять Натт, заключалась в следующем: «Колиглазы» оценивали все городские футбольные команды в зависимости от их физического, психологического или просто-напросто интуитивно ощущаемого сходства с ненавистными «Сестричками Долли». Так было испокон веков. Идя на матч между двумя чужими командами, ты автоматически, повинуюсь сложному, вечно меняющемуся графику любви и ненависти, болел за тех, кто был ближе к твоей родной почве или, точнее сказать, родным бульжникам.

– Ну, ты въехал? – наконец спросил Трев.

– Я запечатлел в памяти то, что вы сказали, мистер Трев.

– Да, блин, не сомневаюсь. И когда мы не на работе, зови меня просто Трев, ясно? – он дружелюбно ткнул Натта в плечо.

– Зачем вы это сделали, мистер Трев? – воскликнул Натт, и в его глазах, которые только и виднелись из-под шарфа, мелькнула обида. – Вы меня ударили!

– Я тебя не ударил, Гобби! Это был, типа, дружеский тычок. Чуешь разницу? Ты че, не знал? Я, типа, слегка тебя ткнул, чтоб показать, что мы друзья. Давай, ткни меня тоже. Ну же, – Трев подмигнул.

Будь вежливым, а главное, ни на кого не поднимай в гневе руку...

Натт сказал себе: «Но ведь это совсем другое, правда?» Трев был его другом. Друзья обмениваются тычками в знак привязанности. Дружеский жест, и ничего более.

Он слегка хлопнул по дружескому плечу.

– Это, типа, ты меня ткнул? – поинтересовался Трев. – Это, по-твоему, был тычок? Ты че, девчонка? Как ты ваще выжил, если даже ткнуть как следует не умеешь? Давай, попробуй еще разок!

И Натт попробовал.

Стать одним из толпы? Это противоречило всему, за что стояли волшебники – а волшебник не станет стоять, если можно посидеть. Но даже сидя, нужно, так сказать, быть на голову выше толпы. Разумеется, мантия иногда мешалась, особенно когда волшебник работал в кузнице, создавая какой-нибудь магический металл, мобилоидное стекло или иной пустячок (в области практической магии считалось счастливой случайностью, если в процессе ты себя не поджег). Поэтому у каждого волшебника имелись кожаные брюки и запачканная, прожженная кислотами блуза. Это была общая маленькая грязная тайна – строго говоря, не такая уж тайна, зато очень грязная.

Чудакулли вздохнул. Его коллеги попытались приобрести облик простых горожан, хотя имели лишь самые смутные представления о том, как выглядят современные простые горожане. И теперь они хихикали, поглядывали друг на друга и отпускали замечания вроде: «Боги мои, ты б хоть надел что почище, старина». Рядом, с крайне смущенным видом, стояли двое университетских слугообразов, явно не зная, куда девать ноги, и втайне мечтая тихонько покурить где-нибудь в теплом уголке.

– Господа, – начал Чудакулли и, сверкнув глазами, добавил: – Или, скорее, собратья по ручному и умственному труду. Сегодня вечером мы... да, Главный философ?

– Можно ли назвать нашу деятельность трудом? В конце концов, это университет, – заметил Главный философ.

– Я согласен с Главным философом, – подхватил профессор самых современных рун. – По университетскому статуту, нам воспрещается совершать магические действия выше четвертого уровня иначе как в пределах университета, если только на это не будет специальной просьбы

городских властей или, согласно третьему параграфу статута, нам самим не захочется. Мы – местоблюстители, а следовательно, нам воспрещается трудиться.

– Вам больше нравится определение «ручное и умственное околачиванье груш»? – поинтересовался Чудакулли, которому всегда было интересно, как далеко ему позволят зайти.

– Ручное и умственное околачиванье груш, согласно статуту, – чопорно поправил Главный философ.

Чудакулли сдался. Он весь день мог так развлекаться, но, тем не менее, потехе час.

– Раз *об этом* мы наконец договорились, я должен сказать, что попросил нашего верного мистера Нечестера Оттоми и мистера Альфа Шноббса сопутствовать нам в этом приключении. Мистер Шноббс утверждает, что мы не привлечем нежелательного внимания, поскольку не носим футбольных знаков различия.

Волшебники нервно кивнули мистеру Оттоми и мистеру Шноббсу. Слугобразы состояли при университете, а волшебники *были* университетом, не так ли? В конце концов, Незримый Университет – это не только кирпичи и цементный раствор, это люди, а именно – волшебники. Но слугобразы, все без исключений, пугали их до судорог. Эти дюжие здоровяки, с лицами, как будто вырезанными из бекона, были потомками и почти точными копиями людей, которые некогда гоняли по туманным ночным улицам самих волшебников, когда те, в свою очередь, были моложе и проворнее. Просто удивительно, какую скорость удастся развить, когда на пятки тебе наступает парочка слугобразов. В случае поимки помянутые слугобразы, которые с огромным удовольствием проводили в жизнь внутренние университетские законы и нетривиальные правила, волокли нарушителей пред очи аркканцлера и обвиняли их в Попытке Напиться Обманным Образом. Студенты предпочитали отбиваться – считалось, что слугобразы не отказываются от небольшой классовой войны. С тех пор прошло много лет, но даже теперь внезапное появление слугобраза заставляло людей, у которых после имени стояло больше букв, чем в крестословице, самым постыдным образом цепенеть от ужаса.

Мистер Оттоми, вполне сознавая это, злобно усмехнулся и коснулся форменной фуражки.

– Вечер добрый, господа, – сказал он. – Ни о чем не извольте беспокоиться. Мы с Альфом все уладим. Пора выдвигаться, потому как веселье начнется через полчаса.

Главный философ не был бы Главным философом, если бы любил

тишину. Когда они все вышли через заднюю дверь, морщась от непривычного соприкосновения коленей с тканью, он повернулся к мистеру Шноббсу и сказал:

– Шноббс... это не самая распространенная фамилия. Скажи, Альф, ты случайно не родственник знаменитому капралу Шнобби Шноббсу, который служит в Страже?

Мистер Шноббс выдержал удар достойно, заметил Чудакулли, хоть разговор и шел неофициально.

– Никак нет, сэр.

– Может быть, отдаленная ветвь...

– Нет, сэр. Совершенно другое дерево.

Стоя в сумрачной прихожей, Гленда посмотрела на свой саквояж и совсем отчаялась. Она неделю за неделей прибегала к помощи коричневого сапожного крема, но саквояж был куплен в сомнительной лавчонке, и из-под якобы кожаного верхнего слоя начал проглядывать картон. Клиенты не обращали на это никакого внимания, зато сама Гленда все подмечала, даже если саквояж стоял не на виду.

В течение одного-двух часов во время выходного вечера, который выпадал ей раз в неделю, она вела тайную жизнь. Иногда даже дольше, если удавалось заскочить к кому-то без предварительной договоренности.

Гленда посмотрела на свое лицо в зеркале и произнесла голосом, исполненным бодрости:

– Все мы знаем, как нелегко вывести листву под мышками. Так трудно поддерживать лишайник в здоровом состоянии. Но... – она помахала синезеленым пузырьком с золотистой пробкой, – несколько капель «Вечной весны» решат эту проблему! Все трещины будут оставаться влажными и свежими двадцать четыре часа!

Гленда запнулась, потому что вообще-то ей не был свойственен этот тон. У нее не получалось говорить бодро и весело. «Вечная весна» стоила по доллару за пузырек! Кто способен позволить себе такую роскошь? Ну... многие троллихи, например. И мистер Рукисила объяснил, что все нормально, потому что у троллей водятся деньги, и потом, мох от этой штуковины действительно растет лучше. Гленда сказала: ладно, но доллар за блестящий пузырек с удобрением все же дороговато. А он заявил: не забывай, ты продаешь Мечту.

А троллихи ее покупали. Это-то и тревожило Гленду. Они покупали «Вечную весну» и рекомендовали подругам. Город узнал, что такое Бремя Денег. Так писали в газетах. В Анк-Морпорке всегда жили тролли – они

таскали тяжести и, в общем, держались на заднем плане (а чаще всего и были этим самым задним планом). Но теперь они растили семьи и открывали собственный бизнес, двигались вперед и вверх, продавали и покупали, а значит, стали наконец людьми. И были в городе такие, как господин Рукисила – гном, продававший косметику каменным дамам и девицам, с помощью дам и девиц вполне человеческих, вроде Гленды. Хотя гномы и тролли были теперь официально друзьями благодаря какой-то штуке под названием Кумское Соглашение, такие вещи что-то значат лишь для тех, кто упомянутые соглашения подписывает. Даже самые благонамеренные гномы не рискнули бы заглянуть в кое-какие переулки, куда Гленда каждую неделю отправлялась со своим сомнительным, наполовину картонным саквояжем, в котором лежала Мечта. Она имела возможность немного развеяться и побаловать себя, а вдобавок и отложить денежки на черный день. А еще мистер Рукисила ловко умел придумывать новенькое. Кто бы догадался, что троллихам понравится тональный лосьон? Но они покупали! Покупали что угодно. Покупали дорогие глупости, и Гленда чувствовала себя премерзко.

Ее уши, которые всегда были настороже, услышали, как в соседнем доме медленно приоткрылась дверь. Ха! Джульетта так и подпрыгнула, когда рядом с ней внезапно возникла Гленда.

– Куда-то собралась?

– Просто, типа, хотела посмотреть игру.

Гленда окинула взглядом улицу. За углом стремительно скрылась какая-то фигура. Гленда расплылась в широкой улыбке.

– О. Отличная идея. А я как раз ничем не занята. Подожди, я захвачу шарф, ладно?

Мысленно она добавила: «Не надейся, парень!»

С глухим стуком, который заставил голубей вспорхнуть и разлететься, как лепестки взорвавшейся маргаритки, библиотекарь приземлился на любимую крышу.

Он любил футбол. Крики и драки каким-то образом пробуждали в нем память предков. Что было весьма странно, поскольку, строго говоря, его предки на протяжении веков торговали зерном и фуражом и ходили на двух ногах, а главное, страшно боялись высоты.

Библиотекарь сел на парапет, свесив задние руки через край, и раздул ноздри, принюхиваясь к поднимавшимся снизу запахам.

Говорят, что со стороны всегда виднее. Но библиотекарь не только видел, но и чуял. Он наблюдал со стороны за игрой, которая называлась

«люди». Не проходило и дня, чтобы он не возблагодарил магический инцидент, который внес небольшие поправки в его набор генов. У приматов все просто. Ни один примат не станет рассуждать: «Гора и существует и не существует одновременно». Он рассуждает так: «Банан существует. Я съем банан. Теперь банана не существует. Значит, нужен следующий банан».

Библиотекарь задумчиво очистил банан, наблюдая за разворачивающимися внизу событиями. Со стороны видно не только лучше, но и больше.

Люди прибывали с обоих концов улицы, выходили из переулков. В основном зрители были мужчины, причем ярко выраженные. Женщины принадлежали к двум категориям. Одних влекли сюда узы родства либо матримониальные планы (после чего они переставали притворяться, что эта дурацкая беготня их хоть в какой-то степени увлекает), другие были пожилыми матронами, такими милыми старушками, окруженными облаком лаванды и мяты, которые во всю глотку орали, вне зависимости от того, кто побеждал: «А ну, врежь ему по шарам!» и прочие наставления в том же духе.

Библиотекарь ощутил еще один запах, который уже научился распознавать, хоть и не успел исследовать. Запах Натта. С ним смешивались запахи свечного сала, дешевого мыла и поношенной одежды, которые обезьянья часть натуры библиотекаря пометила ярлычком «тот парень с жестянкой». «Тот парень с жестянкой» был всего лишь еще одним слугой в огромном университетском лабиринте – но он дружил с Наттом, а Натт был важной персоной. Впрочем, важная персона ошиблась. Мир не желал видеть Натта – но все-таки он пришел, и мир уже начинал сознавать его присутствие.

Библиотекарь хорошо знал, что это такое. В мировом порядке вещей не существовало ниши для библиотекаря-орангутана, пока он не создал ее сам. Мироздание всколыхнулось, и его жизнь превратилась в нечто очень странное.

Легкий ветерок донес еще один запах. Ну, это было легко угадать. Громкая «девушка с банановым пирогом». Библиотекарю она нравилась. Да, она завопила и убежала, когда увидела его в первый раз. Они все пугались и убегали. Но она вернулась, и от нее пахло стыдом. Вдобавок она признавала примат слова над бытием, и сам он, будучи приматом, – тоже. Иногда она пекла ему банановый пирог, что было очень приятно. Библиотекарь ценил знаки внимания. Вряд ли он знал, что такое любовь – она всегда казалась ему чем-то эфемерным и чересчур сентиментальным, – зато ценил доброту как вещь весьма практичную. Если человек к тебе добр,

ты это сразу понимаешь, особенно если держишь в руке пирог, которым тебя только что угостили.

И она тоже дружила с Наттом. Для существа, которое взялось из ниоткуда, Натт слишком легко заводил друзей. Интересно...

Библиотекарь, вопреки очевидному, любил порядок. Трактаты о капусте стояли на полках в отделе «Крестоцветные», (блит) НУССФИ890—9046 (антиблит 1.1), тогда как «Большое приключение господина Брокколи» следовало поместить в НУСС Д.2 (>блит 9), а «Дао Капусты», несомненно, в ННСС (блит+) 60-сп55-о9-нл (блит). Для всякого, кто имел представление о семимерной библиотечной системе в блит-пространстве, это было ясно как день, если не забывать про блит, разумеется.

А, вот появились и волшебники – они неловко шагали в тесных брюках и так старались не выделяться из толпы, что окружающие непременно обратили бы на них внимание, будь им хоть капельку интересно.

Никто не обращал внимания. Чудакулли это одновременно волновало и зачаровывало. В обычное время островерхая шляпа, мантия и посох расчищали дорогу быстрее, чем тролль с топором.

Их толкали! И пихали! Но это оказалось не так уж неприятно, как можно было подумать. Они чувствовали умеренное давление со всех сторон, по мере того как люди прибывали и прибывали, словно волшебники стояли по грудь в морской воде и колыхались, повинуясь медленному ритму прибоя.

– Ох, боги, – сказал заведующий кафедрой бесконечных штудий. – Футбол весь такой? Скучновато, надо признаться.

– Кто-то упоминал про пироги, – заметил профессор самых современных рун, вытягивая шею.

– Еще не все собрались, шеф, – сказал Оттоми.

– И как мы пойдем, что происходит?

– Следите за Толкучкой, шеф. Обычно те, кто стоит ближе, начинают орать.

– О, я вижу продавца пирогов, – сказал заведующий кафедрой бесконечных штудий. Он шагнул вперед, накатила случайная волна, и он исчез в толпе.

– Ну как, мистер Трев? – спросил Натт, стоя в людском водовороте.

– Блин, я чуть кони не двинул, простите мой клатчский, – буркнул Трев, прижимая пострадавшую руку к груди. – Ты уверен, что у тебя не

было молотка?

– Не было, мистер Трев. Я прошу прощения, но вы сами попросили...

– Знаю, знаю. Где ты научился так лупить?

– Я нигде не учился, мистер Трев. Я не должен поднимать руку на другого! Но вы так настаивали, что я...

– В смысле, типа, ты ж такой хлипкий.

– У меня длинные кости, мистер Трев, и длинные мышцы. Честное слово, мне очень жаль!

– Забей, Гобби, я сам виноват, я ж, это, не знал, какой ты здоровый...

Внезапно Трев полетел вперед и врезался в Натта.

– Где тебя носит, старик? – поинтересовался человек, который только что наградил его сильным тычком в спину. – Мы ж забили стрелку у лотка с угрями.

Говоривший посмотрел на Натта и прищурился.

– А это что за тип, который думает, что он один из нас?

Он, в общем, смотрел не так уж сердито, но чаша весов склонялась явно в неблагоприятную сторону.

Трев отряхнулся. Вид у него был непривычно смущенный.

– Здорово, Энди. Э... это Натт. Он у меня работает.

– Кем, ершиком для унитаза? – спросил Энди. Стоявшая у него за спиной компания захохотала. Что бы ни сказал Энди, они всегда смеялись. Любой чужак замечал это, во-вторых. Во-первых, он замечал странный блеск в глазах Энди.

– Папаша Энди – капитан «Колиглазов», Гобби.

– Приятно познакомиться, сэр, – сказал Натт, протягивая руку.

– О-о, приятно познакомиться, сэр! – передразнил Энди, и Трев вздрогнул, когда мозолистая рука размером с суповую тарелку стиснула тонкие, как соломинки, пальцы Натта.

– Рука у него как у девчонки, – заметил Энди, слегка усилив хватку.

– Мистер Трев рассказывал мне удивительные вещи про «Колиглазов», сэр, – произнес Натт.

Энди вдруг охнул. Трев заметил, что костяшки пальцев у него побелели. А Натт добродушно продолжал:

– Спортивное братство – удивительная вещь.

– Э... ну да, – проговорил Энди, наконец высвободив руку. Он был зол и озадачен.

– А это мой кореш Макси, – поспешно встрял Трев, – а это Люк по кличке Пук...

– Меня теперь звать Великий Пук, – поправил Люк.

– Как скажешь, старик. Это Джумбо. Поосторожней с ним. Он вор. Вскроет любой замок быстрее, чем успеешь сморкнуться.

Упомянутый Джумбо продемонстрировал маленькую бронзовую бляху.

– Гильдия Воров, – произнес он. – Всяких левых парней они за уши прибивают к косяку.

– То есть вы зарабатываете на жизнь тем, что нарушаете закон? – в ужасе переспросил Натт.

– Ты че, никогда не слышал про Гильдию воров? – спросил Энди.

– Гобби в городе недавно, – примирительно сказал Трев. – И он, типа, редко выходит на улицу. Он гоблин. Откуда-то с гор.

– Ага. Приперся сюда отбивать у нас работу? – поинтересовался Люк.

– Ты ж все равно нигде не работаешь, – заметил Трев.

– Да-а, но, мож, однажды захочу.

– Говорят, гоблины доят по ночам чужих коров, – сказал Энди. Как по сигналу, вновь раздался смех. К удивлению Натта, вступительный обмен репликами закончился. Он ожидал, что кто-нибудь упомянет ворованных цыплят, но вместо этого Люк вытащил из кармана две жестянки и бросил Натту и Треву.

– Я тут немного, типа, подработал – разгружал баржу в доках, – сказал он с таким видом, словно случайной подработкой нанес кому-то оскорбление. – Баржа была из ХХХХ.

Джумбо снова порылся в кармане и извлек краденые часы.

– Начало через пять минут, – объявил он. – Ну, че, понеслось? Э... не возражаешь, Энди?

Тот кивнул, и у Джумбо явно отлегло от сердца. Было очень важно, что Энди не возражал.

Энди по-прежнему наблюдал за Наттом, украдкой массируя руку. Так кошка наблюдает за неожиданно дерзкой мышью.

Мистер Оттоми откашлялся, отчего его красный кадык запрыгал туда-сюда, как нерешительное солнце. Публично орать он любил, и это у него хорошо получалось. А вот публично говорить... дело совсем другое. И притом унижительное.

– Э... господа... вот-вот здесь начнется упомянутый футбол, и едва ли не самое в нем главное – это Толкучка, и в ней, господа, вы скоро примете участие...

– А я думал, мы будем наблюдать за двумя группами игроков, одна против другой, которые пытаются забить гол в противоположные ворота.

– Не исключено, сэр, не исключено, – подтвердил слугообраз, – но на улицах, извольте видеть, ярые болельщики с обеих сторон изо всех сил пытаются сократить размеры поля, так сказать, в зависимости от хода игры.

– Ты имеешь в виду, толпа – это, своего рода, живая стена? – уточнил Чудакулли.

– Вроде того, сэр. Да, сэр, – преданно отозвался Оттоми.

– А ворота?

– О, зрителям позволяется их передвигать.

– Прошу прощения? Публике можно двигать ворота?

– Прямо в точку попали, сэр.

– Но это же абсолютная анархия! Хаос!

– Старики говорят, футбол покатился по наклонной, сэр. Что есть, то есть.

– Он не только покатился по наклонной, он давно выкатился за всякие рамки!

– По-моему, в этой игре магии самое место, – заметил доктор Икс. – Предлагаю попробовать.

– Я вам, как умному человеку, скажу, – произнес Оттоми с нечаянной точностью. – Ваши кишки на подвязки пустят, если вздумаете испробовать магию на тех парнях, которые в наши дни играют в футбол. Они настроены очень серьезно.

– Мистер Оттоми, я уверен, никто из моих коллег не носит подвязки... – Чудакулли замолчал и прислушался к Думмингу Тупсу, который что-то ему прошептал. Затем аркканцлер продолжал: – Ну... один, максимум двое. Мир был бы скучным местом, будь все одинаковы, вот каково мое мнение.

Он огляделся и пожал плечами.

– Значит, это и есть футбол? Иссохшая оболочка игры... Лично я не намерен стоять целый день под дождем, пока другие развлекаются. Идемте искать мяч, господа. Мы ведь волшебники. Какая-то польза от этого есть.

– А я думал, сейчас мы «простые парни», – заметил профессор самых современных рун.

– Никакой разницы, – ответил Чудакулли, стараясь разглядеть что-нибудь поверх голов толпы.

– Ну, нет!

– Если не ошибаюсь, – сказал Чудакулли, – «простой парень» любит выпивать с приятелями, и чтобы женщины не мешали. Я прав? Короче говоря, хватит спорить. Не отставайте, мы идем смотреть футбол.

Рвение волшебников удивило Оттоми и Шноббса, которые до сих пор

считали своих работодателей рыхлыми склеротичными созданиями, совершенно оторванными от реальной жизни. Но чтобы, во-первых, стать старшим волшебником, а во-вторых, остаться им, нужно немало решимости, недоброжелательства и присахаренного высокомерия, которое отличает всякого настоящего джентльмена («О, так это ваша нога? Мне страшно жаль, что так получилось!»).

И, разумеется, здесь был доктор Икс – весьма полезный человек в случае какой-нибудь заварушки, потому что университетский статус официально назначил его плохим парнем. Незримый Университет именно так относился к неизбежному^[6].

Менее зрелая организация, чем Незримый Университет, решила бы, что подобных ренегатов непременно надлежит отслеживать и изгонять, ценой большого риска и затрат. Университет же, напротив, дал Иксу и его адептам отдел, бюджет и карьеру, а также возможность время от времени удаляться в какую-нибудь темную пещеру или швырять огнем в нелегализованных злых волшебников. Система прекрасно работала, пока кто-нибудь не намекал, что отдел посмертных связей – это на самом деле, если хорошенько вдуматься, всего лишь вежливое обозначение н-е-к-р-о-м-а-н-т-и-и, не так ли?

Поэтому доктора Икса терпели как полезного, хоть и слегка неприятного члена университетского совета – в основном потому, что ему (согласно статуту) позволялось говорить гадости, которые другим волшебникам очень хотелось бы сказать и самим. Человек в черной мантии, с хохолком на лбу, с перстнем в виде черепа и зловещим посохом просто обязан сеять вокруг некоторую толику зла, хотя университетский статут определял «приемлемое зло» как небольшие неудобства, сравнимые с запутавшимися шнурками или внезапным приступом чесотки в области паха. Таким образом, соглашение было достигнуто не самое выгодное, зато в лучших традициях университета: Икс любезно занял нишу, которую в противном случае мог бы занять какой-нибудь другой волшебник, испытывающий искреннее влечение к разлагающимся трупам и хорошо вываренным черепам. Да, Икс вечно подсовывал коллегам бесплатные билеты в театр (он был прямо-таки помешан на любительских спектаклях), но, взвесив все варианты, волшебники дружно пришли к выводу, что это лучше, чем трупы и черепа.

Для Икса толпа предоставляла массу возможностей, которые не стоило упускать. Во-первых, множество шнурков, которые можно было завязать хитроумным образом, а во-вторых, множество карманов. У Икса в

мантии^[7] всегда лежали контрамарки на следующий спектакль. Он ведь не шарил по карманам. Даже наоборот. Он рассовывал в них контрамарки.

Этот день был сплошной загадкой для Натта – и загадкой оставался, делаясь все загадочнее с каждой минутой. Вдалеке послышался свисток, и где-то в колыхающейся, толкающейся, тесной и, в большинстве своем, нетрезвой толпе началась игра. Наверное. Пришлось поверить Треву на слово. Издалека доносились охи и ахи, толпа то напирала, то отступала в ответ. Трев и его приятели, которые называли себя (как слышалось Натту) Три Гада, пользовались всяким случайным просветом, чтобы подобраться еще ближе к загадочной игре. Они крепко упирались ногами в землю, когда толпа нажимала, и что есть силы проталкивались вперед, когда волна откатывалась. Толкайся, жми, лезь... и что-то в душе Натта отозвалось. Он чувствовал это подошвами и ступнями, оно с соблазнительной легкостью проникло в мозг, согрело, сорвало все наносное и сделало Натта живой, пульсирующей частицей огромного организма.

Где-то в дальнем конце поля началось пение. Чем бы оно ни было изначально, до Натта оно докатилось в виде четырехсложного рева, который издавали сотни людей, подогретые многочисленными галлонами пива. Смолкнув, пение унесло с собой теплое ощущение причастности, оставив в душе зияющую дыру.

Натт заглянул в глаза Треву.

– Что, почуял? – спросил тот. – Это бывает быстро, да.

– А что... – начал Натт.

– Мы об этом не говорим, – спокойно перебил Трев.

– Но оно обратилось ко мне без...

– Мы об этом не говорим, усек? Не говорим, и всё. Смотри, там пустое место, их подвинули! А ну толкай, ребята!

Натт хорошо умел толкать. Очень хорошо. Под его неумолимым напором люди скользили или просто откатывались в сторону, скребя подкованными башмаками по булыжникам. В конце концов владельцы этих башмаков, в отсутствие иного выбора, оказывались уже не впереди, а сбоку и позади Натта и Трева, озадаченные, сбитые с толку и злые.

Кто-то яростно дергал Натта за ремень.

– Эй, хорош толкать! – крикнул Трев. – Остальные отстали!

– На самом деле моему дальнейшему продвижению слегка препятствует лоток с гороховыми пирогами и похлебкой. Я изо всех сил стараюсь, мистер Трев, но все-таки он меня тормозит, – через плечо

пожаловался Натт. – А еще тут мисс Гленда. Здравствуйте, мисс Гленда.

Тревоглянулся. Позади шла драка, и он слышал боевой клич Энди. Вокруг Энди всегда завязывалась драка – а если нет, он завязывал ее сам. Но Энди нужно было поддерживать, потому что... В общем, нипочему. Просто нужно. Он...

Гленда? Значит, *Она* тоже там, с ней?

Вдалеке послышался какой-то шум, и странный продолговатый предмет, завернутый в рваные тряпки, взмыл в воздух и снова скрылся, под одобрительные крики и свист толпы. Тревобывал в первых рядах неоднократно, а потому особого восторга не испытал. Мяч он уже видел десятки раз.

Как долго Натт толкал перед собой, точно плуг, лоток с пирожками? «Ох, боги, – подумал Трево – вот так игрока я нашел. Каким чудом, блин? Он же такой хлипкий!»

Поскольку в толпе обойти кругом было невозможно, Тревопрополз у Натта между ног. Несколько секунд он рассматривал снизу широкий ассортимент подошв и башмаков, пока прямо перед ним не оказались две ноги, значительно более привлекательные, нежели нижние конечности Натта. Тревовынырнул в нескольких дюймах от молочно-голубых глаз Джульетты. Она отнюдь не казалась удивленной; удивление – это вещь мимолетная. К тому времени, когда мозг Джульетты наконец фиксировал удивление, удивляться уже было нечему. Гленда, напротив, принадлежала к тем людям, которые немедленно бросают объект удивления на наковальню гнева и принимаются яростно обрабатывать молотком. Когда их взгляды встретились и птички, образно выражаясь, прочистили горлышки, чтобы спеть серенаду, Гленда выросла между Тревом и Джульеттой и спросила:

– Какого черта ты тут делаешь, Тревор Навроде?

Птички улетели.

– А *ты* что тут делаешь? – спросил Трево. Ответ был не самый остроумный, но ничего лучше он не придумал. Сердце у него так и прыгало.

– Нас затолкали, – прорычала Гленда. – И это были вы, парни!

– Мы? Я тут вообще ни при чем, – возмущенно ответил Трево. – Это всё...

Он замолчал. «Это был Натт»? Перепуганный и тощий, как будто в жизни не ел досыта.

«Я бы сам себе не поверил, если бы такое услышал».

– Это всё те, сзади, – неуклюже закончил он.

– Вас тролли подпирали, что ли? – поинтересовалась Гленда, словно

источая укус. – Мы бы вылетели прямо на поле, если бы не мистер Натт!

Такая несправедливость потрясла Трева, но он решил воздержаться и не спорить с Глендой. В ее глазах Натт был непогрешим, а от Трева ничего хорошего ждать не приходилось, и он даже не стал бы возражать, хотя и предпочел бы, чтобы о нем думали как о человеке, от которого не приходилось ждать ничего особенно плохого.

Но Джульетта стояла прямо перед ним и улыбалась. Когда Гленда отвернулась, чтобы поздороваться с Наттом, она что-то сунула в руку Треву и тут же отодвинулась, как будто ничего не произошло.

Треву с бьющимся сердцем разжал ладонь и увидел маленький эмалированный черно-белый значок, еще хранящий тепло Джульетты. Значок вражеской команды.

Треву быстро стиснул кулак и огляделся: не заметил ли кто-нибудь столь вопиющее предательство самого святого – то есть доброго имени «Колиглазов». А вдруг его действительно собьет с ног какой-нибудь тролль и кто-нибудь из знакомых парней найдет у него этот значок? А вдруг это будет сам Энди?

Но ведь значок подарила Она. Треву сунул подарок в карман и затолкал на самое дно. Он предчувствовал, что будет нелегко, а Треву был не из тех, кто любит сложности.

Владелец пирожного лотка, предприимчиво распродавший изрядное количество снэди во время вынужденного путешествия по булыжникам, подошел к Треву и протянул пакетик с горячим горохом.

– Ну и крут твой приятель, – сказал он. – Он что-то типа тролля, э?

– Нет. Гоблин, – ответил Треву, слышав, что шум потасовки приближается.

– А я думал, они такие мелкие поганцы...

– А он нет, – сказал Треву, мысленно желая, чтобы этот субъект наконец отвязался.

И тут вокруг настала внезапная тишина. Так бывает, когда люди задерживают дыхание. Треву поднял голову и увидел мяч. Второй раз за игру.

Мяч представлял собой осиновый чурбак, обтянутый кожей и, наконец, обмотанный многочисленными слоями тряпок, за которые можно было ухватиться. Он с безошибочной и неизбежной точностью опускался прямо на хорошенькую головку Джульетты. Не успев ни о чем подумать, Треву бросился к девушке и опрокинул под тележку. Мяч глухо стукнул о булыжники на том самом месте, где Она почтила мир своим присутствием.

Немало мыслей посетили Треву, когда мяч ударился о мостовую.

Джульетта лежала в его объятиях, пусть Она и жаловалась, что запачкала пальто. Не исключено, что он спас ей жизнь и с романтической точки зрения получил несомненный бонус, но... Да. Если кто-нибудь, и неважно с чьей стороны, об этом пронюхает, в ту же минуту Трева посетит чей-то подкованный башмак.

Джульетта хихикнула.

– Ш-ш! – велел Трев. – Только не шуми, если не хочешь, чтоб твои шикарные волосы срезали под самый корень!

Он выглянул из-под лотка и ничего внимания не привлек.

Возможно, потому, что Натт, подобрав мяч, поворачивал его туда-сюда, нахмутив ту немногую часть своего, вежливо выражаясь, лица, которая виднелась из-под шарфа.

– И всё? – спросил он у потрясенной Гленды. – Какое неподобающее завершение приятного общественного сборища с весьма любопытным угощением. Где эта злополучная штуковина должна находиться?

Гленда, зачарованная зрелищем, указала дрожащим пальцем куда-то вниз по улице.

– Там, где стоит большой шест, окрашенный в белый цвет и... э... слегка забрызганный красным у основания.

– О, спасибо, я вижу. В таком случае я сейчас... послушайте! Пожалуйста, перестаньте толкать! – попросил Натт, обращаясь к толпе, которая вытягивала шеи, чтобы лучше видеть.

– Но ты его ни за что не добросишь! – закричала Гленда. – Просто положи мяч на землю и отойди!

Натт что-то буркнул, и в мире воцарилась абсолютная тишина. «О нет, – подумал Трев. – До ворот ярдов сто пятьдесят, а мяч летает не лучше пустого ведра. Он в жизни не сумеет...»

Тишину нарушил далекий «чпок», и тут же раздался рев.

Трев посмотрел через плечо. Шестидесятифутовая стойка ворот наконец уступила термитам, гнили, силе притяжения и Натту. Она переломилась у основания и рухнула, подняв облако пыли. От потрясения Трев даже позабыл, что рядом с ним стоит Джульетта^[8].

– Это, типа, какой-то знак? – спросила она. Джульетта верила в знаки.

Но прямо сейчас Трев больше верил в то, что нужно ткнуть пальцем в противоположный конец улицы и гаркнуть: «Он побежал вон туда!» Затем он рывком поднял на ноги Джульетту, толкнул Натта и приказал:

– Двинули!

Гленде он ничем помочь не мог, но зачем? Пока он держал Джульетту за руку, Гленда сама неслась бы за ним, как орлица.

Одни пытались пробраться к обрушившимся воротам, другие – определить наиболее вероятное положение того, кто издали забил гол. Трев ткнул пальцем наугад и заорал:

– Он туда побежал! Большой парень в черной шляпе!

Неразбериха всегда бывает на руку, если сам ты знаешь, что делать. Когда кричат «лови-держи», главное – не оказаться тем, кого ловят.

Они остановились, отмахав несколько переулков. Где-то вдалеке еще продолжалась сумятица, но в городской толпе затеряться проще, чем в лесу.

– Послушайте, мне, наверное, стоит вернуться и извиниться, – начал Натт. – Я с легкостью могу сделать новый столб...

– Очень жаль тебя разочаровывать, Гобби, но, боюсь, парни, которых ты разозлил, не станут слушать извинения, – прервал Трев. – Эй, вы, не отставайте.

– А почему они разозлились?

– Ну, мистер Натт, во-первых, вы не имели права забивать гол, потому что это не ваша игра и вы в любом случае зритель, а не участник, – сказала Гленда. – А во-вторых, вы ударили с такой силой, что могли кого-нибудь убить!

– Нет, мисс Гленда, заверяю, что никак не мог. Я намеренно целился в столб.

– И что? Это не значит, что вы наверняка должны были попасть!

– Э... извините, мисс Гленда, я как раз не сомневался, – промямлил Натт.

– Как ты это вообще проделал? Столб разлетелся в щепки! Столбы не растут на деревьях! У нас всех будут неприятности!

– А почему ему нельзя сыграть? – спросила Джульетта, разглядывая свое отражение в витрине.

– Что? – переспросила Гленда.

– Блин, – отозвался Трев. – Да если взять такого игрока в команду... команда уже будет не нужна!

– Тем меньше проблем, – заметила Джульетта.

– Да уж, – сказала Гленда, – но тогда пропадет весь интерес. Футбол просто перестанет существовать...

– За нами наблюдают, – произнес Натт. – Прошу прощения, что перебил.

Трев оглянулся. На улице былолюдно, но все занимались своими делами.

– Никому мы здесь не нужны, Гобби. Мы оторвались.

– Я буквально кожей чувствую, – настаивал Натт.

– Что, через столько слоев? – спросила Гленда.

Он обратился к ней круглыми грустными глазами.

– Да, – сказал он и вспомнил, как ее светлость испытывала эту его способность. Тогда казалось, что они просто играли...

Он поднял голову, и за парапет поспешно спряталась чья-то огромная голова. Слабо пахло бананами. Ах вот оно что. Натт ничего не имел против библиотекаря. Он видел иногда, как тот лазает по трубам в подвале.

– Отведи ее домой, – сказал Трев Гленде.

Та вздрогнула.

– Не самая лучшая идея. Старый О’Столлоп спросит, что она видела на игре.

– И?

– И она расскажет. Что и кого она видела...

– А соврать она не может?

– Уж точно не так, как ты, Трев. Джульетта плохо умеет выдумывать. Послушайте, давайте лучше вернемся в университет. Мы все там работаем, и я частенько захожу в свободное время, чтобы наготовить еды про запас. Мы пойдем прямой дорогой, а вы двое – кружкой. Мы никогда друг друга не видели, ясно? И, ради всего святого, проследи, чтобы он не наделал глупостей!

– Прошу прощения, мисс Гленда, – робко воззвал Натт.

– Да? Что?

– К кому из нас вы сейчас обращались?

– Я вас подвел, – подытожил Натт, когда они шагали по улицам, запруженным толпой, которая расходилась после матча. По крайней мере, шагал Трев, а Натт передвигался какой-то странной походкой, которая наводила на мысль, что у него поврежден таз.

– Да не, никаких проблем, – отозвался Трев. – И вообще, все на свете поправимо. Уж я-то знаю. Что люди видели? Какого-то пацана в цветах «Колиглазов». Нас таких тысячи. Не дрейфь. Э... а почему ты такой сильный, Гобби? Ты же, всю жизнь гири тягал?

– Вы правы в своем предположении, мистер Трев. До того как родиться, я действительно зачастую таскал тяжести. Но тогда, конечно, я был еще ребенком.

Они некоторое время шли молча, и наконец Трев сказал:

– А ну, повтори. Че-то я в толк не возьму. Ты как скажешь, так прямо в башку не помещается и из уха торчит.

– Видимо, я непонятно выразился. Было время, когда мой разум

наполняла тьма. Но брат Овсец показал мне свет, и я родился.

– А, ты уверовал и все такое.

– И вот к чему я пришел. Вы спрашиваете, почему я такой сильный? Живя во мраке кузни, я часто таскал тяжести. Сначала я поднимал клещи, потом молоток поменьше, затем молоток побольше. Наконец я смог поднять наковальню. Это был хороший день. Я ощутил свободу.

– А зачем тебе было поднимать наковальню?

– Я был к ней прикован.

Они снова шли молча, пока Трев не спросил, осторожно подбирая слова:

– Наверное, жизнь там, в горах, типа, бывает нелегкой?

– Зато сейчас все уже не так плохо.

– Да, типа, стараешься думать только о хорошем, и все такое.

– Например, о некоей леди, мистер Трев?

– Да-а, раз уж ты спросил. Я про нее все время думаю. Она мне нравится! Но она, блин, из Долли!

Небольшая компания болельщиков обернулась и посмотрела на них, поэтому Трев понизил голос до шепота:

– У ее братцев кулаки размером с бычий зад!

– Я читал, мистер Трев, что любовь смеется над тюремщиками.

– Че, правда? Даже когда получает по роже бычьим задом?

– Об этом поэты умалчивают, мистер Трев.

– И потом, – продолжал Трев, – тюремщикам самим проблемы не нужны, они ребята тихие, спокойные. Прямо как ты. Ты-то небось отболтаешься, если что. И девчонкам такие, как ты, всегда глянутся. Ты, конечно, не картинка, скажем прямо, но девчонки любят, когда с ними разговаривают как по писаному. Тогда от них отбою не будет... только если вздумаешь отбиваться, с твоей силищей, конечно, надо поосторожнее, ничего личного.

Натт помедлил. Конечно, в его жизни были ее светлость и мисс Здравинг, но ни одна из них не подходила под определение «девчонки». Младшие Сестры, несомненно, были молоды и, предположительно, женского пола, но, по правде говоря, больше всего они походили на одаренных интеллектом кур и представляли не самое приятное зрелище за обедом. Опять-таки «девчонками» он бы тоже не рискнул их назвать.

– Я встречал не так уж много девчонок, – наконец произнес он.

– Взять хоть Гленду. Ты ей прямо приглянулся. Но смотри в оба – ей только волю дай, и она живо начнет тобой вертеть. Она уж такая, всеми командует.

– Я так понимаю, у вас с ней что-то было, – заметил Трев.

– А ты толковый парень. Башковитый. Прямо беда. Ну да, типа того, было. Я бы предпочел, чтоб между нами, типа, было не «что-то», а «кой-чего», только она знай хлопала меня по рукам... – Трев помедлил, ожидая увидеть огонек в глазах Натта. – Я пошутил, – без особой надежды добавил он.

– Спасибо, что сказали, мистер Трев. Я попробую расшифровать эту шутку на досуге.

Трев вздохнул.

– Но теперь-то я не такой. А Джульетта... Я, типа, прополз бы целую милю по битому стеклу, вот как, только чтобы поддержать ее за руку, и никаких фиглей-миглей, чесслово.

– Путь к сердцу возлюбленной можно проложить, написав стихи, – сказал Натт.

Трев слегка приободрился.

– А, ну языком трепать я умею. Если я ей, типа, напишу письмецо, ты ж его передашь, а? Я, например, напишу на дорогой бумаге что-нибудь этакое: «Ты мне нравишься, ты очень клевая, давай куда-нибудь сходим вместе, и никаких фиглей-миглей, зуб даю. С любовью, Трев». Как тебе?

– Ваши намерения по сути, несомненно, чисты и благородны, мистер Трев, но... э... если вы позволите мне предложить некоторую помощь...

– Слова надо подлиннее, да? И запустить как-нибудь покудрявей?

Но Натт уже не обращал на него внимания.

– Вот это клево, – произнес голос над головой Трева. – Ты кому собрался письма писать, умник?

У братьев О'Столлопов имелось одно положительное качество: они были не Энди. В глобальном смысле, конечно, противник не видел особой разницы, если умывался кровью. Но О'Столлопы просто знали, что против лома нет приема, а потому даже не пытались прибегнуть к какому-нибудь другому методу, в то время как Энди был просто психом, за которым шли только потому, что стоять за спиной у психа безопаснее, чем перед ним. Он становился таким обаятельным, когда на него внезапно накатывала очередная безумная смена настроения, и именно в этот момент следовало развернуться и бежать. Что касается О'Столлопов, у вдумчивого исследователя ушло бы совсем немного времени, чтобы понять, что Джульетта была мозговым центром семьи. С точки зрения Трева, достоинство было ровно одно: О'Столлопы считали себя умными, потому что никто и никогда их в этом не разуверял.

– А, так называемый мистер Трев, – сказал Билли О'Столлоп, ткнув

Трева пальцем, похожим на гигантскую сосиску. – Ты ж, типа, такой умный, вот и скажи, кто сломал ворота?

– Я стоял в Толкучке, Билли. Ниче не видел.

– Он будет играть за «Колиглазов», да? – настаивал Билли.

– Билли, даже твой папаша в лучшие годы и то не запустил бы мяч за сто ярдов! Ты ж знаешь. Так не бывает. Болтают, столб просто сам собой подломился, а кто-то пустил байку. Неужто я тебе совру, Билли?

Ложь в исполнении Трева зачастую стояла очень близко к правде.

– Соврешь, потому что ты «Колиглаз».

– Ладно, ладно, тут ты меня поймал, отпираться не стану, – Трев вскинул руки. – Я тебя очень уважаю, Билли, и все такое... Ворота сломал Натт. Больше ты от меня ничего не добьешься.

– Я тебе башку оторву, вот что, – сказал Билли, с ухмылкой глянув на Натта. – Этот хиляк даже мячик не поднимет!

И тут кто-то за спиной у Трева произнес:

– Эй, Билли, тебя что, выпустили погулять без намордника?

Натт услышал, как Трев пробормотал: «Ох, боги, а все так хорошо начиналось», прежде чем повернуться и сказать:

– Улица для всех, Энди. Мы просто, типа, болтаем.

– «Долли» убили твоего старика, Трев. Ты что, совсем стыд потерял?

Остальные члены Бригады стояли за спиной у Энди, и на лицах у них читался вызов пополам со смутным осознанием того факта, что их снова куда-то втягивают. Энди намеревался завязать свару на одной из главных улиц. Стража обычно ни во что не вмешивалась в переулках, но на открытом месте она была просто вынуждена принимать меры, если налогоплательщики жаловались. А поскольку уставшие копы не любят вынужденных мер, они обычно принимают их добросовестно и изо всех сил – чтобы с гарантией не повторять в обозримом будущем.

– А еще знаешь, что говорят? Что какой-то «Колиглаз» в Толкучке обнимал шлюшку из «Долли», – сказал Энди и опустил тяжелую руку на плечо Трева. – Колись, ты умный, ты всегда все раньше других знаешь.

– Шлюшку? – загремел Билли, у которого слова далеко не сразу проделывали путь от ушей до мозга. – Да ни одна девчонка в Сестричках Долли даже не посмотрит на вас, уродов!

– А, вот вы как, – сказал Люк по кличке Пук. С точки зрения Натта при подобных обстоятельствах это было все равно что подлить масла в огонь. «Возможно, – подумал он, – ритуал требует, чтобы обе стороны обменивались дурацкими оскорблениями, пока не почувствуют себя вправе атаковать. Именно об этом пишет доктор Фонмаусбергер в «Ритуальной

агрессии у половозрелых крыс».

Но тут Энди вытащил из-под куртки короткий кинжал. Это было мерзкое оружие, чуждое подлинному духу футбола, адепты которого, в общем, снисходительно относились к предметам, которые оставляли синяки и шрамы, резали, дробили, а в самом худшем случае – накал страстей и все такое – оставляли противника без глаза^[9]. Но Энди славился полным отсутствием тормозов. И если заводился один такой, появлялись и другие. В результате все парни, которые в противном случае пришли бы на матч с кастетом для храбрости, теперь ошутимо позвякивали на ходу, а упав, не могли встать без посторонней помощи.

И вот уже кто-то потянулся к оружию.

– Так, ну-ка успокойтесь, – предупредил Трев, отступая на шаг и примирительно размахивая пустыми руками. – Это людная улица, усекли? Если сэмы вас застукают, то будут лупить большими дубинками, пока, типа, кишки горлом не полезут, а почему? Потому что вы у них, типа, не в любимчиках ходите. Вы им задаете работенку и мешаете жрать пончики.

Он отступил еще немного.

– А потом за то, что вы своими башками попортили им дубинки, копы закатают вас в Танти, и будет вам приятная ночка в Цистерне. Че, уже бывали там? Так клево, что хочется вернуться?

Трев с удовольствием отметил выражение испуга на всех лицах, кроме Натта, который понятия не имел, что такое ночь в Цистерне, и Энди, который в Танти чувствовал себя как дома. Но даже Энди не рискнул бы выступать против сэмов. Убей хотя бы одного копа – и Витинари даст тебе шанс проверить, умеешь ли ты ходить по воздуху.

Они слегка выдохнули, но не спешили расслабляться. Когда обстоятельства поджигают, как чересчур тесные кальсоны, достаточно одного идиота...

Причем иногда его роль может сыграть кто-нибудь очень умный. Натт повернулся к младшему О'Столлопу, по имени Элджернон, и добродушно сказал:

– Знаете, сэр, эта ситуация очень похожа на ту, что описал доктор Фонмаусбергер в своей книге, посвященной экспериментам над крысами.

В течение нескольких секунд Элджернон, можно так выразиться, думал. А потом изо всех сил врезал Натту дубинкой. Сил у Элджернона хватало.

Трев успел подхватить друга, прежде чем тот рухнул на булыжники. Удар пришелся прямо в грудь, ветхий свитер был разорван в клочья, и лохмотья быстро намокали кровью.

– Ты зачем его ударил, чертов кретин? – спросил Трев у Эджернона, который, даже по мнению братьев, был тупее кирпича. – Он тебя не трогал! Че это было ваще?

Он вскочил на ноги и, прежде чем Эджернон успел шевельнуться, сдернул с него рубашку и захопотал над Наттом, пытаясь зажать рану. Через полминуты Трев швырнул окровавленную рубашку обратно.

– У него сердце не бьется, ты, придурок! Что он тебе сделал?

Даже Энди застыл. Никто и никогда еще не видел Трева – старого доброго Трева – в таком гневе. Даже «Долли» знали, что он неглуп. Трев умел лавировать. Иными словами, он был не из тех, кто сводит счеты с жизнью, бросаясь на компанию громил, которые и так уже приготовились к бою.

Злополучный Эджернон, которому ярость Трева буквально опалила брови, выговорил:

– Но, типа... он же «Колиглаз».

– А ты, блин, чертов кретин, вот ты кто! – заорал Трев.

Он уставил на остальных трясущийся палец.

– Кто вы такие? Кто? Никто! Вы мусор! Дерьмо!

Трев ткнул пальцем в Натта.

– А он знаете какой был? Он придумывал всякие штуки. Он много чего знал. И сегодня впервые в жизни пошел посмотреть игру! Он надел цвета, только чтобы не отсвечивать!

– Да не волнуйся ты, Трев, старик, – прошипел Энди, угрожающе поднимая кинжал. – Мы отомстим!

Но Трев набросился на него, как оса:

– Ты псих! Ты че, совсем не сечешь?

– Я вижу шлемы копов, Энди, – тревожно сказал Джумбо.

– Я-то че такого сделал?

– То же, что и эти идиоты О'Столлопы! «Колиглазы» и «Долли»? Да чтоб вы все провалились, блин!

– Они уже близко, Энди.

О'Столлопы, которые были не безнадежно глупы, уже спешили прочь. Город кишел людьми в футбольных шарфах и свитерах, и Стража просто не могла преследовать всех. Но врезать какому-нибудь парнишке так, чтобы он истек кровью и перестал дышать, – это равносильно убийству, а сэмы развивали удивительную скорость в подобных обстоятельствах.

Энди яростно погрозил Треву пальцем.

– В Толкучке плохо бывает тем, кто по глупости теряет корешей!

– Мы уже не в Толкучке!

– Разуй глаза, парень. Толкучка – везде.

Бригада поспешно скрылась, хотя Джумбо и обернулся на секунду, чтобы беззвучно проговорить: «Извини». И они были не единственными, кто торопился уйти. Горожане обожали бесплатные развлечения, но нынешнее могло повлечь за собой некоторые трудности, например опасные метафизические вопросы типа «Ты что-нибудь видел?». Конечно, легко Страже говорить, что невиновным бояться нечего, но кого волнуют невиновные и их проблемы, когда Стража на подходе?

Трев опустился на колени над остывающим телом мертвого Натта.

И тут он наконец сделал вдох. Трев перестал дышать, когда набросился на Энди. Если ты разговариваешь с Энди подобным тоном, ты уже все равно что мертв, поэтому зачем тратить дыхание?

Наверное, что-то нужно было сделать. Например, стучать его по груди, чтобы, типа, пробитое сердце вспомнило, как нужно работать. Но Трев этого не умел, и даже обладатель не самого мощного ума догадался бы, что не стоит практиковаться, когда Стража близко. У стражников могло сложиться неверное впечатление.

Поэтому, когда прибежали двое стражников, Трев неверными шагами пошел навстречу, с телом Натта на руках. Он с облегчением увидел, что перед ним констебль Пикша. По крайней мере, этот коп сначала задавал вопросы. За ним, заслоня большую часть окружающего мира, поспевал констебль Флюорит, который мог расчистить целую улицу, всего лишь пройдя посередине мостовой.

– Помогите отнести его к госпоже Сибилле, мистер Пикша. Он тяжелый, – попросил Трев.

Констебль Пикша раздвинул окровавленные лохмотья и печально пощелкал языком. С опытом приходит понимание.

– Морг ближе, парень.

– Нет!

Пикша кивнул.

– Ты ведь сын Дэйва Навроде?

– Я не обязан отвечать!

– Не обязан, потому что я и так знаю, – спокойно произнес констебль Пикша. – Ладно, Трев, Флюорит понесет этого парня, которого, насколько я понимаю, ты видишь впервые в жизни, а мы постараемся не отставать. Позавчера была сильная гроза. Может, вам обоим повезет.

– Я ни в чем не виноват!

– Ну, разумеется. А теперь посмотрим, кто быстрее бежит. Сначала в больницу.

– Я хочу остаться с ним, – сказал Трев, когда огромная лапища Флюорита осторожно подхватила Натта.

– Нет, парень, – возразил Пикша. – Ты останешься со мной.

Констеблем Пикшей дело не ограничилось. Как всегда. Его дразнили Вареным, и он негласно давал понять каждому примерно следующее: раз уж мы вместе вляпались, зачем усложнять друг другу жизнь. Обычно это срабатывало. Но рано или поздно нарушителя передавали в руки копа повыше званием, который вкалывал как проклятый в маленькой комнатке, где у двери стоял еще один коп. И тот, к кому попал Трев, судя по виду, работал уже вторую смену без перерыва.

– Меня зовут сержант Ангва, сэр, и я надеюсь, обойдется без неприятностей. – Она открыла записную книжку и разгладила страницу: – Итак, давайте уясним. Вы сказали констеблю Пикше, что увидели драку, а когда подошли, то плохие парни уже разбежались. По необыкновенному совпадению вы обнаружили на земле своего коллегу мистера Натта, который насмерть истек кровью. Держу пари, вы наперечет знаете имена всех этих плохих парней. Я удивлюсь, если нет. И вот еще что, Тревор Навроде...

Она бросила на стол черно-белый эмалированный значок. По чистой случайности или намеренно, но он воткнулся булавкой в доску в паре дюймов от руки Трева.

Неофициальный девиз Бесплатной больницы госпожи Сибиллы гласил: «Умирают не все». И действительно, благодаря этому учреждению, основанному госпожой Сибиллой, у горожан значительно сократились шансы умереть, по крайней мере, от некоторых причин. Здешние хирурги даже мыли руки *перед* операцией, а не только после. Но по белым коридорам сейчас двигалась фигура, которая на личном опыте знала, что неофициальный девиз больницы на самом деле глубоко ошибочен.

Смерть остановился у безупречно чистого стола и опустил глаза.

– МИСТЕР НАТТ? НАДО ЖЕ, КАКОЙ СЮРПРИЗ, – сказал он и полез в карман мантии. – НУ-КА ПОСМОТРИМ... ЗНАЕТЕ, – продолжал он, – Я ЧАСТЕНЬКО ГАДАЮ, ОТЧЕГО ВЫ ВСЕ ТАК ЦЕПЛЯЕТЕСЬ ЗА ЖИЗНЬ. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ПО СРАВНЕНИЮ С ВЕЧНОСТЬЮ ОНА ПРАКТИЧЕСКИ МГНОВЕННА. ДАЖЕ ВАША ЖИЗНЬ, МИСТЕР НАТТ. ХОТЯ В ВАШЕМ СЛУЧАЕ, НАСКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ, УПОРСТВО СПОСОБНО СОТВОРИТЬ НЕБОЛЬШОЕ ЧУДО.

– Я вас не вижу, – сказал Натт.

– ВСЕ ПРАВИЛЬНО, – ответил Смерть. – В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ВПОСЛЕДСТВИИ ВЫ ОБО МНЕ НЕ ВСПОМНИТЕ.

– То есть я умираю, – сказал Натт.

– ДА. УМИРАЕТЕ И ВОСКРЕСАЕТЕ.

Смерть выудил из кармана песочные часы и посмотрел на песок, который сыпался снизу вверх.

– УВИДИМСЯ, МИСТЕР НАТТ. КОГДА-НИБУДЬ. БОЮСЬ, ВАС ЖДЕТ ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ.

– Значок «Долли» в кармане у «Колиглаза»? Ох, боги, боги, что же это значит? А я ведь выясню. Главное, правильно нажать.

Треув молчал. У него закончились варианты. И потом, он уже был знаком с сержантом Ангвой, и всякий раз казалось, что в разговоре она не сводит глаз с его горла.

– Констебль Пикша говорит, что в больнице госпожи Сибиллы дежурит Игорь. Надеюсь, в запасе у него есть лишнее сердце, которое подойдет твоему приятелю. Честное слово, я очень на это надеюсь, – сказала Ангва. – Но все-таки убийство есть убийство, даже если завтра Натт придет сюда своими ногами. Правило патриция Витинари: если поставить тебя на ноги может только Игорь, значит, ты умер. Пусть даже ненадолго. Но именно поэтому убийца должен быть повешен. Ненадолго. Обычно доли секунды хватает.

– Я его даже не трогал!

– Знаю. Но ты прикрываешь своих, ведь так? Джумбо и, разумеется, Люка, ну и, конечно, Энди Шенка – твоих дружков, которых сейчас здесь нет. Послушай, парень, ты не под арестом. Пока. Ты просто содействуешь Страже в ходе расследования. Это значит, что ты можешь пользоваться уборной, если не трусишь. Если не прочь рискнуть жизнью, сходи в столовую. Но если попытаешься удрать, я пойду по следу. – Ангва фыркнула и добавила: – Как ищайка. Усек?

– Можно мне пойти и глянуть, как там Натт?

– Нет. Там сейчас Вареный. Для тебя – констебль Пикша.

– Его все зовут Вареный.

– Да, но только не сейчас, не ты и не при мне. – Сержант Ангва рассеянно покрутила лежавший на столе значок. – Мистер Натт не одинок на этом свете? Я имею в виду, у него есть родственники?

– Я понял. Он что-то такое говорил про Убервальд. Но больше я ничего не знаю, – инстинктивно солгал Треув. Вряд ли сейчас стоило говорить, что Натт провел юность прикованным к наковальне. – Он

отлично ладит с другими парнями в свечном подвале!

– Как он вообще туда попал?

– Мы не спрашиваем. Обычно туда, это, попадают не от хорошей жизни.

– А тебя кто-нибудь спрашивал?

Трев уставился на нее. Все копы такие. На вид такие дружелюбные, а стоит слегка расслабиться – получишь топором по мозгам.

– Это, типа, официальный вопрос или вам просто любопытно?

– Копам не бывает просто любопытно, мистер Навроде. Хотя иногда мы спрашиваем о том, что вроде бы к делу не относится.

– То есть это был не официальный вопрос?

– Не совсем.

– Тогда засуньте его себе туда, где солнце не светит.

Ответом ему была классическая улыбка стражника.

– У тебя в рукаве ни единого козыря, и ты говоришь мне такие слова? Да, от Энди я ожидала бы чего-то подобного, но Вареный говорит, что ты неглуп. Насколько умным надо быть, чтобы вести себя настолько по-идиотски?

В дверь нерешительно постучали, и заглянул какой-то стражник. Вдалеке кто-то властно и громко орал:

– ...ты ведь все время это делаешь, нет? Боги мои, боги, что тут сложного?!

– Да, Шнобби?

– Э... у нас проблема, сержант. Тот парень, которого отправили в больницу госпожи Сибиллы. Доктор Газон говорит, он просто встал и пошел домой!

– Игорь его осмотрел?

– Да... ну... типа того...

Стражника оттер грузный мужчина в длинном зеленом резиновом плаще. Он явно балансировал между гневом и добродушием. Следом втиснулся констебль Пикша, который тщетно пытался его урезонить.

– Слушайте, мы ведь пытаемся помогать! – воскликнул доктор Газон. – Вы, ребята, говорите, что у вас убийство, я притаскиваю старину Игоря и заставляю работать сверхурочно. Передайте Сэму Ваймсу, чтобы он прислал ко мне своих парней, когда выдастся свободная минутка, и я им устрою курсы первой помощи, чтобы они научились отличать мертвых от спящих. Иногда различие очень тонкое, но, как правило, подметить основные признаки можно. Одним из самых достоверных люди нашей профессии обычно считают способность ходить, хотя в этом городе мы уже

привыкли считать ее не более чем неплохим началом. Но когда мы откинули простыню, пациент сел и попросил у Игоря сэндвич, так что сомневаться уже не приходилось! Не считая небольшой лихорадки, он был совершенно здоров. Нормальный сердечный ритм... иными словами, сердце у него работало! Ни царапинки. Хотя ему явно не мешало бы плотно поесть. Должно быть, он страшно проголодался, раз съел сэндвич, который приготовил Игорь. Я бы и сам, честно говоря, не отказался от обеда!

– Вы его отпустили? – в ужасе спросила сержант Ангва.

– Ну конечно! Не могу же я держать человека в больнице из-за того, что он, к сожалению, жив!

Она повернулась к констеблю Пикше.

– И ты его отпустил, Вареный?

– Так доктор велел, сержант, – ответил Пикша, с тоской глядя на Трева.

– Он же был залит кровью! Живого места не было! – воскликнул тот.

– Это что, какая-то шутка? – спросила Ангва.

– Я готов поклясться, что сердце не билось, сержант, – сказал Пикша. – Может, он из тех монахов с Пупа, которые выкидывают всякие штучки.

– По-моему, кто-то тут пудрит нам мозги, – намекнула Ангва, сердито посмотрев на Трева.

Тот решил на отчаянный бросок.

– А мне-то какая с того польза? Думаете, я по собственному желанию тут торчу?

Констебль Пикша кашлянул.

– Сегодня же игра, сержант. Стол ломится от рапортов, повсюду толпы болельщиков и уйма слухов. Пойми меня правильно, но мы и так сбиваемся с ног. На нас уже два раза по-крупному наорали. И, в конце концов, тот парень ведь ушел живым.

– Никаких проблем, – заметил доктор. – В больницу его принесли, из больницы он ушел сам – предпочитаю, чтобы так оно всегда и было. Однако мне пора обратно, сержант. Нам тоже предстоит нелегкая ночь.

Сержант Ангва поискала, на кого бы обрушиться, и жертвой пал Трев.

– Ты! Трев Навроде! Вот тебе дело. Ступай и отыщи своего приятеля. И если от тебя снова будут неприятности... у тебя будут неприятности! Ясно?

– Как белый день, детка.

Он не устоял, просто не смог, пусть даже по спине у него катился холодный пот. Трев чувствовал странную легкость, ему было легко и приятно. Но некоторые люди не уважают чужих прозрений. Копов такому не учат.

– Для тебя, Навроде, я сержант! На, держи.

Трев успел поймать значок, который бросили ему через весь кабинет.

– Спасибо, детка.

– Убирайся!

Он убрался – и отчасти ожидаемая тень шагнула к нему, как только он вышел из участка. В сером воздухе чем-то слегка повеяло. Что ж, по крайней мере, это был не Энди. Сейчас Трев предпочел бы обойтись без него.

– Чего тебе, Люк? – спросил он, обращаясь к туману.

– А как ты просек, что это я?

Трев вздохнул.

– Догадался.

Он зашагал быстрее.

– Энди захочет знать, что ты им сказал.

– Не дрейфь, я все уладил.

– Уладил? А как? – Люк, всегда страдавший избыточным весом, рысил за ним, чтобы не отставать.

– Тебе уж точно не скажу.

О, эйфория.

– Так я скажу Энди, что все тип-топ?

– Да, да. Полный порядок. Никаких проблем. Концы в воду. Как будто ничего и не было.

– Ты уверен? – настаивал Люк. – Тому парню здорово досталось.

– Ну что я могу тебе сказать? – Трев раскинул руки и сделал пируэт. – Я же Трев Навроде!

– Ага, значит, дело верное. Эй, я думаю, теперь Энди примет тебя обратно в Бригаду. Правда, клево?

– Знаешь, как Натту показалось на слух это названье, Люк?

– Нет. Как?

Трев сказал.

– Ну, типа... – начал Люк, но Трев перебил:

– Это правда смешно, Люк. Смешно и глупо. Ей-богу.

Он остановился так резко, что Люк в него врезался.

– И вот тебе мой совет. С кличкой Пук далеко в жизни не уйдешь. И с кличкой Великий Пук тоже. Уж поверь.

– Но меня все зовут Пук! – жалобно проскулил Великий Пук.

– Врежь следующему, кто это сделает. Сходи к врачу. Меньше жри горох. Не сиди при закрытых окнах. Купи одеколон, наконец, – посоветовал Трев, вновь набирая скорость.

- Куда ты идешь?
- Выбираюсь из Толкучки! – крикнул тот через плечо.
- Люк безнадежно огляделся.
- Чего?
- А ты не знал? Толкучка, она, типа, везде.

Трев буквально сиял, пробираясь сквозь туман. Отныне все будет по-другому. Как только придет Смизм, он попросит у него работенку получше, ну или что-нибудь такое...

В тумане впереди появилась чья-то фигура. Трев усмотрел в этом нечто приятное, поскольку она была на голову ниже.

- Миштер Навроде? – поинтересовался незнакомец.
- Это кто? – спросил Трев, подумал и добавил: – Или что?

Тень вздохнула.

– Я жнаю, вы друг того гошподина, которого недавно принесли в больнитшу.

– А тебе-то че?

– Как минимум не вше равно, – ответила тень. – Шмею ли я поинтерешоватшся, извештно ли вам что-нибудь об упомянутом гошподине?

– Я тебе не обязан отвечать, – отрезал Трев. – Я все уладил. Усек?

– В том-то и дело. Мне нужно ш вами поговорить. Меня жовут Игорьь.

– Знаешь, я почему-то так и подумал. Это ты сделал Натту сандвич?

– Да. Ш тунцом, шпагетти, джемом и сахарной пошпылкой. Мое фирменное блюдо. Так вам что-нибудь ижвештно о его прошлом?

– Совершенно ничего.

– Правда?

– Слушай, в свечном подвале топят воск, а не ворошат прошлое, усек? Просто потому что! Я знаю, у Натта в прошлом были какие-то проблемы, но больше ты от меня ничего не услышишь.

– Я так и думал, – сказал Игорьь. – Ешли не ошибаюшь, он родом иж Убервальда. Оттуда приходят штранные и опашные шущештва...

– Это, наверное, глупый вопрос, но ты сам часом не из Убервальда? – поинтересовался Трев.

– Да. Шпашибо, что шпрошили.

Трев помедлил. В городе частенько попадались Игорь. Большинство людей знали о них лишь то, что пришить руку или ногу они могли быстрее, чем Стража – дело. А еще Игорь занимались какими-то странными вещами в подвалах и массово выходили на поверхность, лишь когда разражалась

гроза.

– Я думаю, ваш друг может быть очень опасен, – сказал Игорь.

Тревога попытался представить, каким образом, и сначала потерпел неудачу... а потом он вспомнил удар, который свалил столб за пол-улицы, и ему стало не по себе.

– С какой стати я должен верить? Почему я знаю, что ты сам не опасен? – поинтересовался он.

– О, я достаточно опасен, – ответил Игорь. – Поверьте. Но в Убервальде живут существа, с которыми даже я бы не рискнул встретиться.

– Я тебя даже слушать не стану, – сказал Тревога. – Все равно половину не разберешь.

– Не склонен ли ваш друг к странным переменам настроения? – настойчиво продолжал Игорь. – Он не впадает в ярость? Нет ли у него необычных пищевых пристрастий?

– Он любит яблочные пироги. Да ты вообще о чем?

– Я вижу, вы с ним хорошие друзья, – произнес Игорь. – Прошу прощения, что посягнул на ваше свободное время, – в воздухе значительно прибавилось водяных капель. – Примите один совет. Если вы вам понадобится, просто кричите. Впрочем, у меня есть основания полагать, что с этим проблем не возникнет.

Фигура развернулась и немедленно исчезла в тумане.

Тревога вспомнил, что Игоря загадочным образом перемещают по городу. И на футбольных матчах их не увидишь...

Последняя мысль задержалась в голове. Что он пытался себе внушить? Что тот, кто не ходит на футбол, как бы не существует? Тревога не мог найти подходящий ответ. Он удивился, что вообще задал себе этот вопрос.

Времена менялись.

Гленда пришла на Ночную Кухню с Джульеттой, которая поклялась молчать, и великодушно отпустила Милдред и миссис Садик домой. Обеих это вполне устраивало – как всегда, – и в будущем Гленда при необходимости могла рассчитывать на ответную услугу.

Она сняла пальто и засучила рукава. На Ночной Кухне Гленда чувствовала себя как дома. Здесь она была главная. Стоя за плитой, она могла бросить вызов миру.

– Так, – сказала она подавленной Джульетте. – Мы никуда сегодня не ходили. Сегодня вообще ничего не было. Ты помогала мне чистить плиты. Я уж позабочусь, чтобы ты задержалась дольше обычного, тогда твой отец ничего не заподозрит. Ясно? Ты поняла?

– Да, Гленда.
– Раз уж мы здесь, начнем готовить пироги на завтра. Всегда лучше работать с опережением. Правда?
Джульетта промолчала.
– Скажи «да, Гленда», – велела Гленда.
– Да, Гленда.
– Тогда иди и наруби свинины для начинки. За работой некогда думать о пустяках, вот что я всегда говорю.
– Да, Гленда, ты всегда так говоришь, – повторила Джульетта.
Гленда заметила какую-то новую интонацию и слегка встревожилась.
– Я правда всегда так говорю? Когда?
– Каждый день, когда приходишь сюда и надеваешь фартук.
– Так говорила еще моя мама, – ответила Гленда, пытаясь отогнать неприятную мысль. – И, разумеется, она была права. Работа еще никогда и никому не вредила!
Но предательская мысль все-таки прокралась: «Кроме нее».
«Пироги, – подумала Гленда. – Только на пироги можно положиться. От пирогов не бывает проблем».
– По-моему, Трев на меня запал, – промямлила Джульетта. – Он смотрит не так, как другие парни. У него прямо глаза становятся такие... щенячьи.
– Берегись, девочка, когда мужчины так смотрят.
– Я... я, кажется, типа... люблю его, Гленди.
«Кабанятина, – подумала Гленда, – и абрикосы. В кладовой еще немного осталось. А еще пироги с бараниной и разными добавками. Так... значит, пироги со свининой, а в насосной лежат приличные устрицы, которые тоже пойдут в дело. Я сделаю «морской пирог», и анчоусы попались ничего себе, так что для парочки «глазастиков» всегда найдется место, пусть даже мне и жалко рыбок, которые из них выглядывают, а прямо сейчас я напеку булочек...»
– Что ты сказала?
– Я люблю Трева.
– Быть не может!
– Он спас мне жизнь!
– Это не повод! Вежливого «спасибо» вполне достаточно.
– Но он мне правда нравится!
– Ну а это просто глупо!
– И че? Глупо еще не значит плохо!
– Послушайте меня, юная... а, здравствуйте, мистер Оттоми.
Все Оттоми на свете выглядят так, как будто от отца и матери им

достались исключительно худшие половины. А еще они, что весьма досадно, очень тихо перемещаются на толстых резиновых подошвах (тем удобнее подглядывать и разнюхивать). И они твердо уверены, что всегда имеют право на бесплатную чашку чая.

– Ну и денек, мисс, ну и денек. А вы ходили на матч? – поинтересовался Оттоми, переводя взгляд с Гленды на Джульетту.

– Мы чистили плиты, – немедленно ответила Гленда.

– Да, сегодня ваще ничего не было, – добавила Джульетта и хихикнула. Гленда ненавидела хихиканье.

Оттоми медленно и беззастенчиво огляделся, приняв к сведению отсутствие грязи, разбросанных перчаток и тряпок...

– Мы только что закончили уборку, – сердито проговорила Гленда. – Хотите чашечку чаю, мистер Оттоми? А потом вы нам расскажете, как прошла игра.

Известно, что толпа глупа. Вернее сказать, толпа просто дезориентирована, поскольку из среднестатистического человека очевидец ничуть не лучше, чем спасательный жилет из пастилы. По мере того как Оттоми рассказывал, становилось ясно, что никто ничего не знает, за исключением того, что какой-то парень забил гол за пол-улицы, да и то не факт.

– Кстати, забавно, – заметил Оттоми, как только Гленда, образно выражаясь, перевела дух, – я готов поклясться, что, стоя в Толкучке, заметил вашу очаровательную помощницу, которая болтала с каким-то парнем в цветах «Колиглазов»...

– Это законом не воспрещается! – парировала Гленда. – И в любом случае Джульетта была здесь со мной и чистила плиты.

Вышло неуклюже, но она ненавидела таких, как Оттоми. Власть им доставалась из третьих рук, но они, тем не менее, наслаждались каждым моментом, какой только удавалось улучшить. Слугобраз явно видел больше, чем рассказал, в этом сомневаться не приходилось. Он хотел, чтобы она извивалась от страха. Гленда буквально почувствовала, как Оттоми смотрит на их пальто.

На их мокрые пальто.

– А я думала, вы не ходите на футбол, мистер Оттоми.

– Верно. Но колпаки захотели посмотреть игру, и нам с мистером Шноббсом пришлось отправиться с ними – чтоб всякие простолюдины на них не дышали. Вы, черт возьми, себе даже не представляете. Они там ахали, жаловались и записывали, прямо как у себя дома! Они что-то затеяли, помяните мое слово.

Гленде не понравилось слово «колпаки», хотя оно идеально подходило. Впрочем, в устах Оттоми оно прозвучало приглашением к сальной откровенности. Но, как ни поверни, волшебники – это шишки, люди, которые имеют вес, двигатели мироздания и сотрясатели основ; когда такого рода публика внезапно проявляет интерес к делам тех, кто по определению веса не имеет, всякую мелочь ждут сотрясения. И потрясения.

– Витинари не любит футбол, – сказала она.

– Значит, они это вместе затеяли, – произнес Оттоми, многозначительно постукивая себя по носу. Из ноздри что-то выпало в чашку. Гленда ненадолго задумалась, не предупредить ли слугобрана, но после короткого сопротивления голос совести замолчал.

– Вот я и подумал, что надо бы вам сказать, потому как в Сестричках Долли вас уважают, – продолжал Оттоми. – Я помню вашу матушку. Святая была женщина. Всегда и всем протягивала руку помощи.

«О да, – подумала Гленда, – и как же люди за нее хватались. Просто чудо, что она умерла, сохранив все пальцы».

Оттоми допил чай и со вздохом поставил кружку на стол.

– Однако не могу я весь день сидеть на одном месте.

– Да, в университете наверняка полно других мест, где вам тоже нужно посидеть.

Оттоми остановился в дверях и улыбнулся Джульетте.

– Вылитая ты, ей-богу. С «Колиглазом». Ну надо же. У тебя, наверное, есть двойник. Что ж, пусть тайна останется тайной, как сказал человек, когда нашел то, чему лучше было оставаться тайной. Ла-ла-ла...

Он резко остановился, потому что двинуться означало бы напороться на серебристый нож, который Гленда держала рядом с его горлом – не так уж угрожающе. Она с особым удовольствием отметила, как кадык Оттоми запрыгал, словно обезумевшее йо-йо.

– Прошу прощения, – сказала она, отводя нож в сторону. – В последние дни я его буквально не выпускаю из рук. Мы разделяем свинину. Говорят, она очень похожа на человеческую плоть...

Она коснулась свободной рукой плеча слугобрана и произнесла:

– Распускать нездоровые слухи – не самая лучшая идея, мистер Оттоми. Сами знаете, люди иногда так странно на это реагируют. Очень мило, что вы заскочили. Если завтра случайно будете проходить мимо, я непременно угощу вас пирожком. А теперь прошу прощения, мне надо резать мясо.

Оттоми поспешно убрался. Гленда, с колотящимся сердцем, посмотрела на Джульетту. Рот у той напоминал безупречную букву О.

– Что? Что?!

– Я думала, типа, ты его сейчас пырнешь!

– Нож оказался у меня в руке по чистой случайности. У тебя, кстати, тоже нож. Здесь у всех ножи. Это кухня!

– А вдруг он разболтает?

– Он ничего не знает наверняка...

«Восемь дюймов, – подумала Гленда. – Максимальный размер для пирога без формы. Сколько пирогов получится из хорька вроде Оттоми? Большая мясорубка, конечно, упростила бы задачу. Хотя насчет черепа и ребер не поручусь. Так что, в общем и целом, лучше обойтись свининой».

Но эта мысль так и запечатлелась на заднем фоне, незнакомая, волнующая и до странности приятная, хоть ей и не суждено было обратиться в дело.

Чем волшебники занимались на игре? Записывали – но что? Вот задачка.

Тем временем девушки вращались в мире пирогов. Джульетта неплохо справлялась с повторяющимися действиями, если не отвлекалась, и обладала педантичностью, которой часто одарены не слишком умные люди. Время от времени она шмыгала носом – не самое лучшее занятие, когда готовишь начинку для пирогов. Возможно, она думала о Трeve. В ее хорошенькой и не слишком обремененной мыслями головке Трев стоял в ряду сверкающих фантазий, о которых повествовали «Куль» и прочие ерундовые журналы, утверждавшие, что для того, чтобы стать знаменитым, нужно всего лишь «быть собой». Ха! Гленда всегда знала, чего хочет. Она долго и тяжело работала за гроши, прежде чем наконец достигла цели – собственной кухни и некоторой власти... над пирогами!

Минуту назад ты мечтала превратить человека в пирог!

Почему ты так злишься? Что случилось?

Я тебе скажу, что случилось. Когда ты добилась своего, то оказалось... что ты ничего не добилась. Ты хотела прокатиться по Щеботану в открытом экипаже и чтобы красивый молодой человек пил шампанское из твоей туфли, но этому не суждено было сбыться, потому что в Щеботане живут какие-то странные люди, и никому нельзя доверять, и потом, если налить шампанское в туфлю, оно же будет капать. А если у тебя вдобавок грибок? В общем, ничего так и не получилось. И не получится.

– Я никогда не говорила, что Трев плохой парень, – сказала Гленда вслух. – Он, конечно, не джентльмен, хорошие манеры приходится ему вколачивать, и к жизни он относится слишком легко, но, может быть, из

него и выйдет что-нибудь путное, если только он постарается.

Джульетта, казалось, не слушала, но кто знает?..

– Но футбол есть футбол. Вы по разные стороны. Так что ничего не выйдет, – закончила Гленда.

– А если я стану болеть за «Колиглазов»?

Днем раньше Гленда назвала бы это святотатством, а теперь – огромной проблемой.

– Для начала отец перестанет с тобой разговаривать. И братья тоже.

– Они и так со мной почти не разговаривают, только спрашивают, где жрачка. Сегодня я, типа, впервые увидела мяч так близко. И знаешь что? Мне совсем не понравилось. Слу-ушай... завтра в «Шобле» показ мод. Пойдем, а?

– Первый раз слышу, – Гленда фыркнула.

– Это гномий магазин.

– Судя по названию, ты права. Потому что не представляю, чтобы свой магазин так называли люди. Ты бы стала жертвой первой опечатки.

– Ну, давай сходим. Может, типа, будет весело. – Джульетта помахала потрепанным экземпляром «Куля». – Новая микрокольчуга такая удобная и мягкая, она совсем не трет... это все здесь написано, а еще, а еще... рогатые шлемы снова вошли в моду, вернувшись из за... бве... ния... это, типа, их откуда-то из другого места привезли? И завтра будет... пре... зен... та... ция.

– Да, Джу, но мы не из тех, кто ходит на показ мод.

– Ты, мож, и нет. А мне почему нельзя?

– Потому что... потому что я не знаю, что надеть, – отчаянно сказала Гленда.

– За этим и ходят на показ мод, – самодовольно ответила Джульетта.

Гленда открыла рот, чтобы ответить резко, а потом подумала: это не парни и не футбол. Что страшного в показе мод?

– Ладно. Может быть, действительно будет весело. Так, на сегодня женские дела закончены. Сейчас я провожу тебя домой, загляну к вдове Крауди и все такое, а потом вернусь сюда. Твой отец, наверное, беспокоится.

– Он в пабе сидит, – безошибочно заметила Джульетта.

– Если бы он не сидел в пабе, то непременно бы беспокоился, – сказала Гленда.

Ей хотелось провести некоторое время горизонтально. День выдался долгим не только в длину, но и в глубину. Гленде нужно было некоторое время, чтобы все обдумать.

- Давай возьмем носилки!
- Это очень дорого!
- Ну, молодость бывает только раз, вот что я всегда говорю.
- Никогда раньше не слышала, чтоб ты так говорила.

Возле университета ожидали несколько тролльих носилок. Они стоили аж по пяти пенсов в один конец, зато подушки в корзине на шее у тролля были всяко удобнее, чем жесткие скамейки в омнибусе. Разумеется, это была недопустимая роскошь, поэтому занавески отдергивались, а губы кривились. Странно, не правда ли – там, где ты родилась, никому не нравится, если ты начинаешь выделяться. Бабушка сказала бы – всяк сверчок знай свой шесток. Не разочаровывай окружающих.

Она сама отперла дверь Джульетты, потому что та всегда возилась с ключом, и проследила, чтобы замок защелкнулся.

Лишь после этого Гленда открыла собственную дверь, такую же облупленную и грязную, как соседние. Она едва успела снять пальто, когда в ободранную филенку забарабанили. Распахнув дверь, она обнаружила мистера О’Столлопа, отца Джульетты, который застыл с поднятым кулаком. Вокруг еще витало облачко сухой краски.

– Я слышал, как ты вернулась, Гленди, – сказал он. – Глянь, че это такое?

В огромной ручище он сжимал хрустящий белый конверт. Такие нечасто встречались в Сестричках Долли.

– Это называется письмо, – сказала Гленда.

Мистер О’Столлоп умоляюще протянул ей конверт, и она заметила огромную букву «В» в ненавистном правительственном штемпеле, который неизменно вселял ужас и отчаяние в душу тех, кто еще не заплатил налоги.

– Его светлость прислал письмо! – со страхом произнес мистер О’Столлоп. – С какой стати ему мне писать, а? Я ни в чем не виноват!

– Может быть, откроем конверт? – подсказала Гленда. – Обычно именно так узнают, о чем в письме говорится.

Сосед вновь умоляюще взглянул на нее. В Сестричках Долли чтение и письмо считались несложной домашней работой, которую обычно предоставляли женщинам. Настоящий труд требовал широких плеч, сильной спины и мозолистых рук. Мистер О’Столлоп идеально подходил под описание. Он был капитаном футбольной команды Сестричек Долли и за один матч как-то откусил противной стороне три уха. Гленда вздохнула, взяла письмо из протянутой руки, которая, как она заметила, слегка дрожала, и ногтем вскрыла конверт.

– Здесь сказано: «Мистер О’Столлоп...» – начала она, и сосед

вздрагнул. – Да. Это вы, – добавила Гленда.

– Там че-нибудь есть про налоги? – поинтересовался он.

– Кажется, нет. Слушайте дальше. «Я буду очень рад, если вы согласитесь почтить своими присутствием ужин, который я намерен устроить в Незримом Университете в среду вечером, в восемь часов, чтобы обсудить будущее знаменитой игры под названием футбол. Имею честь пригласить вас как капитана команды Сестричек Долли».

– Почему именно я? – возмутился О’Столлоп.

– Здесь сказано – потому что вы капитан.

– Да, но почему именно я?

– Возможно, он пригласил всех капитанов, – предположила Гленда. – Вы ведь можете послать по городу какого-нибудь парнишку с белым шарфом и проверить?

– Да, но представь, что позвали меня одного, – произнес О’Столлоп, явно вознамерившись исследовать бездну ужаса до конца.

У Гленды возникла отличная идея.

– Мистер О’Столлоп, в таком случае я бы сказала, что капитан Сестричек Долли – единственная достаточно важная персона, достойная обсуждать будущее футбола с самим правителем города.

О’Столлоп не мог выпятить грудь, потому что она и так у него была пожизненно выпячена, зато, слегка поднапрягшись, он стал почти квадратным.

– Да, это верно подмечено! – прогремел он.

Гленда мысленно вздохнула. Мистер О’Столлоп был могуч, но его мышцы потихоньку превращались в жир. Она знала, что у него больные колени. Знала, что он быстро выдыхается. В присутствии объектов, которые нельзя было толкнуть, пнуть или укусить, мистер О’Столлоп совершенно терялся. Висящие вдоль тела руки сжимались и разжимались, как будто пытались думать независимо от головы.

– Так че стряслось-то, а?

– Не знаю, мистер О’Столлоп.

Он переступил с ноги на ногу.

– Э... мож, эт все из-за того парня, «колиглаза», который сегодня упал и расшибся?

«Не исключено», – подумала Гленда, ощутив приступ ледяного ужаса. Впрочем, ведь каждую неделю кто-нибудь падал и расшибался. «Вовсе не обязательно это Трев или Натт. Разумеется, это кто-нибудь из них, я знаю... но я ничего не знаю, не могу знать, и если хорошенько себя убедить, может быть, ничего на самом деле и не произойдет...»

«Расшибся, – подумала Гленда сквозь рев ужаса в глубине души. – Не исключено, что он просто стоял не в том месте и не в тех цветах. Подобное поведение приравнивается к самоубийству. Расшибся? Верней сказать, убился...»

– Мои парни вернулись с футбола и сказали: че-то такое было. Они сами только слышали. Что кого-то, типа, убили.

– Они ничего не видели?

– Эт точно, ниче они не видели.

– Но очень внимательно слушали?

Эта фраза пролетела над головой О'Столлопа, даже не удосужившись задержаться.

– Значит, погиб кто-то из «колиглазов»?

– Да, – ответил О'Столлоп. – Болтают, что он умер, но ты ж сама знаешь, как врут эти поганцы «колиглазы».

– А где сейчас ваши сыновья?

На мгновение глаза старика сверкнули.

– Сидят дома, не то я с них шкуру спущу. На улицах полно всяких шаек, когда начинаются такие дела.

– Значит, теперь одной меньше, – заметила Гленда.

На лице О'Столлопа отражались боль и ужас.

– Они ж не плохие парни, сама знаешь. В душе-то они славные ребята. К ним просто придираются.

«Да, особенно в полицейском участке, – подумала Гленда, – когда пострадавшие говорят: ага, это они самые, вон те здоровяки, я их где угодно узнаю!»

Она оставила соседа качать головой и побежала по улице. Троль, разумеется, не стал дожидаться здесь пассажиров. Не было никакого смысла околачиваться в местах вроде Долли и ждать, когда тебя измажут краской. Гленда подумала, что, может быть, сумеет нагнать его по пути в центр города. Примерно через минуту она поняла, что ее преследуют. Бегут следом в потемках. Если бы только она прихватила нож. Гленда выбрала тень погуще и, как только предполагаемый маньяк с топором поравнялся с ней, шагнула вперед и крикнула:

– Что тебе надо?

Джульетта взвизгнула.

– Они арестовали Трева, – и она заплакала, когда Гленда обняла ее. – Я знаю!

– Не говори глупостей, – потребовала та. – После больших матчей в городе всегда драки. Незачем так волноваться.

– Тогда почему же ты бежала? – быстро спросила Джульетта.
И Гленда не смогла ответить.

Слугобраз кивком, что-то буркнув, впустил его через заднюю дверь, и он зашагал прямо в свечной подвал. Несколько тамошних парней оплавливали свечи в обычной манере – педантично и очень медленно, – но Натта нигде видно не было, и тогда Трев, рискуя здравым умом и обонянием, заглянул в общую спальню. Натт спал на своей подстилке, держась за живот. Очень большой живот. Учитывая его субтильное, в норме, сложение, теперь вид у Натта был как у змеи, которая проглотила чересчур большую козу. На память Треву пришли пытливый взгляд и встревоженный голос Игоря. Он обвел глазами подстилку и заметил огрызок корки и несколько крошек. Судя по запаху, пирог был очень вкусный. Более того, Трев знал лишь одного человека, способного испечь такой соблазнительный пирог. Что бы ни лежало сейчас в желудке у Натта, радость, которая заставляла Трева буквально лететь по улицам, как только он вышел из участка, вытекла сквозь мыски ботинок.

Он зашагал по каменным коридорам в Ночную Кухню. Остатки оптимизма истекали по капельке, пока он шел по дорожке из крошек, но радость вспыхнула с новой силой, как только он увидел Джульетту – и, ах да, Гленду – на руинах Ночной Кухни, которая превратилась в хаос оторванных дверец и обкусанных корочек.

– А, мистер Навроде, – сказала Гленда, складывая руки на груди. – Всего один вопрос – кто сожрал все пироги?

Радость росла и росла, пока не наполнила Трева серебристым светом. В последний раз он спал в нормальной постели трое суток назад, и день выдался не то чтобы вполне обычным. Он широко улыбнулся, глядя в пустоту, и Джульетта едва успела его подхватить, прежде чем он рухнул на пол.

Трев проснулся через полчаса, когда Гленда принесла ему чашку чая.

– Я решила тебя не трогать, – сказала она. – Джульетта сказала, вид у тебя ужасный, так что, видимо, она начинает мыслить здраво.

– Он был мертв, – произнес Трев. – Мертв как камень... а потом ожил. Это как?!

Он приподнялся и понял, что лежит на одной из замызганных подстилок в подвале. Натт спал рядом.

– Так, – сказала Гленда. – Если можешь обойтись без вранья, расскажи, что случилось.

Она сидела рядом и смотрела на спящего Натта, пока Трев пытался осмыслить минувший вечер.

– Повтори, какой там был сандвич? Тот, что приготовил ему Игорь.

– Туец, спагетти и джем. И сахарная посыпка, – зевая, ответил Трев.

– Ты уверен?

– Такое, типа, не забудешь.

– Какой джем? – уточнила Гленда.

– А че?

– Я полагаю, такой эффект может дать айва. Или чили. Впрочем, не понимаю, при чем тут сахарная посыпка. Не вижу в ней никакого смысла.

– Это же Игорь. Какой тут смысл.

– Но он предупредил тебя насчет Натта?

– Да, но вряд ли он имел в виду «запирайте пироги на замок»! У тебя из-за них, типа, будут неприятности?

– Нет, в холодильнике как раз поспевают следующая партия. Пироги вкуснее всего, когда дойдут. Если имеешь дело с пирогами, лучше наготовить их впрок.

Гленда посмотрела на Натта и продолжала:

– Ты хочешь сказать, что О’Столлопы переломали ему кости, а потом он своими ногами вышел из больницы госпожи Сибиллы?

– Он умер! Это даже старина Пикша заметил.

Оба уставились на Натта.

– Но сейчас он живой, – заявила Гленда. Это прозвучало как обвинение.

– Слушай, – сказал Трев, – я про Убервальд знаю только то, что там, типа, есть вампиры и вервольфы. Но вампиры, кажется, не особо интересуются пирогами. И на прошлой неделе было полнолуние, а Натт вел себя как обычно... ну, не страннее, чем всегда.

Гленда понизила голос.

– Может быть, он зомби... нет, зомби тоже не едят пироги.

Она продолжала смотреть на Натта, и какая-то другая часть ее сознания вдруг вспомнила...

– В среду вечером в университете будет банкет. Патриций Витинари, вместе с волшебниками, что-то задумал. Не сомневаюсь, речь пойдет о футболе.

– И че?

– У него, наверное, какой-то план. Мерзкий план. Сегодня волшебники пришли на матч и делали заметки! Только не говори, что это нормально. Футбол собираются запретить, вот в чем дело!

– И хорошо!

– Тревор Навроде, как ты можешь это говорить! Твой отец...

– ...умер, потому что был дурак, – закончил Трев. – И не говори мне, что именно так он и хотел умереть. Такой смерти никто себе не желает.

– Но он любил футбол!

– И че? Ну и че? О’Столлопы тоже любят футбол. И Энди Шенк любит футбол. Ну и че? Не считая сегодня, сколько раз ты видела мяч? Сомневаюсь, что хоть один!

– Да, но дело ведь не в футболе...

– Типа, на футболе дело не в футболе?

Гленда пожалела, что у нее нет хорошего образования. Точнее говоря, хоть какого-нибудь образования. Но отступать она не собиралась.

– Дело в единстве, – сказала она. – В том, чтобы быть частью целого. Вместе петь. Все делать сообща.

– Я думаю, мисс Гленда, – отозвался Натт со своей подстилки, – что вам следует ознакомиться с сочинением Траузенблета «Der Selbst überschritten durch das Ganze».

Они вновь уставились на Натта, разинув рты. Он открыл глаза и лежал, глядя в потолок.

– Одинокая душа пытается прикоснуться к душе всего человечества и, возможно, даже более того. Перевод У. И. Г. Спокноча, «В поисках целого», испорчен, хоть и в целом понятен, из-за того, что он на протяжении всего текста ошибочно переводит *bewusstseinschwelle* как «прическа».

Трев и Гленда переглянулись. Трев пожал плечами. С чего бы начать?

Гленда кашлянула.

– Мистер Натт, вы живы, умерли или что?

– Я жив, спасибо, что спросили.

– Но я видел, как тебя убили! – воскликнул Трев. – Мы бежали всю дорогу до госпожи Сибиллы!

– А, – сказал Натт. – Простите, я не помню. Видимо, диагноз был ошибочный. Я не прав?

Они посмотрели друг на друга. Треву досталось по полной программе. Когда Гленда сердилась, под ее взглядом трескалось стекло. Но Натт попал в точку. Трудно спорить с человеком, который утверждает, что жив.

– Э... а потом ты вернулся и съел девять пирогов, – сказала Гленда.

– Похоже, они тебе не повредили, – с наигранной бодростью ввернул Трев.

– Правда, не понимаю, как они поместились, – закончила Гленда. – Из них любого хватило бы, чтобы наесться до отвала.

– Вы на меня сердитесь! – Натт явно испугался.

– Давайте успокоимся все, ладно? – перебил Трев. – Я здорово перепугался, не совру. Но я не сержусь. Мы твои друзья.

– Я должен вести себя прилично! Я должен приносить пользу! – эти слова срывались с губ Натта, как заклинание.

Гленда взяла его за обе руки.

– Послушай, я тоже не сержусь из-за пирогов, честное слово. Мне приятно, если у человека хороший аппетит. Но ты должен объяснить, что случилось. Ты совершил что-то недозволенное?

– Я должен помогать, – сказал Натт, осторожно отстраняясь и отводя глаза. – Должен вести себя прилично. Не лгать. Быть полезным. Спасибо, вы очень добры.

Он встал, принес из дальнего угла корзину со свечами, включил свою машинку и принялся за работу, не обращая внимания на Гленду и Трева.

– Ты понимаешь, что творится у него в голове? – шепотом спросила она.

– В детстве он семь лет провел прикованным к наковальне, – сказал Трев.

– Что? Какой ужас! С ним поступили очень жестоко!

– Ну да, или просто постарались сделать так, чтобы он точно не освободился.

– Вещи редко бывают такими, какими кажутся, мистер Трев, – сказал Натт, продолжая работать с лихорадочной быстротой, – а акустика в этом подвале очень хорошая. Ваш отец ведь любил вас?

– Че? – Трев покраснел.

– Он любил вас, брал с собой на футбол, угощал пирогом, учил болеть за «Колиглазов», сажал на плечи, чтобы вам было видно игру?

– Не говори так о моем старике!

Гленда взяла Трева за руку.

– Все нормально, Трев, все в порядке, он ведь просто так спрашивает, честное слово.

– Но вы возненавидели его, потому что он оказался обыкновенным смертным и умер на мостовой, – закончил Натт, беря очередную необработанную свечу.

– А вот это уже хуже, – заметила Гленда.

Натт не обратил на нее внимания.

– Он вас подвел, мистер Трев. Оказалось, что тот, на кого маленький мальчик смотрел как на бога, – обычный человек. Каждый в этом городе, кто хоть раз видел футбол, слышал имя Дэйва Навроде. Если ваш отец и

был глупцом, значит, всякий, кто взбирается на гору или переплывает бурную реку, глупец. Если он был глупцом, значит, глуп был тот, кто первым попытался укротить огонь. Если он был глупцом – значит, глуп был тот, кто первым попробовал устрицу... хотя вынужден заметить, что, учитывая разделение труда в ранней культуре охотников и собирателей, это, скорее всего, была женщина. Возможно, только глупцы встают поутру с постели. Но после смерти некоторые из них сияют, как звезды, и ваш отец именно таков. Когда он умер, люди забыли глупость и запомнили блеск. Вы ничего не могли поделать. Вы не могли его остановить. Иначе он не был бы Дэйвом Навроде – человеком, имя которого означает футбол для тысяч других...

Натт осторожно отложил красиво оплавленную свечу и продолжал:

– Подумайте об этом, мистер Трев. И не будьте ловким или хитрым. Ловкость – просто приглаженный вариант глупости. Попробуйте лучше быть разумным. Это надежней.

– Слова, одни слова! – горячо воскликнул Трев, но Гленда заметила блестящие дорожки у него на щеках.

– Пожалуйста, подумайте, мистер Трев, – повторил Натт и добавил: – Вот, почти полная корзинка. Я старался быть полезным.

Воцарилось молчание. Раньше Натт лихорадочно метался, чуть не теряя сознание от тревоги. Он твердил одно и то же, как будто заучивал урок. И вдруг он стал совсем другим – спокойным и собранным.

Гленда перевела взгляд с Натта на Трева, потом обратно. У Трева отвисла челюсть, и Гленда его не винила. То, что так спокойно и бесстрастно сказал Натт, казалось не точкой зрения, а истиной, поднятой со дна глубокого колодца.

Трев нарушил молчание первым. Он говорил как во сне, и его голос звучал хрипло.

– В пять лет я получил в подарок его старый свитер. Большой, как палатка. Зато он был такой засаленный, что не промокал... – Он замолчал.

Гленда слегка потянула Трева за локоть и испугалась.

– Он прямо заковенел. Весь как доска.

– А, кататонический ступор, – отозвался Натт. – Так бывает, когда захлестывают эмоции. Надо его уложить.

– Эти старые матрасы, на которых вы спите, – просто гадость, – сказала Гленда, оглядываясь в поисках чего-то лучшего, нежели холодный каменный пол.

– Я знаю, что нужно! – воскликнул Натт, воплощенная энергия, и бросился бегом по коридору. Гленда по-прежнему поддерживала

неподвижного Трева, когда с кухни появилась Джульетта. Она остановилась как вкопанная, увидев их, и разрыдалась.

– Он умер?!

– Э, нет... – начала Гленда.

– Когда я шла на кухню, то поболтала с ребятами из булочной, и они сказали, что по всему городу драки и кого-то убили!

– У Трева небольшой шок, только и всего. Мистер Натт сейчас притащит что-нибудь, и мы его уложим.

– О... – Джульетта как будто слегка разочаровалась, наверное, потому, что «небольшой шок» – это не так уж интересно, но тут же пришла в себя, поскольку из коридора раздался резкий звук, какой обычно издают передвигаемые деревянные предметы. Этот звук возвестил появление Натта, толкавшего перед собой кушетку. Вздрогнув напоследок, кушетка остановилась перед Глендой и Тревом.

– Там, дальше по коридору, большая комната, заваленная всякой старой мебелью, – сказал Натт, похлопав по вылинявшему бархату. – Слегка отсырела, но, кажется, все мыши по дороге разбежались. Кстати, отличная вещь. Если не ошибаюсь, это шезлонг знаменитого Гурнинга Шпиля. Надеюсь, я сумею его отреставрировать. Давайте осторожно уложим мистера Трева.

– Что с ним такое? – поинтересовалась Джульетта.

– О, иногда правда бывает такой неприятной, – ответил Натт. – Но скоро он совладеет с собой, и ему станет легче.

– Хотела бы и я сама знать правду, мистер Натт, уж будьте так любезны, – сказала Гленда, складывая руки на груди и стараясь казаться суровой, в то время как голос в ее голове нашептывал: «Шезлонг! Шезлонг! Когда поблизости никого не будет, попробуй принять на нем томный вид!»

– Это нечто вроде лечения посредством слов, – осторожно объяснил Натт. – Иногда люди обманывают себя и начинают верить в то, что не является правдой. Порой это бывает опасно, потому что человек видит мир в неправильном свете. Притом он не позволяет себе понять свою ошибку. Но обычно некоторая часть сознания это все-таки понимает, и правильные слова могут найти в ней отклик... – он с тревогой взглянул на обеих.

– Клево, – отозвалась Джульетта.

– А по-моему, какой-то фокус, – сказала Гленда. – Как будто человек не знает, что у него в голове!

Она снова скрестила руки на груди и увидела, как Натт на них смотрит.

– Что? – спросила она. – Никогда раньше не видели локтей?

– На них очаровательные ямочки, мисс Гленда, когда вы так тесно переплетаете руки...

До сих пор Гленда не сознавала, что Джульетта умеет двусмысленно смеяться. По искреннему убеждению Гленды, она просто не имела такого права.

– У Гленды ковылер! У Гленды ковылер!

– Нужно говорить «кавалер», – ответила та, отгоняя воспоминание о том, что у нее самой ушел не один год, чтобы это выяснить. – И я всего лишь пытаюсь помочь. Мы ведь помогаем Треву, правда, мистер Натт?

– Он такой душка, когда лежит и спит, – сказала Джульетта. – Весь розовый...

Она неловко погладила сальные волосы Трева.

– Совсем как маленький!

– Да, притворяться душкой он всегда умел, – заметила Гленда. – Может быть, сходишь и принесешь нашему малышу чашку чая с печеньем? Только не с шоколадным.

Когда девушка грациозно удалилась, она сказала:

– Так, некоторое время она будет занята. Джульетта склонна отвлекаться. Мысли у нее рассеиваются и где-то блуждают.

– Трев говорит, вы с ней ровесницы, хотя у вас более зрелый вид, – сказал Натт.

– Я вижу, вы редко общались с женщинами, да, мистер Натт?

– Ох, боги, я снова допустил ляпсус? – спросил Натт, внезапно разволновавшись – так сильно, что Гленда его пожалела.

– Ляпсус – это та самая штука, которую допускают, а потом смущаются, хотя вроде бы все прилично? – уточнила она.

– Э... да.

Гленда удовлетворенно кивнула. Еще одна литературная загадка разрешена.

– Лучше не употреблять слово «зрелый», если только речь не идет о сыре или вине. Не стоит говорить его женщинам.

Она смотрела на него, гадая, как бы задать следующий вопрос, и предпочла спросить напрямик. Обиняки у Гленды получались гораздо хуже.

– Трев считает, что ты умер и воскрес.

– Полагаю, так оно и есть.

– Мало кому это удастся.

– Насколько я понимаю, не удастся большинству.

– Как ты это проделал?

– Не знаю.

– Сейчас, конечно, уже день, но... ты не испытываешь тяги к чужой крови или мозгам?

– Нет. Только к пирогам. Я люблю пироги. Мне очень стыдно. Этого больше не случится, мисс Гленда. Боюсь, мое тело действовало независимо от воли. Оно требовало немедленного питания.

– Трев говорит, ты когда-то был прикован к наковальне.

– Да. Потому что я не приносил никакой пользы. Потом меня отвели к ее светлости, и она сказала: «Ты не приносишь пользы, но это не значит, что ты бесполезен. Я научу тебя быть полезным».

– Но должны же у тебя быть родители!

– Не знаю. Я много чего не знаю. Дверь закрыта.

– Какая дверь?

– В моей голове. За ней что-то есть, и я не знаю что. Ее светлость говорит, это нормально.

Гленда поняла, что сдается. Да, Натт отвечал на вопросы, но в результате их не становилось меньше. И все-таки она упорствовала, как будто ковыряла консервную банку в надежде ее открыть.

– Ее светлость – настоящая, правда? У нее замок, слуги и все такое?

– О да. «Все такое» в том числе. Она мой друг. И она... зрелая, как сыр и вино, потому что живет уже давно и не стареет.

– Это она отправила тебя сюда и научила тому... что ты сделал с Тревом?

Трев зашевелился на своей подстилке.

– Нет, – ответил Натт. – Я читал трактаты мудрецов в библиотеке. Но ее светлость сказала, что люди – своего рода живые книги и что я должен научиться их читать.

– Ну, Трева ты читаешь неплохо. Только учти: не вздумай пробовать эти штучки на мне, иначе больше не получишь ни одного пирога!

– Да, мисс Гленда. Простите, мисс Гленда.

Она вздохнула. «Что со мной такое? Как только люди начинают грустить, мне становится их жалко!» Она подняла глаза. Натт наблюдал за ней.

– Перестань!

– Простите, мисс Гленда.

– Но, по крайней мере, ты повидал футбол. Тебе понравилось?

Лицо Натта просияло.

– Да. Это было чудесно. Шум, толпа, пение... о, это пение! Оно словно

вливалось в кровь! Петь всем вместе! Чувствовать себя заодно с другими! Быть не одиночкой, но частью целого, с общим разумом и целью! – Он увидел лицо Гленды и осекся. – Э... извините.

– То есть тебе понравилось, – подытожила она. Видеть эту вспышку чувств было все равно что приоткрыть дверь духовки. Хорошо хоть волосы не опалило.

– Аура просто необыкновенная!

– Не знаю, не пробовала, – наугад ответила Гленда, – но гороховый пудинг там обычно ничего себе.

Постукиванье чашки о блюдце и позвякиванье чайной ложечки возвестили прибытие Джульетты, или, точнее, чая, который она благоговейно держала перед собой наподобие священного сосуда, а сама влеклась следом, как хвост кометы. Гленда поразилась. Чай был в чашке, а не на блюдце, и имел вполне типичный для чая коричневый цвет (как правило, единственный соблюденный критерий, если чай заваривала Джульетта).

Трев сел, и Гленда задумалась, как долго он прислушивался к разговору. Допустим, в экстренных ситуациях от него был некоторый прок, и, по крайней мере, он иногда мылся и пользовался зубной щеткой, но ведь Джульетта – особенная девушка, не так ли? Она ждала своего принца. Теоретически, под это описание подходил только патриций Витинари, но он был слишком стар. И потом, никто никогда не знал, с какой ноги он встанет – если он вообще ложится. Но однажды принц появится, даже если Гленде придется притащить его на веревке.

Она повернулась. Натт опять внимательно за ней наблюдал. Что ж, ее книга закрыта и убрана под замок, и никому не позволено перебирать страницы. А завтра она выяснит, что затеяли волшебники. Это несложно. Она превратится в невидимку.

В ночной тишине Натт сидел за собственным столиком в своем любимом уголке – на самом деле, всего-навсего в соседней комнате, рядом с чанами. Свечки горели, а он смотрел на листок бумаги и рассеянно ковырял в ухе кончиком карандаша.

Теоретически Натт был специалистом в любовной поэзии всех времен и народов и нередко беседовал об этом с мисс Здравинг, замковым библиотекарем. Он пытался обсуждать стихи и с ее светлостью, но та рассмеялась и сказала, что все это глупости, хотя они бывают полезны в качестве руководства, а именно – как, используя определенные слова, метрику, ритм и интонации, заставить молодую особу раздеться. Натт не

вполне понял, что ее светлость имела в виду. Речь как будто шла о каком-то ловком трюке.

Он постучал карандашом по странице. В библиотеке замка было полно стихов, и он жадно читал их, как читал вообще любые книги, не зная, зачем они написаны и какой цели призваны служить. Как правило, все стихи, адресованные мужчиной женщине, следовали одному образцу. И теперь, располагая сокровищницей лучшей мировой поэзии, Натт тщетно пытался подобрать слова.

Потом он кивнул. Ах да, знаменитое стихотворение Роберта Скандалья «Аой! Обращение к глухой красавице». Размер и форма вроде бы подходили. Разумеется, еще должна быть муза. Поэзии всегда нужна муза. В том-то и заключалась некоторая сложность. Джульетта, несомненно привлекательная, казалась Натту чем-то вроде дружелюбного привидения. Хм. О, ну конечно...

Натт вытащил карандаш из уха, еще немного помедлил и написал:

Я не любовь пою – она слепа,
Но восславляю гений доброты...

Очаг остывал, зато голова у Натта горела.

Примерно в полночь Гленда решила, что теперь можно спокойно оставить парней одних и пусть себе занимаются тем, чем обычно занимаются парни, когда женщины за ними не присматривают. Гленда и Джульетта сели на ночной омнибус, идущий через город. А значит, ей предстояло ночевать в собственной постели.

Она оглядела крошечную спальню при свете свечи и с некоторым усилием встретила взгляд господина Шатуна, феноменального трехглазого медвежонка. Было бы неплохо наконец получить от мироздания какое-нибудь объяснение, но мироздание никогда и ничего не объясняет, оно лишь задает новые вопросы.

Гленда осторожно протянула руку, хотя за ней наблюдал лишь трехглазый медвежонок, и вытащила последний роман Анжебеты Бодссл-Ярбоуз из стопки, безуспешно спрятанной под кроватью. После десяти минут чтения (за это время Гленда успела одолеть изрядную часть книги, потому что произведения госпожи Бодссл-Ярбоуз были такими же тоненькими, как ее героини) она испытала дежавю. Более того, дежавю в квадрате, поскольку у Гленды возникло ощущение, что оно у нее не в

первый раз.

– Они на самом деле все одинаковые, – сказала Гленда, обращаясь к трехглазому медвежонку. – Ты заранее знаешь, что в книжке будет Юная Мэри, ну или кто-то в этом роде, что она встретит двух парней и будет встречаться с тем, что полюбезнее, потом начнутся всякие недоразумения, и дальше поцелуев дело не продвинется. И можно с уверенностью сказать, что не будет, например, ни увлекательной гражданской войны, ни нашествия троллей, ни хотя бы сцены на кухне. Максимум – гроза.

Иными словами, романы не имели ничего общего с реальной жизнью; хотя в ней тоже недоставало гражданских войн и нашествия троллей, зато, по крайней мере, у нее хватало приличия не исключать многочисленные сцены на кухне. И то спасибо.

Книга выпала из пальцев Гленды, и через полминуты она уже крепко спала.

Как ни странно, ночью она не понадобилась никому из соседей, поэтому Гленда встала, оделась и позавтракала в почти незнакомом мире. Открыв дверь, чтобы отнести завтрак вдове Крауди, она обнаружила на крыльце Джульетту.

Девушка отступила на шаг.

– Ты уже уходишь, Гленди? Еще рано.

– А, ты встала, – сказала Гленда. – Я вижу, у тебя газета. Очень приятно.

– Правда, клево? – спросила Джульетта, тыча ей газету.

Гленда взглянула на рисунок на первой полосе, помедлила, посмотрела еще раз, после чего схватила подругу за руку и втащила в дом.

– Их причиндалы видно, – заметила Джульетта – чересчур бесстрастно, на вкус Гленды.

– Тебе вообще не положено знать, как они выглядят, – заявила та, бросая газету на кухонный стол.

– У меня три брата! И все моются в лохани у очага. Ничего у них особенного нет. И потом, это ж, типа, культура. Помнишь, мы ходили в тот дом, где было полным-полно голых людей? Ты там несколько часов проторчала!

– Это был Королевский музей искусств! – возразила Гленда, благодаря небеса за то, что они не на улице. – Совсем другое дело!

Она пыталась читать статью, но невероятная картинка отвлекала, вновь и вновь притягивая взгляд...

Гленде нравилась ее работа. У нее не было карьеры; карьера – для тех,

кто не способен удержать место за собой. Она хорошо справлялась с тем, что делала, а потому большую часть времени ничем другим не занималась и не обращала особого внимания на то, что творилось вокруг. Но теперь ее глаза широко раскрылись. Более того, уже настало время сморгнуть.

Под заголовком «Старая игра в новом свете» глазам публики представала ваза или, точнее сказать, амфора, оранжевая с черным. На ней были нарисованы несколько высоких худых мужчин – их принадлежность к мужскому полу была вне всяких сомнений, хотя и вне границ правдоподобия. Они, судя по всему, боролись за мяч; один из игроков лежал на земле и, кажется, страдал от боли. Название вазы, гласил заголовок, переводилось как «Подножка».

Если верить статье, кто-то нашел эту вазу в старом хранилище Королевского музея искусств. В ней лежали свитки с изложением изначальных правил игры в футбол, которые были записаны в первые годы века Летнего Долгоносика, тысячу лет назад, когда в футбол играли во славу богини Пеше-Ходе...

Гленда бегло просмотрела статью до конца, потому что она была длинная. На третьей странице некий художник изобразил упомянутую богиню. Разумеется, она отличалась редкой красотой. Богинь редко рисуют уродливыми. Наверное, это как-то связано с их способностью мгновенно поражать смертных. Пеше-Ходе, видимо, наносила удар по ногам.

Гленда отложила газету, кипя гневом – будучи кухаркой, она хорошо знала, что такое кипеть. Эти правила не имели с футболом ничего общего, пусть даже Гильдия историков заявляла, что это и есть футбол, и в качестве доказательств располагала не только старыми свитками, но и амфорой. Гленда понимала, что против амфоры не попрешь.

Но... все как-то очень ловко сложилось, не правда ли? Главный вопрос – зачем. Его светлость не любил футбол, а в статье говорилось, что футбол – очень древняя игра и у нее даже есть собственная богиня. Если что в Анк-Морпорке и любили, так это традиции и богинь, особенно тех, что выше пояса ничем не были прикрыты. Статья вышла с разрешения его светлости? Что вообще творится?

– Мне некогда, – строго сказала Гленда. – Очень хорошо, что ты купила приличную газету, но читать это не стоит.

– А я и не читала. Больно надо. Я купила газету ради объявления. Вот, гляди.

Гленда никогда особенно не интересовалась объявлениями в газетах, потому что их печатали люди, которые охотились за чужими деньгами. Но объявление оказалось прямо перед ней. Мадам Шарн из Бонка... и

микрокольчуга.

– Ты сказала, мы можем пойти, – многозначительно напомнила Джульетта.

– Да, но это было до того, как...

– Ты сказала, мы можем пойти.

– Да. Но... разве кто-нибудь в Сестричках Долли ходит на показ мод? Эти развлечения не для нас.

– В газете ниче такого не сказано. Вход бесплатный. Ты сказала, мы можем пойти!

«Два часа, – подумала Гленда. – Может быть, я успею...»

– Ну ладно, встретимся на кухне в половине второго, слышишь? И ни минутой позже! А у меня еще дела.

Университетский совет собирается каждый день в половине двенадцатого, подумала Гленда. А у стен есть уши. Она ухмыльнулась.

Трев сидел в потертом старом кресле, которое в свечном подвале играло роль его личного кабинета. Работа шла как обычно – то есть уверенным черепашьям шагом.

– А, я вижу, вы пришли пораньше, мистер Трев, – сказал Натт. – Простите, что меня не оказалось на месте. Я исправлял внезапно возникшую неполадку с канделябром.

Он придвинулся ближе.

– Я сделал то, о чем вы просили, мистер Трев.

Трев перестал грезить и произнес:

– Э?

– Вы просили меня написать... то есть подправить ваши стихи для мисс Джульетты.

– Так ты все сделал?

– Может быть, вы не откажетесь посмотреть, мистер Трев? – Натт протянул листок и нервно замер у кресла, как ученик перед учителем.

Очень скоро Трев наморщил лоб.

– А что такое «златой»?

– Это значит «золотой», сэр. Например, «власы ее златые».

– Типа, чтоб в строчку больше влезло? – уточнил Трев.

– Нет, мистер Трев. На вашем месте я бы просто принял, что в стихах так положено.

Трев с трудом продирался дальше. Он никогда особо не увлекался стихами, не считая тех, что начинались словами «Молодая особа из Клатча...», но то, что написал Натт, казалось самой настоящей поэзией.

Строчки были одновременно насыщенными и полными воздухом, а выражения чрезвычайно кудрявыми, а уж это-то – несомненный признак, правда? Про «молодую особу из Клатча» так точно не напишут.

– Здорово, мистер Натт. Правда клево. Вот это стихи. Но... о чем тут сказано?

Натт кашлянул.

– Понимаете, сэр, цель подобной поэзии – создать настроение, которое расположит адресата, то есть молодую девицу, сэр, которой вы намереваетесь послать стихи, по отношению к автору стихов, то есть в данном случае к вам, сэр. По словам ее светлости, все остальное – просто для красоты. Я принес карандаш и конверт; если вы будете так любезны подписать стихи, я доставлю их мисс Джульетте.

– Держу пари, раньше ей никто стихов не писал, – сказал Трев, умолчав о том, что и для него это внове. – Хотел бы я посмотреть, как она их прочтет.

– О, это весьма нежелательно, – быстро возразил Натт. – Общее мнение гласит, что заинтересованная дама должна читать стихи в отсутствие пылкого обожателя, то есть вас, сэр, дабы в ее сознании сложился благоприятный образ. Ваше личное присутствие может помешать, особенно в связи с тем, что вы, как я вижу, сегодня снова забыли переменить рубашку. И потом, насколько мне известно, с мисс Джульетты может внезапно свалиться одежда.

Трев, который до сих пор пытался переварить слово «обожатель», немедленно ухватился за последнее, что услышал.

– Э... повтори!

– С нее может свалиться одежда. Прошу прощения, сэр, если не ошибаюсь, это побочный продукт поэтического творчества. Но, вообще говоря, сэр, стихотворение передает вашу основную мысль, а именно: «Ты мне нравишься, ты очень клева, давай куда-нибудь сходим вместе, и никаких фиглей-миглей, зуб даю». Так или иначе, сэр, поскольку это любовное стихотворение, я взял на себя смелость внести небольшие изменения, дабы довести до сведения юной леди, что, если она будет настроена благосклонно по отношению к фиглям-миглям с вашей стороны, она не ощутит недостатка ни в том, ни в другом.

Аркканцлер Чудакулли потер руки.

– Ну, господа, надеюсь, утром все читали газеты или, по крайней мере, просматривали?

– По-моему, первая страница – не самое подходящее место, – заявил

профессор самых современных рун. – Я чуть с завтраком не расстался. Образно выражаясь, разумеется.

– Насколько я понял, амфора пролежала в музейных подвалах самое меньшее триста лет, и вдруг о ней стало известно, – сказал Чудакулли. – Разумеется, там тонны всякого хлама, который никто и никогда не изучал как следует. Город в те времена переживал период щепетильности и не желал ничего знать о подобных вещах.

– О том, что у мужчин есть причиндалы? – уточнил доктор Хикс. – Ну, такого рода новости рано или поздно расходятся.

Он обвел взглядом неодобрительные лица и добавил:

– Не забывайте про перстень с черепом. Согласно университетскому статуту, заведующий отделом посмертных связей имеет право – и более того, обязан – делать бестактные, сеющие раздор и умеренную смуту замечания. Прошу прощения, но это ведь *ваши* правила.

– Спасибо, доктор Хикс, твои неуместные замечания приняты к сведению.

– Знаете, лично мне кажется очень подозрительным, что проклятая амфора возникла именно сейчас, – заметил Главный философ. – Надеюсь, я в этом мнении не одинок?

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал Хикс. – Если бы я не знал, что аркканцлер первым решил убедить Витинари дозволить нам участие в игре, я бы подумал, что патриций строит какие-то козни.

– Да-а, – задумчиво подтвердил Чудакулли.

– Старые правила выглядят куда интереснее, сэр, – сказал Думминг.

– Да-а.

– Вы читали тот пассаж, где сказано, что игрокам не разрешено прибегать к помощи рук? И что на поле должен присутствовать первосвященник, дабы обеспечить уважительное отношение к правилам?

– Сомневаюсь, что в наши дни эта идея приживется, – заметил профессор самых современных рун.

– Он вооружен отравленным кинжалом, сэр, – сказал Думминг.

– Э? Что ж, по крайней мере, тогда игра станет занимательней. Как по-твоему, Наверн? Наверн?..

– Что? Ах да. Да. Есть о чем подумать. Действительно. О да. Должен быть главный. Зритель, который видит почти всё. Хозяин игры, так сказать. Так что же я упустил?

– Прошу прощения, аркканцлер?

Чудакулли моргнул и уставился на Думминга Тупса.

– Что? А. Я просто задумался, – он выпрямился. – В любом случае

правила нас сейчас не волнуют. Нам придется сыграть в любом случае, поэтому мы будем подчиняться им, в лучших спортивных традициях, пока не поймем, каким образом можно обернуть их к собственной выгоде. Мистер Тупс, вы систематизировали то, что известно об этой игре. Уступаю вам место.

– Благодарю, аркканцлер, – Думминг откашлялся. – Господа, футбол есть нечто большее, чем правила, цель и смысл игры. Во всяком случае, все это чисто механические соображения; гораздо больше нас интересуют пение и, разумеется, еда. Насколько я понимаю, то и другое – неотъемлемая часть процесса. К сожалению, как и дубинки болельщиков.

– А здесь-то в чем проблема? – поинтересовался Чудакулли.

– Они бьют ими друг друга по голове. Справедливо будет сказать, что ссоры и бессмысленное насилие, наподобие того, что случилось вчера вечером, – это один из краеугольных камней упомянутой игры.

– Иными словами, пережиток прошлого, – отозвался заведующий кафедрой бесконечных штудий, качая головой.

– О да. Насколько мне известно, в прежние времена проигравшим перерезали глотки. Так или иначе, впоследствии этот обычай сменился умеренной жестокостью с радостного согласия всего сообщества, ну или, по крайней мере, той его части, которая еще была способна дышать. К счастью, у нас пока нет болельщиков, так что на нынешний момент это не наша проблема, и я предлагаю перейти непосредственно к пирогам.

Послышался хор одобрительных возгласов. Еда для волшебника – это кусок радости, притом весьма аппетитный. Некоторые уже поглядывали на дверь, предвкушая появление чайной тележки. Девять часов, казалось, пробило давным-давно.

– В основе игры лежит пирог, – продолжал Думминг, – который обычно представляет собой мучное изделие из песочного теста, содержащее некоторую подобающую случаю начинку. Я приобрел примерно с полдюжину упомянутых объектов и проверил на наших обычных подопытных.

– На студентах? – уточнил Чудакулли.

– Да. Они сказали, что пироги просто ужас. Просто ни в какое сравнение не идут с университетскими пирогами. Впрочем, они их доели. Анализ ингредиентов показал, что пироги состоят из мясной подливки, жира и соли, и, насколько мы можем судить, ни один из студентов еще не умер...

– Значит, у нас пироги все-таки лучше, – радостно подытожил Чудакулли.

– Полагаю, что так, аркканцлер, хотя я и не уверен, что качество выпечки играет хоть какую-нибудь роль... – Думминг замолчал, поскольку дверь отворилась, чтобы впустить доверху нагруженную чайную тележку. Поскольку тележку толкала не она, волшебники перестали обращать на служанку внимание и принялись передавать чашки, вдумчиво дегустировать шоколадное печенье в надежде ухватить больше, чем положено, и осуществлять прочие диверсии, без которых университетский совет и впрямь стал бы средством быстрого принятия важных решений.

Когда лязг посуды затих и последнее печенье после нелегкой борьбы нашло своего владельца, Чудакулли постучал ложечкой по краю чашки, призывая к тишине. Поскольку это был Чудакулли, к общему гулу добавился еще и треск разбитого фарфора. Когда девушка, прикатившая тележку, вытерла со стола лужицу, он продолжал:

– Пение, господа, на первый взгляд кажется еще одной нелогичностью, но у меня есть все основания полагать, что оно обладает несомненной силой и мы будем не правы, если им пренебрежем. Музейные переводчики утверждают, что все современные футбольные песнопения берут свое начало в гимнах в честь богини, которыми ее призывали обратить свой милостивый взгляд на одну из команд. А по краям игрового поля танцевали наяды, дабы поощрить игроков к великим подвигам.

– Наяды? – переспросил заведующий кафедрой бесконечных штудий. – Если не ошибаюсь, это водяные нимфы? Юные особы в тонких мокрых платьях? А зачем они нужны? И потом, разве они не топят корабли своими песнями?

Задумчивое молчание некоторое время висело в воздухе, прежде чем Чудакулли наконец произнес:

– К счастью, я сомневаюсь, что кто-нибудь в наши дни потребует от нас играть в футбол под водой.

– И потом, пироги всплывут, – заявил заведующий кафедрой бесконечных штудий.

– Не факт, – заметил Думминг.

– А как насчет одежды, мистер Тупс? Я так полагаю, должна быть какая-то форма?

– В старые времена температура воздуха была выше. Могу заверить, что никто не будет настаивать на наготe.

Думминг, скорее всего, услышал дребезжание, когда девушка за чайной тележкой чуть не уронила чашку, но ему хватило такта не подать виду, что он заметил. Он продолжал:

– В настоящее время игроки надевают старые рубашки и короткие

штаны.

– Насколько короткие? – уточнил заведующий кафедрой бесконечных штудий, и в его голосе прозвучала тревога.

– Примерно по колено, если не ошибаюсь, – сказал Думминг. – А что, есть какие-то проблемы?

– Да! Колени надлежит закрыть. Хорошо известный факт, что вид мужской коленки способен вызвать у женщины неудержимое вожделение!

Со стороны чайной тележки вновь донесся дребезг, но Думминг не обратил внимания, потому что голова у него тоже задрезжала.

– Вы уверены, сэр?

– Это установленный факт, юный Тупс!

Утром Думминг нашел на расческе седой волос, а потому был не в настроении выслушивать такие вещи.

– И в какой конкретно книге... – начал он, но Чудакулли с необычным тактом перебил. Обычно ему нравились небольшие стычки среди коллег.

– Удлиним шорты на пару дюймов, чтобы нас не затоптали юные леди, – и, полагаю, проблем не будет, не так ли, мистер Тупс? О...

Последнее было обращено к Гленде, которая уронила две ложечки на ковер. Гленда сделала быстрый книксен.

– Э... да. И нам нужно выбрать цвет, – произнес он, слегка волнуясь. Чудакулли гордился тем, что хорошо обращался с прислугой. Так оно и было, когда он вспоминал об ее существовании, но выражение осмысленного изумления на лице пухленькой девушки встревожило аркканцлера, как если бы цыпленок вдруг подмигнул.

– Э... да, да, действительно, – продолжал он. – Старые добрые красные футболки, которые мы носили во времена моей юности, когда я греб в университетской команде, с двумя большими буквами О на груди... «Отчаянные Оракулы».

Чудакулли взглянул на служанку – та хмурилась. Но он ведь аркканцлер, не правда ли? По крайней мере, так на двери написано.

– Вот что мы сделаем, – объявил Чудакулли. – Мы исследуем пироги, хотя попались мне несколько штук, которые не выносят даже пристального взгляда, ха-ха, и возобновим традицию красных футболок. Что там дальше, мистер Тупс?

– Что касается пения, сэр, я попросил магистра музыки что-нибудь сочинить, – бесстрастно сказал Думминг. – Нам нужно как можно скорее собрать команду.

– Не понимаю, зачем такая спешка, – заметил заведующий кафедрой бесконечных штудий, который уже потихоньку задремывал, объевшись

шоколадного печенья.

– Завещание, – напомнил заведующий отделом посмертных связей. – Мы...

– Pas devant la domestique! – резко оборвал профессор самых современных рун.

Чудакулли машинально повернулся, чтобы посмотреть на Гленду, и у него возникло отчетливое ощущение, что эта девушка намерена в самом ближайшем времени изучить иностранный язык. Мысль была странная, но чем-то приятная. До сих пор он никогда не думал ни о ком из служанок в отдельности. Обслуживающий персонал казался ему чем-то неделимым. Чудакулли был вежлив и улыбался, когда требовала ситуация. Он предполагал, что служанки бывают заняты и иными делами, помимо уборки и готовки, иногда они покидают университет, чтобы выйти замуж, а иногда... покидают просто так. Раньше ему не приходило в голову, что они в принципе способны думать, а уж тем более о чем они думают. И меньше всего – что они думают о волшебниках.

Чудакулли повернулся обратно к столу.

– Кто будет петь, мистер Тупс?

– Упомянутые болельщики, сэр. Фанаты. Это сокращение от слова «фанатик», сэр.

– И кто же будет нашими... фанатами?

– Ну... Университет – главный городской работодатель.

– Лично я полагаю, что это Витинари, и хотел бы я, черт возьми, в точности знать, кому он дает работу.

– Не сомневаюсь, верные слуги нас поддержат, – сказал профессор самых современных рун.

Он повернулся к Гленде и, к ужасу Чудакулли, ласково спросил:

– Ты, конечно, будешь за нас болеть, дитя мое?

Аркканцлер откинулся на спинку кресла. У него возникло отчетливое чувство, что сейчас будет весело. Нет, девушка не покраснела и не взвизгнула. Она вообще ничего такого не сделала – только осторожно подобрала черепки.

– Я болею за «Сестричек Долли», сэр. Я всегда за них болела.

– Они хорошо играют?

– Сейчас у них полоса неудач, сэр.

– Тогда, разумеется, ты не откажешься поболеть за нашу команду, которая будет играть очень хорошо!

– Никак не могу, сэр. Своих не бросают, сэр.

– Но ты только что сказала, что дела у них плохи.

– Именно тогда команде и нужна поддержка, сэр. Иначе ты просто жаба.

– То есть... – начал Чудакулли.

– Тот, кто болеет за свою команду, когда та играет хорошо, а потом перебегает к другой, когда она начинает проигрывать. Такие всегда орут громче всех.

– Значит, человек обязан всю жизнь болеть за одну и ту же команду?

– Ну, если ты переезжаешь, тогда можно за кого-нибудь другого. Никто не будет особенно возражать, если только ты не начнешь болеть за главного врага... – Гленда обвела взглядом озадаченные лица, вздохнула и объяснила: – «Сонный Холм» и «Громилы», «Сестрички Долли» и «Славные Парни Колиглазы», «Свиноеды со Скотобоен» и «Кабаны с Куроносной улицы». Понимаете?

Поскольку волшебники явно не понимали, Гленда продолжала:

– Они ненавидят друг друга. Так было всегда и будет впредь. И дружить они не станут ни за что. Когда враждебные команды сходятся – тушите свет. Не представляю, что сказали бы мои соседи, если бы увидели, что я болею за «Колиглазов».

– Но это же ужасно! – воскликнул заведующий кафедрой бесконечных штудий.

– Прошу прощения, мисс, – сказал Думминг, – но бóльшая часть улиц, которые вы перечислили, расположены довольно близко друг к другу. Отчего же эти люди так сильно друг друга ненавидят?

– Ничего удивительного, – произнес доктор Хикс. – Трудно ненавидеть тех, кто от тебя далеко. Ты забываешь, какие они ужасные. Зато соседские бородавки видишь каждый день.

– Чего еще ожидать от циника, который занимается посмертными связями, – проворчал заведующий кафедрой бесконечных штудий.

– Или от реалиста, – отозвался Чудакулли с улыбкой. – Но Сестрички Долли и Колиглазная улица расположены довольно далеко друг от друга, мисс.

Гленда пожала плечами.

– Да, но так было всегда, и точка. Больше ничего не могу вам сказать.

– Что ж, спасибо?.. – невысказанный вопрос повис в воздухе.

– Гленда, – сказала та.

– Хотел бы я знать, что еще мы недопоняли.

– Всё, сэр.

Гленда не собиралась говорить этого вслух. Но оно выскочило само.

Волшебники зашевелились. Они были потрясены, поскольку

случилось невыносимое. С тем же успехом чайная тележка могла заржать.

Чудакулли грохнул кулаком по столу, прежде чем остальные успели подобрать слова.

– Отлично сказано, мисс! – Он усмехнулся, хотя Гленда ждала, что полразверзнется и поглотит ее. – Я уверен, ваши слова шли от самого сердца, потому что, насколько я понимаю, по здравом размышлении вы бы этого не сказали.

– Простите, сэр, но вы ведь спросили мое мнение.

– А вот это уже ответ, идущий от ума. Неплохо. Ну так поделитесь с нами своими мыслями, мисс Гленда.

Гленда, по-прежнему в легком шоке, посмотрела в глаза аркканцлеру и поняла, что не время труситься. Хотя она изрядно волновалась.

– В чем вообще проблема, сэр? Если хотите играть, просто идите и играйте. Зачем что-то менять?

– Игра, именуемая футбол, крайне отстала от времени, мисс Гленда.

– Да, и вы тоже... извините, извините, но... да. Вы же понимаете. Волшебники – это волшебники. У вас мало что меняется, правда? Вы говорите, что какой-то магистр музыки сочинит новую песню, но ведь это не так делается. Песни сочиняет Толкучка. Они просто... возникают. Как будто появляются из воздуха. И пироги там ужасные, это правда, сэр, но когда вы стоите в Толкучке, и погода ненастная, и дождь просачивается через куртку, и ботинки промокают, и вы уплетаете пирог и знаете, что все вокруг тоже уплетают пироги, и жир течет по рукаву... Сэр, у меня нет подходящих слов, честное слово. Не могу описать ощущение, но так чувствует себя ребенок на Страшество. Невозможно все это купить, сэр, записать, упорядочить, пригладить или приручить. Простите за дерзость, сэр, но футбол именно таков, здесь его начало и конец. Вы должны бы знать, сэр. Разве отец никогда не водил вас на игру?

Чудакулли обвел глазами стол Совета и заметил кое-где влажный блеск глаз. Волшебники преимущественно принадлежали к тому поколению, представители которого уже имеют внуков. Они были, сказать прямо, толстыми, склонными к цинизму и несдержанности, они носили очки, но...

...запах дешевых курток под дождем, который всегда имел привкус сажи, а еще – отец или дедушка, который сажал тебя на плечи, так что ты поднимался над остальными, над потрепанными шляпами и шарфами, и чувствовал тепло Толкучки, видел, как по ней катятся волны, чувствовал биение ее сердца, а еще, конечно, тебе наверх протягивали пирог, или полпирога, если времена выдавались нелегкие, а если они были совсем скверные, то хотя бы пригоршню маслянистого жареного гороха, который

ты ел по штучке, чтобы растянуть подольше... а если дела шли хорошо, перепадало и настоящее угощение, например хот-дог, которым не нужно было делиться, или тарелка рагу с желтыми каплями жира и хрустящей поджаркой, которую ты жевал по пути домой, – мясо, которое не бросили бы собаке, но под дождем, в объятиях Толкучки, в общем гаме это была священная амброзия на пиршестве богов...

Аркканцлер сморгнул. Казалось, время остановилось... не считая минувших семидесяти лет.

– Э... очень ярко обрисовано, – сказал он и окончательно пришел в себя. – Подмечены интересные нюансы. Но, понимаешь ли, на нас лежит ответственность. В конце концов, в те годы, когда был основан университет, Анк-Морпорк представлял собой лишь кучку деревень. Нас обеспокоили вчерашние драки на улицах. Говорят, кто-то погиб, потому что болел не за ту команду. Мы не можем терпеть убийства и дальше.

– Значит, вы закроете Гильдию наемных убийц, сэр?

Все ахнули, в том числе сама Гленда. В ее голове вертелась одна-единственная разумная мысль: «Интересно, в Гильдии шутов еще осталась вакансия кухарки? Платят там немного, зато, несомненно, умеют ценить торты».

Когда она осмелилась поднять глаза, аркканцлер смотрел в потолок и барабанил пальцами по столу.

«Не мешало бы тебе быть поосторожнее, – предупредила Гленда сама себя. – Не распускай язык с господами. Если ты забудешь свое место, они тебе напомнят».

Чудакулли перестал барабанить.

– Отлично сказано, – произнес он. – Засим выслушай же мой ответ.

Он щелкнул пальцами, раздался легкий хлопок, и в воздухе над столом повис маленький алый шарик, распространяя запах крыжовника.

– Во-первых, Гильдия наемных убийц, хотя и смертоносная, не сеет гибель хаотически. Честно говоря, главную опасность они представляют друг для друга. Убийства преимущественно следует опасаться лишь тем, кто достаточно влиятелен, чтобы предпринять попытку самозащиты.

Появился еще один шарик.

– Во-вторых, Наемные убийцы твердо убеждены, что наносить ущерб собственности не следует. Они неизменно учтивы, внимательны и, как известно, не склонны шуметь. Они никогда не помыслят о том, чтобы нанести жертве удар на людной улице.

Возник третий шар.

– В-третьих, они организованны, а следовательно, поддаются

общественному контролю. Патриций Витинари особенно за этим следит.

В воздухе повис еще один шарик.

– И в-четвертых, сам патриций Витинари прошел обучение в Гильдии наемных убийц, специализируясь на маскировке и ядах. Я не уверен, что он с тобой согласится. И он – тиран, пусть даже он довел тиранию до такой степени метафизического совершенства, что она превратилась из насилия в мечту. Ему необязательно тебя слушать, поверь. Ему даже необязательно слушать меня. Он слушает город. Не знаю, каким образом, но это факт. Витинари играет на нем, как на скрипке... – Чудакулли помедлил и продолжил: – ...как в самую замысловатую игру, какую только можно представить. Город живет не идеально, но лучше, чем когда-либо. Поэтому, я думаю, футболу тоже пора измениться.

Он улыбнулся, заметив выражение лица Гленды.

– Чем ты вообще занимаешься? Боюсь, твои способности пропадают даром.

Вероятно, Чудакулли имел в виду сделать комплимент, но голова Гленды была настолько переполнена словами аркканцлера, что они буквально вытекали из ушей. Она смутно услышала собственный голос:

– Они уж точно не пропадают даром, сэр! Вы никогда не ели таких вкусных пирогов, как мои! Я заправляю Ночной Кухней!

Высокая политика не особенно интересовала большинство присутствующих, зато волшебники твердо знали, что такое вкусный пирог. Гленда и так уже стала центром внимания, но теперь интерес еще усилился.

– Правда? – спросил заведующий кафедрой бесконечных штудий. – А мы думали, это та, хорошенькая.

– Неужели? – бодро отозвалась Гленда. – Нет, это я.

– Кто же печет тот чудесный пирог с сыром и горячими пикулями?

– «Пирог пахаря»? Я, сэр. Мой собственный рецепт.

– Как тебе удастся сделать так, чтобы маринованные луковки остались твердыми и хрустящими после печки? Уму непостижимо!

– Это мой рецепт, сэр, – твердо повторила Гленда. – Если я кому-нибудь расскажу, он перестанет быть моим.

– Верно подмечено, – добродушно заметил Чудакулли. – Мастеров не расспрашивают о секретах ремесла, это просто неприлично. А теперь я объявляю конец нашему заседанию, хотя чему тут на самом деле настал конец, мне предстоит понять позже... – Он повернулся к Гленде. – Спасибо, что заглянули сегодня, мисс Гленда, и я не стану спрашивать, отчего молодая особа, которая работает на Ночной Кухне, разливает чай ближе к полудню. Вы больше ничего не хотите нам посоветовать?

- Ну... если вы спрашиваете... нет-нет, я зря начала...
- Сейчас не время смущаться!
- Э... это касается ваших цветов, сэр. То есть вашей формы. Красный и желтый – это хорошо, больше никто не носит такое сочетание, но, если не ошибаюсь, вы хотите, чтобы на футболке спереди стояли две буквы О? То есть ОО? – она помахала рукой в воздухе.
- Да, ты совершенно права. В конце концов, так называлась наша славная старая команда, – Чудакулли кивнул.
- Вы уверены? Я понимаю, вы приличные люди и все такое, но... короче говоря, на вас будет надпись как на двери уборной. Поверьте, все именно так и подумают.
- Ох, боги, сэр, она права, – сказал Думминг. – Это будет смотреться самым курьезным образом...
- Да как же должен быть устроен мозг у человека, чтобы усмотреть черт знает что в двух обыкновенных буквах? – сердито поинтересовался профессор самых современных рун.
- Не знаю, сэр, – ответила Гленда, – но у всех, кто ходит на футбол, мозги устроены именно так. Болельщики будут дразниться. Они обожают придумывать прозвища.
- Подозреваю, вы правы, мисс, – сказал Чудакулли, – но в прежние времена, когда я греб в университетской команде, у нас никогда не было проблем из-за названия.
- Любители футбола намного грубее в выражениях, сэр, – заявил Думминг.
- Да, а мы в те дни, помнится, были гораздо легкомысленней, когда речь заходила о швырянии огнем, – задумчиво произнес Чудакулли. – Однако какая жалость. Я-то уже надеялся, что мы проветрим старую форму. Видимо, придется изменить название, чтобы уж точно никого не смущать. Еще раз спасибо, мисс Гленда. Как на двери уборной, говорите? Едва избежали опасности, э? Хорошего вам дня, – и он закрыл дверь за тележкой, которую Гленда катила с такой скоростью, словно участвовала в гонках.
- Молли, главная на Дневной Кухне, нервно приплясывала в конце коридора. Она облегченно обмякла, когда из-за угла показалась Гленда. Чашечки на тележке бренчали.
- Все нормально? Ничего не случилось? У меня будут большие неприятности, если что-нибудь случилось! Поклянись, что ничего не случилось!
- Все в полном порядке, – ответила Гленда и удостоилась

подозрительного взгляда.

– Точно? Ну, с тебя причитается.

Законы взаимных услуг – краеугольные камни множественной вселенной. Первый закон гласит: одной услугой обычно никто не ограничивается; вторая просьба (после выполнения первой), предваренная фразой вроде «А можно я совсем обнаглею?», заключает в себе следующий запрос. Если он не удовлетворен, то, согласно второму закону, право на получение благодарности за первую услугу аннулируется; третий закон гласит, что податель услуги вообще ничего такого не сделал, и поле сворачивается.

Но Гленда помнила, что за время работы на Ночной Кухне получила массу услуг и сама задолжала некоторое количество. И потом, у нее были основания полагать, что Молли во время желанной передышки флиртовала со своим кавалером, который работал в пекарне.

– Сможешь провести меня на банкет вечером в среду?

– Прости. Тех, кто прислуживает на банкете, выбирает дворецкий, – сказала Молли.

Ах да, высоких худых девушек.

– И зачем тебе вообще туда надо? – продолжала Молли. – Бегать придется много, заплатят мало. После больших ужинов, конечно, нам отдадут уйму вполне приличных обедков, но тебе-то что с того? Ты и так не бедствуешь! – Она замолчала, и воцарилась неловкая тишина. – В смысле, мы все знаем, что ты здорово готовишь и при этом умеешь сделать так, чтобы немножко осталось, – запинаясь, выговорила Молли. – Я ни на что такое не намекаю!

– А я и не думала, что ты на что-то такое намекаешь, – сказала Гленда, стараясь говорить спокойно. Но она возвысила голос, когда Молли заспешила прочь: – Я могу отплатить услугой за услугу прямо сейчас! У тебя на заднице отпечатки рук!

Ответом послужил яростный взгляд, и Гленда ощутила небольшой триумф. Бери что дают.

Тем не менее этот странный разговор, о котором, Гленда не сомневалась, ей еще придется пожалеть, отнял уйму времени. А Ночная Кухня требовала присмотра.

Когда за прямолинейной служанкой закрылась дверь, Чудакулли многозначительно кивнул Думмингу.

– Так, мистер Тупс, вы смотрели на чудометр все время, пока я с ней разговаривал. Выкладывайте начистоту.

– Положение весьма запутанное, – признал Думминг.

– Я все время думал, что за историей с амфорой стоит Витинари, – мрачно произнес Чудакулли. – Мог бы и вспомнить, что обычно он действует гораздо тоньше.

– А я с самого начала подумал, что именно так и будет, – заметил профессор самых современных рун.

– О да, – поддержал заведующий кафедрой бесконечных штудий. – Мне это сразу пришло в голову, как только я увидел статью в газете.

– Господа, – сказал аркканцлер, – я склоняю голову в знак уважения. Едва я успеваю составить о чем-либо мнение, как оказывается, что вы уже давно все поняли. Я потрясен.

– Прошу прощения, – вмешался доктор Икс, – но вот лично я понятия не имею, о чем речь.

– Ты совсем утратил связь с жизнью! Слишком много времени проводишь под землей! – сурово воскликнул профессор самых современных рун.

– Потому что вы не так уж часто выпускаете меня наружу! И да будет позволено напомнить вам, что я поддерживаю жизненно необходимую линию космической обороны в этом учреждении, имея в своем распоряжении лишь одного сотрудника, да и тот давно мертв!

– Ты имеешь в виду Чарли? Помню старину Чарли. Отличный работник, – сказал Чудакулли.

– Да, но его то и дело приходится заново подвязывать проволочками, – Икс вздохнул. – Я ведь составляю ежемесячные отчеты, чтобы вы были в курсе дела. Надеюсь, вы их читаете?..

– Скажи, доктор Икс, – сказал Думминг, – ты ощутил что-нибудь необычное, когда эта юная особа так красноречиво говорила?

– Да, меня посетило приятное воспоминание об отце.

– Как и нас всех, насколько я понимаю, – подытожил Думминг. Волшебники угрюмо закивали. – При том что я никогда не знал своего отца. Меня воспитали тетушки. Это дежавю... без вю.

– И никакой магии? – уточнил профессор самых современных рун.

– Нет. Скорее религия, – ответил Чудакулли. – Обращение к какому-нибудь богу и все такое.

– Не обращение, Наверн, а вызывание посредством пролития крови, – поправил доктор Икс.

– Надеюсь, что нет, – сказал Чудакулли, вставая. – Я хотел бы провести сегодня вечером небольшой эксперимент, господа. Мы не будем говорить о футболе, не будем гадать о футболе, не будем беспокоиться о футболе...

– Ты хочешь, чтобы мы сыграли? – мрачно поинтересовался профессор самых современных рун.

– Да, – ответил Чудакулли, изрядно раздосадованный тем, что отличный эффект в финале был испорчен. – Немного погоняем мяч, чтобы из первых рук получить некоторое представление о том, как играют в футбол.

– Э... строго говоря, по новым правилам, под которыми я подразумеваю старинные правила, ныне принимаемые за образец, пользоваться руками запрещено, – заметил Думминг.

– Верно подмечено, старина. Оповести университет. Тренировка на большом газоне после ленча!

Имея дело с гномами, нужно помнить о том, что хотя они и живут в одном мире с тобой, но, образно выражаясь, для них он перевернут с ног на голову. Пентхаус в центре города гном сочтет трущобой. Только самые богатые и влиятельные гномы обитают в глубочайших пещерах. Им нравится, когда темно и прохладно.

И этим дело не ограничивается. Гном, стремящийся к повышению, на самом деле стремится вниз, а высшее гномье общество называется низшим. Гном, обладающий богатством, здоровьем, уважением и собственной крысиной фермой, по праву чувствует себя ниже плинтуса, и ценят его весьма низко. Когда разговариваешь с гномами, нужно переворачивать сознание с ног на голову. И картину мира тоже. Разумеется, если копать под Анк-Морпорком, найдешь только Анк-Морпорк. Тысячи лет истории, которые только и ждут, чтобы их обнаружили, снабдили подпорками и обнесли стеной из блестящего гномьего кирпича.

Таково было Великое Предприятие патриция Витинари. Городская стена стискивала Анк-Морпорк, как корсет «Мечта фетишиста». Сила притяжения позволяла подниматься вверх лишь на весьма ограниченное расстояние, зато глубокий равнинный суглинок позволял беспрепятственно двигаться вниз.

Гленда, впрочем, удивилась, обнаружив «Шоблу» на поверхности Молотковой улицы, бок о бок с самыми стильными магазинами женской (человеческой) одежды. Пожалуй, в этом был несомненный смысл: если собираешься зарабатывать до неприличия большие деньги, продавая шмотки, лучше замаскируйся среди других магазинов, которые занимаются тем же самым. Название ее слегка смущало, но, кажется, «шобла» на гномьем означало «приятный сюрприз». Если смеяться над всеми подобными совпадениями, то некогда будет даже дух перевести.

Гленда подошла к двери, исполненная мрачных предчувствий. Она не сомневалась: как только она шагнет за порог, с нее будут брать пять долларов в минуту за воздух, а потом перевернут вниз головой и вытрясут все ценное в подставленный совок.

Магазин действительно был шикарный. Но шикарный на гномий манер. Кольчуг и оружия там было столько, что хватило бы завоевать какой-нибудь город, – но, если посмотреть повнимательнее, становилось ясно, что это женские кольчуги и женское оружие. Жизнь менялась. Гномихам до чертиков надоело выглядеть круглые сутки по-мужски, и они, метафорически выражаясь, переплавляли мечи на бронелифчики с отстегиваемыми бретельками.

Все это Джульетта объяснила Гленде по пути на Молотковую, хотя, разумеется, не использовала слово «метафорически» – оно несколькими слогами превосходило ее разумение. В магазине были боевые топоры и молоты, но с несомненными женскими штришками – так, один топор, явно способный повдоль рассечь врагу позвоночник, украшала очаровательная гравировка в виде цветочков. Гленде открылся иной мир, и, стоя на пороге и оглядываясь, она с облегчением убедилась, что в магазине есть еще люди. Более того, довольно много, и это удивляло. Какая-то молодая особа в стальных сапогах на шестидюймовых шпильках буквально полетела к Гленде и Джульетте, словно влекомая магнитом – учитывая количество надетого на ней железа, безнаказанно пройти мимо магнита она бы уж точно не смогла. В руках она держала поднос с напитками.

– Черный эль, красный эль, белый эль, – перечислила она, а потом понизила голос на несколько децибелов и три социальных слоя. – На самом деле, красный эль – это херес, и его все гномихи берут. Им нравится, когда можно потягивать.

– Нам придется заплатить? – нервно спросила Гленда.

– Всё бесплатно, – сказала девушка, указала на миску с какими-то маленькими черными штучками, каждая из которых была пронзена шпажкой для коктейля, и с ноткой безнадежности предложила: – Попробуйте крысиные ягодки.

Прежде чем Гленда успела остановить подругу, та взяла одну штучку и принялась восторженно жевать.

– Которая часть крысы называется ягодкой? – поинтересовалась Гленда. Девушка с подносом отвела взгляд.

– Ну... знаете, что такое пастуший пирог?

– Я знаю двенадцать разных рецептов, – заявила Гленда с редким самодовольством. На самом деле она приврала. Она знала четыре рецепта,

потому что трудно сделать из мяса и картошки нечто большее, но сверкающая металлическая роскошь «Шоблы» действовала ей на нервы, а потому нужно было придать себе весу. И вдруг до нее дошло.

– А, вы имеете в виду традиционный пастуший пирог, который готовят из...

– Боюсь, что так, – сказала девушка. – Но у дам эти штуки пользуются огромным спросом.

– Больше не ешь, Джу, – быстро велела Гленда.

– Вкусно же, – возразила Джульетта. – Можно еще одну?

– Но только одну, – предупредила Гленда. – Для круглого счета.

Она выпила херес, и девушка, осторожно балансируя тремя предметами в двух руках, протянула ей глянцевою брошюру.

Гленда полистала ее и убедилась, что интуиция не подвела. Здесь все было таким дорогим, что даже цену не называли. Можешь не сомневаться, что вещь стоит дорого, если тебе не называют цену. Если полистать каталог еще немного, зарплата утечет через зрачки. Бесплатная выпивка? Ну-ну.

Поскольку делать было больше нечего, она принялась разглядывать публику. Все, за исключением увеличивающегося – и, надо признать, немало – количества людей, носили бороды. Гномы непременно бородаты, это неотъемлемая часть гномьей природы. Здесь, впрочем, бороды были изящнее, чем в среднем по городу, а кое-кто даже поэкспериментировал с перманентом и укладкой. На виду, как положено, торчали шахтерские кирки, но их носили в дорогих сумках, как будто владелица кирки могла обнаружить по пути в магазин привлекательный пласт угля и боялась, что ей нечем будет поработать.

Гленда поделилась мыслями с Джульеттой, которая указала на ноги очередной состоятельной клиентки и сказала:

– Че? И испортить такие клевые сапоги? Это же «Змейс Шлемобой»! Четыреста баксов за штуку и очередь на полгода!

Гленда не видела лица владелицы сапог, но осанка у той ощутимо изменилась. Даже со спины было понятно, что она гордится собой. «Что ж, – подумала Гленда, – если ты тратишь годовой доход работающей семьи на пару сапог, наверное, очень приятно, когда кто-нибудь это замечает».

Когда ты наблюдаешь за людьми, то забываешь, что и они наблюдают за тобой. Гленда была невысокая, иными словами, с ее точки зрения, гномы были не такими уж маленькими. В какой-то момент она поняла, что к ним с решительным видом приближаются два гнома, один из которых отличался невероятной толщиной и носил столь искусно выделанный и украшенный панцирь, что надеть его в бой было бы чистым вандализмом. Он –

надлежит помнить, что все гномы мужского рода, пока не заявлено обратно, – обратился к гостям голосом, который наводил на мысль об очень дорогом темном шоколаде, возможно даже с дымком. Протянутая рука была так густо унизана кольцами, что отсутствие латной перчатки мог распознать лишь очень внимательный глаз. Гленда не сомневалась, что перед ней гномиха – шоколад был слишком сладким и густым.

– Я так рада, что вы заглянули, милочки, – сказала дама, и шоколад растекся толстым слоем. – Меня зовут мадам Шарн. Не могли бы вы мне помочь? Я бы не решилась вас побеспокоить, но сейчас я, как говорится, между молотом и наковальней.

Все это, к большой досаде Гленды, было адресовано Джульетте, которая уплетала крысиные ягодки, как будто наавтра предстоял конец света. Впрочем, для крысы он уже настал.

Джульетта хихикнула.

– Она со мной, – сказала Гленда и, почти против воли, добавила: – Мадам.

Мадам помахала другой рукой, и кольца засверкали.

– Этот салон официально принадлежит мне, а значит, по гномьим законам я являюсь королем шахты. Моя шахта – мои законы. Поэтому я объявляю себя королевой, – сказала она. – Гномьи законы гнутся и трещат, но не ломаются.

– Мы... – начала Гленда. – Эй!

Это относилось к низкорослому спутнику мадам, который прикладывал к Джульетте портняжную рулетку.

– А, Пепе, – сказала мадам.

– Если он намерен и дальше так вольничать, я от души надеюсь, что он женщина, – заявила Гленда.

– Пепе – это... Пепе, – спокойно ответила мадам. – Его – или ее – не переделаешь. Ярлыки – такая нелепая штука.

– Особенно ваши, потому что цены вы на них все равно не пишете, – ляпнула Гленда, исключительно от волнения.

– А, вы заметили, – произнесла мадам, подмигнув. Этот жест не просто обезоруживал – от него таяли.

Пепе взволнованно поглядел снизу вверх на мадам, а та продолжала:

– Я хотела бы спросить, не могли бы вы... она... вы обе пройти со мной за сцену. У нас деликатный вопрос...

– О-о! Да! – немедленно отозвалась Джульетта.

Из ниоткуда возникли еще несколько девушек и осторожно проложили небольшой процессии путь через толпу, к дальней стене огромного зала.

Мадам шагала, словно движимая невидимой силой.

Гленда чувствовала, что ситуация внезапно вышла из-под контроля, но в ней плескалось немало хереса, который шептал: «Чем плохо, если ситуация время от времени будет выходить из-под контроля? Ну, хотя бы разок». Она сама не знала, что ожидала обнаружить за позолоченной дверью в дальнем конце магазина, но уж точно не дым, пламя, гвалт и чьи-то рыдания в углу. Это помещение походило на литейный цех, куда запустили клоунов.

– Проходите сюда. И не беспокойтесь, – сказала мадам. – Перед показом всегда так. Сами понимаете, мы волнуемся. В низкоклассном бизнесе нервы у всех на пределе, а с микрокольчугой вечно одна и та же проблема. Она только что с наковальни, а по гномьим законам на каждом звене надлежит ставить клеймо. Это не только кощунственно, но еще и чертовски трудно.

За сценой мадам превратилась из шоколадной во вполне земную особу.

– Микрокольчуга! – простонала Джульетта, как будто перед ней приоткрыли дверь в мир роскоши.

– Вы знаете, что это такое? – спросила мадам.

– Она только об этом и говорит, – ответила Гленда. – Говорит и говорит...

– Конечно, потому что микрокольчуга – удивительная вещь, – сказала мадам. – Почти такая же мягкая, как ткань, намного лучше кожи и...

– ...и совсем не трет, – закончила Джульетта.

– ...что особенно важно для гномов-консерваторов, которые отказываются носить ткань, – закончила мадам. – Старые клановые законы не только сдерживают нас, но и тянут назад. Мы выбрались из шахты, но часть ее всегда носим в себе. Будь моя воля, шелк уже считался бы металлом. Как тебя зовут, девочка?

– Джульетта, – машинально ответила Гленда и покраснела. Она откровенно играла роль матери при своей подруге. С тем же успехом она могла взять платочек и стереть с лица Джульетты пятнышко грязи. Девушка с напитками пришла следом за ними и выбрала именно этот момент, чтобы забрать у Гленды пустой бокал из-под хереса и вручить новый.

– Пожалуйста, пройдишь туда-сюда, Джульетта, – попросила мадам.

Гленда захотела поинтересоваться зачем, но поскольку рот у нее был полон хереса – лучшего средства против смущения, – она промолчала.

Мадам критически наблюдала за Джульеттой, подперев подбородок рукой.

– Да, да... А теперь, пожалуйста, медленнее, как будто ты никуда не торопишься и ничто тебя не волнует, – попросила она. – Представь себя птичкой в воздухе, рыбкой в море... весь мир лишь подчеркивает твою красоту!

– А, ясно, – сказала Джульетта и зашагала опять.

Когда она во второй раз достигла середины комнаты, Пепе разрыдался.

– Где она была раньше? Где она училась? – всхлипывал он – или она, – шлепая себя по щекам обеими руками. – Немедленно найми ее!

– У Джульетты уже есть отличная постоянная работа в университете, – вмешалась Гленда. Но херес сказал: «Один разок еще не закончился. Не портить удовольствие!»^[10].

Мадам, у которой было несомненное чутье на такого рода вещи, обняла ее за плечи.

– Проблема с гномихами, понимаешь ли, заключается в том, что мы, как правило, стесняемся быть в центре внимания. А еще я вынуждена помнить о том, что гномья одежда, оказывается, способна заинтересовать молодых людей определенного склада. Твоя дочь – человек... – Мадам мельком взглянула на Джульетту. – Ты ведь человек, правда, детка? Я спрашиваю просто на всякий случай...

Джульетта, продолжая восторженно вглядываться в дивный новый мир, энергично закивала.

– Вот и хорошо, – продолжала мадам. – Она превосходно сложена и движется как фея, но в то же время ненамного выше среднестатистического гнома, и честно скажу, дорогуша, некоторые гномьи дамы предпочли бы немного подрасти. Может быть, я несправедлива к сородичам, но... Ты посмотри на эту походку. У гномих есть бедра, конечно, но они редко знают, что с ними делать... Прощу прощения, я сказала что-то не то?

Полпинты хереса, которую недавно проглотила Гленда, наконец уступили давлению гнева.

– Я ей не *мать*! Она моя подруга.

Мадам вновь окинула ее взглядом, который вселил в Гленду ощущение, что ее мозг извлекают из черепной коробки и внимательно исследуют.

– В таком случае не будешь ли ты возражать, если я заплачу твоей подруге... – пауза, – ... пять долларов за то, что сегодня вечером она поработает манекенщицей?

«Прекрасно, – встрял херес. – А ты гадала, куда я тебя заведу. Вот, пожалуйста. Видишь перспективу? Ну, что скажешь?»

– Двадцать пять долларов, – сказала Гленда.

Пепе снова хлопнул – или хлопнула – себя по щекам.

– Да! Да!

– И скидку, – закончила Гленда.

Мадам долго и пристально смотрела на нее.

– Подожди минутку, пожалуйста, – наконец сказала она.

Она подошла к Пепе, взяла его за руку и поспешно отвела в угол. Гленда не слышала, о чем они говорили, потому что рядом кто-то молотком заколачивал заклепки, а у кого-то началась истерика. Мадам вернулась, натянуто улыбаясь, за ней по пятам рысил Пепе.

– Шоу начинается через десять минут, а моя лучшая модель уронила кирку себе на ногу. О дальнейших условиях договоримся. Пожалуйста, перестань подпрыгивать, Пепе.

Гленда хлопнула глазами. «Поверить не могу, что я согласилась, – подумала она. – Двадцать пять долларов за то, что Джульетта что-то на себя наденет. Это же больше, чем я зарабатываю в месяц. Какая несправедливость!» А херес добавил: «А что такого? Готова ли ты сама нарядиться в кольчугу и расхаживать перед посторонними людьми за двадцать пять долларов?»

Гленда содрогнулась. Уж точно нет.

«Вот тебе и ответ», – сказал херес.

«Но добром это не кончится».

«Это тебе так кажется, – возразил херес. – Но ты же знаешь, что за двадцать пять долларов девушки порой проделывают кое-что похуже. Например, не надевают, а снимают одежду».

Гленда выдвинула последний отчаянный аргумент:

«Но что скажут соседи?».

«Пусть засунут свое мнение себе в джемпер. И потом, они ведь не узнают. Обитатели Сестричек Долли не ходят за покупками на Молотковую улицу, здесь для них слишком шикарно. Послушай, нам предлагают двадцать пять баксов. Двадцать пять долларов, и поверь, теперь ты даже силой не вытащишь отсюда Джульетту. Ты только посмотри на ее лицо. Такое ощущение, что она озарена светом изнутри».

О да.

«Ну ладно», – подумала Гленда.

«Договорились, – ответил херес. – Кстати говоря, мне как-то одиноко».

Как только рядом с Глендой вновь появился поднос, она машинально протянула руку.

Джульетта стояла, окруженная гномами; судя по обрывкам фраз, ее наскоро обучали. Но это ведь не так уж важно, правда? Честно говоря,

Джульетта бы отлично выглядела даже в мешковине. Отчего-то все, что она надевала, сидело превосходно. Гленда, напротив, никогда не могла найти хорошую одежду своего размера – точнее сказать, она редко находила хоть какую-нибудь одежду своего размера. Теоретически, что-то ведь должно было ей идти, но всякий раз она оказывалась лицом к лицу с фактами, а факты – штука неприглядная...

– Погода в самый раз, – сказал аркканцлер.

– Кажется, дождь собирается, – с надеждой произнес профессор самых современных рун.

– Предлагаю две команды по пять человек, – продолжал Чудакулли. – Разумеется, матч будет чисто дружеским, просто чтобы уловить суть.

Думминг Тупс промолчал. Волшебники любят состязаться. Конкуренция – часть волшебства. Они в той же мере склонны к дружеской игре, как кошки – к любезной беседе с мышью.

Перед ними простирался университетский газон.

– В следующий раз, разумеется, мы наденем футболки, – сказал Чудакулли. – Миссис Уитлоу уже усадила своих девочек за работу. Тупс!

– Что, аркканцлер?

– Ты будешь следить за соблюдением правил и справедливо судить. Я, разумеется, буду капитаном одной команды, а ты, профессор, – другой. Будучи аркканцлером, я имею право набрать команду первым, а потом ты можешь выбирать игроков себе.

– Вообще-то так не делается, аркканцлер, – заявил Думминг. – Вы выбираете одного игрока, потом он выбирает одного игрока, и так далее, пока вы оба не наберете достаточно или пока не останутся только псих и толстяк. По крайней мере, я так помню.

Думминг в юности слишком часто оставался предпоследним, когда набирали команду.

– Ну, значит, именно так и поступим, – неохотно сказал аркканцлер. – Тупс, твоей задачей будет штрафовать другую команду за каждое нарушение.

– Вы хотите сказать, что я должен штрафовать *любую* команду за каждое нарушение, аркканцлер? – уточнил Думминг. – Игра должна быть честной.

Чудакулли посмотрел на него с открытым ртом, как будто Думминг изрек нечто очень странное.

– Э... да. Конечно, ты прав...

Вечером на газоне собралось множество волшебников: одним было

просто любопытно, другие решили, что это, возможно, шанс на повышение, трети надеялись поглядеть, как коллеги роют землю носом.

«Ох, боги», – подумал Думминг, когда оба капитана принялись выбирать игроков. Он вновь почувствовал себя школьником. В школе никто не хотел брать в команду толстого, а здесь, разумеется, никто не хотел брать в команду *самого* толстого. С тех пор как ушел декан, решить было нелегко.

Думминг полез в карман и вытащил свисток – настоящего прадедушку всех свистков, восьми дюймов в длину и толщиной с хорошую сосиску.

– Где вы его взяли, мистер Тупс? – поинтересовался Чудакулли.

– Если честно, аркканцлер, я его нашел в кабинете покойного Эванса Полосатого.

– Какой замечательный свисток!

Эта невинная реплика содержала тонкий намек на то, что замечательный свисток должен находиться не в руках Думминга Тупса, а в собственности, предположим, аркканцлера Незримого Университета. Думминг намек понял, поскольку ожидал его.

– Он нужен, чтобы привлекать внимание и контролировать поведение обеих команд, – надменно произнес он. – Вы сделали меня судьей, аркканцлер и, боюсь, что во время игры я тут... – он помедлил, – ... главный.

– Ты ведь понимаешь, Тупс, что университет – это иерархия?

– Да, сэр, и футбол тоже. Насколько я понимаю, процедура такова: сначала футбольный мяч кладут наземь, и по свистку каждая команда пытается попасть им в ворота противной стороны, в то же время всячески препятствуя тому, чтобы мяч угодил в их собственные ворота. Это всем понятно?

– По-моему, ясно, – сказал заведующий кафедрой бесконечных штудий. Волшебники закивали в знак согласия.

– Тем не менее, прежде чем игра начнется, я требую, чтобы мне дали дунуть в свисток!

– Разумеется, аркканцлер, но потом вы должны его вернуть. Потому что я надзираю за игрой.

И Думминг протянул свисток.

При первой попытке свистнуть Чудакулли лишил пристанища паука, который последние двадцать лет вел бедную, но честную жизнь. Паук приземлился на бороду профессора естественных наук, который как раз проходил мимо.

При втором свисте внутри зашевелились окаменелые горошины, и

воздух наполнился латунным дребезгом. А потом...

Чудакулли застыл. Его лицо быстро побагровело от шеи к щекам и выше. Он набрал в грудь побольше воздуха. Этот звук наводил на мысль о гневных богов. Живот аркканцлера надулся, глаза сделались маленькими, как булабочные головки, над головой грянул раскат грома, и Чудакулли оглушительно проревел:

– ВЫ ПОЧЕМУ ОПЯТЬ НЕ ПРИНЕСЛИ ФОРМУ?!

По свистку пробежало синее пламя, небо потемнело, и страх сковал души всех присутствующих волшебников. Время обратилось вспять, и перед ними стоял огромный, безумный, громогласный Эванс Полосатый – тот, кто вынуждал подделывать записки от родителей, заставлял нарезать круги под дождем, вводил в обиход общий душ как средство избавиться от застенчивости, а еще, если кто-нибудь забывал спортивную форму, ЗАСТАВЛЯЛ ЕГО ИГРАТЬ В ТРУСАХ. Почтенные волшебники, которые десятилетиями укрощали самых жутких чудовищ, вспотели и затряслись от детского ужаса, а крик нарастал и нарастал, пока не оборвался так же внезапно, как и начался.

Чудакулли рухнул на траву.

– Прошу прощения, – сказал доктор Икс, опуская жезл. – Разумеется, я поступил слегка подло, но, разумеется, вы согласитесь, что при данных обстоятельствах это было необходимо. Не забывайте про перстень с черепом. И про университетский статут. Перед нами был ярчайший пример одержимости артефактом, какой я когда-либо наблюдал.

Сгрудившиеся кучкой волшебники, на спинах которых едва успел высохнуть холодный пот, глубокомысленно закивали. О да. Они все согласились, что это было, к сожалению, необходимо. Для его же собственной пользы. Доктор Икс поступил правильно. Сам Чудакулли эхом подтвердил их вердикт, когда открыл глаза и спросил:

– Что за чертовщина?

– Э... дух Эванса Полосатого, аркканцлер, – ответил Думминг.

– В свистке? – Чудакулли потер голову.

– Полагаю, что так.

– А кто меня оглушил?

Общее бормотание заключало в себе следующую мысль: по мнению демократического большинства, на этот вопрос надлежит ответить доктору Иксу.

– Я совершил допустимое вероломство в рамках университетского статуса, сэр! – заявил тот. – Не откажусь от этого свистка в качестве экспоната для Темного музея, если никто не против.

– Да, да, – сказал Чудакулли. – Ты увидел проблему и решил ее. Хвалю.

– Как по-вашему, мне сейчас можно гнусно захихикать, сэр?

Чудакулли отряхнулся.

– Нет. Итак, мистер Тупс, от свистка мы откажемся. А теперь, господа, начнем игру.

И вот, после некоторых пререканий, начался первый за несколько десятилетий футбольный матч в истории Незримого Университета. С точки зрения Думминга Тупса, проблемы возникли немедленно. Во-первых, все волшебники были одеты... как волшебники, то есть одинаково. Думминг приказал одной команде снять шляпы, что породило очередную распрю. Вдобавок игроки часто сталкивались, и те, кто играл в шляпах, то и дело их теряли. А потом игра остановилась, поскольку кто-то объявил, что статуя, которая изображала аркканцлера Скрабба в момент открытия им блинта, на три дюйма уже, чем статуя, которая изображала почтенного аркканцлера Фланга в момент открытия им Третьего Завтрака, а стало быть, одна из команд имела незаслуженное преимущество.

Но все эти проблемы, вполне предсказуемые и неизбежные, бледнели и чахли по сравнению с главной. Думминг позаботился о том, чтобы раздобыть обыкновенный футбольный мяч. Но остроносые башмаки, даже с длинными мысами, не способны смягчить удар при столкновении человеческой ноги с куском дерева, обмотанным тонким слоем кожи и тряпья, по каковому поводу уже немало было сказано (и крикнуто). В конце концов, когда очередного волшебника увели с поля с вывихнутой лодыжкой, даже Чудакулли вынужденно признал:

– Черт знает, какая ерунда, Тупс! Должен же быть какой-то выход.

– Башмаки побольше? – предложил профессор самых современных рун.

– Башмаки, которые сгодятся для удара по этой штуке, помешают бегать, – ответил Думминг.

– И потом, люди на той амфоре вообще босы. Полагаю, об этом надлежит задуматься. Что нам нужно, Тупс?

– Мяч лучше, сэр. А еще постарайтесь побольше бегать. И пусть все усвоят, что остановиться в разгар игры, чтобы заново набить трубку, – не самая лучшая идея. И нужны ворота поудобнее, потому что врезаться с разбега в каменную статую – это больно. А еще – хотя бы минимальное осознание того, что в процессе игры команда должна действовать сообща. И чтобы никто не убегал, если на него несется противник. И чтобы все запомнили, что мяч ни при каких обстоятельствах нельзя брать в руки.

Смею заметить, я даже перестал останавливать из-за этого игру, потому что вы, господа, будучи в крайнем возбуждении, раз за разом хватали мяч с земли. В одном случае игрок спрятал мяч за спину, а в другом – встал на него. Также я хотел бы указать, что надлежит развить в себе чувство направления, в том смысле, что одни ворота – ваши, а другие – нет; как бы это ни казалось заманчиво, нет смысла забивать мяч в собственные ворота и не следует хлопать по спине и поздравлять того, кто это сделал. Из трех голов, забитых во время нашего матча, в собственные ворота были забиты... – Думминг сделал паузу и посмотрел в блокнот, – ...три. Похвально высокий уровень, по сравнению с общим количеством голов в наши дни, хотя опять-таки я вынужден подчеркнуть, что основополагающую важность имеют принадлежность ворот и чувство направления. Тактика игроков, которая, признаю, выглядит многообещающей, заключалась в том, что они плотно сбивались возле собственных ворот, чтобы у противника не было никакой возможности прорваться мимо них. Впрочем, с прискорбием должен отметить, что если так поступят обе команды, то вместо матча получится живая картина. Куда более разумным было – кое-кто так и сделал – подкрадываться к воротам противника, чтобы оказаться в самом подходящем месте и аккуратно забить гол, если мяч вдруг полетит в вашу сторону. Тот факт, что порой игрок и вратарь противной команды дружески опирались на ворота, закуривали и наблюдали за игрой, выказывает достойный дух и, вероятно, может послужить неплохой основой для развития более продвинутой техники, но все-таки я полагаю, что поощрять этого не следует. Далее, я констатирую, что допустимо покидать поле, дабы отдать долг природе или отдышаться, но только не для того, чтобы сбежать перекусить. Мое мнение, аркканцлер, таково: общее желание наших коллег не отдаляться от еды более чем на двадцать минут вполне можно удовлетворить, если сделать паузу в середине игры. Более того, если в этот момент команды поменяются местами, они перестанут жаловаться, что с одной стороны ворота больше, чем с другой. Что? – с этим вопросом Думминг обратился к заведующему кафедрой бесконечных штудий.

– Если мы поменяемся местами, – сказал тот, держа руку поднятой, – значит, мячи, которые мы забили в собственные ворота, превратятся в мячи, забитые в ворота другой команды, раз уж теперь эти ворота физически принадлежат им?

Думминг задумался и наконец произнес:

– Нет, разумеется, нет. У меня еще много замечаний, аркканцлер. К сожалению, я пришел к выводу, что мы не так уж хорошо играем.

Волшебники молчали.

– Давай начнем с мяча, – сказал Чудакулли. – У меня есть идея.

– Да, сэр. Я так и подумал.

– Тогда зайди ко мне после ужина.

Джульетту втянул безумный водоворот, крутившийся в задней комнате «Шоблы», и никто не обращал на Гленду особого внимания. Сейчас она была помехой, балластом, бесполезным довеском, препятствием на пути, которое нужно обходить, сторонним наблюдателем. Чуть в сторонке красивая молодая гномиха с бородой, завязанной в два хвоста, терпеливо ждала, когда на серебристую кирасу поставят временную заклепку. Ее окружали работники, точь-в-точь как вассалы окружают рыцаря, который собирается на турнир. Рядом стояли два рослых гнома, чье оружие казалось чуть более функциональным, нежели красивым. Они явно были мужчинами. Гленда это поняла, просто потому, что женским особям, принадлежащим к любому виду разумных животных, хорошо знакомо выражение лица мужчины, не знающего, чем заняться в окружении женщин, которые правят бал. Судя по всему, эти двое стояли на страже.

Гонимая хересом, Гленда подошла к ним.

– Должно быть, эта штука стоит уйму денег, – сказала она одному из охранников. Он слегка смутился при ее появлении.

– А то. Называется «лунное серебро». Нам даже по подиуму приходится ходить рядом с моделью. Говорят, будет писк моды, но что-то я сомневаюсь. Его не заточишь, и нормальный удар оно не сдержит. И без Игоря его не унюхаешь. По слухам, оно стоит дороже платины. Хотя выглядит ничего себе, и, говорят, веса совсем не чувствуешь. Мой дедушка бы это металлом не назвал, но ничего не подделаешь, нужно двигаться в ногу со временем. Лично я б такое даже на стенку не повесил, но что уж тут попишешь.

– Доспехи для девчонок, – фыркнул второй.

– А как насчет микрокольчуги? – спросила Гленда.

– А, ну это совсем другая крыса, мисс, – заявил первый охранник. – Говорят, микрокольчугу куют прямо здесь, в городе, потому как тут живут лучшие мастера. Всем бы такую работенку. Кольчуга тонкая, как ткань, и прочная, как сталь! Говорят, она однажды подешевеет, а главное – совсем не...

– Гленда, глянь, правда, клево?

Кто-то похлопал Гленду по плечу. Она обернулась, и перед ней предстало зрелище тяжело, но со вкусом вооруженной красоты. Гленда

узнала Джульетту только по молочно-голубым глазам. На Джульетте была борода.

– Мадам сказала, чтоб я ее надела, – объявила девушка. – Гном – не гном, если нет бороды. Что скажешь?

На сей раз херес успел первым.

– Очень мило, – ответила Гленда, все еще в легком шоке. – Очень... серебристо.

Борода была женская, в этом сомневаться не приходилось. Расчесанная и ухоженная, без кусочков крысы.

– Мадам говорит, для тебя оставили место в первом ряду, – продолжала Джульетта.

– Но я не могу... – начала Гленда машинально, и херес опять вмешался. «Заткнись и перестань думать как твоя мать. Ступай, черт возьми, и садись в первом ряду».

Одна из вездесущих молодых особ выбрала этот самый момент, чтобы взять Гленду за руку и провести ее на слегка нетвердых ногах сквозь закулисный хаос обратно в волшебную страну за дверь. Для нее действительно оставили место.

К счастью, оно было хоть и в переднем ряду, но с краю. Гленда умерла бы от стыда, если бы ей пришлось сидеть в середине. Она обеими руками стиснула сумочку и робко посмотрела вбок. Все места были заняты. Впрочем, здесь сидели не только гномы, но и значительное количество человеческих женщин, изысканно одетых, чересчур худых (с точки зрения Гленды), почти оскорбительно невозмутимых. Они болтали.

Еще одна порция хереса загадочным образом появилась у нее в руках. Когда шум затих – словно захлопнулась огромная мышеловка, – из-за занавеса показалась мадам Шарн и обратилась к переполненному залу. Гленда подумала: «Жаль, что я не надела пальто получше...» И тут херес уложил ее спать и подоткнул одеяло.

Гленда пришла в себя, когда в голову ей угодил букет цветов. Он попал прямо в ухо, дорогие лепестки посыпались градом, Гленда подняла глаза и увидела сияющее, счастливое лицо Джульетты на самом краю помоста. Ее губы двигались, выговаривая слово «пригнись».

...Потом полетели еще цветы, гости вставали и аплодировали, и играла музыка, и, в общем и целом, Гленда чувствовала себя как будто под водой, только вместо воды были нескончаемые потоки звука и света.

Откуда-то возникла Джульетта. Она бросилась к Гленде и обвила ее шею руками.

– Мадам хочет, чтобы я еще пришла! – выдохнула она. – Она говорит, я

даже могу поехать в Щеботан и Геную! Она говорит, что заплатит больше, если я буду работать только у нее, а весь мир – устрица. Я даже и не знала.

– Но у тебя уже есть постоянная работа на кухне... – произнесла Гленда, придя в себя лишь на три четверти. Впоследствии – притом чаще, чем хотелось бы, – она припоминала, что сказала эти слова, пока вокруг гремели аплодисменты.

Кто-то положил руку ей на плечо – это оказалась одна из взаимозаменяемых девиц с подносом.

– Мадам передает свои поздравления и приглашает вас с мисс Джульеттой пройти в ее личный будуар.

– Очень мило с ее стороны, но я думаю, что нам пора... В будуар, вы сказали?

– Да. Хотите еще выпить? В конце концов, мы празднуем!

Гленда обвела взглядом болтающую, смеющуюся, а главное – пьющую толпу. В зале было жарко, как в печке.

– Ладно, но только не херес, если можно. У вас есть что-нибудь холодное и шипучее?

– Да, мисс, полно, – девушка достала огромную бутылку и опытной рукой наполнила высокий узкий бокал на первый взгляд одними пузырями. Когда Гленда выпила, пузыри наполнили и ее.

– М-м... как вкусно, – произнесла она. – Похоже на лимонад для взрослых.

– Мадам его и пьет как лимонад.

– Э... будуар, – сказала Гленда, когда, слегка пошатываясь, следовала за девушкой. – Он... большой?

– Просто огромный! Там уже человек сорок.

– Правда? Какой большой будуар.

«Прекрасно, – подумала Гленда. – По крайней мере, одной проблемой меньше. Честное слово, в романах зря не пишут разъяснения».

Она никогда не знала наверняка, что находится в будуаре, поскольку понятия не имела, что это за штука. Оказалось, что будуар вместил людей, жару и цветы – и не в букетах, а в грудях и стогах. Они наполняли воздух облаками липкого аромата, а столпившиеся в комнате люди – словами, притом их нескончаемым потоком. «Никто, скорее всего, не слышит самого себя, – подумала Гленда, – но, наверное, это и не важно. Важно просто быть здесь, чтобы остальные видели, как ты говоришь...»

Толпа разделилась, и она увидела Джульетту, по-прежнему в блестящем наряде и с бородой. Вспыхивали и гасли огненные саламандры, то есть здесь были и репортеры с иконографами. Желтые газетки кишели

улыбчивыми изображениями знаменитостей. Гленда всегда считала, что они недостойны внимания. А самое неприятное, что здесь ее недовольство ничего не значило. Люди продолжали сиять. И ярче всех сияла Джульетта.

– Кажется, мне надо подышать свежим воздухом, – пробормотала Гленда.

Девушка бережно подвела ее к малозаметной дверце.

– Дамские комнаты дальше по коридору, мадам.

И они действительно там были – правда, это длинное, ярко освещенное помещение, сплошь в бархате и драпировках, больше напоминало сказочный дворец. Пятнадцать удивленных отражений Гленды уставились на нее из пятнадцати зеркал. Окруженная ошеломляющей роскошью, она плюхнулась в очень дорогое кресло на гнутых ножках, которое оказалось таким уютным, и...

Проснувшись, Гленда неверными шагами вышла и затерялась в темном мире душных переходов, заваленных ящиками. Наконец она ввалилась в огромную комнату, которая больше походила на пещеру. В дальнем конце виднелась двойная дверь, которая как будто стыдилась впускать серый свет, не столько освещавший, сколько обвинявший. На полу были разбросаны бесчисленные вешалки для одежды и пустые ящики. В одном месте с потолка капала вода, и на каменном полу скопилась лужица, в которой размокала картонная коробка.

– Вот так они и живут – снаружи блеск и роскошь, а за кулисами грязь и мусор, правда, детка? – раздался голос в темноте. – Ты, похоже, из тех, кто способен оценить метафору, которая сама напрашивается.

– Да, наверно, – пробормотала Гленда. – Кто здесь?

Оранжевый свет вспыхнул и померк во мраке. Кто-то, стоя в тени, закурил сигарету.

– И так везде, милочка. Если бы существовала награда за лучшее закулисье, за первое место была бы черт знает какая драчка. Я повидал не один дворец, и, знаешь, все они одинаковы – на фасаде башенки и флаги, а на заднем дворе водосточные трубы и дверь для прислуги. Тебе долить? Не стоит расхаживать с пустым бокалом и выделяться из толпы.

В прохладном воздухе Гленде полегчало. Она по-прежнему держала в руке бокал.

– Что это вообще такое?

– Ну, если бы вечеринку устраивал кто-нибудь другой, это, скорее всего, было бы дешевое шипучее вино, которое фильтруют через носок, но мадам не станет скупиться. Поэтому наслаждайся настоящим шампанским.

– Что-о? А я думала, его пьют только шишки.

– Нет, детка, его пьют те, у кого есть деньги. Но иногда это одно и то же.

Она присмотрелась и ахнула:

– Ты Пепе?

– Он самый, крошка.

– Но ты не... не... – Гленда неопределенно помахала руками.

– Я не на работе, детка. Так что не беспокойся... – Он тоже помахал руками. – У меня здесь припрятана бутылочка для личного пользования. Разделишь?

– Я лучше пойду обратно.

– И будешь суетиться вокруг нее, как наседка? Не мешай, крошка. Твоя подруга чувствует себя как рыба в воде.

Пепе казался выше в потемках. Может быть, потому, что сейчас он говорил неторопливо и не суетился. Ну и, разумеется, рядом с мадам Шарн кто угодно показался бы маленьким. Пепе, впрочем, был худым и поджарым, словно состоял из одних сухожилий.

– А вдруг с ней что-нибудь случится!

Пепе сверкнул широкой улыбкой.

– Не исключаю. Но, скорее всего, не случится. Ей-богу, микрокольчуга теперь пойдет на ура, помяни мое слово. Я сказал мадам, что у меня предчувствие. У этой девочки будет звездная карьера.

– Нет, у нее будет отличная, стабильная работа в Ночной Кухне, – возразила Гленда. – Да, платят там немного, зато каждую неделю, точно по часам. И она не потеряет заработок, если вдруг подвернется кто-нибудь посимпатичнее.

– Сестрички Долли, э? Где-то в окрестностях Ботни, – сказал Пепе. – Ну разумеется. Не самое скверное место, насколько я помню. Меня там не так уж часто били. Но все-таки эти люди напоминают ведро с крабами.

Гленда была застигнута врасплох. Она ожидала гнева или снисходительного взгляда, но только не тонкой злой улыбки.

– А ты неплохо знаешь наш город для убержвальдского гнома.

– Нет, детка, я неплохо знаю Убервальд для гнома, который родился на Тумаковой улице, – спокойно отозвался Пепе. – В Старом Сырном переулке, если точнее. Я местный. И не всегда был гномом, между прочим. Я к ним недавно присоединился.

– Что? Как?

– Ну... они об этом не кричат на улицах, естественно. Но – да, все возможно, если есть связи. А уж мадам знает, к кому обратиться – ха, и за какую ниточку потянуть. Так что было нетрудно. Пришлось кое во что

поверить, совершить парочку ритуалов, ну и, разумеется, не напиваться... – Он улыбнулся, когда Гленда устремила взгляд на бокал в его руке, и продолжал: – Не спеши, детка, я хотел сказать: «...на работе». Между прочим, правильно. Неважно, ведешь ли ты шахту или ставишь заклепки на корсет, быть пьяницей глупо в любом случае. А мораль такова: цепляйся обеими руками или упадешь обратно в ведро с крабами.

– Конечно, легко вам говорить, – огрызнулась Гленда, гадая, при чем тут вообще крабы. – Но в реальной жизни у людей есть обязанности. Да, мы не ходим чистенькими и мало зарабатываем, зато у нас настоящая работа, и мы делаем то, в чем люди нуждаются! Я бы со стыда сгорела, продавая сапоги по четыреста долларов за штуку, которые могут купить только богатые! В чем смысл?

– Ну, признай, что богатые от этого становятся капельку беднее, – произнес за спиной шоколадный голос мадам. Как многие толстяки, она умела двигаться бесшумно, точь-в-точь воздушный шар, на который мадам и походила. – Неплохо для начала, правда? А еще мы даем работу шахтерам и кузнецам. Деньги должны крутиться.

Она тяжело уселась на ящик, с бокалом в руке.

– Почти все разошлись, – сказала мадам, запуская свободную руку под вместительный нагрудник. Наконец она вытащила толстую пачку.

– Большие шишки хотят войти в долю, все требуют эксклюзива, и нам понадобится еще одна кузница. Завтра я съезжу в банк... – Мадам замолчала и снова полезла за стальной корсаж. – Как и положено гному, я воспитана в твердом убеждении, что единственная стоящая валюта – это золото, – сказала она, пересчитывая хрустящие банкноты, – но, должна признать, бумага намного теплее. Вот пятьдесят долларов для Джульетты, двадцать пять от меня и двадцать пять от производителя шампанского, который просто в восторге. Джульетта велела отдать деньги тебе, чтобы ты за ними присмотрела.

– Мисс Гленда думает, что мы влечем ее сокровище к греху, недостойному поведению и разврату, – заметил Пепе.

– Неплохая мысль, – заметила мадам, – правда, я не помню, когда сама в последний раз предавалась разврату.

– Во вторник.

– Ну, коробка шоколада – это еще не разврат. И потом, ты вытащил картонку между верхним и нижним слоем и сбил меня с толку. Я не собиралась съесть всё. Я не хотела. Это было практически насилие.

Пепе кашлянул.

– Мы пугаем нормальную девушку, детка.

Мадам улыбнулась.

– Гленда, я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что мы – два злобных психа с дурной репутацией, которые непрерывно пьют и живут в мире сплошного обмана. Согласна, сейчас все именно так и выглядит, но сегодняшний день – это итог тяжелой годовой работы.

«А еще вы переругиваетесь, как семейная пара, которая прожила вместе много лет».

У нее болела голова. Гленда не сомневалась, что поплохело ей от крысьей ягодки.

– Утром я покажу наши новые заказы управляющему Королевского банка и попрошу очень, очень большой кредит. Раз уж он нам доверяет, может быть, и ты рискнешь? Нам нужна Джульетта. Она просто... сверкает.

«Вы держитесь за руки. Крепко».

И Гленда вдруг смягчилась.

– Ладно... Послушайте, – сказала она. – Давайте договоримся. Сегодня Джу вернется домой вместе со мной, чтобы хорошенько обо всем подумать. А завтра... посмотрим.

– Мы и не просим большего, правда? – мадам похлопала Гленду по коленке. – Знаешь, Джульетта так тебя любит. Она говорит, ей непременно нужно твое согласие. И всем светским дамам она рассказала про твои пироги.

– Она разговаривала со светскими дамами? – потрясенно спросила Гленда, с изумлением, которое слегка было окрашено трепетом и оттенено восторгом.

– Разумеется. Они хотели поближе взглянуть на микрокольчугу, а она щебетала как птичка. И вряд ли хоть одной из них раньше доводилось слышать, что она «клево» выглядит.

– Ох, боги. Прошу прощения.

– Зачем? Они, смею заметить, были в восторге. Кстати, если не ошибаюсь, ты можешь запечь маринованные луковки в пирог так, чтобы они остались хрустящими?

– Она им даже *это* рассказала?

– О да. Полагаю, теперь все они зададут своим кухаркам задачку.

– Ха! У них ничего не получится, – с гордостью заявила Гленда.

– Джу тоже так считает.

– Мы обычно зовем ее Джульетта, – сказала Гленда.

– Она попросила нас называть ее Джу. Что-то не так?

– Э... да нет... – неловко начала Гленда.

– Вот и хорошо, – перебила мадам, которая прекрасно знала, когда не

следует замечать намеков. – А теперь давай оторвем ее от новых подруг, и уж присмотри, чтобы она как следует выпалась.

Послышался смех, и девушки, помогавшие во время показа, толпой выбежали в сырую комнату, бывшую преддверием рая. Среди них была Джульетта, и смеялась она громче всех. Она отделилась от остальных, завидев Гленду, и крепко ее обняла.

– Гленди, правда, здорово? Как в сказке!

– Да, может быть, – согласилась Гленда, – но не все сказки заканчиваются хорошо. Не забывай, что у тебя есть работа с отличными перспективами, а еще каждый день разрешается уносить домой остатки. Вот что следует помнить.

– А по-моему, вот что следует забыть как страшный сон, – заметил Пепе. – Читала сказку про Сажушку? Фея машет палочкой, двор аплодирует, сотня прекрасных принцев выстраивается в очередь, чтобы хотя бы понюхать ее туфельку... А ты хочешь, чтобы Джу вновь принялась сажать тыквы?

Он взглянул на их непонимающие лица.

– Ладно, ладно, кажется, я вас слегка запутал, но главное-то вы поняли! Это отличный шанс! Главное, не упустить его! Выбраться из ведерка!

– Лично я думаю, что нам пора домой, – чопорно ответила Гленда. – Пойдем, Джу.

– Вот видишь, – сказал Пепе, когда они ушли. – Ведерко с крабами как есть.

Мадам заглянула в бутылку, чтобы проверить, не наберется ли там, вопреки всем вероятиям, хотя бы на один бокал.

– Ты знаешь, что она буквально вырастила эту девочку? Джу сделает то, что скажет Гленда.

– Какая досада, – ответил Пепе. – А Гленда скажет: не высовывайся, сиди на кухне и пеки пироги. По-твоему, это жизнь?

– Должен же кто-то печь пироги, – заметила мадам с возмущительным спокойствием.

– Я тебя умоляю!.. Только не Джу. Пожалуйста, только не Джу. Разрешается уносить остатки?.. Ох, боги.

Мадам подобрала очередную бутылку. Она знала, что бутылка пуста, поскольку оказалась в пределах досягаемости Пепе в конце очень долгого дня, но все-таки заглянула и в нее, потому что жажда правит миром.

– Хм. Может быть, все закончится иначе, – произнесла она. – У меня ощущение, что мисс Гленда вот-вот задумается. За убогим пальто и

ужасными туфлями кроется мощный ум. Возможно, сегодня ему выпал шанс.

Чудакулли шагал по коридорам Незримого Университета, и мантия уверенно развевалась за его спиной. Ноги у него были длинные, и Думмингу приходилось рысью бежать следом, чтобы не отставать. Блокнот он оборонительно прижимал к груди.

– Вы ведь знаете, что мы постановили не использовать эту штуку для иных целей, кроме чисто исследовательских, аркканцлер. Вы сами подписали эдикт.

– Правда? А я не помню, Тупс.

– Зато я помню очень отчетливо, сэр. Вы сделали это сразу после случая с господином Флорибундой.

– Это кто такой? – поинтересовался Чудакулли, продолжая решительно шагать вперед.

– Тот, кто проголодался и попросил у Шкафа сэндвич с ветчиной. Просто чтобы посмотреть, что получится.

– Но, если не ошибаюсь, все взятое из Шкафа надлежит вернуть на место через четырнадцать часов и четырнадцать минут?

– Да, сэр. Именно так. Шкаф действует по странным законам, которые мы еще не вполне изучили. Так или иначе, господин Флорибунда заявил в свое оправдание, что подумал, будто правило четырнадцати часов не касается сэндвичей с беконом. Он никому ничего не сказал, поэтому студенты на его этаже всполошились, только когда услышали вопли четырнадцать часов спустя.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – сказал Чудакулли, по-прежнему устремляясь по коридору с внушительной скоростью, – но разве к тому моменту сэндвич не переварился?

– Да. Сэр. Тем не менее он вернулся в Шкаф. Самостоятельно. Это было прелюбопытное открытие. Мы и не знали, что так бывает.

Чудакулли остановился, и Думминг врезался в него.

– Что конкретно случилось с Флорибундой?

– Позвольте мне обойтись без подробностей, сэр. Хорошая новость: его скоро перестанут возить в кресле. Насколько мне известно, он уже вполне способен ходить с палочкой. Какое взыскание на него наложить – это, разумеется, решать вам, сэр. Отчет у вас на столе, наряду с изрядным количеством других бумаг...

Чудакулли зашагал дальше.

– Флорибунда сделал это, чтобы посмотреть, что получится? – с

интересом уточнил он.

– Так он сам сказал, сэр, – подтвердил Думминг.

– Притом вопреки моему недвусмысленному приказу?

– Именно так, сэр, – ответил Думминг, который хорошо знал аркканцлера и уже примерно представлял, куда тот клонит. – Поэтому, сэр, я настаиваю, чтобы он...

Он снова врезался в Чудакулли, поскольку тот остановился перед огромной дверью, на которой висела ярко-красная табличка, гласившая: «Запрещается выносить из этой комнаты любые предметы без непосредственного разрешения аркканцлера. Подписано: Думминг Тупс, ИА».

– Что это такое? – уточнил Чудакулли.

– Исполнительный администратор, сэр. Вы были очень заняты, а поскольку наши мнения вполне совпадали...

– Да, конечно, но все-таки «ИА» здесь лишнее. Не забывай, что та юная особа сказала насчет «ОО».

Думминг достал огромный ключ и открыл дверь.

– Позвольте также напомнить вам, аркканцлер, что мы вынесли мораторий на использование Шкафа Любопытных Вещиц до тех пор, пока из здания не будет удалена остаточная магия. Мы до сих пор еще не избавились от того кальмара.

– Мы вынесли, Думминг, – уточнил Чудакулли, резко обернувшись, – или ты, на правах ИА, сделал это вместо меня?

– Э... ну... кажется, я уловил ход ваших мыслей.

– Прямо сейчас мои мысли заняты проектом фундаментального исследования, – сказал Чудакулли. – Оно будет направлено на то, чтобы спасти сырное ассорти. Многие согласятся, что нет цели благородней. А что касается молодого Флорибунды...

– Да, сэр? – устало спросил Думминг.

– Его необходимо повесить. Прибавь ему еще один уровень.

– Боюсь, нас неправильно поймут, – намекнул Думминг.

– Наоборот, мистер Тупс. Мы донесем до студентов нужную мысль.

– Но Флорибунда, смею напомнить, ослушался недвусмысленно выраженного приказа!

– Именно. Он выказал независимость мышления и изрядную храбрость. И, разумеется, в процессе пополнил бесценной информацией наши представления о Шкафе.

– Но он мог разрушить весь университет, сэр.

– Да, и в этом случае понес бы суровое наказание, если бы мы

отыскали то, что от него осталось. Но университет остался цел, потому что Флорибунде повезло, а везучие волшебники нам нужны. Повысь его. Моим прямым приказом, и никаких ИА. Кстати говоря, как громко он вопил?

– Первый вопль был таким жутким, что продолжал звучать еще долго после того, как Флорибунда выдохся, а затем обрел независимое существование. Опять остаточная магия. Нам пришлось запереть его в одном из подвалов.

– Флорибунда говорил, на что был похож тот сандвич?

– На входе или на выходе, сэр?

– На входе! У меня достаточно живое воображение.

– Он сказал, это был самый вкусный сандвич, какой он когда-либо ел. Сандвич с беконом, который мысленно рисуешь себе, когда слышишь слова «сандвич с беконом», но, разумеется, никогда не получаешь.

– С коричневым соусом? – уточнил Чудакулли.

– Разумеется. Иными словами, нечто подытожившее все сандвичи с беконом.

– Ну, он чуть не подытожил Флорибунду. Но разве мы и без того не знали, что Шкаф всегда выдает идеальный образчик?

– Честно говоря, наверняка мы знаем весьма немногое, – ответил Думминг. – Нам известно, что Шкаф не содержит предметов, неспособных поместиться в ящик длиной больше четырнадцати целых и четырнадцати десятых дюйма, и что он, как выяснилось, перестает работать, если не вернуть неорганический объект на место в течение четырнадцати часов и четырнадцати минут. А еще предметы, вынутые из Шкафа, никогда не бывают розовыми, хотя причина нам неизвестна.

– Но бекон – это органический объект, мистер Тупс! – заметил Чудакулли.

Думминг вздохнул.

– Да, сэр, и причина опять-таки нам неизвестна.

Аркканцлер сжалился.

– Может быть, Флорибунда заказал себе хрустящий бекон, – великодушно предположил он. – Тот, что ломается между пальцев. Я, например, люблю сандвичи с хрустящим беконом.

Дверь открылась, и перед ними предстал Он. Маленький, в центре очень большого зала...

Шкаф Любопытных Вещиц.

– Думаете, это разумно? – поинтересовался Думминг.

– Нет, конечно, – ответил Чудакулли. – А теперь найди мне футбольный мяч.

На стене висела белая маска, точь-в-точь такая, какие носят во время карнавала. Думминг повернулся к ней.

– Гекс, пожалуйста, найди мяч, подходящий для игры в футбол.

– Это что-то новенькое, – сказал Чудакулли. – Я думал, голос Гекса распространяется в блин-пространстве.

– Да, сэр. Он просто звучит из воздуха, сэр. Но, знаете, приятнее обращаться к какому-нибудь конкретному объекту.

– Какой формы мяч вам нужен? – спросил Гекс ровным и текучим, как масло, голосом. – Овальный или сферический?

– Сферический, – сказал Думминг.

И Шкаф вдруг затрясся.

Эта штука всегда беспокоила Чудакулли. Во-первых, Шкаф казался слишком самодовольным, он как будто говорил: «Вы не ведаете, что творите. Вы пользуетесь мною, как мешком с призами, и наверняка не задумываетесь о том, сколько опасных вещей способны поместиться в четырнадцатидюймовый куб». На самом деле Чудакулли об этом задумывался, как правило в три часа ночи, и никогда не заходил в комнату, не запасшись парочкой субкритических заклинаний, просто на всякий случай. А теперь еще Натт... В общем, надейся на лучшее и готовься к худшему – так гласил девиз университета.

Один из ящичков открылся; он продолжал вытягиваться, пока не достиг стены, после чего, предположительно, перешел в какое-то иное гостеприимное подпространство, поскольку так и не показался в коридоре.

– Сегодня все гладко, – заметил Чудакулли, когда из-под пола выехал еще один ящик, а из него вырос третий, точно такого же размера, который целенаправленно потянулся к дальней стене.

– Да. В Коксфорде изобрели новый алгоритм для регуляции длины волн в высокоуровневом блин-пространстве. Он действует примерно как Шкаф, достигая скорости почти в две тысячи пьянов.

Чудакулли нахмурился.

– Это ты придумал?

– Нет, сэр. Чарли Пьян из Коксфорда. Один пьян равен пятнадцати тысячам итераций в первом негативном блине. Так гораздо проще запомнить.

– То есть твои знакомые из Коксфорда тебе рассказали? – уточнил Чудакулли.

– Да, – ответил Думминг.

– Задаром?

– Ну конечно, сэр, – удивленно сказал Думминг. – Бесплатный обмен

информацией – основа изучения натурфилософии.

– И ты тоже им кое-что рассказываешь?

Думминг вздохнул.

– Да. Конечно.

– Я этого не одобряю, – произнес Чудакулли. – Я всецело за свободный обмен информацией, но лишь в том случае, если они делятся с нами.

– Полагаю, сэр, слово «делиться» имеет несколько иное значение.

– И тем не менее... – начал Чудакулли и замолчал. Послышался какой-то звук, такой тихий, что оба едва заметили. Шкаф Любопытных Вещиц закрылся и превратился в самый обыкновенный предмет мебели, стоящий посреди комнаты. Но тут же у них на глазах дверца открылась, и на пол выпал коричневый мяч. Он отскочил со звонким «бом». Чудакулли поднял мяч и повертел в руках.

– Интересно, – сказал он и бросил мяч об пол. Тот подлетел выше головы, но аркканцлер успел поймать его на пути вниз.

– Любопытно... Что скажешь, Тупс? – Чудакулли подбросил мяч в воздух и пинком отправил в полет через всю комнату. Мяч отлетел к Тупсу, и тот, к собственному изумлению, его поймал.

– Он как будто живет собственной жизнью, – Думминг бросил мяч на пол и тоже попытался ударить.

У него получилось.

Думминг Тупс был уникальным и неизменным обладателем стометровой объяснительной записки от тетушки, которая просила освободить бедного мальчика от всех спортивных мероприятий по причине плоскостопия среднего уха, блуждающего астигматизма, перемежающейся хандры и лихорадочного насморка. По собственному признанию, Думминг предпочел бы пробежать десять миль, перепрыгнуть через забор из пяти жердей и вскарабкаться на гору, нежели участвовать в каком-нибудь спортивном соревновании.

Но мяч *пел*. Бом!

Думминг и Чудакулли возвращались в Большой зал, время от времени бросая мяч об пол. Этот звук почему-то вызывал желание слышать его снова и снова.

– Знаешь, Думминг, по-моему, ты не прав. На небе и на Диске гораздо больше необычных вещей, чем в наших философских системах.

– Я тоже так думаю, сэр. В моей системе их не так уж много.

– Главное – мяч, – продолжал Чудакулли, с силой бросая мяч о каменные плиты и подхватывая. – Завтра мы его вернем и посмотрим, что будет. Ты здорово по нему хватил, Тупс, даже несмотря на то, что ты, по

собственному утверждению, хилак и слабак.

– А еще тряпка, сэ, и сим горжусь. Позвольте напомнить вам, аркканцлер, что мяч нужно поскорее вернуть в шкаф.

Бом.

– Но мы ведь можем сделать копию? – спросил Чудакулли. – Это просто сшитые вместе куски кожи, судя по всему, натянутые на какой-то пузырь. Держу пари, любой приличный ремесленник изготовит нам точно такой же.

– Прямо сейчас?

– На улице Ловких Умельцев никогда не гасят огни.

Они вернулись в Большой зал, и Чудакулли оглядывался, пока не заметил две фигуры, которые толкали тележку, нагруженную свечами.

– Идите сюда, парни! – крикнул он.

Они оставили тележку и подошли.

– Мистер Тупс хочет дать вам поручение. Очень важное. Как вас зовут?

– Тревор Навроде, шеф.

– Натт, аркканцлер.

Чудакулли прищурился.

– А... Натт, – повторил он и вспомнил о заклинании в кармане. – Стекальщик, если не ошибаюсь? Что ж, ребята, вы можете нам помочь. Говорите, мистер Тупс.

Думминг протянул мяч.

– Знаете, что это такое?

Натт взял мяч в руки и несколько раз бросил об пол.

Бом. Бом.

– Да. Это, судя по всему, простая сфера, хотя, с технической точки зрения, ее следовало бы назвать усеченным икосаэдром, который сделан посредством соединения некоторого количества пятиугольников и шестиугольников из плотной кожи, таким образом, остаются дырки, которые пропускают воздух... а, здесь шнуровка, видите? Внутри, скорее всего, находится пузырь, предположительно, животного происхождения. Надутый шар, легкий и эластичный, обтянутый кожей, очень просто и элегантно... – Он вернул мяч Думмингу, который стоял с открытым ртом.

– Я вижу, ты знаешь все на свете, Натт? – спросил он с сарказмом прирожденного педагога.

Натт сосредоточенно подумал и после продолжительной паузы ответил:

– В кое-каких частностях я не уверен, сэ.

Думминг услышал за спиной хихиканье и почувствовал, что краснеет. Какой-то стекальщик, пусть даже эрудированный до неприличия, ему дерзил!

– Ты знаешь, где можно сделать копию? – спросил Чудакулли.

– Полагаю, что да, – ответил Натт. – Нужна гномья резина.

– На Старосапожной улице живет уйма гномов, которые живо смастерят такую штуквинку, шеф, – подхватил Трев. – Работники что надо, но они захотят денег. Они всегда требуют деньги вперед. Гномы в кредит не доверяют.

– Выдайте молодым людям двадцать пять долларов, мистер Тупс.

– Это крупная сумма, аркканцлер.

– Да, потому что гномы, хоть они и соль земли, с трудом воспринимают маленькие числа, а я хочу, чтоб мяч изготовили поскорее. Я уверен, что мистеру Навроде и мистеру Натту можно доверить любые деньги, не так ли?

Аркканцлер произнес это добродушно, но многозначительно. Трев, по крайней мере, смекнул быстро: волшебник тебе доверяет, потому что тебя ждет весьма малоприятное будущее, если ты его надуешь.

– Можно, шеф.

– Да, я так и подумал, – отозвался Чудакулли.

Когда они ушли, Думминг Тупс уточнил:

– Вы дали им двадцать пять долларов?

– Совершенно верно, – бодро ответил Чудакулли. – Интересно посмотреть, что получится.

– И все-таки, сэръ, я вынужден отметить, что это был неблагоприятный поступок.

– Я очень ценю твое мнение, Тупс, но позволь напомнить тебе, кто тут шеф!

Гленда и Джульетта отправились домой на троллейбусе – еще одна безумная роскошь, но сегодня у Гленды с собой было больше наличных, чем она видела зараз когда-либо в жизни. Она засунула банкноты за корсаж, в духе мадам Шарн, и деньги как будто источали тепло. Сидя на тролле, чувствуешь себя в безопасности. Всякий, кто попытается ограбить тролля, должен сначала шарахнуть его домом по башке.

Джульетта помалкивала. Гленду это озадачивало; она ожидала, что эмоции будут бурлить, как фонтан мыльных пузырей. Тишина ее тревожила.

– Послушай, я знаю, что тебе было весело, – начала она, – но

показывать одежду – это ведь не настоящая работа, правда?

«О да, – подумала она. – За настоящую работу платят намного меньше».

Откуда взялась эта мысль? Джу не раскрывала рта, а тролль был еще покрыт горными лишайниками и изъяснялся односложными словами. «Дело во мне, – подумала Гленда. – Потому что речь о мечте. Джульетта и есть мечта. Микрокольчуга – хорошая штука сама по себе, но Джульетта заставляет ее светиться. А что могу сказать я? Ты помогаешь на кухне, ты трудолюбивая и полезная, по крайней мере, когда не отвлекаешься, но ты не умеешь записывать расходы и планировать меню на неделю вперед. Что ты будешь делать без меня? Как будешь жить, если уедешь в чужие края, где люди такие странные?»

– Я открою для тебя банковский счет, – сказала Гленда вслух. – Это будет наш маленький секрет, слышишь? Небольшой запасец на черный день.

– Если папаша не узнает, что я заработала денег, он их не отнимет и не налижется, – произнесла Джульетта, глядя на неподвижное бесстрастное лицо тролля. Если бы Гленда владела иностранными языками, она бы непременно ответила: «Pas devant le troll». Но Джульетта была права: мистер О’Сталлоп требовал, чтобы все семейные доходы выкладывали на стол, после чего перекладывал их в карман, закладывал за воротник в баре под названием «Индейка и овощи» и складывался пополам в вонючем переулке.

В конце концов Гленда сказала:

– Ну, я бы выразилась иначе.

Бом. Бом.

Новый мяч был волшебным, это точно. Он вернулся в подставленную руку Трева, как будто по собственному желанию. Трев уже давно попробовал бы по нему стукнуть, но за ними уже тянулся хвост любопытных уличных сорванцов, а потому, разумеется, он никогда бы не увидел мяч снова.

– Ты уверен, что просек, в чем тут фишка? – спросил он у Натта.

– Да, мистер Трев. Все гораздо проще, чем кажется, хотя полиэдры потребуют некоторого количества усилий, но в общем и целом...

Чья-то рука опустилась на плечо Трева.

– Так, так. Трев Навроде, – сказал Энди. – И его маленький дружок, которого, кажется, прибить сложнее, чем таракана. Что-то тут нечисто, да, Трев? И ты мне сейчас все расскажешь. Эй, что это у вас такое в руках?

– Только не сегодня, Энди, – Трев попятился. – Тебе ваще повезло, что ты не сидишь в Танти и Раз Вздернуть не примеряет на тебя пеньковый галстук.

– А я-то при чем? – невинно спросил Энди. – Я никого не трогал! Не надо вешать на меня то, что сделал этот кретин О’Столлоп. Но с футболом и впрямь что-то неладно. Витинари хочет обломать нам веселье.

– Послушай, не лезь!

За спиной Энди стояло больше парней, чем обычно. Пускай О’Столлопы на некоторое время благоразумно избавили улицы от своего присутствия, но такие, как Энди, всегда находят последователей. Потому что лучше стоять позади Энди, чем перед ним. Никогда не знаешь, что он...

Сверкнул выхваченный кинжал. Энди всегда был таким. Боги весть что сдерживало в его душе первобытную ярость, но пружина могла сорваться в любую секунду. И вот появился кинжал, на котором было написано будущее Трева. Очень короткими словами. Но лезвие остановилось в воздухе, и голос Натта произнес:

– Не сомневаюсь, я способен надавить с такой силой, Энди, что твои пальцы раскрошатся и посыплутся. В человеческой руке двадцать семь костей. Я искренне убежден, что мне достаточно лишь слегка нажать, чтобы сделать их, все до одной, нефункциональными. Но, так или иначе, я лучше дам тебе шанс пересмотреть свои нынешние намерения.

Лицо Энди напоминало калейдоскоп – белый цвет сменялся синим, алый пунцовым. Он пытался вырваться, но Натт оставался совершенно спокоен и неподвижен.

– Бейте его! – прохрипел Энди, обращаясь к миру в целом.

– Стоит ли напоминать вам, господа, что у меня свободна вторая рука? – поинтересовался Натт.

Должно быть, он слегка нажал, потому что Энди взвизгнул. Его пальцы буквально размалывали о рукоятку кинжала.

Трев прекрасно знал, что у Энди нет друзей, а есть только дружки. Сейчас они смотрели на своего поверженного вожака и на Натта. И, несомненно, понимали, что у Натта, во-первых, есть свободная рука, а во-вторых, что он многое способен ею сделать. Никто не двигался с места.

– Очень хорошо, – сказал Натт. – Полагаю, все это не более чем прискорбное недоразумение. Я сейчас ослаблю хватку – ровно настолько, чтобы вы, мистер Энди, выпустили кинжал. Заранее благодарю.

Кинжал упал на бульжники, и Энди хватанул ртом воздух.

– А теперь, надеюсь, вы нас извините, но мы с мистером Тревом намерены идти по своим делам.

– Подбери кинжал, блин! Не оставляй его валяться на земле! – велел Трев.

– Я уверен, что мистер Энди за нами не пойдет.

– Ты спятил, черт возьми? – поинтересовался Трев. Он нагнулся, поднял кинжал и сказал: – А теперь отпусти его, и давай валить.

– Хорошо, – ответил Натт. Должно быть, он опять слегка нажал, потому что Энди рухнул на колени.

Трев оттащил Натта в сторону и поволок сквозь неизменную городскую толпу.

– Это Энди! – прошипел он, не замедляя шага. – Он непредсказуем! Энди не учится на своих ошибках! Не ищи никакой логики, если Энди вышел на охоту! Усек? Даже не пытайся, типа, разговаривать с ним как с человеком. Не отставай!

Гномьи магазины процветали в основном потому, что гномы хорошо знали первое правило торговли, которое гласит: у меня есть товар на продажу, а у клиента деньги. Я получаю деньги, а покупатель, к сожалению, получает товар. Поэтому я не стану говорить: «Тот образец, что на витрине, у нас последний, и он не продается, потому что тогда никто не будет знать, что они у нас бывают», или «Может быть, новые привезут в среду», или «Мы такое никогда не держим на полке», или «Мне надоело твердить, что на них нет никакого спроса». Я должен продать товар любыми способами, исключая физическое насилие, иначе я просто даром небо копчу.

Гланг Храпссон жил, повинуюсь этому закону, но не особенно любил людей – как и многие, кому приходится в течение долгого времени иметь дело с широкой публикой. И сейчас двое стоявших по ту сторону прилавка вселяли в него тревогу. Один был низеньким и на вид безвредным, но что-то в глубине души Гланга – возможно, на генетическом уровне – нервно подрагивало. Другой наха... покупатель был самым обыкновенным парнем, а значит, в любой момент мог совершить какое-нибудь преступление.

Гланг решил проблему, притворившись, что не понял ни слова из сказанного, и пробормотав несколько оскорбительных выражений на родном языке. Он ничем не рисковал. Только Стража учила гномий, а потому он страшно удивился, когда один из клиентов, якобы безвредный, вдруг проговорил на ламедосском диалекте, гораздо более чистом, чем у самого Гланга:

– Подобная неучтивость по отношению к дружелюбным незнакомцам не делает чести вашей бороде, почтенный торговец, и стирает то, что

написал Так.

– Что ты сказал? – спросил Трев, пока Гланг бессвязно извинялся.

– Просто традиционное приветствие, – ответил Натт. – Пожалуйста, передайте мне мяч.

Он взял мяч и стукнул его об пол.

Бом.

– Возможно, вам известен секрет изготовления сернистой резины?

– Да мой дедушка это бы даже во сне проделал! – запинаясь, проговорил Гланг.

– Клево, – поспешно сказал Трев. Он поймал мяч и снова бросил его об пол.

Бом.

– Я могу скроить и сшить кожаный чехол, если вы сделаете резиновый пузырь, – предложил Натт. – Мы заплатим вам пятнадцать долларов и выдадим лицензию, так что вы получите право изготовить еще сколько угодно таких штукovin.

– В деньгах будешь купаться, – подтвердил Трев.

Бом, бом, – пел мяч.

Трев добавил:

– Это будет лицензия от университета. Типа, можешь не бояться конкурентов.

– Откуда тебе известно про сернистую резину? – спросил Гланг. Судя по лицу, он уже понял, что его одолели, но все-таки был не намерен сдаваться без боя.

– Потому что гномий король Рыс полгода назад подарил платье из сернистой резины и кожи госпоже Марголотте, и я, кажется, уловил основной принцип.

– Марголотте? Темной Даме, которая умеет убивать силой мысли?

– Она мой друг, – спокойно сказал Натт. – И я тебе помогу.

Гленда сама не знала, зачем дала троллю два пенса на чай. Он был пожилой и медлительный, зато содержал обивку в порядке, и у него были два зонтика, и вообще, тролли неохотно заходили в такие дебри, потому что уличные ребятишки обычно успевали раскрасить их до пояса, прежде чем они убирались восвояси.

Идя к двери, Гленда чувствовала на себе чужие взгляды и совершенно не смущалась.

– Считай, что у тебя сегодня выходной, – сказала она Джульетте.

– Нет, я пойду на работу с тобой, – к ее удивлению, возразила

Джульетта. – Нам нужны деньги, а про пятьдесят баксов я папаше сказать не могу.

Пока Гленда пыталась распутать столкнувшиеся мысли, Джульетта продолжала:

– Ты права, у меня надежная работа, и я не хочу ее терять, потому что я, типа, такая тупая, что больше все равно нигде не пригожусь. Ну да, было весело и ваще, но потом я подумала: ты всегда мне давала хорошие советы, а еще я помню, как ты, типа, пнула Сального Дэмиена прямо по шарам, когда он со мной мутил, и он аж целую неделю проходил согнутый. И потом, если я с ними поеду, это значит, типа, уехать отсюда и бросить папашу и братьев. Знаешь, как-то стремно. Ты сказала, чтоб я не верила сказкам, и ты права, там еще бывают гоблины. Я не знаю, как буду жить, если ты перестанешь помогать. Ты такая надежная. Ты всегда была рядом, а когда одна из тех девчонок стала, типа, хихикать над твоим старым пальто, я ей объяснила, что ты очень много работаешь.

Гленда подумала: «Я всегда читала тебя как раскрытую книгу. Книгу, где много больших ярких картинок и мало подписей. А теперь не могу. Что происходит? Ты согласилась со мной, и я должна радоваться, но почему-то не получается. Мне стыдно, но я не понимаю отчего, и потому мучаюсь».

– Утро вечера мудренее, – наконец выговорила она.

– Нет, нет, ниче у меня не получится, я точно знаю.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – В душе Гленды нарастал крик.

– Да! – ответила Джульетта. – Было клево и все такое, но только это для девчонок побогаче. Блеск и звезды, типа, в руках не поддержишь. В отличие от пирога. Пирог не подведет. И потом, кто же присмотрит за папашей и братьями?

«Нет, нет, нет, – вопил в голове у Гленды ее собственный голос, – не надо! Я этого не хотела! Или хотела? О чем я думала, когда забивала ей мозги? Джульетта всегда смотрит на меня, вот я и подала ей хороший пример! Зачем? Потому что хотела ее защитить. Она такая... беспомощная. Ох, боги, я сделала ее копией себя, да и то не получилось!»

– Ладно, пойдем вместе.

– Мы увидим банкет? Папаша страшно нервничает. Он говорит, патриций Витинари прикажет всех убить.

– Разве патриций часто отдает такие приказы?

– Да, только всякий раз людям велют молчать. Так папаша сказал.

– На банкете будут сотни гостей. Всем рты не заткнешь.

«А если мне не понравится то, что я услышу, никто не заставит замолчать *меня*», – подумала Гленда.

Тре́в бесцельно слонялся вокруг магазинчика, пока Натт и гном сообща трудились над мячом. С крыши доносилось какое-то слабое цапапанье, как будто кто-то скреб когтями. «Просто птица», – сказал себе Тре́в. Даже Энди не полезет через крышу.

Потом возникла еще одна неотложная проблема. В магазине должна быть уборная. По крайней мере, есть задняя дверь, которая неизбежно ведет в переулок, а что такое переулок, помимо ночлежки для бродяг и импровизированного сортира? Самое подходящее место, если хочется кого-нибудь убить.

Тре́в расстегнул ремень, встал лицом к зловонной стене и бесстрастно посмотрел вверх, как всегда делается в подобных случаях. Впрочем, в подобных случаях люди редко встречают удивленные взгляды двух женщин-птиц, которые стояли... точнее, сидели на крыше, как на насесте. С гортанным криком они улетели в темноту.

Тре́в поспешно, шлепая по лужам, убрался в магазин. Город, черт побери, с каждым днем становился все страннее.

Потом время понеслось с бешеной скоростью, нестерпимо воня серой. Тре́в видел, с какой скоростью Натт оплавляет свечи в подвале, но она была просто черепашьей по сравнению с тем, как быстро он кроил кожу для мяча. Ничего странного в этом не было, Натт всегда так работал. Странное заключалось в том, что он ничего не отмерял. В конце концов Тре́в не выдержал. Перестав подпирать стенку, он указал на один из многогранных кожаных лоскутов и спросил:

– Какая у него длина?

– Одна целая пятнадцать шестнадцатых дюйма.

– Откуда ты знаешь, если не меряешь?

– Я меряю. Глазами. Это всего лишь навык. Можно научиться.

– И приносить пользу?

– Да.

– А кто решает?

– Я сам.

– Вот, мистер Натт, еще тепленький, – сказал Гланг, выходя из задней комнаты. В руках он держал нечто, на вид извлеченное из животного, которое, оставалось надеяться, к тому моменту уже умерло.

– Конечно, я бы сделал лучше, если б время не поджимало, – продолжал гном, – но если подуть в эту маленькую трубочку...

Тре́в удивленно наблюдал за обоими. До него дошло, что за всю жизнь он сделал лишь несколько свечей и массу неприятностей. Какая от него

польза?..

Бом. Бом.

«Полная гармония», – подумал Трев и захлопал в ладоши, когда Натт и Гланг пожали друг другу руки. Пока они продолжали восхищенно обозревать результат своих трудов, он слегка отодвинулся, стащил с верстака кинжал и сунул в карман.

Он не был вором. Да, он таскал фрукты с лотков, но всякий знает, что это не считается, а если ты залезаешь в карман к какому-нибудь пижону, ты просто перераспределяешь социальные блага, это тоже каждый знает. А иногда ты просто находишь какую-нибудь штучку, которую, судя по всему, потеряли, и кто-то ее непременно подберет, так почему бы и не ты?..

Оружие может стать причиной смерти – зачастую лишь потому, что оно у тебя есть. Но дело зашло слишком далеко. Он слышал, как у Энди трещали кости. Натт поставил его на колени без малейших усилий. А значит, были две причины для того, чтобы поскорее принять меры предосторожности. Во-первых, если ты отправил Энди в нокдаун, вдогонку отправь его в нокаут, потому что иначе он вернется и на губах у него будет кровавая пена. А во-вторых – и это было самое неприятное, – теперь Трев боялся Натта больше, чем Энди. По крайней мере, он знал, кто такой Энди...

Неся каждый по мячу, они заспешили обратно в университет. Трев опасливо посматривал на крыши высоких зданий.

– Кого только не встретишь в городе, блин, – наконец сказал он. – На крыше лавки сидели какие-то вампириши, ты не заметил?

– А, эти. Они служат ее светлости. Они здесь в целях безопасности.

– Чьей? – уточнил Трев.

– Не беспокойся о них.

– Ха! Между прочим, сегодня я увидел кое-что поинтереснее, – сказал Трев, когда впереди показался университет. – Ты предложил гному пятнадцать долларов, и он даже торговаться не стал. Вот это, типа, настоящее чудо. Может, в мяче какая-то магия?

– На самом деле я дал ему двадцать долларов, – ответил Натт.

– Зачем? Он же не просил больше.

– Нет, но он очень усердно работал, и лишние пять долларов вознаградят его за потерю кинжала, который вы стащили, когда мы отвернулись.

– Ниче подобного! – горячо возразил Трев.

– Ваш автоматический, бездумный, рефлекторный ответ принят к сведению, мистер Трев. Как и вид кинжала на верстаке, вскоре после того

сменившийся видом пустого верстака. Я не сержусь, поскольку заметил, как вы весьма благоразумно бросили злополучное оружие мистера Шенка через стену. Я понимаю, что вы нервничаете, но, тем не менее, вынужден указать, что это воровство. Поэтому прошу вас как друга отнести утром кинжал обратно.

– Но, значит, гном получит и лишних пять долларов, и кинжал! – Трев вздохнул. – Зато мы хотя бы заработали каждый по паре баксов, – добавил он, когда они вошли в университет через черный ход.

– И да и нет, мистер Трев. Вы возьмете оставшиеся пять долларов и этот довольно замызганный, но, тем не менее, подлинный счет на двадцать долларов и отнесете мистериу Тупсу, который полагает, что от вас ничего хорошего ждать не приходится. Таким образом, он усомнится в изначальном предположении, что вы – вор и шалолай. Это будет способствовать вашему продвижению в университете.

– Я не... – начал Трев и замолчал. Ему хватило совести не оспаривать наличие украденного кинжала в куртке. – Ей-богу, Натт, ну ты и типчик.

– Да, – ответил тот. – Я и сам прихожу к точно такому же выводу.

«КЛЕВО!»

Это слово, набранное огромным шрифтом, сияло на первой странице «Таймс», рядом с огромной картинкой, на которой Джульетта в сверкающей микрокольчуге улыбалась читателю. Гленда, которая последние пятнадцать секунд сидела, поднеся тост ко рту, наконец откусила.

А потом сморгнула и уронила тост.

«Загадочная модель по имени Жужу стала звездой потрясающего показа мод в «Шобле» вчера вечером. Перед зрителями предстало подлинное воплощение микрокольчуги, удивительной металлической «ткани», о которой так много говорили в последние месяцы и которая, по словам Жужу, действительно Не Трет. Она весело и с подкупающей прямоотой болтала с высокопоставленными гостями, которым, как уверен автор статьи, еще никто и никогда не говорил, что они «клево выглядят». Судя по их впечатлениям, эта беседа внесла свежую струю и нигде не натерла...»

Гленда прервала чтение, потому что в сознание ломился вопрос: «И что нам за это будет?» Но ведь они не сделали ничего плохого, правда? Исключено. Нечего бояться. Во-первых, кто подумает, что красавица с серебристой бородой, похожая на богиню кузнечного ремесла, на самом деле – помощница кухарки? А во-вторых, тому, кто попытался бы устроить

неприятности, пришлось бы сначала прорваться мимо Гленды, а Гленда уж бы ему устроила, причем незамедлительно. Потому что, признала Гленда, Джу и впрямь была чудесна. Эта девочка залила газетную страницу лучезарным светом, и внезапно стало ясно как день: скрывать такую красоту в погребе – просто преступление. Ну и что, если у Джульетты словарный запас меньше семисот слов? На свете столько людей, которые буквально нафаршированы длинными словами, только никто не жаждет видеть их на первой странице.

«И вообще, – подумала Гленда, надевая пальто, – интерес долго не продлится, и потом, все равно никто не знает, кто она такая. В конце концов, на ней была борода, и это еще одно чудо, потому что бородатая женщина не может быть красива, но у Джульетты каким-то образом получилось. Только вообразите, если бороды войдут в моду. Придется вдвое дольше сидеть у парикмахера. Должен же кто-то об этом подумать».

Из дома О'Столлопов не доносилось ни звука. Неудивительно. Джульетта не отличалась пунктуальностью. Гленда заскочила к вдове Крауди, а потом под мелким дождиком отправилась в свою безопасную гавань – на Ночную Кухню. На полпути позабытый бугорок за корсажем напомнил ей о ее обязанностях, и Гленда решила зайти в Королевский банк Анк-Морпорка.

Дрожа от страха и мятежного духа, она подошла к служащему, шлепнула на стол влажные банкноты и сказала:

– Я хочу открыть банковский счет. Понятно?

Через пять минут она вышла с новенькой банковской книжкой и приятным воспоминанием о том, что шикарный молодой человек за шикарным столом в шикарном зале назвал ее «мадам». Гленда смаковала это ощущение, пока суровая реальность не напомнила, что мадам придется засучить рукава и приняться за работу.

Дел было много. Она всегда пекла пироги как минимум на день вперед, чтобы они дозрели, а вчерашний аппетит мистера Натта пробил в ее запасах ощутимую брешь. Но, по крайней мере, нынешним вечером Гленда не ожидала особого спроса на пироги. Даже волшебники не станут просить пирожка после банкета.

«Ах да, банкет», – подумала она, когда дождь начал проникать под пальто. Банкет. Вот о чем нужно позаботиться. Иногда, если хочешь пойти на бал, приходится самой сыграть для себя роль феи-крестной.

Прикосновения волшебной палочки сразу вызывали несколько препятствий. Миссис Уитлоу провела нечто вроде демаркационной линии между Ночной и Дневной Кухнями, как будто разница в один лестничный

пролет и впрямь меняла человека. Другая сложность заключалась в том, что Гленда не отличалась, согласно университетским традициям, фигурой, позволяющей прислуживать за столом, по крайней мере в присутствии гостей. И, наконец, у Гленды был не подходящий для официантки темперамент. Не то чтобы она не умела улыбаться – она улыбалась, если ее об этом предупреждали заранее, – но Гленда терпеть не могла улыбаться людям, которые заслуживали не улыбки, а подзатыльника. Она ненавидела убирать со стола тарелки с нетронутой едой. В таких случаях она боролась с желанием сказать: «Зачем было столько класть, если ты не собирался доедать?» Или: «Ты оставил больше половины порции, а эта штука стоит доллар за фунт». Или: «Да, конечно, еда остыла, но исключительно потому, что нужно было работать зубами, а не флиртовать с юной леди напротив». Если все остальное терпело крах, в ход шел главный козырь: «А вот маленькие дети в Клатче...» Эту фразу особенно любила ее мать, хотя какой-то существенный кусок явно был упущен.

Гленда терпеть не могла, когда что-либо тратили даром. Об этом она думала, когда шагала по каменному коридору в Ночную Кухню. Если знать свое дело, ничего не пропадет, – и если у обедающих хватает совести относиться к твоим блюдам серьезно. Гленда знала, что уговаривает сама себя. Время от времени она вытаскивала «Таймс» из сумочки и снова разглядывала первую страницу. Все это ей не приснилось, и газета служила тому доказательством. Но вот что было забавно: каждый день случалось что-нибудь, достойное места на первой полосе. Гленде никогда еще не доводилось, купив газету, увидеть заголовок вроде «Извините, вчера ничего особенного не произошло». А завтра, как бы ни была красива картинка, в нее завернут жареную рыбу с картошкой, и все о ней позабудут.

И тогда с ее плеч спадет бремя.

Кто-то вежливо кашлянул. Гленда догадалась, что это Натт, потому что только Натт умел кашлять так вежливо.

– Да, мистер Натт?

– Мистер Трев попросил меня передать письмо мисс Джульетте, мисс Гленда, – сказал Натт, который, видимо, уже давно ждал на лестнице. Он протянул письмо, словно обоюдоострый меч.

– Она еще не пришла, – ответила Гленда, когда Натт двинулся вслед за ней по ступенькам, – но я положу письмо на полку, где она его непременно увидит.

Она посмотрела на Натта и обнаружила, что его взгляд неотрывно устремлен на полку с пирогами.

– Э... кажется, я сделала на один пирог больше, чем нужно. Не

поможете ли убрать его отсюда?

Натт благодарно кивнул, взял пирог и заспешил прочь.

Оставшись одна, Гленда взглянула на конверт. Он был самый дешевый, из тех, что как будто делаются из переработанной туалетной бумаги. И довольно пухлый.

По какой-то необъяснимой причине Гленда вдруг вспомнила, что клей на этих конвертах обычно очень скверный – если хочешь его запечатать, гораздо надежнее найти человека, страдающего от сильного насморка. Такой конверт ничего не стоит вскрыть, прочитать письмо, потом выковырнуть из уха немного серы – и никто не заметит.

Но читать чужие письма – очень, очень дурно.

Гленда прокрутила эту мысль в голове раз пятнадцать, прежде чем в Ночную Кухню вошла Джульетта, повесила пальто на крючок и надела фартук.

– Один парень в омнибусе читал газету, и я была на первой странице! – выпалила она.

Гленда кивнула и протянула ей «Таймс».

– Ага, это, типа, точно я, – сказала Джульетта, склонив голову набок. – Ну и что теперь будем делать?

– Открой уже письмо! – крикнула Гленда.

– Что? – переспросила Джульетта.

– Э... Трев прислал тебе письмо, – сказала Гленда, схватила конверт с полки и протянула подруге. – Может быть, прочтешь *прямо сейчас*?

– Ой, он, наверное, просто дурью мается.

– Нет! Ну, читай *скорее*! Я даже не пыталась его открыть!

Джульетта взяла конверт. От прикосновения он открылся. «Он даже не заклеен! – подумала худшая половина Джульетты. – Я просто могла взять и прочесть!»

– Я не могу читать, когда ты так близко стоишь, – пожаловалась Джульетта.

Некоторое время она шевелила губами и наконец сказала:

– Ниче не понимаю. Тут, типа, все какие-то длинные слова. Зато клевый почерк с завитушками. А вот тут сказано, что я похожа на летний день. Это че значит? – Она сунула письмо подруге. – Прочитай, пожалуйста, Гленди. Ты же знаешь, у меня, типа, с длинными словами проблемы.

– Я сейчас немного занята, но раз уж ты просишь... – ответила Гленда.

– Я в первый раз получила письмо, которое не целиком написано печатными буквами, – сказала Джульетта.

Гленда села и принялась читать. Многолетнее чтение любовных романов, которые даже она сама признавала скверными, внезапно принесло плоды. Письмо выглядело так, как будто кто-то открыл кран в бассейне поэзии, после чего легкомысленно отправился в отпуск. Но слова и впрямь были чудесные. Например, «воздыхатель» – несомненный признак поэзии, и еще кое-что про цветы, и всякие мольбы в замысловатой словесной упаковке. Спустя некоторое время Гленда вытащила носовой платок и принялась обмахиваться.

– Ну, так че там? – спросила Джульетта.

Гленда вздохнула. С чего бы начать? Как говорить с Джульеттой про сравнения, метафоры и поэтические вольности, преподнесенные красивым почерком с завитушками?

Она собралась с духом.

– Ну... если коротко, то здесь сказано примерно следующее: ты мне нравишься, ты очень клевая, давай куда-нибудь ходим вместе, и никаких фиглей-миглей, зуб даю. И три крестика вместо подписи.

Джульетта расплакалась.

– Как... краси-иво! Представляю, как он, типа, сидел и все это писал... для меня! Настоящие стихи... для меня! Я положу их под подушку, вот что.

– Подозреваю, на это он и рассчитывал, – сказала Гленда и подумала: Тревор Навроде – поэт? Ну да, конечно.

Мочевой пузырь у Пепе был переполнен, а сам он оказался между молотом и наковальней, если можно было так выразиться, не оскорбляя мадам (поскольку лежал он между ней и стеной). Мадам спала и роскошно храпела, издавая классический многочастный храп, известный тем, кому выпадает счастье слушать его каждую ночь, как «хр-р, хр-р, хр-р-р, гр-р-р-рх». И вдобавок она лежала у него на ноге. В комнате царила непроглядная тьма. Пепе высвободил ногу, которая уже наполовину онемела, и отправился на поиски унитаза, которые, разумеется, начались с того, что он наступил на пустую бутылку. Она откатилась в сторону, а Пепе рухнул на спину. В темноте он пошарил вокруг, нашел бутылку, убедился, что она пуста – а вдруг повезет? – и наполнил ее, после чего на что-то поставил. Возможно, на стол, но в темноте и с точки зрения Пепе это с тем же успехом мог быть динозавр.

Послышался какой-то звук, выбивающийся из ритма виртуозного храпа. Должно быть, именно он и разбудил Пепе. Тот на ощупь нашел трусы и лишь с третьей попытки сумел надеть их нужной стороной и в нужном направлении. Трусы были холодные. Проблема с микрокольчугой

заклучалась в том, что, в конце концов, металл есть металл. С другой сторон, микрокольчуга не натирала и не нуждалась в стирке. Подержать пять минут над огнем – и вот тебе полная стерильность. И потом, у Пепе всегда были оригинальные представления по части нижнего белья.

Убедившись, что он готов встретиться с миром лицом к лицу – или, по крайней мере, с той частью мира, которой достаточно было лицезреть лишь верхнюю часть его туловища, – Пепе зашаркал к двери магазина, спотыкаясь и исследуя по пути все бутылки в надежде, что где-нибудь да остался глоток содержимого. Как ни странно, уцелело полбутылки портвейна. В бурю всякий порт хорош, подумал Пепе и позавтракал.

Дверь ходила ходуном. В ней было маленькое окошко, открыв которое персонал решал, впустить клиента или нет. В шикарном магазине вроде «Шоблы» нельзя продавать товар кому попало. Перед Пепе заметались туда-сюда несколько пар глаз: по ту сторону двери, соперничая за внимание, толкались несколько человек. Наконец кто-то сказал:

– Мы хотим видеть Жужу.

– Она отдыхает, – ответил Пепе. Это была удобная фраза, она могла означать что угодно.

– Ты видел картинку в «Таймс»? – спросил голос. – На, погляди!

И перед окошком появилось изображение Джульетты.

Черт подери, подумал Пепе.

– У Жужу был трудный день, – сказал он.

– Публика хочет знать о ней все, – сурово произнес кто-то.

Другой голос, менее агрессивный, вставил:

– Она просто чудо!

– О да. О да, – ответил Пепе, лихорадочно прикидывая в уме. – Но она *очень* замкнутая. У нее артистическая натура, понимаете?

– А у меня большой заказ, – сказал третий голос, и его обладатель наконец пробился к щелке.

– Ну, для этого девушку будить необязательно. Подождите минутку, и я все улажу... – Пепе отхлебнул портвейна, обернулся и увидел мадам в ночной рубашке, которой хватило бы на целый взвод (во всяком случае, если бы они лежали смирно и не толкались). Она стремительно шагала по коридору, с бокалом в одной руке и бутылкой шампанского в другой.

– Совсем выдохлось, – пожаловалась она.

– Сейчас принесу свежее, – ответил Пепе, быстро выхватывая бутылку. – Там, на улице, газетчики и клиенты. Все требуют Жужу. Ты случайно не помнишь, где она живет?

– Да, конечно, она мне говорила, но это было как будто сто лет назад...

Та, другая – Гленда, если не ошибаюсь, – служит кухаркой в каком-то большом доме. И вообще, зачем им нужна Жужу?

– В «Таймс» напечатали потрясающую картинку, – сказал Пепе. – Помнится, ты сказала, что мы на пути к богатству. Так вот, похоже, ты недостаточно широко мыслила.

– И что ты предлагаешь, дорогой?

– Я? Прими заказ, потому что дело верное, и скажи остальным, что Жужу будет позже.

– Думаешь, они успокоятся?

– А что им остается? Мы ведь, черт побери, не знаем, где она живет. По городу расхаживает миллион долларов!

Рыс, гномий король-под-горой, с особым вниманием рассматривал картинку с красивой девушкой. Резкость даже была ничего себе. Техника превращения клик-сигналов в черно-белое изображение значительно прогрессировала. В любом случае его подданные в Анк-Морпорке, видимо, сочли это слишком интересным, чтобы мелочиться с шириной пропускной полосы. Разумеется, множество других гномов обеспокоилось, но, насколько знал король, нетрудно найти того, кто будет возражать против чего угодно. Он посмотрел на стоявших перед ним грагов. «Таким, как Витинари, легко, – подумал он. – Ему приходится иметь дело всего лишь с разными религиями. А у нас нет религии. Быть гномом – само по себе религия, и два священнослужителя никогда не сумеют сговориться. А иногда кажется, что каждый гном – сам себе священник».

– Лично меня ничего здесь не смущает, – сказал Рыс.

– Мы не сомневаемся, что борода фальшивая, – заметил один из грагов.

– Это вполне допустимо, – ответил король. – Не припомню ни одного прецедента, который воспрещал бы фальшивые бороды. Накладная борода – сущее спасение для тех, у кого плохо растет своя.

– Но эта особа выглядит... соблазнительно! – воскликнул другой граг. В своих остроконечных кожаных капюшонах они выглядели совершенно неотличимо друг от друга.

– Она красива, несомненно, – признал король. – Господа, вы пришли надолго?

– Она ведет себя не по-гномьи! Этому нужно положить конец.

– Совсем наоборот, – возразил король. – Микрокольчуга – стопроцентное железо, трудно придумать нечто более гномье. Девушка улыбается, и, хотя я вынужден признать, что гномам это несвойственно,

особенно когда они приходят сюда, я все-таки полагаю, что ее пример способен принести нам некоторую пользу.

– Она наносит неприкрытое оскорбление морали!

– Каким образом? Где? Боюсь, только в вашей фантазии.

Самый высокий граг уточнил:

– Значит, ты не намерен ничего предпринимать?

Король помолчал, глядя в потолок.

– Намерен, – ответил он. – Во-первых, я прикажу моим служащим выяснить, сколько заказов на микрокольчугу было сделано в Бонке сегодня. Не сомневаюсь, «Шобла» не станет возражать против проверки, особенно в связи с тем предложением, которое я хочу сделать мадам Шарн. А именно, вернуться и открыть магазин здесь.

– Ты это серьезно? – уточнил граг.

– Да, конечно. Мы уже почти заключили Кумский договор. Мир с троллями, до которого мало кто надеялся дожить. И мне, господа, надоели ваши жалобы, нытье и бесконечные попытки возобновить битвы, которые вы уже давно проиграли. Насколько я могу судить, эта юная особа показывает нам лучшее будущее. И если вы не уберетесь отсюда через десять секунд, я потребую с вас арендную плату.

– Учти, будут неприятности.

– Господа, неприятности есть всегда. Но на сей раз их вам устрою я.

Когда за грагами захлопнулась дверь, король сел.

– Отлично сделано, сэр, – сказал секретарь.

– Они не отстанут. Представить себе не могу гнома, который не спорит. – Король слегка поерзал. – Знаешь, а в «Шобле» не соврали, когда сказали, что она совсем не трет и не такая холодная, как кажется. Попроси нашего агента передать мою благодарность мадам Шарн за щедрый подарок.

Даже утром Большой зал Незримого Университета напоминал оживленный перекресток. Большую часть столов сдвинули к стенам – или подняли под потолок, если кому-то хотелось порисоваться, – и огромные черно-белые плиты, до блеска вытертые ногами за тысячу лет, сегодня полировались с особым усердием, поскольку преподаватели и студенты неизменно избирали кратчайший путь, когда шли по своим делам, а иногда для разнообразия – когда не находилось правдоподобной отговорки – на лекции.

Главную Люстру опустили и сдвинули вбок, чтобы пополнить запас свечей, но, к счастью для Наверна Чудакулли, в зале осталось еще много

свободного места.

Тот, кого он поджидал, уже спешил к нему.

– Как дела, мистер Тупс?

– Просто прекрасно, сэр, – ответил Думминг и открыл мешок, который держал в руках. – Один из мячей взят из Шкафа, а другой изготовили вчера вечером Натт и Тревор Навроде.

– А, найди десять отличий, – сказал Чудакулли. Он взял оба мяча своими громадными ручищами и бросил о каменные плиты.

Бом. Бом.

– Совершенно одинаковые, – отметил он.

– Тревор Навроде сказал, что гном взял за работу двадцать долларов.

– Правда?

– Да, сэр. Он принес сдачу и счет.

– Вы, кажется, озадачены, мистер Тупс?

– Э... да, сэр. Я, кажется, неверно судил об этом юноше.

– Видимо, горбатого иногда можно хотя бы приблизительно отмыть добела, – заметил Чудакулли, дружески хлопая Думминга по спине. – Один – ноль в пользу человеческой природы. Итак, который из мячей мы должны вернуть в Шкаф?

– Вы удивитесь, сэр, они догадались пометить новый мяч. На нем стоит крошечное белое пятнышко, вот оно... или вот... а, нет... прошу прощения... ага, нашел. Этот мяч мы оставляем, а другой я попрошу кого-нибудь из студентов отнести на место. У нас осталось еще полчаса.

– Нет, я предпочту, чтобы вы положили его в Шкаф сами, мистер Тупс. Не сомневаюсь, это займет лишь несколько минут. И поскорей возвращайтесь, я хочу провести небольшой эксперимент.

Вернувшись, Думминг обнаружил, что Чудакулли ненавязчиво прохаживается возле одной из огромных дверей.

– Записная книжка у вас наготове, мистер Тупс? – поинтересовался он.

– И новый карандаш, аркканцлер.

– Хорошо. Тогда начнем эксперимент.

Чудакулли осторожно выкатил новенький мяч, выпрямился и взглянул на секундомер.

– Так, профессор односторонней науки отбросил мяч в сторону, не исключая, что случайно... теперь его неуверенно пнул один из слугообразов, мистер Хипни, если не ошибаюсь... мяч откатил обратно студент по фамилии Прудд... это цепная реакция, мистер Тупс. Хаотическая, но многообещающая. А вот так нельзя... Не трогать мяч руками, господа! – загремел аркканцлер, ловко останавливая катящийся

мяч башмаком. – Таковы правила! Сейчас нам не помешал бы тот свисток, Тупс.

Он бросил мяч о каменный пол.

Бом.

– Не толпитесь, как мальчишки, которые гоняют жестянку! Играйте как положено! Я аркканцлер Незримого Университета, клянусь Йо, и я отстраню, а иначе говоря, выгоню всякого, кто вздумает увильнуть, не принеся записку от мамы!

Бом.

– Вы разделитесь на две команды, поставите ворота и постараетесь выиграть! Никто не покинет поля, иначе как получив травму. Руками мяч не хватать, ясно? Есть вопросы?

Поднялась рука. Потом Чудакулли увидел прилегающее к ней лицо.

– А, Ринсвинд, – сказал он. Поскольку аркканцлер все-таки не был записным хамом, он поправился: – То есть профессор Ринсвинд, конечно.

– Прошу разрешения сбежать за запиской от мамы, сэр.

Чудакулли вздохнул.

– Ринсвинд, однажды ты мне сказал, к моему нескончаемому удивлению, что никогда не знал своей матери, поскольку она сбежала до твоего рождения. Я отчетливо помню, как занес этот факт в дневник. Хочешь еще одну попытку?

– Прошу разрешения отправиться на поиски матери.

Чудакулли помедлил. У профессора Жестокой и Необычной Географии не было студентов и никаких обязанностей, кроме обязанности не влезать в неприятности. Хотя Чудакулли никогда бы этого не признал, Ринсвинд, вопреки здравому смыслу, занимал почетное положение. Он был трусом и невольным посмешищем, но несколько раз при странных обстоятельствах спасал мир. Он буквально притягивал удачу, по мнению аркканцлера, а потому был обречен служить громоотводом для ударов судьбы, избавляя остальных от этой необходимости. Такой человек стоил того, чтобы его кормить, обстирывать (включая запачканные штаны, количество которых значительно превышало среднее) и выдавать каждый день ведро угля, пусть даже, по мнению Чудакулли, Ринсвинд был тем еще нытиком. Во всяком случае, бегал он быстро, а потому бывал полезен.

– Послушайте, – сказал Ринсвинд, – ни с того ни с сего появилась загадочная амфора, и все вдруг заговорили о футболе. Дело нечисто. Непременно случится что-нибудь ужасное.

– А может быть, и что-нибудь прекрасное! – возразил Чудакулли.

Ринсвинд, казалось, задумался.

– Может быть, прекрасное, может быть, ужасное. Прошу прощения, обычно как раз и бывает пятьдесят на пятьдесят.

– Это Незримый Университет, Ринсвинд. Чего тебе бояться? – поинтересовался Чудакулли. – Кроме меня, разумеется. Боги мои, это просто спорт... – Он повысил голос: – Эй, вы! Разбейтесь на две команды и начните играть в футбол!!!

Аркканцлер отступил назад и встал рядом с Думмингом. Невольные футболисты, получив столь недвусмысленные и громогласные инструкции, сгруппировались кучкой, дабы выяснить, что им нужно делать.

– Просто не верится, – сказал Чудакулли. – Каждый мальчишка знает, как быть, если под ногу ему подвернулось что-нибудь подходящее.

Он сложил ладони рупором.

– Так. Пусть оба капитана выйдут вперед. Неважно, кто это будет.

Потребовалось больше времени, чем ожидал Чудакулли, поскольку те, кто не успел украдкой улизнуть, прекрасно понимали, что звание капитана дает превосходный шанс оказаться мишенью переменчивого гнева аркканцлера. В конце концов были выбраны две жертвы, которых выпихнули вперед, и втиснуться обратно в ряды товарищей они уже не смогли.

– А теперь, повторяю, поочередно выбирайте себе игроков. – Чудакулли снял шляпу и бросил ее наземь. – Что тут непонятного? Это ясно любому мальчишке! Это – как... маленькие девочки и розовый цвет. Вы умеете играть! Выбирайте попеременно, чтобы в конце концов одному из вас достался псих, а другому толстяк. Самые быстрые в истории математические расчеты были проделаны капитанами футбольных команд, которые старались подгадать, чтобы им не достался псих... Стой, где стоишь, Ринсвинд!

Думминг невольно вздрогнул; школьные годы вернулись и усталились на него, злобно ухмыляясь. Самый толстый мальчишка в классе, злополучный Хрюша Чмок, был сыном владельца кондитерской лавки, что придавало ему определенный вес в мальчишеской компании, не говоря уже о политическом влиянии. Таким образом, единственной мишенью для мальчишек оставался псих, и Думминг жил в аду, пока в один прекрасный день с его пальцев не сорвались искры и у Мартина Мокрицы не загорелись штаны. Он до сих пор помнил запах паленого. Лучшие годы жизни Думминг провел в мучениях; аркканцлер порой бывал грубоват и тяжел в обращении, но, по крайней мере, ему не позволялось щелкать Думминга по ушам...

– Ты слушаешь, Тупс?

Думминг кивнул.

– Э... прошу прощения, сэр, я... кое-что подсчитывал.

– Что это за рослый смуглый тип с бородкой?

– А, это профессор Бенго Макарона, аркканцлер. Из Генуи. Помните?

Он на год поменялся с профессором Девицом.

– Точно. Бедный старина Девиц. Быть может, на иностранном языке его фамилия будет звучать не так смешно. Мистер Макарона прибыл, чтобы подучиться? Навести лоск, так сказать?

– Вряд ли, сэр. Он получил докторские степени, общим числом тринадцать, в Клатче, Щеботане и Чаббе, а также читает лекции по приглашению в Пугалоу. Его высказывания фигурируют в двухстах тридцати шести научных трудах и... э... в одном прошении о разводе.

– Что?

– В Генуе не так строго соблюдают обет безбрачия, сэр. Очень горячие люди, насколько я понимаю. Семье Макароны принадлежат огромное ранчо и самая большая кофейная плантация за пределами Клатча. Если не ошибаюсь, его бабушка владеет «Судоходной компанией Макарона».

– Так за каким чертом он приехал сюда?

– Он хочет работать с лучшими из лучших, сэр, – ответил Думминг. – Кажется, он настроен серьезно.

– Правда? В таком случае он поступил благоразумно. Э... но развод?

– Не знаю подробностей, сэр. Видимо, дело замяли.

– Разгневанный муж?

– Разгневанная жена, насколько я знаю, – сказал Думминг.

– Так Макарона был женат?

– Нет, аркканцлер.

– Ничего не понимаю, – сказал Чудакулли.

Думминг, который весьма неуютно чувствовал себя в этой области, медленно произнес:

– Она была женой другого... э... сэр.

– Но...

К большому облегчению Думминга, огромное лицо Чудакулли наконец просияло.

– А! Ты хочешь сказать, что он как профессор Хэйден, которому мы дали прозвище...

Думминг приготовился к худшему.

– ...Змейс. Он просто обожал змей. Мог часами о них говорить, а в качестве бонуса еще и о ящерицах. Очень увлеченный был человек.

– Приятно, что вы такого мнения, аркканцлер, поскольку мне известно,

что большое количество студентов...

– А еще был старина Постул, он греб в нашей команде. Два замечательных года он был рулевым... – Выражение лица Чудакулли не изменилось, но щеки порозовели, а глаза засияли. – Я полагаю, это случается нередко. А люди поднимают такой шум... Вообще, на мой взгляд, в мире недостаточно любви. И потом, если человеку не нравится мужское общество, он не станет поступать в Незримый Университет... Эй-эй! Молодчина!

Стоило Чудакулли отвлечься, как футболисты наконец принялись двигаться, выделявая довольно причудливые маневры.

– Что?

Рядом с аркканцлером появился слугообраз.

– Один господин желает видеть аркканцлера, сэр. Волшебник, сэр. Э... это декан, сэр. Только он говорит, что он тоже аркканцлер.

Чудакулли поколебался, но лишь опытный наблюдатель вроде Думминга мог это заметить. Когда аркканцлер заговорил, его голос звучал спокойно, а каждое слово было как будто выковано молотом самообладания.

– Какой приятный сюрприз, мистер Шноббс. Проводите же декана сюда. И, пожалуйста, не смотрите на мистера Тупса в ожидании подтверждения, аркканцлер здесь все еще я. Притом единственный. В чем проблема, мистер Тупс?

– Здесь довольнолюдно, сэр... – Думминг замолчал, поняв, что его никто не слушает. Он не видел, как мяч подкатился к слугообразу Шноббсу (не родственнику). Не видел, как тот нанес мощный удар, словно под ноги ему возмутительным образом попала жестянка, отфутболенная уличным мальчишкой. Зато Думминг увидел, как мяч, описав в воздухе величественную дугу, полетел в противоположный конец зала, где над органом возвышался витраж, посвященный аркканцлеру Абастии. На этом витраже каждый день возникала одна из нескольких тысяч сцен мистического или религиозного характера. Думминг быстро подсчитал расстояние и траекторию мяча, и интуиция подсказала ему, что сияющее изображение епископа Горна, разочаровавшегося в крокодильем пироге, выбрало самый неудачный момент, чтобы появиться.

А потом, словно новая планета в поле зрения звездочета, что-то рыжее и мохнатое взвилось в воздух, распрямилось в полете, перехватило мяч и приземлилось на клавиатуру органа в тональности си-бемоль.

– Молодчина, библиотекарь! – крикнул Чудакулли. – Превосходный прыжок, но, к сожалению, против правил.

К удивлению Тупса, игроки дружно издали недовольное бормотание.

– Полагаю, ради общей пользы не следует торопиться с выводами, – произнес из-за спины аркканцлера тихий голосок.

– Кто это сказал? – поинтересовался Чудакулли, разворачиваясь и глядя в испуганные маленькие глаза Натта.

– Натт, сэр. Стекальщик. Мы встречались вчера. Я помог вам с мячом.

– И теперь ты говоришь, что я не прав. Так?

– Я бы предпочел, чтобы вы сочли это попыткой подсказать вам способ стать еще более правым.

Чудакулли открыл рот и закрыл опять. «Я знаю, что он такое, – подумал он. – А он знает? Или его пожалели?»

– Так, мистер Натт. Вы хотели сказать что-то конкретное?

– Да, сэр. Какова цель игры?

– Разумеется, победить!

– О да. К сожалению, вы играете неправильно.

– Правда?

– Да, сэр. Все сразу хотят ударить по мячу.

– Так и должно быть, разве нет? – поинтересовался Чудакулли.

– Только если вы полагаете, что цель игры – хорошенько размяться, сэр. Вы играете в шахматы?

– Играл когда-то.

– Как по-вашему, подобает ли всем пешкам лезть вперед по доске в надежде поставить шах и мат королю?

На мгновение перед Чудакулли предстало видение: патриций Витинари держит в воздухе одинокую пешку и говорит, что она может стать...

– Да брось. Футбол – совсем другое дело, – воскликнул он.

– Допустим. Но суть в том, чтобы направить ресурсы в нужную сторону.

Чудакулли увидел, как за спиной Натта возникло лицо, подобное разгневанной луне.

– Не положено разговаривать с господами, Натт, не твое дело отвлекать их своей болтовней...

Чудакулли глубоко посочувствовал Натту, тем более что Смизм, по привычке, свойственной мелким тиранам, неотрывно смотрел на аркканцлера, как будто прося – нет, хуже, ожидая! – поддержки.

Авторитеты должны поддерживать друг друга, по крайней мере, на людях, иначе никаких авторитетов не будет вообще. Следовательно, вышестоящий начальник вынужден поддерживать нижестоящего, пусть

даже он, вышестоящий, считает нижестоящего назойливым придурком.

– Спасибо за заботу, мистер Смимз, – сказал аркканцлер, – но на самом деле я лично попросил мистера Натта оценить наши успехи, поскольку футбол – развлечение простых людей, а он, несомненно, ближе к ним, чем я. Я не стану долго удерживать мистера Натта, мистер Смимз, как и отрывать вас от ваших обязанностей, которые, несомненно, жизненно важны и неотложны.

Авторитет маленький и беззащитный, но обладающий некоторым умом, способен понять, когда вышестоящее начальство дает ему возможность сохранить лицо.

– Вы совершенно правы, сэр! – отозвался Смимз после секундного колебания и заспешил прочь.

Существо по имени Натт дрожало.

«Он боится, что поступил дурно, – подумал Чудакулли, – а я не должен относиться к нему как к неодушевленному предмету». Здравый смысл, свойственный волшебнику, заставил его перевести взгляд на лицо... как, бишь, зовут этого парня?.. ах да, Тревора Навроде.

– Вы что-то хотите добавить, мистер Навроде? Я сейчас немного занят.

– Я отдал мистеру Тупсу сдачу и счет, – сказал Тревор.

– Чем вы вообще тут занимаетесь, молодой человек?

– Я главный в свечном подвале, шеф.

– Правда? В последнее время мы получали превосходно оплавленные свечи.

Трево пропустил это мимо ушей.

– У мистера Натта ведь не будет неприятностей, шеф?

– Я полагаю, что нет.

«Но что я знаю? – спросил себя Чудакулли. – Мистер Натт, по определению, – неприятность. Библиотекарь говорит, он бродит по университету и чинит всякое старье, он дружелюбен и безобиден и разговаривает, как будто читает лекцию^[11]. Этот маленький человечек, который, если хорошенько посмотреть, кажется маленьким только потому, что униженно пригибается... так вот, этот маленький человек при своем появлении на свет носил имя столь страшное, что крестьяне приковали его к наковальне, поскольку побоялись убить. Надеюсь, Витинари и его самодовольные друзья правы на свой лад и горбатого можно отмыть добела. Любой сюрприз патриция покажется нам приятным, если они ошиблись. И в любую минуту здесь появится декан, чтоб ему пусто было, предателю».

– Он мой друг, шеф.

– Это хорошо. Без друзей никак нельзя.
– И я, типа, не хочу, чтоб его обижали, шеф.
– Благородное стремление, друг мой. И все-таки, мистер Натт, отчего вы возразили, когда я заметил, что библиотекарь нарушил правила, хотя его прыжок, несомненно, был прекрасен?

Натт, не поднимая глаз, тихо ответил:

– Это было изящно. Красиво. А игра должна быть красивой, как безупречно спланированная война.

– Но вряд ли войну можно назвать приятным времяпрепровождением, – заметил Чудакулли.

– Красота нейтральна, сэр. Это не синоним любви и доброты.

– В этом смысле красота похожа на истину, – произнес Думминг, стараясь не терять нить.

– Которая зачастую безобразна, сэр. Но прыжок господина библиотекаря был одновременно красив, сэр, и полезен, сэр, следовательно, он истинен, следовательно, правило, которое воспретит ему проделать это еще раз, не содержит ни красоты, ни истины. Иными словами, оно ложно.

– В самую точку, шеф, – сказал Трев. – И зрителям понравится.

– Вы хотите сказать, они будут радоваться, если гол не забьют? – уточнил Думминг.

– Конечно, будут! Они заорут от восторга. По крайней мере, хоть что-то произойдет, – Чудакулли фыркнул. – Ты же видел игру. Если повезет, успеешь мельком заметить, как куча громадных грязных парней дерется за кусок дерева. Зрители хотят видеть, как мяч забивают в ворота!

– Или ловят, – заметил Трев.

– Вот именно, молодой человек, – подтвердил Чудакулли. – Футбол – это состязание в скорости. На дворе год Задумчивого Зайца, в конце концов. Люди быстро начинают скучать. Неудивительно, что они дерутся. Значит, нужно придумать игру, которая будет интереснее, чем бить друг друга по голове всякими тяжелыми штуковинами.

– Это занятие всегда было крайне популярно, – с сомнением отозвался Думминг.

– Мы, в конце концов, волшебники! А теперь прошу прощения, мне нужно пойти и поздороваться с проклятым так называемым аркканцлером так называемого Коксфордского университета, и при этом, черт его дери, проявить истинный дух братской доброжелательности!

– Так называемой, – пробормотал Думминг, но недостаточно тихо.

– Что ты сказал? – проревел аркканцлер.

– Всего лишь уточнил, что мне теперь делать, аркканцлер.

– Что делать? Гоняй их! Следи, у кого хорошо получается! Выясни, какие правила самые красивые! – выкрикивал Чудакулли, поспешно направляясь к дверям.

– И все это я один? – в ужасе уточнил Думминг. – Но у меня же столько работы!

– Поручи ее кому-нибудь другому!

– Вы же знаете, что я не умею, сэр!

– Значит, поручи тому, кто умеет! А мне пора, пока этот гад не спер серебряные ложки!

У Гленды редко бывали выходные. Ночная Кухня – это состояние души. Дома она только завтракала, да и то наспех. Но с утра она выкроила немного времени, чтобы заняться продажей мечты. За кухней тем временем присматривала Мэй Садик – она была надежна и расторопна, поэтому Гленда не волновалась.

Солнце едва успело взойти, когда она постучала в заднюю дверь мастерской господина Рукисилы. Гном, у которого все пальцы были в румянах, открыл.

– А, привет, Гленда. Как дела?

Она с гордостью выложила на стол пачку заказов и открыла саквояж.

– Мне нужно побольше пробников.

– Чудесно, чудесно. Когда ты получила все эти заказы?

– Сегодня утром.

Двери охотно распахивались перед ней, и каждый раз тихий голос в душе спрашивал: «Ты уверена, что поступаешь правильно?» Но другой голос, низкий и сладкий, как у мадам Шарн, возражал: «Рукисила хочет делать косметику. Ты хочешь ее продавать. Они хотят покупать. Мечта ходит по кругу, и деньги тоже».

– Помада отлично разошлась, – сказала Гленда. – Троллихи ее лопатой гребут, и я не шучу. Вам нужно продавать совки в комплекте, сэр. Красивые, в изящных коробочках с блестками.

Гном восхищенно взглянул на нее.

– Это на тебя не похоже, Гленда.

– Не уверена, – ответила та, бросая в потрепанный саквояж новые пробники. – Кстати, вы никогда не думали заняться обувью?

– Ты считаешь, стоит попробовать? Но ведь тролли не носят обувь.

– Они и помадой не пользовались, пока не переехали в город, – заметила Гленда. – Я думаю, будет самое оно.

– Но у них же ступни как гранит! Им вообще не нужна обувь!

– Она *будет* им нужна, – сказала Гленда. – И с вашей стороны это было бы верхом мудрости.

Рукисила озадаченно посмотрел на нее, и Гленда вспомнила, что даже городские гномы приучены мыслить наоборот.

– Прошу прощения, я хотела сказать – низом. И еще кое-что. Платья, – продолжала Гленда. – Я походила по городу и поняла, что никто не шьет нормальной одежды для троллей. Это всего лишь увеличенная человеческая одежда. Ее цель – сделать так, чтобы тролль казался меньше. Но не лучше ли шить такую одежду, чтобы тролль в ней казался больше? Чтобы он выглядел троллем, а не увеличенным человеком. Пусть платье буквально кричит: «Я огромная троллиха и горжусь этим!»

– Тебя никто по голове не бил? – поинтересовался Рукисила. – Если да, я сам охотно голову подставляю.

– Мы ведь продаем мечту, не так ли? – спросила Гленда, аккуратно складывая пробники в саквояж. – Это важнее, чем я думала.

Она нанесла еще четырнадцать успешных визитов, прежде чем решила поставить точку на сегодня. Сунув заказы в почтовый ящик Рукисилы, Гленда, с пустым саквояжем и непривычно легким сердцем, зашагала на работу.

Чудакулли свернул за угол, и прямо перед ним оказался... тут мысли бешено понеслись в поисках подходящего обращения. «Аркканцлер» – точно не годится. «Декан» – очевидное оскорбление. «Перебежчик» – то же самое, но еще и с гирей на конце. А «неблагодарный скользкий ублюдочный сукин сын» слишком длинно. Как, черт возьми, зовут этого мерзавца? Ох, боги, они же дружили с самого первого дня в Незримом Университете...

– Генри! – воскликнул аркканцлер. – Какой приятный сюрприз! Что принесло тебя в наш жалкий и прискорбно отставший от времени маленький университет?

– Да брось, Наверн. Когда я ушел, вы тут раздвигали границы познания. Но с тех пор, видимо, настало затишье. Кстати, это профессор Турнепс.

За спиной самозваного аркканцлера Коксфорда, как спутник в тени большой планеты, маячил робкий юноша, который немедленно, по совершенно непонятной причине, напомнил Чудакулли Думминга. Может быть, потому, что у профессора Турнепса был вид человека, который непрерывно занимается в уме сложением, причем складывает не только обычные числа, но еще и те, замысловатые, с буковками.

– Ну, сам знаешь, как оно бывает с границами, – проговорил Чудакулли. – Смотришь, что там по ту сторону, и вдруг понимаешь, отчего здесь вообще провели границу. Добрый день, Турнепс. Ваше лицо мне знакомо.

– Я здесь работал, сэр, – робко отозвался Турнепс.

– А, припоминаю. В отделе высокоэнергетической магии, так?

– Наш Адриан – восходящее светило, – сказал бывший декан тоном собственника. – У нас теперь есть отдельный корпус высокоэнергетической магии. Мы называем его «корпус высокоэнергетической магии», но подчеркиваю, это лишь для того, чтобы люди не путались. Никакого неуважения к старому доброму Незримому Университету. Усваивай, перерабатывай, улучшай – вот мой девиз.

«Да, да, точнее, воруи, подражай и делай невинное лицо», – подумал Чудакулли, но с осторожностью. Старшие волшебники никогда не ссорились на публике. Разрушения обычно бывали ужасающими. Нет, вежливость, хоть и с заостренными краями, – вот основное правило.

– Сомневаюсь, что кто-то будет путаться, Генри. Наш университет, в конце концов, старше. И, разумеется, я – *единственный* аркканцлер в этой части Диска.

– По традиции и по обычаю, Наверн, но времена меняются.

– А иногда их меняют. Но я ношу Шляпу аркканцлера, Генри, которую носили мои предшественники век за веком. Шляпу высшего авторитета в области Познаний, Мудрости и Хитроумия, Генри. И сейчас она на моей голове.

– А вот и нет, – добродушно ответил Генри. – Ты носишь самую обычную шляпу, которую сам сшил.

– *Она была бы на моей голове, если бы я того пожелал!*

Улыбка Генри застыла.

– Конечно, конечно, Наверн, но авторитет Шляпы часто оспаривался.

– Почти в точку, старина. На самом деле в прошлом порой оспаривалось право владеть Шляпой, но никогда – сама Шляпа. А, я вижу, сам ты носишь особенно шикарную шляпу, которая наводит на мысль о неразумной роскоши, но это всего лишь шляпа, мальчик мой, всего лишь шляпа. Не обижайся. Не сомневаюсь, через тысячу лет она тоже станет символизировать достоинство и мудрость. Кажется, она тебе великовата...

Турнепс именно в эту минуту решил сбегать в туалет. Сдавленно извинившись, он протиснулся мимо Чудакулли и удрал.

Как ни странно, отсутствие слушателя внезапно понизило градус напряжения, а не наоборот.

Генри вытащил из кармана блестящую пачку.

– Хочешь сигарету? Я знаю, ты сам вертишь себе самокрутки, но «Зеленс и Скребб» выпустили это специально для меня. Неплохая штука.

Чудакулли взял сигарету, потому что волшебник, даже самый высокомерный, должен быть мертв, чтобы отказаться от бесплатного курева или выпивки. Впрочем, он предпочел проигнорировать яркую надпись «Выбор аркканцлера» на пачке.

Когда он вернул пачку хозяину, на пол выпало что-то маленькое и разноцветное. Генри, с необычным для столь высокопоставленного волшебника проворством^[12], наклонился и подхватил яркую штучку, бормоча «чтобы не запачкалась».

– Да наши полы можно хоть лизать! – резко заметил Чудакулли. «Возможно, тебе это еще предстоит», – мысленно добавил он.

– Коллекционеры страшно сердятся, если на карточке есть хотя бы пятнышко. Свои я отдаю сынишке дворецкого, – жизнерадостно продолжал Генри. Он перевернул карточку и нахмурился. – «Лучшие волшебники современности. Номер 9 из 50 – доктор Пек Батон, бакалавр наук (почетный), УПК, ФБР, ПДФ (условно), глава блин-отдела, колледж Коксфорд». Если не ошибаюсь, у парнишки такая уже есть, – Генри сунул карточку в карман жилета. – Ладно, можно обменять.

Чудакулли соображал очень быстро, особенно если его подогревала подавляемая ярость.

– Табак и оберточная бумага от «Уизлы», что в Псевдополисе, – определил он. – Хм. Ловко придумано. А кто там есть из Незримого Университета?

– Э... вынужден признать, что Совет и жители Псевдополиса в своем мировоззрении весьма... патриотичны.

– Лучше сказать «ограниченны», тебе так не кажется?

– Грубо, Наверн. Тем более что Анк-Морпорк – самый ограниченный и самодовольный город на свете.

Это была самоочевидная правда, поэтому Чудакулли сделал вид, что ничего не слышал.

– Ты тоже на карточке, да? – ворчливо спросил он.

– Исключительно потому, что они настояли, – ответил Генри. – В конце концов, я там родился, меня все знают, ну и так далее...

– И никого из Незримого Университета, – спокойно подытожил Чудакулли.

– Теоретически – да, но там есть профессор Турнепс как изобретатель Пекса.

В этой фразе вина и вызов боролись друг с другом за свободное место.
– Пекса? – медленно повторил Чудакулли. – Ты имеешь в виду – Гекса?
– Нет-нет, Пекс совсем не похож на Гекс. Принцип абсолютно другой... – Генри кашлянул. – В качестве движущей силы мы используем кур. Они запускают морфический резонатор, ну или как он там называется. А ваш Гекс, если не ошибаюсь, работает на муравьях, которые гораздо менее эффективны.

– Это почему же?

– Куры несут яйца, а мы их едим.

– Знаешь, никакой особой разницы я не вижу.

– Да брось! Куриные яйца в тысячу раз больше! И Пекс находится в специально выстроенном помещении, а не рассредоточен случайным образом по всему университету. Профессор Турнепс знает, что делает, и даже ты, Наверн, должен признать, что в реку прогресса впадают тысячи ручьев!

– Но не все они берут свое начало в вашем треклятом Коксфорде!

Они яростно взглянули друг на друга. Профессор Турнепс высунул голову из-за угла и поспешно втянул ее обратно.

– Наши отцы уже швырялись бы огнем, – заметил Генри.

– Намек понял, – ответил Чудакулли. – Впрочем, должен заметить, наши отцы не были волшебниками.

– Это да, – сказал бывший декан. – Твой отец, если не ошибаюсь, был мясником.

– Совершенно верно. А твой выращивал капусту.

На мгновение наступила тишина. Потом бывший декан спросил:

– Помнишь тот день, когда мы оба поступили в Незримый Университет?

– Мы дрались как черти, – сказал Чудакулли.

– Славное было время, как вспомнишь, – произнес декан.

– Ну, с тех пор немало воды утекло, – сказал аркканцлер. Помолчав, он спросил: – Хочешь выпить?

– Не возражаю, – ответил бывший декан.

– Значит, вы тут пытаетесь играть в футбол? – поинтересовался Генри, когда они величественно шествовали в кабинет аркканцлера. – Я видел что-то такое в газете, но решил, что это шутка.

– Почему, скажи на милость? – спросил Чудакулли, открывая дверь Большого зала. – У нас прекрасные спортивные традиции, насколько тебе известно.

– Традиции убивают всякое стремление. Будь разумен, Наверн.

Говорят, горбатого не отмоешь добела, но, полагаю, еще труднее ему напялить горб, который он носил сорок лет назад. А, вижу, мистер Тупс по-прежнему с вами?

– Э... – начал Тупс, переводя взгляд с одного на другого.

Думминг Тупс некогда получил сто баллов из ста, придя на экзамен по предвидению днем раньше. Он замечал грозное облачко, когда оно только начинало расти.

– Как там футбол, старина?

– По-моему, все очень хорошо, аркканцлер. Приятно видеть вас вновь, декан.

– Аркканцлер, – ласково поправил бывший декан. – Хотел бы я посмотреть, что будет, если против вас выступит *мой* университет.

– Между прочим, у нас отличная команда, – заметил Чудакулли. – Хотя мы и собираемся сыграть первый матч против местных, впоследствии я с огромным удовольствием поучу Коксфорд кое-каким трюкам на поле.

К тому времени они достигли середины зала, и их присутствие – что вполне предсказуемо – остановило игру.

– Аркканцлер, мне кажется, было бы гораздо лучше... – начал Думминг, но его голос потонул в одобрительном реве, который раздался со всех сторон.

– На что сыграем? – спросил Генри, улыбаясь толпе.

– На что? – вскинулся аркканцлер. – В каком смысле – «на что»?

– Мы ведь взяли не один приз за греблю, когда были молоды, помнишь?

– Не сомневаюсь, патриций придумает подходящую награду.

– В Синей столовой вот-вот подадут угощение, – произнес Думминг с отчаянной, вымученной бодростью. – Пирог, разумеется, а также, если не ошибаюсь, оригинальный ассортимент карри.

Во многих случаях это бы сработало, но два почтенных волшебника не сводили друг с друга яростных глаз и не отступили бы даже при виде «пастушьего пирога».

– Но нас, настоящих мастеров, не интересуют пустяковые побрякушки – кубки и медали, правда? – спросил Генри. – Нам подавайте побрякушки побольше и посущественней, да, Наверн?

– Тебе нужна Шляпа, – бесстрастно ответил Чудакулли. Воздух буквально гудел.

– Да. Конечно.

Воцарилась угрожающая тишина, в которой происходил поединок воли. Думминг Тупс решил, что раз он занимает в университете двенадцать

важных должностей, то теоретически в одном лице представляет целый комитет и, следовательно, очень умен, а значит, должен вмешаться.

– А *ваша* ставка, де... сэр?

Чудакулли слегка повернулся к нему и прорычал:

– Только через мой...

Среди старших волшебников послышалось какое-то шевеление, и до Думминга донесся обрывок фразы:

– ...вот именно.

– Я запрещаю! – воскликнул Думминг.

– Запрещаешь? – переспросил Генри. – У тебя еще молоко на губах не обсохло, юный Тупс.

– Совокупное количество должностей, которые я занимаю в университетском совете, теоретически означает, что я его полностью контролирую, – заявил Думминг, стараясь выпятить впалую грудь, пусть даже она была не создана для выпячивания. Но ему придавал сил праведный гнев и изрядная толика ужаса при мысли о том, что будет, когда он выдохнется.

Спорщики слегка расслабились в присутствии червя, который вдруг поднял голову и заговорил.

– Неужели никто не заметил, что в твоих руках сосредоточена такая власть?

– Я заметил, сэр. Правда, я сразу понял, что это – уйма ответственности и тяжелой работы. Никого из вас, изволите видеть, не волнуют детали. Теоретически я должен отчитываться перед другими, но другие – это тоже я. Вы даже не представляете, сэр. В том числе я исполняю обязанности камерария, а это значит, что если вы, аркканцлер, упадете мертвым по какой-либо иной причине, помимо законной преемственности в рамках традиции наследования Шляпы по смерти предыдущего владельца, я буду возглавлять университет, пока не выберут следующего аркканцлера. Учитывая природу волшебства, это означает «пожизненно»; в таком случае библиотекарь, будучи легко опознаваемым и вполне компетентным членом старшего университетского состава, попытается сложить с себя обязанности, и если ему это не удастся, волшебники, следуя официальной процедуре, повсеместно начнут сражаться друг с другом за Шляпу, извергая из всех отверстий огонь, голубей, кроликов и бильярдные шары, что повлечет за собой большие человеческие жертвы... – Сделав короткую паузу, Думминг продолжал: – Именно поэтому некоторые слегка тревожатся, когда видят, что могучие волшебники ссорятся. Все это, господа, я сказал, чтобы дать вам время

хорошенько обдумать свои намерения. *Кто-то* же должен был вмешаться.

Чудакулли откашлялся.

– Спасибо за напоминание, Тупс. Мы еще обсудим этот вопрос. Ты совершенно прав. В конце концов, сейчас не старые времена.

– Намек понят, – сказал Генри. – Хотя теоретически для кого-то они станут старыми временами.

Грудь Думминга продолжала бурно вздыматься.

– Верно подмечено, – произнес Чудакулли.

– Кажется, кто-то упомянул карри? – спросил Генри, столь же осторожно. У Думминга возникло ощущение, что у него на глазах два престарелых дракона ведут диалог при помощи еще более древнего учебника по этикету, написанного монашками.

– До ленча еще далеко^[13]. Знаешь что? Почему бы тебе не воспользоваться нашим гостеприимством? Насколько мне известно, твою комнату оставили нетронутой, хотя, говорят, из-под двери выползли несколько очень странных созданий. И, может быть, ты не откажешься присутствовать на завтрашнем банкете?

– У вас банкет? – переспросил Генри.

– Да! И я буду просто счастлив, если ты согласишься, старина. Мы принимаем у себя самых уважаемых горожан. Соль земли, можно сказать. Чудесные люди, если только не смотреть, как они обращаются с ножом и вилкой. Чертовски приятные собеседники, если накачать их пивом.

– Забавно, но не таковы ли и волшебники? Разумеется, я принимаю твое приглашение. Сто лет не бывал на банкетах.

– Правда? – сказал Чудакулли. – А я думал, у вас пиры что ни вечер.

– У нас весьма ограниченный бюджет, – ответил аркканцлер Коксфорда. – В конце концов, это правительственный грант.

Воцарилась тишина, как будто Генри сказал, что у него умерла мать.

Чудакулли похлопал его по руке.

– Соболезную.

Он остановился в дверях зала и повернулся к Думмингу:

– Нам нужно обсудить некоторые чрезвычайно важные вещи, Тупс. А ты не давай им тут расслаживаться! Выясните, что такое настоящий футбол!

Старейшие представители преподавательского состава облегченно выдохнули, когда двое аркканцлеров удалились. Большинство профессоров были достаточно стары, чтобы помнить как минимум две ожесточенных битвы между разными партиями волшебников. Самую страшную из них удалось привести к завершению лишь благодаря тому, что у Ринсвинда оказалось полкирпича в носке.

Думминг посмотрел на Ринсвинда. Тот неуклюже прыгал на одной ноге, пытаясь натянуть носок. Думминг решил обойтись без комментариев. Носок, вероятно, был тот же самый.

Заведующий кафедрой бесконечных штудий похлопал Думминга по спине.

– Отлично, молодой человек. Иначе могла случиться большая неприятность.

– Спасибо, сэр.

– Кажется, мы чрезмерно нагрузили тебя работой. Неловко получилось. Но, разумеется, ненамеренно.

– Я тоже так думаю, сэр. Здесь вообще мало что происходит намеренно. – Думминг вздохнул. – Боюсь, необдуманные поручения, увиливания и откладывания в долгий ящик – стандартная практика в Незримом Университете.

Он выжидающе посмотрел на оставшихся членов совета. Ему очень хотелось, чтобы его разуверили, но Думминг знал, что надеется тщетно.

– Крайне скверное положение дел, – подтвердил профессор самых современных рун.

Заведующий кафедрой бесконечных штудий мрачно хмыкнул.

«Ну же, – подумал Думминг, – давай, поставь точку. Я знаю, ты это непременно скажешь, ты просто не сможешь удержаться, ей-богу, не смо...»

– Пожалуйста, Тупс, займись этим, когда выдастся минутка.

– В яблочко!

– Прошу прощения?

– Э... ничего, сэр. Я просто размышлял... э... о неизменной природе вселенной.

– Я рад, что хоть кто-то об этом задумывается. Так и продолжай. – Профессор самых современных рун огляделся и добавил: – Кажется, все тихо. Кто-то говорил про карри?

Началось массовое движение к двери, в котором приняли участие волшебники, обремененные годами, массой тела или же тем и другим, но импровизированный матч продолжался с участием тех, кого столовые приборы не тянули к себе как магнитом.

Думминг сел, балансируя блокнотом на коленях.

– Понятия не имею, что делать, – пожаловался он, обращаясь к мирозданию в целом.

– Я могу быть чем-нибудь полезен, сэр?

– Мистер Натт? Очень любезно с вашей стороны, но я сомневаюсь, что

навыки работы в свечном подвале могут быть...

– В том, что касается игр такого рода, очень важны три вещи. Во-первых, правила во всех подробностях, во-вторых, умения, действия и идеи, необходимые для достижения успеха, и в-третьих, понимание подлинной сути игры. Вы позволите продолжить?

– Хм... – Думминг пришел в легкое замешательство, которое охватывало всякого, кто впервые слушал Натта.

– Ловко у него язык подвешен, да? – сказал Трев. – Он сейчас такими длинными словами заговорит, что у нас с вами прямо уши в трубочку свернутся. У меня, во всяком случае, – добавил он, подумав.

– Э... продолжайте, мистер Натт.

– Благодарю, сэр. Насколько я понимаю, цель игры – забить как минимум на один гол больше, чем противник. Но ваши две команды просто бегают по полю, и все игроки одновременно пытаются ударить по мячу. Да, они забивают голы, но по чистой случайности. В футболе, как в шахматах, нужно оберегать короля – то есть ворота. Вы, конечно, скажете, что для этого есть вратарь, но, образно выражаясь, один в поле не воин. Каждый мяч, который он ловит, покрывает позором прочих членов команды, подпустивших противника так близко. В то же самое время они должны направить все усилия на то, чтобы забить гол в противоположные ворота. И это проблема, на которой я намерен остановиться подробнее. Я упомянул шахматы, но быстрота, с которой летает футбольный мяч, означает, что действия могут за считанные секунды переместиться с одного конца поля на другой, совсем как в «Шмяке», где один-единственный гном способен устроить хаос на всей доске!

Натт улыбнулся, глядя на собеседников, и продолжал:

– Знаете, ведь это одна из самых простых игр. Она знакома каждому мальчишке... и в то же время футбол требует сверхчеловеческих способностей. – Натт ненадолго задумался и добавил: – Или недочеловеческих. Во всяком случае, активной сублимации эго, что переносит нас в области метафизики. Так просто – и одновременно так сложно. Не чудесно ли это? Я просто в восторге!

Тишина вокруг была не зловещей, а *обалделой*. Наконец Ринсвинд произнес:

– Э... мистер Натт... мне показалось, вы сказали, что нам нужно всего лишь загнать мяч между двумя шляпами, положенными на пол.

– Профессор Ринсвинд, вы хорошо бегаєте, но не извлекаете из этого никакой пользы. Профессор Макарона, вы пытаетесь забить гол, как только видите мяч, и не обращаете внимания больше ни на что. Доктор Икс, вы

постоянно жульничаете и прибегаете к нечестным приемам...

– Прошу прощения, но у меня перстень с черепом, – перебил Икс. – Согласно университетскому статуту, я *обязан* нарушать правила.

– В оговоренных пределах, – быстро ввернул Думминг.

– Слугобраз Шноббс (не родственник), у вас чрезвычайно сильный удар, – продолжал Натт, – но вам как будто безразлично, куда полетит мяч после того, как вы по нему ударите. У всех есть достоинства и недостатки, и вполне возможно пользоваться тем и другим. Разумеется, в том случае, если вы хотите победить. Прямо сейчас хорошим упражнением было бы раздобыть побольше мячей и поучиться их контролировать. Если вы будете бежать, гоня мяч перед собой, противник отберет его у вас. Научитесь придерживать мяч возле себя. Все вы смотрите под ноги, чтобы убедиться, что вы его не потеряли. Господа, если вам необходимо убеждаться в этом, значит, мяча рядом уже нет или не будет в следующую секунду. А теперь прошу прощения, но у нас с мистером Тревом будут неприятности, если мы не поднимем люстру поскорее.

Чары спали.

– Что? – переспросил Думминг. – Что?! Нет, останьтесь, мистер Натт!

Натт немедленно сгорбился и уставился на свои неуклюжие башмаки.

– Прошу прощения, если я каким-то образом вышел за рамки. Я всего лишь хотел быть полезным.

– Полезным? – уточнил Думминг, глядя на Трева, словно тот обладал картой неизведанных территорий.

– Он, типа, всегда так разговаривает, – подтвердил тот. – Натт ниче плохого не сделал, и не надо на него орать. Он дело говорит! Нечего цепляться к нему только за то, что он маленький и странный.

«Совсем недавно Натт казался намного выше, – подумал Думминг. – Он действительно всего лишь пригнулся?»

– Я на него не орал, – ответил он. – Я просто хочу знать, что он делает в свечном подвале. То есть... я знаю, *что* именно, но... почему?..

– Кому-то ведь нужно оплавливать свечи, сэр, – ответил слугобраз Шноббс (не родственник). – И, я вам скажу, в последнее время они особенно удавались. Я частенько думаю, когда иду вечером по коридору...

– Ох, боги, да он же эрудит! Он полон знаний! Он интеллекттуал! – воскликнул Думминг.

– Хотите сказать, он слишком умен, чтобы быть стекальщиком? – поинтересовался слугобраз, и его глаза воинственно сверкнули. – Но кому нужны глупые стекальщики? Тогда и свечи будут безобразные.

– Я просто имел в виду, что...

– Безобразные свечи и пятна воска, – твердо закончил слугообраз.

– Но вы должны признать, что это очень странно...

«Возможно, все желают его смерти».

Думминг замолчал, когда перед ним раскрылась бездна памяти.

– Я не понимаю... этого не может быть.

– Сэр?

Он понял, что все игроки уставились на него.

Чудакулли отказался рассказывать, и переполненный мозг Тупса утвердился в мысли о том, что Натт по какой-то причине в бегах. Ничего странного он в этом не нашел. Время от времени очередной новичок-волшебник, работающий в каком-нибудь маленьком городке, понимал, что настало время пройти курсы повышения квалификации в безопасных и гостеприимных стенах университета (в надежде, что его ошибку тем временем исправят, забудут, уничтожат, поймают и посадят в бутылку и так далее). В университете всегда имелись чужаки, которые по загадочным причинам получали здесь убежище. В сфере волшебства проблемы бывают или очень простыми – и они разрешаются, когда кто-то перестает дышать, – или очень запутанными, как клубок пряжи в комнате с тремя шустрыми котятками.

Но Натт... Какое преступление он мог совершить? Надлежало помнить, что сам Чудакулли разрешил ему прийти сюда, тем самым поставив Думминга в непростое положение. А значит, самым разумным было двигаться прежним курсом...

– Я считаю, что у мистера Натта здравые идеи, – осторожно сказал Думминг. – Пускай продолжает. Говорите же, мистер Натт.

Видеть, как Натт поднимает голову, было все равно что наблюдать за восходом солнца, притом очень нерешительного, которое боится, что в любую секунду боги могут низвергнуть его обратно во тьму, и ждет заверения, что этого не случится.

– Я вам полезен?

– Ну... – начал Думминг и увидел, что Трев лихорадочно закивал.

– Э... да, похоже на то, мистер Натт. Но я удивлен, что вы ухватили суть за столь короткое время.

– У меня хорошо развита способность к ситуативному распознаванию образов.

– Правда? О. Хорошо. Продолжайте же.

– Прошу прощения, можно мне, с вашего позволения, задать вопрос?

«Похож на мешок старого тряпья, а говорит как престарелый богослов», – подумал Думминг.

– Задавайте, мистер Натт.

– Можно мне остаться в свечном подвале?

– Что? Вы этого *хотите*?

– Да. Если вы не против. На самом деле я очень люблю оплавлять свечи, и времени уходит совсем немного.

Думминг взглянул на Трева, который пожал плечами, скорчил рожу и кивнул.

– Но я попрошу об одной услуге, – продолжал Натт.

– Я так и думал, – сказал Думминг, – но, к сожалению, бюджет в текущем семестре...

– Нет-нет, мне не нужны деньги, – перебил Натт. – Я все равно их не трачу. Я хочу, чтобы мистера Трева взяли в команду. Он очень скромный, но, знаете, он проделывает ногами удивительные штуки. Если он выйдет на поле, вы ни за что не потерпите поражения.

– Нет-нет! – воскликнул Трев, пятясь и махая руками. – Только не я! Я не играю в футбол, я просто пинаю жестянки!

– Я всегда думал, что именно так футбол и возник, – сказал Думминг, которому в детстве не разрешали играть на улице.

– А я думал, это когда в старину победители пинали головы убитых врагов, – произнес слугообраз Шнобс (не родственник).

Кто-то кашлянул.

– Весьма маловероятно, с моей точки зрения, – сказал доктор Икс. – Если только не положить голову в мешок или не скрепить металлической скобой, да и то будут некоторые проблемы, потому что человеческая голова весит фунтов десять – об нее ноги отобьешь. Если извлечь мозг, то, разумеется, станет проще, главное – не забыть подвязать челюсть, если вам не нужны чужие зубы в пятке. Если кто-нибудь захочет поэкспериментировать, у меня в леднике лежит несколько голов. Просто удивительно, но до сих пор находятся те, кто завещает свои тела некромантам. Люди такие странные...

И тут глава отдела посмертных связей понял, что публика ему отнюдь не сочувствует.

– И не надо так на меня смотреть, – буркнул он. – Не забывайте про перстень с черепом. Я просто обязан знать все эти гадости.

Думминг вежливо кашлянул.

– Э... мистер Навроде, если не ошибаюсь? Ваш коллега очень высокого о вас мнения. Не хотите ли присоединиться к нам?

– Прости, шеф, но я пообещал моей старушке, что никогда не буду играть в футбол. Не хочу заработать дырку в башке.

– Трев Навроде? – воскликнул слугообраз Шноббс (не родственник). – Так ты сын Дэйва Навроде? Того самого, который...

– Забил четыре гола, да, да, да, – закончил Трев. – А потом умер на мостовой, накрытый чьим-то вонючим пальто, и дождь смыл кровь в канаву. Король футбола, типа того.

– Хотите поговорить, мистер Трев? – предложил Натт.

– Не надо. Не надо! Я в норме. Усек?

– Но у нас совсем не такой футбол, Трев, – примирительно сказал Натт.

– Да, я в курсе. Но я пообещал моей старушке.

– По крайней мере, покажите им, как надо двигаться, мистер Трев, – умоляюще попросил Натт. Он повернулся к игрокам. – Вы бы видели!..

Натт умел подольщаться.

– Ну ладно, если ты после этого заткнешься, – сказал Трев и вытащил из кармана жестянку. Послышался смех.

– Видишь? – пожаловался Трев, обернувшись к Натту. – Они думают, я, типа, шучу.

Натт сложил руки на груди.

– Ну так покажите им класс.

Трев поддел жестянку башмаком, с легкостью забросил ее на одно плечо, перекатил вокруг шеи на другое, побалансировал, скинул на ногу, поддал так, что она закрутилась в воздухе, и снова поймал, заставив вращаться на мыске и слабо позвякивать.

Трев подмигнул Думмингу Тупсу.

– Замри, шеф.

Жестянка взлетела в воздух; когда она устремилась вниз, Трев нанес сокрушительный удар, целясь в Думминга. Те, кто стоял за ним, пригнулись. Жестянка просвистела у него мимо уха, описала круг, на мгновение нарядив магистра традиций в серебряное ожерелье, вернулась обратно и упала в руку Трева, словно пойманная рыбка.

В тишине Думминг достал из кармана чудометр и посмотрел на шкалу.

– Все абсолютно естественно, – бесстрастно произнес он. – Никакой магии. Как вы это сделали, мистер Навроде?

– Просто надо наловчиться, шеф. Главное, типа, поймать ритм, а стоит задуматься – и ничего не выйдет.

– Вы можете сделать то же самое с мячом?

– Не знаю, никогда не пробовал. Да нет, наверно. Если с чем одним наловчился, так с другим уж вряд ли. Но у вас-то небось что-нибудь да получится.

– А нам-то что с того? – поинтересовался Икс.

– Владение мячом – самое главное, – пояснил Натт. – Я думаю, нужно ввести правило, позволяющее вратарю брать мяч руками. Это очень важно. Впрочем, нет никаких отчетливо выраженных запретов отбивать мяч головой, коленом, а также принимать его грудью, чтобы он аккуратно падал на ногу. Помните, господа, новый мяч летает. Он проводит много времени в воздухе. Научитесь думать не только о земле.

– Я уверен, что пользование головой судьи сочтут противозаконным, – сказал Думминг.

– Сэр, вы предполагаете наличие правила там, где его нет. Не забывайте, что я сказал о подлинной природе игры.

Думминг увидел тонкую улыбку Натта и сдался.

– Мистер Натт, я поручаю отбор и тренировку университетской футбольной команды вам. Разумеется, вы будете мне докладывать.

– Да, сэр. Спасибо, сэр. Прошу полномочий мобилизовывать игроков, отвлекая их от обычных обязанностей, когда потребуется.

– Согласен. Итак, оставляю команду в ваших руках, – сказал Думминг, подумав: «Часто ли мешки с тряпьем используют слово «мобилизовывать» столь легко и непринужденно? Впрочем, Чудакулли нравится этот юный гоблин – если он действительно гоблин, – а я никогда не понимал, в чем суть командных игр».

– Не могли бы вы также, сэр, выделить нам маленький, очень маленький бюджет?

– Зачем?

– Со всем должным уважением к непростому положению университетских финансов, – добавил Натт, – я полагаю эту меру крайне необходимой.

– Зачем?

– Я хочу сводить команду на балет.

– Чушь какая! – воскликнул Думминг.

– Нет, сэр, это необходимость.

На следующий день в «Таймс» появилась статья о таинственном исчезновении знаменитой Жужу, и Гленда улыбнулась. «Они просто не читали сказок, – подумала она, выходя из дому. – Если хочешь найти красавицу, покопайся в золе». А поскольку Гленда в любой ситуации оставалась Глендой до мозга костей, она мысленно добавила: «Хотя все печки в Ночной Кухне поддерживаются в безупречном состоянии, и золу немедленно выносят».

К ее удивлению, Джульетта вышла из дома почти в ту же самую секунду, и вид у нее был почти проснувшийся.

– Думаешь, меня пустят на банкет? – спросила она, пока они ожидали омнибуса.

«Теоретически – да, – подумала Гленда, – но, скорее всего, нет, потому что ты – девушка с Ночной Кухни». Даже Джульетту миссис Уитлоу заклеила бы прозвищем «девушки с Ночной Кухни».

– Ты пойдешь на банкет, – сказала Гленда вслух. – И я тоже.

– Ой, миссис Уитлоу разозлится.

Что-то продолжало клокотать в душе у Гленды. Это клокотание началось в «Шобле», продолжалось вчера и до сих пор не утихло.

– А мне плевать, – ответила она.

Джульетта хихикнула и оглянулась, как будто миссис Уитлоу могла прятаться за остановкой.

«Мне правда плевать, – подумала Гленда. – Плевать». Она, образно выражаясь, обнажила меч.

Кабинет Думминга всегда озадачивал Наверна Чудакулли. Магистр традиций пользовался ящичками и, черт побери, создавал каталог. Сам Чудакулли работал по принципу «все, чего ты не можешь запомнить, неважно» и возвел на уровень изящного искусства метод под названием «свали на пол, потом разберемся».

Думминг поднял глаза.

– А, доброе утро, аркканцлер.

– Я только что заглянул в зал, – сказал Чудакулли.

– Да, аркканцлер?

– Наши парни танцуют балет.

– Да, аркканцлер.

– И с ними несколько девушек из Оперы в коротких платьях.

– Да, аркканцлер. Они помогают команде тренироваться.

Чудакулли подался вперед и уперся огромными кулаками в стол по обе стороны бумаги, над которой сидел Думминг.

– Зачем?

– Это придумал мистер Натт, аркканцлер. Видимо, для того, чтобы наши игроки научились равновесию, устойчивости и изяществу.

– Ты когда-нибудь видел, как слугообраз Шноббс пытается стоять на одной ноге? Это зрелище, знаешь ли, способно мгновенно исцелить от меланхолии!

– Могу себе представить, – ответил Думминг, не отрывая взгляд от

бумаги.

– Я думал, что главное – научиться забивать мяч в ворота.

– Да, да, но у мистера Натта есть определенная философия.

– Правда?

– Да, сэр.

– Они носятся по всему университету, – сказал Чудакулли.

– Да, мистер Натт и мистер Навроде готовят что-то интересное к банкету, – ответил Думминг, вставая и открывая верхний ящик шкафа. Зрелище ящиков с документами, как правило, напоминало Чудакулли, что ему нужно быть где-то в другом месте, но на сей раз прием не сработал.

– И, кажется, у нас появилось еще несколько новых мячей.

– Господин Храпссон не упускает хороших возможностей.

– То есть все идет хорошо? – уточнил Чудакулли, как будто слегка озадаченный.

– Полагаю, что так, сэр.

– Тогда лучше я не буду вмешиваться, – сказал аркканцлер. Он помедлил, чувствуя себя немного ошеломленным, и наконец нашел еще одну нить. – Как продвигается работа над правилами, мистер Тупс?

– О, неплохо, аркканцлер, спасибо. Я сохранил некоторое количество старых уличных правил, разумеется, чтобы никто не чувствовал себя обиженным, хотя среди них есть довольно странные...

– Судя по всему, мистер Натт оказался весьма достойной личностью.

– Да, аркканцлер.

– Какая отличная идея изменить конструкцию ворот. Играть стало гораздо интереснее.

– А вы не собираетесь тренироваться, сэр? – поинтересовался Думминг, придвигая к себе следующую бумажку.

– Я капитан! Мне тренировки не нужны, – Чудакулли развернулся к двери и остановился, взявшись за дверную ручку. – Вчера вечером у меня был долгий разговор с бывшим деканом. В глубине души, разумеется, он приличный человек.

– Насколько я понимаю, атмосфера в Необщей комнате была достаточно дружеской, аркканцлер, – ответил Думминг. «И обошлась недешево», – добавил он мысленно.

– Ты знаешь, что молодой Адриан Турнепс – профессор?

– Да, аркканцлер.

– Хочешь тоже быть профессором?

– Честно говоря, не очень, аркканцлер. В университете должны остаться одна-две должности, которые я не занимаю.

– Да, но они взяли и назвали свою машину Пексом! Не очень-то оригинально, как по-твоему?

– О, в конструкцию внесены существенные отличия. Насколько я знаю, для концентрации диаметрального блита Пекс использует кур.

– Кажется, да, – ответил Чудакулли. – Во всяком случае, что-то такое я слышал.

– Хм...

Это было весьма весомое «хм», которое вполне могло послужить якорем для небольшого корабля.

– Что-то не так? – уточнил Чудакулли.

– Э... да нет, аркканцлер. А бывший декан не упоминал о необходимости полностью перестроить морфический резонатор, чтобы внести необходимые изменения в интерфейс блита и слуда?

– Кажется, нет, – ответил Чудакулли.

– О, – Думминг явно был озадачен. – Ну, Адриан непременно что-нибудь придумает. Он очень умный.

– Да, но все это основано на твоих исследованиях! Ты придумал Гекс. А теперь они утверждают, что Адриан тут самый умный. Он даже на коллекционной карточке есть!

– Как мило, сэр! Приятно, когда ученые пользуются заслуженным признанием.

Чудакулли почувствовал себя москитом, который пытается ужалить стальной панцирь.

– Хм... искусство волшебства и впрямь теперь иное, чем в мое время, – сказал он.

– Да, сэр, – уклончиво отозвался Думминг.

– И кстати, мистер Тупс, – заметил Чудакулли, открывая дверь, – мое время еще не прошло.

Вдалеке послышался вопль. Затем грохот. Чудакулли улыбнулся. День внезапно прояснился.

Когда они с Думмингом вернулись в Большой зал, большинство волшебников сгрудились вокруг одного из игроков, который лежал на полу. Над ним хлопотал Натт.

– Что случилось? – спросил Чудакулли.

– Сильный ушиб, сэр. Нужно положить компресс.

– А... – взгляд аркканцлера упал на огромный, окованный медью сундук, на первый взгляд самый обычный... не считая того, что он стоял на многочисленных крошечных ножках.

– Чертов сундук Ринсвинда! – прорычал Чудакулли. – Значит, его

хозяин где-то неподалеку. Ринсвинд!!!

– Я не виноват!

– Он говорит правду, сэр, – сказал Натт. – Я должен извиниться, поскольку произошло общее недоразумение. Поскольку упомянутый волшебный сундук обладает сотнями ножек, господа волшебники решили, что он будет играть в футбол «как черт», цитирую. В каком-то предположении, вынужден признать, они ошиблись.

– Я ведь предупреждал, – произнес бывший декан, стоя с краю толпы. – Доброе утро, Наверн. Ну и команда у тебя.

– Эти ножки только путаются между собой, – заявил Бенго Макарона. – А потом сундук упал на мяч, завертелся, потерял равновесие и, к сожалению, врезался в мистера Тряпкина.

– Ну что ж, на ошибках учатся, – подытожил Чудакулли. – А теперь скажите – вы готовы продемонстрировать мне что-нибудь дельное?

– Кажется, я готов, аркканцлер, – произнес тоненький, но бодрый голосок из-за спины аркканцлера.

Чудакулли повернулся и увидел человека, который фигурой и назойливостью тембра напоминал флейту-пикколо. Он каким-то образом вибрировал, даже стоя на месте.

– Профессор Ритурнель, магистр музыки, – шепнул Думминг на ухо Чудакулли.

– А, профессор, – бесстрастно отозвался Чудакулли. – Вижу, вы привели с собой хор.

– О да, аркканцлер, и должен сказать, я восхищен и преисполнен внутреннего света от того, что наблюдал сегодня утром! Я без особых затруднений набросал черновой вариант песнопения, как вы просили!

– Я просил? – шепотом уточнил Чудакулли.

– О, вы же помните, что речь об этом заходила, вот я и решил предупредить профессора, – ответил Думминг.

– Снова ИА, да? Ну ладно...

– Песнь основана на традиционной мелодии, – продолжал профессор Ритурнель, – и представляет собой так называемую валедикту, то есть славу победителю. Вы позволите? Исполняется а капелла, разумеется.

– Валяй, – сказал Чудакулли.

Магистр музыки извлек из рукава короткую дирижерскую палочку.

– Я поставил здесь в качестве примера имя Бенго Макароны, поскольку на нынешний момент он, если не ошибаюсь, забил два превосходных «гола», или как это у вас называется, – объяснил Ритурнель, обращаясь с непривычным словом очень осторожно, как с обнаруженным в

ванне пауком. Он взглянул на свое маленькое стадо, кивнул и...

– Слава уникальным качествам магистра Бенго Макароны! Уникальным качествам Макароны слава! Слава не! Слава не! Слава необыкновенному таланту, которым более никто не обладает! Слава! Слава ще! Слава ще! Слава щедрым богам! SINGULA SINGULAR SINGULA!

Примерно через полторы минуты Чудакулли кашлянул, магистр замахал палочкой, и хор вразнобой замолк.

– Я допустил нечто предосудительное, аркканцлер?

– Э... в общем, нет, магистр, но... э... не кажется ли вам, что получилось несколько... длинновато? – Чудакулли прекрасно слышал, что бывший декан не особенно старался подавить смешок.

– О, что вы! Более того, сэр, я предполагал, что в финале объединятся сорок голосов. Не сочтите за хвастовство, но я создал настоящий шедевр!

– Но это должны петь футбольные фанаты, понимаете?

– Что ж, – произнес магистр, держа свою палочку довольно-таки угрожающим образом, – разве в обязанности образованных классов общества не входит задавать тон нижестоящим?

– Он прав, Наверн, – сказал заведующий кафедрой бесконечных штудий, и Чудакулли ощутил, как в нем пробудился дух покойного дедушки. Он порадовался, что в зале нет той служанки... как, бишь, ее? Ах да, Гленда, умница – но, пускай ее здесь и не было, очень похожее выражение Чудакулли заметил на лице Трева Навроде.

– В будни – быть может, – огрызнулся он, – но только не по субботам. В любом случае ты молодец, Ритурнель, и я надеюсь в будущем услышать что-нибудь еще.

Магистр музыки поспешно вышел, и хор, как один человек, резво зарысил следом.

Чудакулли потер руки.

– Ну, господа, может быть, покажете, чему вы научились?

Пока игроки рассредотачивались по залу, Натт сказал:

– Должен сообщить, что профессор Макарона делает огромные успехи. У него несомненный талант к футболу.

– Ничуть не удивлюсь, – бодро ответил Чудакулли.

– А библиотекарь, разумеется, – прирожденный вратарь. Особенно в связи с тем, что он, стоя по центру ворот, способен дотянуться до обоих столбиков сразу. Противникам будет нелегко его обойти. И, разумеется, вы тоже примете участие в игре, аркканцлер.

– Невозможно стать аркканцлером, если не умеешь схватывать на лету. Пока что я просто понаблюдаю.

И он стал наблюдать. Когда Макарона во второй раз, как серебряный вихрь, пронесся по всему залу и загнал мяч в ворота соперников, Чудакулли повернулся к Думмингу и сказал:

– Что скажешь? Мы ведь выиграем?

– Если только Макарона будет играть за вас, – ввернул бывший декан.

– Перестань, Генри. Давай, по крайней мере, здесь будем играть только в футбол.

– Полагаю, сегодняшняя тренировка скоро завершится, сэр, – сказал Думминг. – Сегодня, в конце концов, банкет, и нужно некоторое время, чтобы привести зал в порядок.

– Извини, шеф, но он прав, – подтвердил Трев, – а нам еще надо опустить люстру и поменять свечи.

– Да, но мы подготовили небольшую демонстрацию к сегодняшнему вечеру. Может быть, аркканцлер не откажется посмотреть? – спросил Натт.

Чудакулли взглянул на часы.

– Да, конечно, мистер Натт, но времени у меня мало, поэтому я непременно посмотрю ее потом. В любом случае вы все молодцы и отлично поработали! – прогремел он, уходя.

Ночной рынок как раз разворачивался на Саторской площади, когда Гленда и Джульетта сошли с омнибуса. Анк-Морпорк жил на улице и именно там черпал еду и развлечения – а поскольку в городе остро ощущалась нехватка жилья, улица вдобавок была местом, где можно было болтаться, пока не освободится местечко на полу. Повсюду стояли лотки, фонари наполняли вечерний воздух зловонием и, в качестве побочного продукта, некоторым количеством света.

Гленда никогда не могла устоять перед соблазном заглянуть на рынок. Особенно сейчас. Она умела готовить все на свете, ей-богу, и очень важно было об этом помнить, чтобы в хаосе мыслей не утратить почву под ногами. И на рынке стояла Верити Колотушка, королева моря.

Гленда охотно общалась с Верити, которая всего в жизни достигла сама, хотя и не отказывалась от маленьких подарков судьбы, если таковые попадались на глаза (они были так широко расставлены, что Верити напоминала рыбу тюрбо). Как и океан, который ее обогащал, Верити имела скрытые глубины: она сколотила достаточно средств, чтобы купить одну лодку, затем другую и, наконец, целый ряд на рыбном рынке. Но она по-прежнему лично выкатывала тележку на площадь почти каждый вечер и продавала мидии, гребешки, креветки, крабов, рапан и свои знаменитые горячие рыбные палочки.

Гленда часто закупалась у Верити. Ровня, которая не угрожает твоему собственному благополучию, достойна уважения.

– Что, идете на большое чаепитие, девочки? – весело спросила Верити, помахивая палтусом в знак приветия.

– Да, – гордо ответила Джульетта.

– Обе? – уточнила Верити, взглянув на Гленду.

Та твердо ответила:

– Ночная Кухня расширяется.

– Ну, лишь бы вам было весело, – отозвалась Верити, переводя взгляд (теоретически) с одной на другую. – На-ка, попробуй, это прелесть что такое. Дарю.

Она вытащила из ведерка краба. За него, как оказалось, уцепились еще трое.

– Крабовые бусы? – хихикнула Джульетта.

– Они всегда так, – ответила Верити, отцепляя бесплатных пассажиров. – Тупые, как кирпичи. Вот почему их можно держать в ведре без крышки. Если кто и пытается выбраться, остальные тащат его обратно. Ага, совсем тупые... – Верити подняла краба над зловеще булькающим котелком. – Сварить прямо сейчас?

– Нет! – ответила Гленда. Намного громче, чем рассчитывала.

– Ты в порядке, подружка? – поинтересовалась Верити. – Похоже, тебе нехорошо.

– Все в порядке. Правда. Просто запершило в горле. Ерунда.

«Ведерко с крабами. А я-то думала, что Пепе мелет чушь».

– Э... можешь его завернуть? Вечер предстоит долгий.

– Держи, – сказала Верити Колотушка, ловко обвязывая бечевкой нимало не сопротивляющегося краба. – Ты уж с ним разберешься, не сомневаюсь. Отличные крабы, очень вкусные. Но тупые, как кирпичи.

«Ведерко с крабами, – думала Гленда, пока они спешили на Ночную Кухню. – Вот что это такое. Те, кто живет в Сестричках Долли, смотрят косо, если девушка возвращается домой на троллейбусе. Ведерко с крабами... Почти все, чему учила меня мама, – сплошное ведерко с крабами. Почти все, что я говорю Джульетте, – тоже. Может быть, это всего лишь другое название для Толкучки. Внутри приятно и тепло, и ты забываешь о том, что есть снаружи. А самое плохое, что краб, который тянет тебя вниз, – по большому счету, ты сама». И тут у Гленды закружилась голова.

Многое основано на том факте, что людям, как правило, не позволено

бить ближнего по голове дубинкой. Поэтому они прибегают к самым разным, видимым и невидимым, знакам, которые гласят «Нельзя!», в надежде, что это сработает – а если не срабатывает, они жмут плечами, потому что никакой дубинки нет. «Ты только вспомни, как Джульетта болтала с теми шикарными дамами. Она попросту не знала, что нельзя с ними так разговаривать. И это сошло ей с рук. Никто не пристукнул ее молотком по макушке».

Опыт и практика, воплощенные в миссис Уитлоу, гласили, что персонал из Ночной Кухни не должен подниматься в «чистые» помещения – то есть туда, где горел относительно яркий свет, не профильтрованный через множество радужек. Что ж, а Гленда поднялась, и ничего страшного не произошло, правда? И теперь она шагала в Большой зал, и ее прочные башмаки шлепали по каменным плитам. Девушки из Дневной Кухни ничего не сказали, когда она присоединилась к ним. Им просто нечего было сказать. Неписаное правило гласило, что толстушки не прислуживают за столом в присутствии гостей, но Гленда решила, что сегодня неписанные правила писаны не для нее. И потом, уже началась суматоха. Слуги выкладывали столовое серебро и пытались не сводить с него глаз. Это неизбежно означало, что кому-то придется есть двумя ложками.

Гленда с удивлением увидела, что Свечной служитель отчаянно машет Треву и Натту, и зашагала к ним. Она недолюбливала Смимза; человек может быть упрям, и это нормально, или глуп, и тоже ничего страшного, но если он глуп и упрям одновременно – это уж слишком, особенно в сочетании с запахом немытого тела.

– Что тут происходит?

Смимз клюнул. Если женщина берет правильный тон и при этом стоит, скрестив на груди руки, застигнутый врасплох мужчина немедленно отвечает, не успев подумать – и не успев солгать.

– Они подняли люстру! Подняли, а свечи не зажгли! Мы не успеем ее опустить и снова поднять до прихода гостей!

– Но, мистер Смимз... – начал Трев.

– А в ответ только отговорки и вранье, – с горечью пожаловался Смимз.

– Я могу зажечь их снизу, мистер Смимз, – тихо сказал Натт. Съежился даже его голос.

– Да ладно! Даже волшебники этого не сделают, не заляпав воском весь зал, ах ты мелкий...

– Достаточно, мистер Смимз, – произнес голос, который, к удивлению Гленды, оказался ее собственным. – Вы правда сумеете зажечь их, мистер

Натт?

– Да, мисс. Секунда в секунду.

– Хорошо, – сказала Гленда. – Предлагаю предоставить это мистеру Натту.

Смимз взглянул на нее, и она буквально увидела, как над ним нависла незримая дубинка. Свечной служитель гадал, какие его ждут неприятности.

– Мне пора, – намекнула она.

– Я тоже не могу тут торчать, у меня полно дел, – с точки зрения Смимза, сбитого с толку и ошарашенного, исчезнуть было неплохой идеей. Гленда прекрасно понимала ход его мыслей. Если тебя не окажется поблизости, значит, ты будешь не виноват, если что-нибудь пойдет не так.

– Не могу я тут торчать, – повторил он. – Ха! Да вы бы все сидели в темноте, если бы не я.

С этими словами Свечной служитель подхватил свой засаленный мешок и заспешил прочь.

Гленда повернулась к Натту. «Не может быть, чтобы он еще уменьшился, – подумала Гленда. – Тогда бы одежда на нем совсем мешком висела. Наверное, мне мерещится».

– Ты правда можешь зажечь люстру снизу? – спросила она. Натт продолжал смотреть в пол.

Гленда повернулась к Треву.

– Он правда...

Но Трева уже там не было, потому что он подпирал стенку и болтал с Джульеттой.

Гленда с одного взгляда расшифровала его уверенную позу, ее скромно опущенные глаза... никаких фиглей-миглей, по сути, но, несомненно, вступление и предисловие к ним. Ах, власть слов...

Пока ты наблюдаешь, наблюдают и за тобой. Гленда посмотрела в пронизательные глаза Натта. Он что, хмурился? Что такого он прочел в выражении ее лица? Наверняка больше, чем ей хотелось бы.

Суматоха в Зале нарастала. Капитаны футбольных команд собирались в одной из передних, и Гленда могла представить, как они сидят там в чистых рубашках (или, по крайней мере, в менее грязных, чем обычно), извлеченные из городских пабов и закоулков, разглядывают восхительный потолок и гадают, выйдут ли они отсюда живыми или мертвыми. Скорее всего, мертвецки пьяными. Как только ее мозг уцепился за эту мысль, суровый голос за спиной произнес:

– Кажется, тебе н-н-нечего делать в Большом зале, Гленда?

Разумеется, это была миссис Уитлоу. Только университетская экономка

пользовалась утроенным «н» и превращала утверждения в вопросы. Даже не оборачиваясь, Гленда услышала зловещий скрип корсета^[14] и побрякивание серебряной цепочки, на которой висел ключ, по слухам подходящий ко всем университетским замкам.

Гленда повернулась. «Никакой дубинки нет!»

– Я подумала, что вам могут понадобиться сегодня лишние руки, миссис Уитлоу, – любезно ответила она.

– Тем не менее традиции и обычай...

– Ну, милая миссис Уитлоу, думаю, пора их впустить. Карета его светлости вот-вот отъедет от дворца, – сказал, подойдя, аркканцлер.

Миссис Уитлоу умела грозно нависать. Но преимущественно горизонтально. Наверн Чудакулли возвышался над ней на добрых два фута. Экономка поспешно развернулась и сделала маленький книксен, который – хоть Чудакулли никогда и не признался бы – всегда его слегка раздражал.

– А, мисс Гленда, если не ошибаюсь, – радостно произнес аркканцлер. – Приятно видеть вас здесь. Очень полезная молодая особа, миссис Уитлоу. Полна инициативы, схватывает на лету.

– Благодарю. Это одна из моих лучших девочек, – ответила экономка сквозь зубы, стараясь не встречаться глазами с Глендой, которая внезапно приняла ангельски невинный вид.

– Большая люстра не горит, как я вижу, – заметил Чудакулли.

Гленда шагнула вперед.

– Мистер Натт задумал сюрприз, сэр.

– Мистер Натт вообще полон сюрпризов. Сегодня у нас был удивительный день, мисс Гленда, – сказал Чудакулли. – Мистер Натт учил моих парней играть в футбол на свой лад. А знаете, что он затеял вчера? Ни за что не угадаете. Расскажите, мистер Натт.

– Я повел команду в Королевскую оперу, чтобы они посмотрели, как упражняются танцоры, – нервно ответил Натт. – Видите ли, очень важно, чтобы игроки научились правильно двигаться и сохранять равновесие.

– А когда они вернулись, – продолжал Чудакулли все с той же, слегка пугающей, бодростью, – он заставил их играть здесь, в Зале, с завязанными глазами.

Натт тревожно кашлянул.

– Футболистам крайне необходимо не забывать друг о друге. Они должны помнить, что составляют единое целое.

– А потом он повел их посмотреть охотничьих собак лорда Ржава.

Натт опять кашлянул, еще более нервно.

– На охоте каждая собака знает местонахождение своих товарок. Я

хотел, чтобы господа волшебники поняли соотношение игрока и команды. Сила игрока – в команде, а сила команды – в каждом игроке.

– Слышали? – спросил Чудакулли. – Чертовски интересно. Он весь день гонял их туда-сюда. Заставлял балансировать мячом на голове, чертил какие-то диаграммы на доске. Можно подумать, мы планируем военную кампанию.

– Это и есть военная кампания, – ответил Натт. – Но воюем мы не с командой противника. Каждый игрок сражается с самим собой.

– Звучит весьма по-убервальдски, но, так или иначе, наши парни, кажется, полны энергии и задора и готовы открыть банкет. Если не ошибаюсь, мистер Натт задумал какой-то фокус с искусственным освещением.

– Просто небольшой сюрприз, чтобы привлечь внимание гостей, – произнес Натт.

– Что-нибудь взорвется? – поинтересовался Чудакулли.

– Нет, сэр.

– Обещаешь? Лично я не против бури и натиска, но патриций Витинари в таких вещах бывает несколько привередлив.

– Грома и молний не будет, сэр. Разве что чуть-чуть тумана высоко под потолком.

Гленде показалось, что аркканцлер задумчиво смотрит на Натта.

– На скольких языках ты говоришь, Натт?

– На трех мертвых и двенадцати живых, сэр.

– Так. Так, – произнес Чудакулли, задвинув эти сведения подальше и пытаясь не думать: «А сколько из них были живыми, прежде чем ты их прикончил?» – Молодчина. Спасибо, мистер Натт, и вам тоже, дамы. Скоро появятся гости.

Гленда воспользовалась возможностью, чтобы убраться из поля зрения миссис Уитлоу. Она без всякого восторга убедилась, что Трев и Джульетта воспользовались точно такой же возможностью чуть раньше, чтобы сбежать от нее.

– Не беспокойтесь за Джульетту, – сказал Натт, который шел следом.

– А кто сказал, что я беспокоюсь? – огрызнулась Гленда.

– Вы сами. Выражение лица, осанка, тело, реакции, интонации... то есть всё.

– А тебе вообще незачем смотреть на мое всё... то есть на мое тело!

– Я имею в виду всего лишь то, как вы стоите, мисс Гленда.

– То есть ты читаешь мои мысли?

– Да, так может показаться. Прошу прощения.

– А о чем думает Джульетта?

– Не уверен на все сто, но ей нравится мистер Трев. Она думает, что он занятный юноша.

– Значит, ты и Трева читаешь как книжку? Ну, она не из приличных.

– Э... нет, мисс. Он обеспокоен и смущен. Кажется, он пытается понять, что из него получится в дальнейшем.

– Трев всегда был бездельником.

– Он думает о своем будущем.

В ту самую секунду, когда последние слуги поспешно встали по местам, в дальнем конце Зала распахнулись огромные двери. Это не произвело никакого впечатления на Гленду, которая погрузилась в собственные мысли, тщетно убеждая себя, что горбатого не отмоешь добела. «Впрочем, Трев и впрямь притих. И стихи он написал очаровательные. Ведь это очень много значит – стихи. Кто бы мог подумать? Совсем на него не похоже».

Натт внезапно исчез, и в широко раскрытые двери вошли капитаны со своими приближенными. Все они нервничали, большинству было неловко в непривычной одежде, у некоторых уже заплетались ноги, поскольку волшебники имели своеобразные представления об аперитиве. На кухне наполняли тарелки, повара бранились, и печные заслонки гремели, когда... когда... что там в меню?

Незримая жизнь Незримого Университета состояла из союзов, междоусобиц, обязательств и протекций, смешанных, переплетенных и крепко связанных воедино. Гленда чувствовала себя как рыба в воде. Ночная Кухня всегда проявляла щедрость по отношению к прочим труженикам, и сейчас Большой зал был ей кое-чем обязан, пусть даже главной ее заслугой было то, что она держала рот на замке. Она подошла к Блестящему Роберту, одному из старших официантов. Он сдержанно кивнул ей, как кивают человеку, знающему о тебе кое-какие вещи, которые ты не стал бы доводить до сведения своей матушки.

– У тебя есть меню? – спросила Гленда. Из-под салфетки возник листок. Гленда в ужасе его просмотрела.

– Но они это не едят!

– Да ладно, – Роберт ухмыльнулся. – Хочешь сказать, для них это слишком шикарно?

– Вы кормите их «а-ля». Так называется почти каждое блюдо! Но к еде с «а-ля» нужно привыкать постепенно. По-твоему, эти люди похожи на тех, кто каждый день обедает на иностранном языке? Ох, боги, даже пиво «а-ля»!

– У нас широкий выбор вин. Но они предпочитают пиво, – холодно ответил Роберт.

Гленда уставилась на капитанов команд. Они явно наслаждались жизнью. Перед ними стояли бесплатная жратва и выпивка, и пусть даже еда имела странный вкус, ее было много, а пиво – оно и есть пиво. И его тоже хватало.

Что-то ей не нравилось. Да, футбол в наши дни – сущий ужас, но... Гленда даже не могла понять, что именно ее беспокоит... но...

– Прошу прощения, мисс.

Гленда опустила взгляд. Какой-то юный футболист решил довериться единственной женщине в зале, у которой не было в руках как минимум двух тарелок.

– Чем могу помочь?

Он понизил голос.

– Эта намазка рыбой пахнет, мисс.

Гленда обвела взглядом ухмыляющиеся лица.

– Это называется икра, сэ. Для прибора полезно.

Все сидевшие за столом, как один, разразились пьяным хохотом, но юнец лишь озадаченно хлопнул глазами.

– Какого прибора, мисс?

Вновь последовало бурное веселье.

– Да уж явно не из тех, что кладут на стол, – ответила Гленда и ушла под общий смех.

– Очень любезно с твоей стороны пригласить меня, Наверн, – сказал патриций Витинари, жестом отсылая прочь блюдо с закусками, и повернулся к волшебнику справа. – А, я вижу, к вам вернулся аркканцлер, прежде известный как декан. Великолепно.

– Ты, возможно, помнишь, что Генри уехал в Псевдополис... в Коксфорд. Он... э... – Чудакулли замолчал.

– ...новый аркканцлер, – закончил Витинари. Он взял ложку и принялся внимательно рассматривать ее, как что-то редкое и весьма любопытное. – Ох, боги. А я думал, что аркканцлер может быть только один. Разве нет? Один аркканцлер и только одна Шляпа, разумеется. Но это ваши волшебные дела, в которых я разбираюсь слабо. Поэтому прошу меня извинить, если я не так понял.

В медленно поворачивающейся ложечке его нос казался то длинным, то коротким.

– Тем не менее мне как стороннему наблюдателю пришло в голову, что

это может привести к некоторым трениям.

Ложечка перестала вращаться.

– Разве что самую малость, – ответил Чудакулли, не глядя на Генри.

– Да? Судя по отсутствию людей, превращенных в лягушек, вы, господа, видимо, воздержались от традиционных способов выяснения отношений. Прекрасно. Когда дело туго, старые товарищи, связанные узами взаимного неуважения, просто не в силах убить друг друга. У нас есть надежда. А, суп.

Последовала короткая пауза, пока половник переходил от тарелки к тарелке. Затем патриций сказал:

– Чем я могу помочь? В этой ситуации я беспристрастный судья.

– Прошу прощения, милорд, но я рискну предположить, что вы отдаете предпочтение Анк-Морпорку, – сказал аркканцлер, прежде известный как декан.

– Правда? Но с тем же успехом можно сказать, что в моих интересах ослабить общеизвестное влияние университета. Вы понимаете? Тонкий баланс между горожанами и учеными, незримым и приземленным? Двойной фокус власти. А еще можно сказать, что я воспользовался возможностью смутить моего умудренного друга, – он слегка улыбнулся. – У тебя еще хранится официальная Шляпа аркканцлера, Наверн? Я заметил, в наши дни ты перестал ее носить и, кажется, отдаешь предпочтение новой, более стильной, с симпатичными ящичками и небольшим встроенным баром.

– Мне никогда не нравилось носить официальную Шляпу. Она все время ворчала.

– Она действительно умеет разговаривать? – уточнил Витинари.

– Думаю, точнее будет «зудеть», поскольку единственная тема ее разговоров – что теперь все не так, как раньше. Утешает меня лишь то, что на Шляпу жаловался каждый аркканцлер за последнюю тысячу лет.

– То есть она говорит и думает? – невинно спросил патриций.

– Полагаю, что так.

– Значит, ты не можешь ею владеть, Наверн. Шляпа, которая говорит и думает, не может быть ничьим имуществом. В Анк-Морпорке нет рабов, Наверн, – он лукаво погрозил пальцем.

– Да, но Шляпа – это символ. На что будет похоже, если я без борьбы уступлю звание единственно возможного аркканцлера?

– Честно говоря, не знаю, – ответил патриций Витинари, – но поскольку до сих пор почти все настоящие сражения между волшебниками заканчивались полнейшим хаосом, я думаю, что ты, по крайней мере,

будешь слегка смущен. И, разумеется, позволь напомнить тебе, что ты не возражал, когда Билл Ринсвинд из университета Пугалоу преспокойно назвал себя аркканцлером.

– Да, но он далеко отсюда, – возразил Чудакулли. – И Четвертый континент, в общем, не в счет, тогда как колледж в Псевдополисе, о котором сейчас речь, – сплошь выскочки, и...

– Значит, проблема только в расстоянии? – уточнил Витинари.

– Нет, но... – начал Чудакулли и замолчал.

– Стоит ли об этом спорить – вот вопрос, – сказал патриций. – Мы здесь имеем, господа, лишь небольшую размолвку между главой почтенного и всеми уважаемого учреждения и представителем новой, амбициозной, относительно неопытной, но весьма настойчивой школы мысли.

– Вот-вот, – подтвердил Чудакулли.

Витинари воздел палец.

– Я не закончил, аркканцлер. Дайте-ка подумать... Кажется, я сказал, что произошла размолвка между древней, неспособной к развитию, устаревшей и косной организацией и собранием энергичных молодых ученых, которые полны свежих, волнующих идей.

– Эй, погоди, в первый раз было не так! – запротестовал Чудакулли.

Витинари откинулся на спинку кресла.

– Нет, аркканцлер. Помнишь наш недавний разговор о значении слов? Все дело в контексте. А потому я предлагаю, чтобы ты предоставил главе университета Коксфорд возможность ненадолго надеть официальную Шляпу аркканцлера.

Нужно было очень внимательно слушать то, что говорил патриций Витинари. Иногда слова, на вид совершенно послушные, скалили зубы и кусались.

– Сыграйте в футбол за Шляпу, – предложил Витинари.

И взглянул на их лица.

– Господа. Господа. Не торопитесь, обдумайте. Важность Шляпы преувеличена. Средства, при помощи которых состязаются волшебники, – в основе своей не магического свойства. Подлинная борьба и, более того, соперничество, на мой взгляд, будут полезны обоим университетам, и простые люди развлекутся, тогда как в прошлом, когда волшебники ссорились, им приходилось прятаться в погреба. Пожалуйста, не отвечайте чересчур поспешно, иначе я решу, что вы недостаточно подумали.

– Между прочим, я умею думать очень быстро, – сказал Чудакулли. – Это будет никакое не состязание, а полнейшая несправедливость.

– Совершенно верно, – заметил Генри.

– Ага, вы оба считаете, что это будет совершенно несправедливо, – произнес Витинари.

– Конечно. У нас намного моложе профессорский состав, за нами – сила, энергия и широкие поля Псевдополиса.

– Превосходно, – подытожил патриций Витинари. – По-моему, вызов брошен. Университет против университета. По сути, город против города. Война, но без утомительной необходимости подбирать с поля боя головы, руки и ноги. Жизнь есть борьба, господа.

– Вынужден согласиться, – ответил Чудакулли. – Хотя я не намерен лишаться Шляпы. И должен заметить, Хэвлок, что сам ты не больно-то поощряешь вызовы.

– О, мне их бросают не так уж редко, – сказал Витинари. – Дело в том, что побеждаю я. Кстати говоря, господа, я прочел в сегодняшней газете, что новые избиратели в Псевдополисе вчера проголосовали за то, чтобы не платить налоги. Когда увидишь президента, Генри, пожалуйста, без колебаний передай ему, что я буду просто счастлив помочь советом, когда он сочтет необходимым. Приободритесь, господа. Никто из вас не получил то, чего хотел, но вы оба получили то, чего заслуживаете. Раз горбатого можно отмыть добела, Шляпа может сменить владельца. И горбатого придется отмыть добела, господа, иначе мы все обречены.

– Вы имеете в виду события в Локо? – уточнил Генри. – И не надо делать такое удивленное лицо.

– Я не нарочно. Я действительно удивлен, – сказал Витинари, – но, пожалуйста, лучше считайте, что я не удивился. В этом есть определенные преимущества.

– Мы обязаны что-то предпринять! Экспедиция нашла целое гнездо этих проклятых тварей.

– О да. Убитые дети, – сказал Витинари.

– Истребленные звереньши!

– И что вы предлагаете?

– Мы говорим об очень большом зле!

– Аркканцлер, я вижу зло каждый день в зеркале, когда бреюсь. С философской точки зрения, оно разлито повсюду во вселенной – видимо, чтобы сделать очевидным существование добра. Полагаю, на самом деле все гораздо сложнее, но на этом пункте рассуждений я обычно начинаю хохотать. Я правильно понимаю, что вы поддерживаете идею послать в Дальний Убервальд экспедиционные войска?

– Разумеется! – воскликнул бывший декан.

– К этому уже прибегали на нашей памяти. И еще дважды раньше. Видимо, военные умы представляют собой особый феномен, если разумные люди готовы еще раз, притом со вкусом, проделать то, что никогда не помогало.

– Сила – это все, что они понимают. Уж вы-то должны знать.

– Сила – это все, что мы пускали в ход, аркканцлер Генри. И потом, если они животные, как утверждают некоторые, значит, они вообще ничего не понимают. Но если они, как убежден я, разумные существа, значит, мы имеем право требовать, чтобы они нас поняли.

Патриций отхлебнул пива.

– Я мало кому об этом рассказывал, господа, и вряд ли расскажу в будущем, но однажды, когда я был еще мальчиком и проводил каникулы в Убервальде, я гулял по берегу ручья и увидел выдру с детенышами. Очаровательное зрелище, согласитесь. Пока я наблюдал за ними, выдра-мать нырнула в воду и поймала жирного лосося, которого втащила на полузатопленное бревно. Она ела его, разумеется, живьем, и я до нынешнего дня помню, как из разорванного брюха лосося посыпалась ярко-розовая икра, к большому удовольствию выдрят, которые лезли друг другу на головы, чтобы полакомиться. Чудо природы, господа, – мать и дети едят мать и детей. Тогда я впервые понял, что такое зло. Оно свойственно природе вселенной. Боль повсюду. Я сказал себе: если есть какое-нибудь высшее существо, все мы вправе постараться превзойти его в области морали.

Волшебники переглянулись. Витинари смотрел в недра своей кружки с пивом, и им вовсе не хотелось знать, что он там видел.

– Мне кажется или здесь темно? – наконец спросил Генри.

– Ох, боги, да. Я и забыл про люстру! – воскликнул Чудакулли. – Где мистер Натт?

– Тут, – отозвался Натт – гораздо ближе, чем предпочел бы Чудакулли.

– Что ты здесь делаешь?

– Я сказал, что буду ждать вашего слова, сэр.

– Что? Ах да, да, конечно...

Он маленький, вежливый, на диво полезный, сказал себе Чудакулли. Совершенно не о чем беспокоиться.

– Ну, покажите нам, как вы зажжете свечи, мистер Натт.

– А можно фанфары, сэр?

– Сомневаюсь, молодой человек, но внимания я сейчас потребую.

Чудакулли взял ложечку и постучал по краю винного бокала, совершая освященную временем процедуру под названием «эй, вы все, я пытаюсь

производить громкий звук очень тихо», которая с успехом побеждает застольных ораторов с тех самых пор, как изобрели бокалы, ложки и обеды.

– Господа, прошу тишины, притом выжидающей, за которой да последуют негромкие аплодисменты, выражающие желание видеть люстру зажженной!

Тишина воцарилась.

Когда аплодисменты затихли, люди развернулись в креслах, чтобы получше видеть, хотя видеть было еще нечего.

– Пожалуйста, не могли бы вы раскурить трубку и передать ее мне, сэр? – попросил Натт.

Пожав плечами, Чудакулли протянул ему трубку. Натт взял ее, поднял вверх, и...

Что именно произошло? Об этом спорили еще долго. Откуда взялось алое пламя – вырвалось из трубки, спустилось с потолка или сорвалось со стены? Сходились все лишь в одном: темноту внезапно рассекли сияющие зигзаги, которые мгновенно исчезли, оставив после себя непроглядный мрак, а тот, в свою очередь, рассеялся, когда одновременно зажглись свечи, озарив залу рассветным блеском.

Когда послышались аплодисменты, Чудакулли посмотрел вдоль стола на Думминга, который помахал чудометром, покачал головой и пожал плечами.

Тогда аркканцлер повернулся к Натту, отвел его за пределы слышимости и для вида пожал руку.

– Ловко проделано, мистер Натт. Только один вопрос. Вы обошлись без волшебства, иначе мы бы поняли. Как вы это проделали?

– В первую очередь спасибо гномьей алхимии, сэр. Той, настоящей. Так гномы зажигают огромные люстры в пещерах под Бонком. Я выяснил это посредством проб и размышлений. Все фитильки свечей соединены черными хлопковыми нитями, которые сплетены в одну, едва заметную в воздухе. Эта нить пропитана составом, который, высохнув, горит очень активно и быстро. Я вывел слегка измененную формулу, которая ускоряет процесс горения, превращая нить даже не в пепел, а в газ. Это вполне безопасно. Составом обработаны только кончики фитилей, сэр, поэтому они горят как обычно. Вас наверняка заинтересует тот факт, сэр, что пламя распространяется мгновенно с точки зрения человеческого восприятия. Более двадцати миль в секунду, по моим подсчетам.

Чудакулли умел хорошо разыгрывать непонимание. Нельзя регулярно иметь дело с Витинари, не умея при необходимости придавать лицу тупо застывшее выражение. Но сейчас даже стараться не пришлось.

Натт явно встревожился:

– Я не сумел принести пользу, сэр?

– Что? А. Э... – Чудакулли слегка оттаял. – Прекрасно, Натт. Молодчина. Послушай... как ты раздобыл ингредиенты?

– О, в подвале есть старый алхимический кабинет.

– Хм. Спасибо еще раз, – сказал Чудакулли. – Но как глава университета, я прошу тебя никому не рассказывать об этом изобретении, пока мы еще раз его не обсудим. А теперь извини, мне нужно вернуться к гостям.

– Не беспокойтесь, сэр, я позабочусь, чтобы формула не попала не в те руки, – пообещал Натт и ускользнул.

«Да, только твои руки и есть не те», – подумал Чудакулли, возвращаясь к столу.

– Впечатляющая картина, – сказал Витинари, когда аркканцлер сел. – Не ошибаюсь ли я в своем предположении, Наверн, что мистер Натт, к которому ты обратился, и есть *тот самый* мистер Натт?

– Да, да. Смышленный парнишка.

– И ты позволяешь ему заниматься алхимией?

– Это была его собственная идея.

– И все это время он стоял рядом с нами?

– Очень сообразительный юноша... Какие-то проблемы, Хэвлок?

– Нет-нет. Никаких, – ответил Витинари.

Гленда признала, что зрелище действительно получилось потрясающим, но, наблюдая за происходящим, она чувствовала на себе взгляд миссис Уитлоу. Теоретически действия Гленды должны были впоследствии вызвать фейерверк иного рода, но она знала, что этого не произойдет. Она надежно спрятала невидимую дубинку. И вдобавок думала сейчас о другом.

Как бы ни были тупы, упрямы и беспечны ее соседи, защищать их интересы, как всегда, приходилось Гленде. Эти люди оказались в ситуации, которой не понимали, поэтому работать головой должна была она. Гленда задумалась об этом, поскольку, пробираясь между столами, слышала отчетливое побрякивание – и, разумеется, количество серебра на столах успело заметно сократиться. Внимательно понаблюдав несколько секунд, она встала за спиной у мистера О'Столлопа и без всяких церемоний вытащила из кармана его куртки три серебряные ложки и вилку.

Он резко развернулся, и у него даже хватило совести слегка смутиться, когда он увидел Гленду.

Ей даже не пришлось открывать рот.

– У них и так серебра хоть завались! – возмутился он. – Кому тут нужны все эти ножи да вилки?

Гленда сунула руку в другой карман куртки и извлекла три серебряных ножа и солонку.

– Да их же тут полно! – продолжал О’Столлоп. – Вот я и подумал: они даже не заметят, если одна штучка пропадет...

Гленда уставилась на него. Позвякивание исчезающего со столов серебра звучало чуть слышно, но вот уже некоторое время было неизменным компонентом обеденного шума. Она наклонилась, так что их лица разделяло не более дюйма.

– Мистер О’Столлоп, по-моему, вы сейчас делаете именно то, что ожидает от вас Витинари.

Он побледнел. Гленда кивнула.

– Умный поймет с полуслова, – сказала она.

Полслова распространились быстро. По пути Гленда с удовольствием слышала, как у нее за спиной от стола к столу вновь разносилось позвякивание, по мере того как из карманов быстро извлекали серебро и возвращали его на скатерть. Легкий звон летал над столами, как звук волшебных колокольчиков.

Гленда улыбнулась и заспешила дальше бросать вызов всему на свете. По крайней мере, всему, чему она смела бросить вызов.

Патриций Витинари встал. По какой-то необъяснимой причине он не нуждался в фанфарах. Никаких «давайте отложим вилки», «позвольте привлечь ваше внимание» и «встаньте, дабы». Он просто поднялся, и шум стих.

– Господа, спасибо, что пришли. Разрешите поблагодарить вас, аркканцлер Чудакулли, как гостеприимного хозяина. Также да будет мне позволено воспользоваться возможностью и успокоить вас. Насколько я знаю, разошелся слух, что я настроен против игры в футбол. Этот слух страшно далек от истины. Я благосклонно настроен по отношению к старинной игре и, право же, буду только счастлив, если она наконец выйдет из затхлых закоулков забвения. Более того, поскольку мне известно, что у вас есть собственное расписание матчей, я предлагаю создать лигу основных команд, которые будут доблестно бороться за золотой кубок...

Послышались одобрительные возгласы пивного толка.

– ...или, может быть, лучше сказать – позолоченный...

Снова возгласы и смех.

– ...в связи с недавно обнаруженной старинной амфорой, известной как «Подножка», которую, я полагаю, все вы видели?

Общее хихиканье.

– А если не вы, то, несомненно, ваши жены.

Тишина, за которой по залу прокатилась волна хохота. Как и у всякой волны, на гребне ее было немало пены.

Гленда, прячась среди служанок, была одновременно потрясена и унижена – иными словами, испытывала весьма противоречивые чувства. Значит, патриций и впрямь что-то задумал. А они принимают это за чистую монету и глотают наживку. То есть пиво.

– Никогда раньше такого не видел, – сказал стоявший позади нее официант.

– Чего именно?

– Чтобы его светлость пил. Он даже вино не пьет.

Гленда взглянула на тощую фигуру в черном и произнесла как можно отчетливее:

– Когда ты сказал, что он не пьет вино, ты имел в виду, что он *не пьет* вино или что он не пьет *вино*?

– Он вообще ничего не пьет! Это же патриций Витинари. У него везде уши.

– Я вижу только два, и он, на свой лад, довольно красив.

– Ну да, дамочкам он нравится, – сказал официант и фыркнул. – Все ж знают, что у него что-то такое с той вампиршей из Убервальда. С той самой, что придумала Лигу воздержания. Вампиры, которые не сосут кровь, ну надо же. Эй, он продолжает.

– Пусть никто не думает, что я одинок в своем желании увидеть великое будущее великой игры, – говорил Витинари. – Сегодня, господа, вы увидите футбол, услышите футбол, а если не успеете пригнуться, то, возможно, даже поужинаете футболом. В знак счастливого союза прошлых и, смею надеяться, будущих традиций футбола, позвольте представить вам первую команду Незримого Университета – «Незримых Академиков»!

Свечи одновременно погасли, даже те, что горели на люстре. Гленда видела бледные облачка дыма, поднимавшиеся в темноте. Натт, стоя рядом с ней, тихонько считал. Один, два... и на счет «три» свечи в дальнем конце зала вспыхнули, осветив Тревора Навроде, сиявшего самой ослепительной улыбкой.

– Всем привет, – сказал он, – и вам тоже, ваша светлость. Ого, как вы все прифрантились...

Собравшиеся затаили дыхание. Трев вытащил из кармана свою

жестянку, бросил на мысок башмака, закинул на плечо, перекатил по шее и спустил по другой руке.

– Сначала люди, типа, пинали камни. Но это было глупо. Потом они стали пинать черепа, но сначала нужно было их оторвать, а хозяева, типа, возражали.

Натт, рядом с Глендой, продолжал считать...

– А потом они придумали так называемый мяч, – объявил Трев, продолжая катать по себе жестянку, – но все, типа, не так-то просто, потому что это кусок дерева. Его можно пинать, только если на тебе здоровые тяжелые башмаки. Он плохо летает. Он тяжелый. Такой мяч неживой, господа, а футбол должен жить...

Двери в другом конце зала распахнулись, и рысцой вбежал Бенго Макарона, гоня перед собой новый мяч. Звонкое «бом, бом» эхом разлетелось по залу. Некоторые капитаны вскочили, вытягивая шеи, чтобы лучше видеть.

– Старым мячом такое не проделаешь, – сказал Трев и пригнулся, когда Макарона, сделав балетный пируэт, мощным ударом отправил мяч, гудящий, как сердитый шершень, в полет по проходу.

Некоторые события запечатлеваются лишь в памяти, а не в мозгу, поскольку происходят слишком быстро, чтобы осмыслить их немедленно. То, что случилось дальше, Гленда не раз прокручивала на внутреннем экране как набор пугающих воспоминаний. Два верховных мага и анк-морпоркский тиран с застывшим на лицах интересом смотрели, как вращающийся шар летел прямо к ним, грозя ужасающими последствиями, но вдруг из ниоткуда появился библиотекарь, который остановил мяч на лету своей ручищей, похожей на лопату.

– Это мы, господа. И мы сразимся с первой же командой, которая придет в Иппо в субботу в час. Мы будем тренироваться в городе. Присоединяйтесь, если хотите. И не беспокойтесь, если у вас нет мячей, – мы их вам дадим!

Свечи снова погасли, и весьма кстати, потому что бунтовать в темноте трудно. Когда они вновь сверхъестественным образом зажглись, за каждым столом слышались крики, споры, смех и даже обсуждения. Слуги забегали туда-сюда с кувшинами. «Всегда есть запас», – подумала Гленда.

– Что они пьют? – шепотом спросила она у ближайшего официанта.

– «Волшебное специальное» от Старины Винкля. Самое лучшее пиво.

– А его светлость?

Официант ухмыльнулся.

– Ха. Не ты первая спрашиваешь. Он тоже пьет пиво. Налитое из того

же кувшина, что и всем остальным, поэтому... – Он замолчал.

Лорд Витинари снова поднялся.

– Господа, кто из вас готов принять вызов? Это необязательно должны быть «Колиглазы», или «Сестрички Долли», или «Храпуны» – просто должна быть команда, господа. «Незримые Академики» дадут бой лучшим городским игрокам, в лучших спортивных традициях. Матч назначен на субботу. Вы имеете право наблюдать за тренировками «Академиков», и мистер Тупс охотно поможет вам советом, при необходимости. Даю вам слово, господа, что игра будет честной... – Он сделал паузу. – Я уже сказал, что уже упомянутый почти золотой кубок при вручении будет наполнен пивом? Если не ошибаюсь, так обычно делается. И я гарантирую, что в течение разумного времени золотой кубок чудесным образом останется полным, вне зависимости от того, сколько будет выпито. Я лично об этом позабочусь.

Снова последовала бурная радость. Гленде стало стыдно, и в то же время она злилась. Этих людей водили за нос. Пивом.

Витинари не нуждался в бичах и тисках для пальцев – достаточно было «Волшебного специального» от Старины Винкля, чтобы люди пошли за ним, как послушные ягнятки. Причем сам он пил не меньше. Каким образом ему удавалось не пьянеть? «Эй, посмотрите на меня, – словно говорил патриций, – я такой же человек, как вы». «Но он совсем не такой! Мои соседи никого не могут убить...» – тут Гленда помедлила при воспоминании об уличных драках, случавшихся после закрытия пабов, и мысленно договорила: «...и остаться безнаказанными».

– Мой друг аркканцлер только что уведомил меня, что, разумеется, «Незримые Академики» не станут пользоваться магией. Не сомневаюсь, видеть на поле команду лягушек не захочет никто.

На эту неуклюжую шутку зал ответил взрывом хохота, но, честно говоря, сейчас собрание рассмеялось бы даже при виде куска оберточной бумаги.

– Настоящий футбольный матч, господа, никакого мошенничества, только сила и ловкость, – продолжал патриций, и его голос вновь зазвучал резко и отчетливо. – А посему я провозглашаю новый футбольный кодекс, основанный на освященных традициями предписаниях, которые были открыты недавно, но в то же время включающий много привычных правил, вошедших в широкий обиход. Я учреждаю институт судейства, чтобы гарантировать их соблюдение. Правила должны быть, друзья мои. Должны быть. Не бывает игры без правил. Нет правил – нет игры.

О да. Никто в хмельном угаре, казалось, не заметил, что в сахарной

вате на мгновение сверкнуло лезвие бритвы. «Правила? – подумала Гленда. – Что за новые правила? Я и не подозревала, что у футбола есть правила». Но секретарь, или как его там, патриция Витинари уже тихонько клал перед каждым гостем несколько листов бумаги.

Гленда вспомнила замешательство старого О'Столлопа при виде обыкновенного конверта. Несомненно, кое-кто из них умел читать. Но многие ли были способны на это *сейчас*?

Его светлость еще не закончил.

– И наконец, господа, я хотел бы, чтобы вы внимательно изучили и подписали перечень правил, которые вам раздал господин Ступостук. А теперь, насколько я понимаю, аркканцлер и его коллеги приглашают вас присоединиться к ним в Необщей комнате, где ждут сигары и, если не ошибаюсь, чрезвычайно редкий сорт бренди.

Неплохой финал, да? Всю жизнь футболисты пили просто пиво. Точнее сказать, накачивались просто пивом. Но сейчас, насколько Гленда могла судить – а судить она умела неплохо, – сейчас они надрались в лежку. Хотя некоторые самые закаленные капитаны еще продолжали держаться на ногах. Нет ничего более тревожного, чем зрелище надравшегося в лежку человека, который продолжает стоять. И это было удивительно – капитаны принадлежали к числу людей, способных опорожнить бочонок, прорыгать национальный гимн и согнуть стальной штырь зубами (своими или чужими). Да, да, образования им недоставало, но разве обязательно быть такими тупыми?!

– Скажи мне, – пробормотал Чудакулли, пока они наблюдали, как гости, пошатываясь, выходят из зала, – это ведь ты подстроил, чтобы амфору обнаружили?

– Мы знакомы не первый день, Наверн, не так ли? – сказал Витинари. – Сам знаешь, я не стану тебе лгать... – Он ненадолго замолчал и добавил: – Нет, разумеется, при некоторых обстоятельствах я бы тебе солгал, но в данном случае я могу с полной искренностью заявить, что обнаружение амфоры удивило меня ничуть не меньше, хотя, признаться, сюрприз был приятный. Честно говоря, я предполагал, что это ваша затея, господа.

– Мы даже не знали, что в музее была такая амфора, – сказал Чудакулли. – Лично я считаю, что тут замешана религия.

Витинари улыбнулся.

– Да, конечно, классический сюжет – боги играют судьбами людей, так почему бы и не в футбол? Мы играем, нами играют, и пусть хотя бы у игры будет некоторый шик. Это лучшее, на что мы смеем надеяться.

Воздух в Необщей комнате можно было резать ножом, если бы только кто-нибудь сумел его найти. Или, найдя, удержать в руке. С точки зрения волшебников, банкет шел как обычно, но, хотя изрядное число капитанов увезли домой на тачках, предусмотрительно припасенных с вечера, еще оставалось достаточно гостей, вносивших свою лепту в горячую влажную атмосферу Необщей комнаты. В укромном уголке патриций и два аркканцлера нашли местечко, где можно было незаметно расслабиться в больших креслах и кое-что обсудить.

– Знаешь, Генри, – сказал патриций бывшему декану, – по-моему, было бы неплохо, если бы ты согласился судить матч.

– Ни за что! Это нечестно, – возразил Чудакулли.

– По отношению к кому, скажи на милость?

– Э... – ответил Чудакулли. – Мы, некоторым образом, соперники.

– Но с другой стороны, – бесстрастно произнес Витинари, – можно сказать, что по некоторым причинам политического толка противная сторона крайне заинтересована в том, чтобы коллега-волшебник не потерпел поражение от людей, которые, невзирая на свои зачастую удивительные таланты, способности, свойства и биографии, тем не менее относятся к категории плебса.

Чудакулли воздел огромный бокал бренди в сторону предполагаемого края света.

– Я доверяю своему другу Генри! – сказал он. – Пусть даже он и толстоват.

– Ну и что? – огрызнулся тот. – Толстяки могут очень легко двигаться. Мне случайно не положен отравленный кинжал?

– К сожалению, – сказал Витинари, – времена сейчас таковы, что придется обойтись свистком.

И в этот момент кто-то попытался похлопать патриция по плечу.

Все произошло очень быстро и закончилось, возможно, еще быстрее, чем началось: Витинари по-прежнему сидел в кресле, одной рукой держа кружку с пивом, а другой крепко фиксируя запястье гостя на уровне своей головы. Наконец он разжал пальцы и спросил:

– Чем могу помочь, сэр?

– Вы ж, типа, патриций Витинари? Я вас на почтовых марках видел.

Чудакулли поднял голову. К ним быстро направлялись несколько спутников Витинари и парочка приятелей говорившего, которые и до того были несколько трезвее, чем он, а прямо сейчас трезвели с каждой секундой. Если ты похлопал тирана по плечу, без дружеской поддержки,

причем по максимуму, тебе точно не обойтись.

Витинари кивнул своим людям, и те рассеялись в толпе, после чего щелкнул пальцами, подзывая официанта.

– Стул, пожалуйста, для моего нового друга.

– Ты уверен? – уточнил Чудакулли, когда капитану, который, по счастливому стечению обстоятельств, как раз валился назад, подставили стул.

– Это, типа... – сказал горожанин, – вше... это... го-во-рят, что вы тот ишо шукин шын, но лично я щ-щ-щитаю, что это вы... как его... ло-овко насчет фут... ик!.. бола. Что толку, ешли, эта... прошто коло... моло... шматить куда попало. Я-то знаю, меня, это... пару раз били по башке.

– Правда? – сказал патриций Витинари. – Как ваша фамилия?

– Шуизин, шэ... шэр.

– А зовут?..

– Пыльник, шэр, – ответил он и воздел палец в своеобразном салюте. – Капитан «Кабанов с Куроношной улицы».

– А, кажется, у вас был не слишком удачный сезон, – заметил Витинари. – Вам не помешает свежая кровь, поскольку Джимми Уилкинс угодил в Танти за то, что кому-то откусил нос. «Сонный Холм» вас разгромил, так как вы лишились лучших бойцов, когда оба брата Карманса оказались в больнице госпожи Сибиллы. В течение трех сезонов вас втапывали в грязь. Да, все говорят, что Гарри Козырек неплохо играет, с тех пор как вы перекупили его у «Вторничных ребят» с улицы Паточной Шахты за два ящика «Особого» от Старины Винкля и мешок свиных шкварок, и он делает отличные успехи для человека, у которого одна нога деревянная, но без командной поддержки ему трудно...

Вокруг Витинари и шатающегося Суизина кругами расходилась тишина. У Чудакулли отвисла челюсть, бокал с бренди в руках у Генри так и остался полупустым, что невероятно для бокала, который провел у волшебника дольше пятнадцати секунд.

– Также я слышал, что вашим пирогам кое-чего недостает, а именно – термически обработанного, органического и предварительно умерщвленного содержимого, – продолжал Витинари. – Трудно обрести поддержку Толкучки, если она видит, как ваши пироги разгуливают по мостовой.

– У меня хорошие парни, – сказал Суизин. – Они не виноваты, что другие играют лучше. Им никогда не фартит сыграть ш теми, ш кем они шмогут шправитьша. Они вшегда выкладываютша на што двадцать процентов, дальше некуда. И вообще, откуда вы вше знаете? Мы в лиге,

яшно, не на шамом верху.

– О, я просто проявляю активный интерес, – ответил Витинари. – Потому что футбол во многом напоминает жизнь.

– Эт точно, шэр, эт точно. Выкладывашша, как можешь, а потом кто-нибудь бьет тебя по шарам.

– Тем настоятельнее я рекомендую тебе заняться нашим современным футболом, где главное – скорость, опыт и тактика.

– Эт да, эт я могу, – заявил Суизин и свалился со стула.

– У этого бедолаги есть здесь друзья? – спросил Витинари, обернувшись к толпе.

Последовало некоторое замешательство – гости сомневались, стоит или нет в данный момент называться другом Суизина.

Витинари повысил голос:

– Я всего лишь хочу, чтобы кто-нибудь отвез его домой, уложил в постель и проследил, чтобы ничего не случилось. Полагаю, с ним понадобится посидеть до утра. Не исключено, что он попытается покончить с собой, когда проспится.

«Новая заря футбола!» – гласил заголовок в «Таймс», когда Гленда взяла газету на следующее утро. Как обычно, когда статья повествовала о чем-то особенно важном, по мнению газетчиков, за главным заголовком следовали два поменьше. «ФУТБОЛИСТЫ ПРИНЯЛИ НОВЫЕ ПРАВИЛА» – гласила следующая строка, а затем шло: «НОВЫЕ МЯЧИ ИМЕЮТ ОГРОМНЫЙ УСПЕХ».

К удивлению и тревоге Гленды, Джульетта по-прежнему занимала место на первой полосе, под заголовком «Загадочная девушка исчезла», хотя ее изображение и было меньше вчерашнего. В небольшой статье говорилось о том, что никто не видел таинственную модель по имени Жужу со времени ее дебюта (Гленде пришлось найти это слово в словаре), состоявшегося два дня назад. «Ну надо же, – подумала она, – если пропажа не нашлась – это новость?» Она удивилась, что газета выкроила место хотя бы для нескольких строчек, поскольку большая часть первой полосы посвящалась футболу, но редактор «Таймс» порой любил начинать статьи на первой странице, а затем, как только они начинали пробуждать интерес, перебрасывал окончание на страницу тридцать пять, где им предстояло оканчивать свои дни по соседству с кроссвордом и неизменным объявлением о хирургических бандажах.

Редакционная статья на развороте называлась «Один – ноль в пользу Витинари». Гленда обычно никогда ее не читала, потому что могла

вытерпеть на пространстве в сто двадцать слов лишь ограниченное количество повторений «невзирая на».

Она прочитала статью сначала угрюмо, а затем с нарастающим гневом. Витинари все-таки добился своего. Он напоил этих идиотов, и они променяли свой футбол на какую-то бледную подделку, сфабрикованную между дворцом и университетом. Разумеется, все не так просто. Гленда признавала, что всегда ненавидела футбол с его тупостью. Она ненавидела драки и бессмысленную толкотню, но ненавидеть было ее правом. Футбол придумали сами люди; как бы он ни был глуп и сомнителен, он принадлежал им. А господа опять присвоили чужое и сказали: ну надо же, как здорово. Теперь старый футбол запретят. На дне кружки с пивом притаилось еще одно опасное лезвие.

Гленда питала глубочайшие подозрения насчет амфоры, газета с изображением которой лежала забытой на кухонном столе. Говорят, что изначальные правила написаны на древнем языке; в таком случае разве может кто-нибудь, кроме господ, понять, что они означают? Гленда пробежала глазами описание новых правил. Среди них, словно доисторические чудовища, уцелели кое-какие привычные. В том числе ее любимое правило: мяч называется мячом. Мяч – это мяч, с которым обращаются как с мячом три игрока последовательно, после чего он становится мячом. Гленде понравилось это правило при первом же прочтении, исключительно из-за дурацкой формулировки. Очевидно, его добавили в один прекрасный день много веков назад, когда на поле случайно попала чья-то злополучная отрубленная голова и ее по рассеянности ввели в игру, поскольку на мяче лежало чье-то тело, изначальное прилагавшееся к голове. Такого рода вещи врезаются в память, особенно если по завершении игры оказалось, что владелец головы заработал очко за удачно забитый гол.

Это правило и еще несколько подобных стояли особняком в списке новых правил патриция Витинари как напоминание о былой славе. Несколько благосклонных кивков в сторону старого футбола – нечто вроде подачки, брошенной общественному мнению. И ему опять позволили это сделать. Люди вели себя так, как будто до смерти боялись патриция, всего лишь потому, что он был тираном, способным по сиюминутному желанию убить любого из них. Кто-нибудь должен был сказать Витинари, что так нельзя. Мир несколько раз перевернулся с ног на голову. Гленда не вполне сознавала, где находится, но внезапно она решила лично позаботиться о том, чтобы патрицию Витинари это не сошло с рук просто так. У людей есть право решать, когда и в чем именно им быть глупыми и

старомодными, и господа не вправе ими в этом распоряжаться.

Исполненная огромной решимости, Гленда надела пальто поверх фартука и, после секундного размышления, достала из буфета два свежеприготовленных «Яблочных дьявола». Там, где не поможет таран, зачастую помогает вкусная песочная выпечка.

В Продолговатом кабинете личный секретарь патриция взглянул на секундомер.

– Боюсь, на пятьдесят секунд медленнее вашего личного рекорда, милорд.

– Это доказывает, что крепкие напитки вредны, Стукпостук, – сурово заметил Витинари.

– Полагаю, никаких дальнейших доказательств не требуется, – отозвался Стукпостук со своей тонкой секретарской улыбочкой.

– Хотя, справедливости ради, я должен заметить, что Шарлотта из «Таймс» – самый грозный составитель кроссвордов, при том что все они не дети малые. Но Шарлотта?.. Аббревиатуры, чет и нечет, анаграммы, перевертыши, а теперь еще и диагонали! Как она это проделывает?

– Вы же отгадываете, сэр.

– Да, а она сочиняет. Это намного сложнее, – Витинари воздел палец. – Если не ошибаюсь, Шарлотта – та женщина, которая держит зоомагазин на Пеликуньей улице. В последнее время ее не упоминали в списке победителей. Значит, она – автор.

– Женский ум необычайно хитер и изворотлив, милорд.

Витинари удивленно взглянул на секретаря.

– О да... конечно. Ему ведь приходится иметь дело с мужским умом. Я так думаю...

В дверь тихонько постучали. Патриций вернулся к чтению «Таймс», а Стукпостук выскользнул из кабинета. Последовал разговор шепотом, и секретарь вернулся.

– Какая-то молодая особа проникла во дворец через заднюю калитку, подкупив стражников, сэр. Они приняли взятку, согласно вашему приказу, а гостью провели в приемную, которую, разумеется, тут же заперли. Она желает видеть вас, поскольку, по ее словам, пришла с жалобой. Это девица для услуг.

Патриций Витинари посмотрел поверх газеты.

– Передай ей, что она обратилась не по адресу. Пусть начнет с Гильдии белошвеек.

– Я имел в виду, что она находится в услужении, сэр. Ее зовут Гленда

Медоед.

– Скажи ей... – Витинари замолчал и вдруг улыбнулся. – Ах да, Медоед. Она подкупила стражников едой? Полагаю, выпечкой?

– В точку, сэр. Каждому по огромному «Яблочному дьяволу». Смею ли я спросить, как вы...

– Она кухарка, Стукпостук, а никакая не «девица». Проводи ее сюда поскорей.

Секретарь, казалось, смутился.

– Вы уверены, что это благоразумно, сэр? Я уже велел стражникам выкинуть то, что они получили.

– Выкинуть еду, которую приготовила женщина по фамилии Медоед? Это сущее варварство, Стукпостук. Я немедленно приму мисс Гленду.

– Смею заметить, что сегодня утром у вас крайне насыщенное расписание, милорд.

– Вот именно. Твое дело – об этом сообщить, и я тебе благодарен. Но я вернулся во дворец в полпятого утра и смутно припоминаю, что споткнулся на лестнице. Я пьян как свинья, а значит, свиньи пьют как сапожники. Должен сказать, что до сих пор не задумывался в таком контексте ни о свиньях, ни о сапожниках, но Наверн Чудакулли был так любезен, что просветил меня. Поэтому не мешай мне потворствовать моим желаниям.

– В конце концов, вы патриций, сэр, – смиренно ответил Стукпостук. – Вы можете делать, что вам угодно.

– Очень любезно с твоей стороны, что ты это сказал, но я, ей-богу, не нуждаюсь в напоминаниях, – произнес Витинари, и на его лице заиграла почти искренняя улыбка.

Когда суровый тощий слуга открыл дверь, бежать было слишком поздно. Когда он сказал: «Его светлость сейчас примет вас, мисс Медоед», было слишком поздно падать в обморок. О чем она думала? Да и думала ли она вообще?

Гленда последовала за слугой в соседнюю комнату, обитую дубовыми панелями, темную и на удивление незагроможденную. В кабинете среднестатистического волшебника обычно невозможно было разглядеть стены из-за обилия разного барахла. А здесь даже на столе ничего не стояло, не считая подставки для перьев, чернильницы и кружки с надписью «Самому замечательному боссу в мире», от которой Гленда не могла отвести взгляд, как ни старалась. Эта кружка была здесь совершенно неуместна, как пришелец из другой вселенной.

Ей тихонько подставили стул. И очень хорошо, потому что у Гленды

внезапно подкосились ноги, когда человек за столом поднял голову.

Витинари ущипнул себя за переносицу и вздохнул.

– Мисс... Медоед, в этом дворце целые комнаты полны людей, которые желают меня видеть, и все они очень влиятельные и важные господа, ну или, по крайней мере, так считают. Однако господин Стукпостук любезно вставил в мое расписание, оттеснив главного почтмейстера и мэра Сто Лата, встречу с молодой кухаркой в пальто, надетом поверх фартука, которая вознамерилась, цитирую, «сказать мне пару слов». Исключительно потому, что я ценю парадоксы, а ваш приход, мисс Медоед, парадоксален. Что вы хотите?

– С чего вы взяли, что я чего-то хочу?

– Все чего-нибудь хотят, когда оказываются передо мной, мисс Медоед. Например, перенестись в какое-нибудь другое место.

– Ну ладно! Вчера вечером вы напоили капитанов допьяна и заставили подписать то письмо, которое сегодня напечатали в газете!

Витинари и бровью не повел. И это пугало сильнее, чем... что угодно.

– Пьянство уравнивает всех, юная леди. Алкоголь – квинтэссенция демократии, если можно так выразиться. Замечали ли вы, что пьяницы прекрасно понимают друг друга, и неважно, насколько они пьяны и как сильно разнятся их родные языки? Я так полагаю, что вы родственница Августы Медоед?

Этот вопрос, последовавший сразу после похвалы пьянству, ударил Гленду между глаз, и все мысли рассыпались.

– Что? О. Да. Вы правы. Это моя бабушка.

– В молодости она работала кухаркой в Гильдии наемных убийц?

– Да. Она всегда шутила, что никогда не позволит... – Гленда замолчала, но Витинари договорил за нее:

– ...травить людей ее пирогами. И мы слушались, потому что, как вам, несомненно, известно, мисс, никто не рискнет огорчать хорошую кухарку. Она еще жива?

– Умерла два года назад, сэр.

– Но, поскольку вы носите фамилию Медоед, полагаю, она была не единственной бабушкой в вашем семействе? Августа Медоед никогда не забывала о своих, и вы наверняка тоже носите кому-нибудь разные лакомые кусочки.

– Вы ведь не знаете, а просто говорите наугад. Но – да, ношу, и они для разных старушек, которые редко выходят из дому. И вообще, это мое право.

– Да, разумеется. У каждой должности есть свои привилегии.

Сомневаюсь, что Стукпостук когда-либо в жизни покупал скрепки, правда, Стукпостук?

Секретарь, разбиравший бумаги в уголке, слабо улыбнулся.

– Послушайте, я забираю только остатки... – начала Гленда, но патриций отмахнулся.

– Вы пришли из-за футбола, – сказал он. – Вчера вечером вы присутствовали на банкете, хотя университетские власти предпочитают, чтобы за столом прислуживали высокие девушки. Я очень внимателен, мисс Гленда. Напрашивается вывод, что вы решились проникнуть туда, не ставя в известность свое начальство. Зачем?

– Вы отнимаете у нас футбол!

Патриций сомкнул пальцы и оперся на них подбородком, продолжая глядеть на Гленду.

«Он пытается меня запугать, – подумала она. – И у него получается, ей-богу, получается».

Витинари прервал молчание.

– Твоя бабушка привыкла думать за других. Эта черта передается в семье по наследству, и всегда по женской линии. Трудлюбивые и умелые женщины, которые возвращаются в мир, где окружающим вечно по семь лет и они постоянно разбивают коленки на детской площадке. Тогда матери поднимают их и снова пускают побегать. Если не ошибаюсь, ты заправляешь Ночной Кухней? Много людей, большое помещение. Тебе нужно место, которое ты способна контролировать, и чтобы никакие идиоты не мешали.

Если бы он добавил «Я прав?», как пустослов, ищущий аплодисментов, она бы его возненавидела. Но патриций читал ее мысли изнутри, спокойно и бесстрастно. Гленда подавила дрожь, потому что он говорил чистую правду.

– Я ничего ни у кого не отнимаю, мисс Медоед. Я просто меняю площадку, – продолжал собеседник. – Что приятного в том, чтобы пихаться и драться? Это всего лишь способ хорошенько пропотеть. Нет, мы должны идти в ногу со временем. По крайней мере, я знаю, что «Таймс» идет в ногу со мной. Капитаны, несомненно, будут жаловаться, но они стареют. Умереть в игре кажется романтичным, когда ты молод, но человеку зрелому хочется сделать так, чтобы и волки были сыты, и кобыле легче. Они это понимают, пусть даже и не признают, и, протестуя, постараются, чтобы их не приняли всерьез. На самом деле я не отнимаю, а даю. Признание, принятие, определенную репутацию, позолоченный кубок и шанс сохранить оставшиеся зубы.

Гленда смогла лишь выговорить:

– Да, но вы их обманули!

– Правда? Но ведь им необязательно было напиваться в стельку, не так ли?

– Вы знали, что они напьются!

– Нет. Я всего лишь *подозревал*. А они могли быть осторожнее. Они *должны* были быть осторожнее. Скажем так, я повел их правильной дорогой, прибегнув к небольшому обману, вместо того чтобы гнать их по ней палками. А палок у меня много, мисс Медоед.

– И вы за мной шпионили! Вы знаете про остатки с кухни!

– Шпиону? Мадам, про одного великого принца некогда сказали, что он думал только о своих подданных. Я тоже думаю о своих подданных. Просто у меня лучше получается, только и всего. А что касается остатков, я сделал вывод на основании общеизвестных сведений о человеческой природе.

Гленда многое хотела сказать, но почему-то отчетливо почувствовала, что аудиенция – по крайней мере, та часть, где предполагалось ее участие, – закончена. Тем не менее она спросила:

– А вы почему не пьяны?

– Прошу прощения?

– Вы весите примерно вдвое меньше любого из наших парней, и все они отправились домой в тачках. Вы выпили столько же и сидите тут свежий, как ромашка на лугу. В чем фокус? Волшебники сделали так, чтобы пиво исчезло из вашего живота?

Она уже давно перестала искушать судьбу. И теперь судьба, вырвавшись из-под контроля, летела как перепуганная ломовая лошадь, которая не может остановиться, потому что за спиной грохочет и подпрыгивает огромная телега.

Витинари нахмурился.

– Милая моя, если человек пьян настолько, что позволяет волшебникам, которые и сами усердно прикладывались к плодам лозы, извлекать что-либо из своего тела, он все равно что мертвецки пьян. Предвосхищая твой следующий комментарий, замечу, что хмель, теоретически, тоже лоза. Более того, я *пьян*. Правда, Стукпостук?

– Вы действительно поглотили около двенадцати пинт очень крепкого солодового напитка, сэр. Теоретически вы должны быть пьяны.

– Идиосинкратически сказано, Стукпостук. Спасибо.

– Но вы не ведете себя как пьяный!

– Да, я неплохо веду себя как трезвый. И должен признать, что

утренний кроссворд заставил меня изрядно поломать голову. Прокаталепсис и плеоназм в один день! Мне пришлось взяться за словарь. Шарлотта – просто зверь. Так или иначе, спасибо, что пришли, мисс Медоед. Я с большой теплотой вспоминаю жаркое с овощами, которое готовила ваша бабушка. В скульптуре это была бы прекрасная статуя, без рук и с загадочной улыбкой. Как жаль, что некоторые шедевры преходящи.

Профессиональная гордость Гленды тут же возмутилась.

– Она передала рецепт мне!

– Наследство, которое дороже драгоценных камней, – согласился Витинари, кивнув.

«Хотя и парочка камней не помешала бы», – подумала Гленда. Секрет бабушкиного жаркого, разумеется, лежал прямо на виду – там, где никто его не замечал. Как и многое другое.

– Что ж, аудиенция подошла к концу, мисс Медоед, – сказал Витинари. – У меня много дел, и, скорее всего, у вас тоже.

Он взял перо и посмотрел на лежавшую перед ним бумагу.

– До свиданья, мисс Медоед.

И все. Она оказалась за дверью, и та уже почти закрылась, когда вдруг голос произнес вдогонку:

– И спасибо за то, что вы добры к Натту.

Дверь захлопнулась, едва не ударив обернувшуюся Гленду по лбу.

– Я благоразумно поступил, сказав это, как по-твоему? – спросил Витинари, когда Гленда ушла.

– Возможно, нет, сэр, но она просто решит, что за ней следят, – бесстрастно отозвался Стукпостук.

– Возможно, за ней и впрямь стоит понаблюдать. Вот что такое женщина из рода Медоедов, Стукпостук. Маленькая домашняя рабыня – до тех пор, пока не решит, что с кем-то обошлись несправедливо. И тогда она выходит на тропу войны, как ланкрская королева Инчи. Колесницы несутся, руки и ноги разлетаются во все стороны.

– Она выросла без отца, – заметил Стукпостук. – Ей наверняка пришлось нелегко.

– Зато она сделалась крепче. Остается лишь надеяться, что мисс Гленде не придет в голову заняться политикой.

– А разве сейчас она именно этим не занимается, сэр?

– Хорошо подмечено, Стукпостук. Я похож на пьяного?

– По-моему, нет, сэр, но вы необычайно... разговорчивы.

– Я говорю достаточно связно?

– Вплоть до мелочей, сэр. Почтмейстер ожидает аудиенции, сэр, и несколько глав гильдий желают немедленно с вами поговорить.

– Подозреваю, они хотят играть в футбол.

– Да, сэр. Они намереваются собрать команды. Не понимаю, какая муха их укусила.

Витинари отложил перо.

– Стукпостук, если бы ты увидел мяч, призывно лежащий на земле, ты бы его пнул?

Секретарь наморщил лоб.

– А каким образом был бы выражен призыв?

– Прошу прощения?

– Это была бы прикрепленная к мячу записка от имени неизвестного человека или группы лиц?

– Я имел в виду, что тебе, возможно, показалось бы, будто мироздание безмолвно предлагает отвесить упомянутому мячу здоровый пинок.

– Нет, сэр. Слишком много переменных. Возможно, мой недруг или просто какой-нибудь шутник решил, что я предприму именно такое действие, и изготовил мяч из бетона или какого-либо сходного материала, в надежде, что я получу серьезное или же комическое увечье. Нет, я бы сначала проверил.

– Ну а потом, если бы все оказалось в порядке, ты бы ударил по мячу?

– С какой целью, сэр, и в расчете на что?

– Интересный вопрос. Наверное, просто ради удовольствия посмотреть, как он полетит.

Стукпостук, казалось, некоторое время обдумывал эту идею, после чего покачал головой.

– Прошу прощения, сэр, но здесь вы загнали меня в тупик.

– Ты – непоколебимый столп в меняющемся мире, Стукпостук. За это я тебя и люблю.

– Я хотел бы сделать небольшое заявление, сэр, – серьезно произнес секретарь.

– Пожалуйста, Стукпостук.

– Мне неприятно сознавать, что, по вашему мнению, я не покупаю себе скрепки, сэр. На самом деле я люблю иметь собственные скрепки. Ведь это значит, что они мои. Я подумал, лучше поставить вас в известность спокойным и бесконфликтным образом.

Витинари несколько секунд смотрел в потолок. Потом он произнес:

– Спасибо за честность. Я полагаю, что истина восстановлена и вопрос снят.

– Благодарю, сэр.

Саторская площадь была тем местом, куда приходили горожане, когда была обозлены, озадачены или перепуганы. Люди, которые понятия не имели, отчего они так поступают, собирались вместе, чтобы послушать других людей, которые также ничего не знали, поскольку неведение разделенное есть неведение вдвойне. С утра на площади повсюду стояли компании и собрались даже несколько импровизированных команд, ибо сказано – а точнее, нацарапано на городской стене, – что всюду, где сойдутся как минимум два человека, у одного найдется импровизированный мяч. Жестянки и тугие тряпочные мячики нервировали взрослых по всей площади, но, как только Гленда подбежала ближе, огромные университетские двери отворились, и вышел Думминг Тупс, неловко постукивая оземь одним из злополучных новеньких мячей. Бом! Воцарилась тишина, и забытые жестянки с дребезгом покатались по земле. Никто не сводил глаз с волшебника и мяча. Тупс бросил мяч оземь, и он с двойным «бом» отскочил от булыжников. А потом Тупс ударил по нему. Удар был довольно слабый, но ни одному человеку из собравшихся на площади никогда не удавалось послать мяч хотя бы на десятую долю этого расстояния. Все мужчины бросились за мячом вдогонку, гонимые древним инстинктом.

«Патриций победил, – мрачно подумала Гленда. – Мяч, который прыгает, тогда как остальные шмякаются и лежат... Где же честная борьба?»

Она заспешила к черному ходу. Мир становился слишком сложным, раз она могла отчитать злобного тирана и выйти из стычки без единой царапины. В этом мире Гленде нужно было уцепиться за нечто незыблемое. Ночную Кухню она знала лучше, чем собственную спальню. Ее кухня, под ее контролем. Там она ничего не боялась.

У стены, рядом с мусорными баками, маячила фигура, и отчего-то Гленда сразу ее узнала, несмотря на тяжелый плащ и шляпу, надвинутую на глаза. Никто из ее знакомых не умел так безупречно расслабляться, как Пепе.

– Салют, Гленда, – произнес голос из-под шляпы.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– Знаешь, как трудно найти человека в Анк-Морпорке, если ты толком не можешь объяснить, как он выглядит, и не уверен, что правильно запомнил имя? – поинтересовался Пепе. – Где Джу?

– Не знаю, – ответила Гленда. – Я ее со вчерашнего вечера не видела.

– Хорошо бы найти ее раньше, чем это сделают другие, – намекнул Пепе.

– Какие другие?

Пепе пожал плечами.

– Все остальные. Сейчас в основном поиски идут в гномьих районах, но это лишь вопрос времени. В магазин набилось столько публики, что не повернешься. Мне едва удалось ускользнуть.

– Зачем она им нужна? – спросила Гленда в панике. – Я читала в газете, что Джу повсюду разыскивают, но она ведь не сделала ничего дурного!

– По-моему, ты не вполне понимаешь, что происходит, – сказал предполагаемый гном. – Твою подружку ищут, чтобы задать ей массу вопросов.

– Это как-то связано с патрицием Витинари? – подозрительно спросила Гленда.

– Нет, я бы так не сказал.

– Тогда какие вопросы?

– Ну, например, ваш любимый цвет, ваше любимое блюдо, ваша любимая ложка, есть ли у вас бойфренд, какой совет вы можете дать современной молодежи, как часто пользуетесь пуховкой, где делаете прическу...

– Сомневаюсь, что у Джу есть любимая ложка, – ответила Гленда, ожидая, когда мир обретет некий смысл.

Пепе похлопал ее по плечу.

– Послушай, она оказалась на первой странице газеты. И «Таймс» дышит нам в затылок, потому что хочет написать статью о том, какой у нее стиль. Это не так уж плохо, хотя решать вам.

– Сомневаюсь, что у Джульетты есть хоть какой-нибудь стиль, – ответила Гленда, слегка озадаченная. – Она никогда о нем не упоминала. А пользоваться духовкой я ей не разрешаю. И вообще, передайте им всем, что Джу не желает ни с кем разговаривать.

У Пепе на мгновение сделалось странное выражение лица, а затем он произнес, тщательно подбирая слова, как человек – или как гном, – пытающийся преодолеть культурный барьер:

– Ты правда думаешь, что я имел в виду духовку?

– Ну а что еще? И ее домашние дела никого не касаются!

– Ты что, не понимаешь? Джу популярна, и чем больше мы будем говорить людям, что увидеться с ней нельзя, тем больше им будет хотеться. Если запрещать, интерес только разгорается. Люди хотят знать все!

– В том числе какая у нее любимая ложка? – уточнила Гленда.

– Допустим, я слегка иронизировал, – признал Пепе. – Но газетчики рыщут по всему городу в поисках пропавшей девицы, а «Куль» хочет сделать полный разворот! – Он запнулся и пояснил: – То есть написать статью, которая займет две страницы. Король-под-горой сказал, что Джу – символ нашего времени. Я цитирую «Сатблатт».

– Что такое «Сатблатт»? – спросила Гленда.

– Гномья газета. Ты, скорее всего, никогда ее не увидишь.

– Но Джульетта просто приняла участие в показе мод! – жалобно воскликнула Гленда. – Она всего-навсего прошлась туда-сюда! Сомневаюсь, что она хочет ввязываться во всю эту историю!

Пепе пристально взглянул на нее.

– Уверена? – переспросил он.

И тогда Гленда задумалась... всерьез задумалась о Джульетте, которая читала «Куль» от корки до корки. Она никогда не брала в руки «Таймс», зато охотно поглощала бульварную чушь о глупых беспечных людях, которые ходят и сверкают.

– Я не знаю, где она, – сказала Гленда. – Честное слово, мы не виделись со вчерашнего дня.

– А, таинственное исчезновение, – сказал Пепе. – Ну, мы в магазине этому как раз учимся. Может быть, отойдем куда-нибудь, где не таклюдно? Надеюсь, никто меня не выследил.

– Я могу тихонько провести тебя через черный ход, если только там не торчит слугообраз, – сказала Гленда.

– Прекрасно. Я привык ходить черным ходом.

И она провела его лабиринтом погребов и дворишков, которые весьма любопытным образом контрастировали с величественным фасадом Незримого Университета.

– Есть что-нибудь выпить? – поинтересовался Пепе.

– Вода, – язвительно ответила Гленда.

– Воду я буду пить, когда рак на горе свистнет, но все равно спасибо, – ответил Пепе.

И тут Гленда учуяла запах выпечки, который плыл по коридору. Она была единственной, кто пек пироги на Ночной Кухне! Никто больше не имел права печь пироги на ее кухне! Кто посмел вторгнуться на чужую территорию? Гленда взлетела по ступенькам – Пепе рысил по пятам – и обнаружила, что таинственная кухарка не успела освоить второе по важности правило кулинарии, которое гласит: прибирай за собой. На кухне царил хаос. Даже на полу валялось тесто, как будто здесь поработал

безумец. И в центре этого беспорядка, свернувшись клубочком в старом, потрепанном и слегка пропахшем кресле Гленды, спала Джульетта.

– Точь-в-точь Спящая красавица, а? – сказал из-за спины Пепе.

Гленда, не обращая на него внимания, бросилась к духовкам.

– Она печет пироги. Но с какой стати? Она же не умеет...

«Потому что я никогда ей не позволяла», – мысленно закончила Гленда, а внутренний голос поддразнил: «Потому что как только Джульетта встречает препятствие, ты отводишь ее в сторонку и принимаешься за дело сама».

Гленда открывала духовку за духовкой. Они поспели как раз вовремя сюда по запаху – пару десятков самых разных пирогов пора было вынимать.

– Так как насчет выпить? – настаивал Пепе, мучимый вечной жаждой. – Я уверен, здесь должно быть бренди. На каждой кухне есть бренди!

Он наблюдал, как Гленда, обернув руки фартуком, вытаскивает пироги. На них Пепе смотрел с безразличием человека, который предпочитает еду в жидком виде. Между тем Гленда, ставя противни на стол, приглушенно бормотала:

– Я ей этого не велела. Зачем она?..

«Нет, велела. Вот зачем».

– И пироги не такие уж плохие, – сказала Гленда чуть громче. Она сама удивилась.

Джульетта открыла глаза, сонно огляделась, и ее лицо исказилось ужасом.

– Все в порядке, я их достала, – уверила Гленда. – Ты молодец.

– Я не знала, чем еще заняться, а Трев на футболе, ну я и вспомнила, что завтра будут нужны пироги, так, типа, надо приготовить несколько штучек... Прости.

Гленда отступила на шаг. «С чего начать? – задумалась она. – Каким образом распутать этот клубок, а потом смотреть обратно? Потому что я ошиблась. Джульетта не просто прошла туда-сюда в новой одежде – она стала идеалом. Мечтой. Искрящейся, живой, мучительно реальной». Гленда вспомнила, как во время показа в «Шобле» Джульетта буквально сияла, словно озаренная изнутри. Это было сродни магии. А она велела Джульетте печь пироги.

Гленда кашлянула.

– Я ведь кое-чему тебя научила, правда, Джу? – спросила она.

– Да, Гленда.

– И мои советы всегда были полезны?

– Да, Гленда. Я помню, как ты сказала, что нужно держать коленки вместе. Это был очень полезный совет.

Пепе издал какой-то странный звук, и Гленда, чувствуя, что краснеет, не посмела обернуться.

– У меня есть для тебя еще парочка советов, Джульетта.

– Да, Гленда.

– Во-первых, никогда не извиняйся за то, что не требует извинений. И особенно за то, что ты просто остаешься сама собой.

– Да, Гленда.

– Поняла?

– Да, Гленда.

– Неважно, что будет, – просто помни, что ты теперь умеешь печь пироги.

– Да, Гленда.

– Пепе пришел, потому что «Куль» хочет написать о тебе статью, – сказала Гленда. – Твоя картинка снова появилась утром в газете и... – Она замолчала. – Пепе, с ней ведь ничего не случится?

Пепе застыл, застигнутый врасплох в ту минуту, когда украдкой вытаскивал бутылку из буфета.

– На нас с мадам ты можешь положиться, – заявил он. – Только те, кто достоин наивысшего доверия, осмеливаются выглядеть так, как будто им совсем нельзя доверять.

– Пообещай, что ей придется только показывать одежду... Не пей, это яблочный уксус!

– В конце концов, сидр тоже делают из яблок, – заметил Пепе. – Да, все, что ей придется делать, – это показывать одежду, но, судя по толпе в магазине, еще заказчики хотят, чтобы она показывала туфли, шляпы, прически...

– И никаких фиглей-миглей, – предупредила Гленда.

– Вряд ли ты найдешь во всем мире более крупного специалиста по фиглям-миглям, чем мадам. Более того, я удивлюсь, если тебе, Гленда, известна хотя бы сотая доля тех фиглей и миглей, которые знает она, особенно в связи с тем, что львиную долю изобрела сама. Иными словами, поскольку мы сразу же распознаем фигли-мигли, как только их увидим, мы сумеем позаботиться о Джульетте.

– И она будет хорошо есть и высыпаться, – продолжала Гленда.

Пепе кивнул, хотя, судя по всему, обе эти идеи были ему совершенно чужды.

– И получать плату, – закончила она.
– Она получит долю с доходов, если останется работать у нас, – сказал Пепе. – Мадам хочет это обсудить.
– Да, а вдруг кто-то заплатит Джульетте больше, чем вы?
– Ох, боги мои, боги, как быстро мы учимся. Не сомневаюсь, мадам побеседует с тобой с огромным удовольствием.

Джульетта перевела взгляд с Гленды на Пепе, все еще не вполне проснувшись.

– Вы хотите, чтобы я вернулась в магазин?
– Я ничего не хочу, – ответила Гленда. – Решать будешь ты сама, слышишь? Вот и решай. Но лично мне кажется, что если ты останешься здесь, то основным твоим занятием будут пироги.

– Ну, не только пироги, – возразила Джульетта.
– Да, да, еще блины, жаркое и разнообразные ночные закуски. Но ты ведь меня поняла. Если ты уйдешь, то сможешь носить красивую одежду, ездить в необыкновенные места, которые далеко-далеко отсюда, знакомиться с новыми людьми. И ты знаешь: если удача решит повернуться к тебе спиной, просто предложи ей пирога.

– Неплохо сказано, – заметил Пепе, который как раз нашел следующую бутылку.

– Я бы правда очень хотела пойти, – сказала Джульетта.
– Тогда иди. Сейчас. Я имею в виду – вот прямо сию секунду. Ну, или, по крайней мере, как только Пепе допьет кетчуп.

– Но я ж не могу бросить вещи!
Гленда сунула руку за вырез и извлекла темно-красную книжечку с анк-морпоркским гербом на обложке.

– Это че такое? – спросила Джульетта.
– Твоя банковская книжка. Пятьдесят долларов лежат в банке, в целости и сохранности, и ты можешь забрать их в любое время.

Джульетта повертела книжечку в руках.
– Ох. В моей семье никто в банк не ходил. Только дядюшка Джеффри, да и то его сцапали, прежде чем он вернулся домой.

– Помалкивай об этом. Не заглядывай к своим. Купи себе побольше новых вещей. Когда все хорошенько обдумаешь, тогда повидайся с отцом и остальными. Даже если ты не уйдешь прямо сейчас, мысленно всегда двигайся вперед. Но лучше уходи прямо сейчас. Не стой на месте. Карабкайся выше. Делай то, что должна была сделать я.

– А Трев? – спросила Джульетта.
Гленда задумалась.

– А как у вас обстоят дела? Вчера вечером я видела, как вы болтали.

– Болтать не запрещено, – обиженно отозвалась Джульетта. – И потом, он просто сказал, что, типа, хочет найти работу получше.

– Что-что найти? – переспросила Гленда. – Я его не первый год знаю и ни разу не видела, чтобы он проработал хотя бы день.

– Он сказал, что подыщет себе хорошую работенку, – продолжала Джульетта. – Ему, типа, Натт велел. Натт сказал, что Трев, типа, должен понять, кто он такой, и тогда он, типа, поймет, что ему дальше делать. Я сказала, что он Тревор Навроде, и он сказал, что, типа, я ему очень помогла.

«Я несправедлива, – подумала Гленда. – Я говорю о переменах и о движении, а потому нужно допустить, что и Трев способен измениться». Вслух она сказала:

– Это твое дело. Решай сама, но смотри, чтобы он не распускал руки.

– Он никогда не распускает руки, – ответила Джульетта. – И меня это, типа, даже слегка тревожит... Мне ни разу не пришлось врезать ему коленом по шарам. Представляешь, ни разу.

Пепе, который только что обнаружил бутылку соуса ухты-ухты, издал сдавленный смех. Бутылка уже почти опустела, и, теоретически, он должен был остаться без желудка.

– Никогда-никогда? – уточнила Гленда, озадаченная столь странным развитием событий.

– Нет, он всегда очень вежливый и немного грустный.

«Значит, что-то замышляет», – подсказал внутренний голос. Гленда повторила:

– Ну... решать тебе. Ничем помочь не могу, но все-таки не забывай про колено.

– А как насчет... – начала Джульетта.

– Слушай, – твердо сказала Гленда, – или ты уходишь сейчас же, чтобы повидать мир, заработать много денег, попасть в газеты, ну и так далее – а я знаю, что тебе этого действительно хочется, – или придется во всем разбираться самой.

– А мы пока побудем здесь, – подхватил Пепе. – Знаешь, соусок был бы ничего себе, если добавить немножко водки, просто для пикантности. Оживить, так сказать. А если водки влить побольше, будет еще лучше, честно говоря.

– Но Трев мне нравится! – жалобно возопила Джульетта.

– Тогда о чем спорить, оставайся на кухне, – произнесла Гленда. – Вы уже целовались?

– Нет! Он никак не раскачается!

– Может, он из тех парней, которым не нравятся женщины, – чопорно заметил Пепе.

– Мы могли бы прекрасно обойтись без твоих замечаний, – огрызнулась Гленда, оборачиваясь.

– Типа, для других, вроде Гнилого Джонни, у меня всегда колено наготове, но Трев всегда такой... милый.

– Детка, я помню, что ты велела мне не лезть, а еще знаю, что в свое время был ужасным грешником и надеюсь им остаться, но я повидал людей больше, чем почтальон, и прекрасно понимаю, в чем тут засада, – вмешался Пепе. – У парня хватило ума допетрить, что она красавица, достойная того, чтобы ее рисовали стоящей на морском берегу без корсажа, в окружении толстых розовых младенцев, как водится. А он всего-навсего пацан с уличными ухватками. То есть зачем вообще стараться? У него нет шансов, и он это знает, хоть пока еще и не знает, что знает.

– Я бы его поцеловала, если бы он захотел, и точно не стала бы бить коленом по шарам, – сказала Джульетта.

– Решай сама, – повторила Гленда. – Потому что я не стану решать за тебя. Если я попытаюсь, то все испорчу.

– Но... – начала Джульетта.

– Нет, – перебила Гленда. – Ну же, ступай и купи побольше красивых вещей. Это твои деньги. И если вы за ней не присмотрите, мистер Пепе, колено будет только началом.

Пепе кивнул и осторожно потянул Джульетту за собой по каменным ступенькам.

«Что бы я сделала теперь, будь я героиней любовного романа?» – подумала Гленда, когда шаги затихли вдаль. Прочитав десятки романов, она стала настоящим специалистом в вопросе о том, что делать, будь она героиней любовного романа. Хотя, как признавалась Гленда господину Шатуну, ее страшно раздражало, что в этих книжках никто не готовит. В конце концов, ведь без еды не обойтись. Чем плохо, если бы героиня испекла яблочный пирог? Разве совсем невозможно представить себе роман под названием «Гордость и булочки»? Несколько советов касательно того, как готовить кексы, были бы весьма уместны и смотрелись неплохо. На худой конец, Гленда обрадовалась бы, встретив упоминание о том, что влюбленные герои заварили кашу. По крайней мере, тем самым авторы признали бы, что люди действительно едят.

Гленда знала – чувствовала всем телом, – что сейчас ей следует залиться слезами. И тогда она начала мыть пол. Потом вычистила плиты. Уходя с кухни, она всегда доводила их до блеска, но это не повод не помыть

еще раз. Старой зубной щеткой она выскребла мельчайшие частицы грязи из дальних уголков, отдраила каждый горшок песком, опорожнила жаровни, просеяла золу, подмела пол, связала вместе две швабры, чтобы убрать многолетнюю паутину с высокой стены. Гленда трудилась до тех пор, пока мыльная вода не полилась по каменным ступенькам, смывая следы.

Да, и еще кое-что. В леднике лежали анчоусы. Гленда разогрела парочку и подошла к огромному трехногому котлу, на котором вчера вечером написала мелком «НЕ ТРОГАТЬ». Она подняла крышку и заглянула внутрь. Краб, подаренный Верити Колотушкой накануне – как будто сто лет назад, – радостно помахал ей глазами.

– Интересно, что было бы, если бы я оставила крышку открытой? – спросила Гленда. – Как быстро крабы учатся?

Она бросила в котел раскисшие анчоусы, которые были приняты с восторгом, после чего замерла посреди кухни, размышляя, что бы еще сделать. Чугун не способен сиять, но плиты были вымыты и вытерты, а тарелки, образно выражаясь, вылизаны дочиста. Если хочешь, чтобы дело спорилось, возмись за него сама. Чистота в исполнении Джульетты была сродни божественности – она проявлялась редко, хаотически и превосходила всякое понимание.

Что-то коснулось ее лица. Гленда рассеянно отмахнулась и обнаружила между пальцев черное перо. А, эти жуткие создания в трубах. Пора уже наконец от них избавиться. Гленда взяла самую длинную швабру и застучала по трубе.

– Эй, убирайтесь оттуда! – закричала она.

В темноте что-то зашуршало и послышались слабые птичьи вскрики.

– Звиняйте, мисс, – произнес чей-то голос, и Гленда увидела на лестничной площадке бесформенное лицо... как его, бишь?... Ах да.

– Доброе утро, Бетон, – сказала она троллю и невольно заметила, что из носа у него течет что-то коричневое.

– Нигде нет мистера Трева, – произнес Бетон.

– Я его все утро не видела, – сказала Гленда.

– Нигде нет мистера Трева, – повторил тролль чуть громче.

– Зачем он тебе нужен? – спросила Гленда. Насколько она знала, работа в свечных подвалах шла сама собой. Достаточно сказать Бетону: «Оплавляй свечи», и он не сдвинется с места, пока свечи не закончатся.

– Мистеру Натту плохо, – сказал Бетон. – Нигде нет мистера Трева.

– Отведи меня к мистеру Натту сию же секунду, – велела Гленда.

Норными обычно бывают только животные, но те, кто жил и работал в свечных подвалах, ежедневно расставляли в этом слове все точки над «ё». В подвалы они прятались, как в нору. Если стекальщики и макальщики попадались кому-нибудь на глаза выше подвального уровня, то неизменно очень спешили, а большую часть времени они просто работали, спали и пытались выжить.

Натт лежал на старом матрасе, крепко обхватив себя руками. Гленда взглянула на него и обернулась к троллю.

– Ступай и найди мистера Трева, – велела она.

– Мистера Трева нигде нет, – повторил тролль.

– Так иди и ищи!

Гленда опустила на колени рядом с Наттом. Он лежал, закатив глаза.

– Мистер Натт, вы меня слышите?

Он как будто проснулся.

– Уходите, – сказал он. – Это может быть очень опасно. Дверь вот-вот откроется.

– Какая дверь? – спросила Гленда, стараясь сохранять спокойствие, и посмотрела на аборигенов, которые наблюдали за ней с легким ужасом. – Принесите что-нибудь, чтобы его накрыть.

При этих простых словах обитатели подвала в панике разбежались.

– Я видел дверь. Она опять откроется, – повторил Натт.

– Нет никакой двери, мистер Натт, – сказала Гленда, оглядываясь.

Глаза Натта широко распахнулись.

– Она в моей голове.

В подвале невозможно было уединиться, он представлял собой лишь ответвление в бесконечно длинном коридоре. Мимо все время кто-нибудь проходил.

– По-моему, вы перетрудились, мистер Натт, – заметила Гленда. – Вы бегаєте по университету круглые сутки, вот и добегаєтесь до болезни. Вам нужно отдохнуть.

К ее удивлению, один из аборигенов принес одеяло, которое местами еще гнулось. Она укрыла им Натта в ту самую секунду, когда появился Трев. Выбора у молодого человека не было, потому что Бетон волок его за воротник. Трев посмотрел на Натта, перевел взгляд на Гленду...

– Что с ним такое?

– Не знаю, – Гленда поднесла палец к голове и слегка им покрутила в универсальном жесте, означающем «спятил».

– Уходите. Вам грозит опасность, – простонал Натт.

– В чем дело? – спросила Гленда. – Пожалуйста, скажи мне.

– Не могу, – ответил Натт. – Не могу сказать.
– Что именно? – уточнил Трев.
– Слова, которые не хотят быть сказанными. Могучие слова.
– Чем тебе помочь? – настаивала Гленда.
– Тебе плохо? – спросил Трев.
– Нет, мистер Трев. Перистальтика у меня с утра была в полном порядке.

Они увидели проблеск знакомого Натта – очень аккуратного, но немного странного.

– Ты что, болен головой? – спросила Гленда. Эти слова вырвались у нее от отчаяния.

– Да. Головой, – ответил Натт. – Тени. Двери. Не могу сказать...

– Кто-нибудь вообще умеет лечить такие болезни?

Натт некоторое время молчал.

– Да. Найдите какого-нибудь философа, получившего образование в Убервальде. Они умеют направлять мысли в нужное русло.

– То самое, что ты сделал для Трева? – уточнила Гленда. – Ты растолковал ему, что именно он думал про своего отца, и все такое, и Трев стал намного счастливее, да, Трев?

– Да, – ответил тот. – И не нужно тыкать меня локтем в ребра, мне правда полегчало. Может, тебя надо, это, загипнотизировать? – спросил он у Натта. – Однажды в мюзик-холле я видел одного типа, так он просто покачал блестящими часами, и люди стали делать всякие странные штуки. Даже лаяли, как собаки.

– Да, гипноз – важная часть философии, – подтвердил Натт. – Он помогает пациенту расслабиться, чтобы у мыслей появился шанс быть услышанными.

– Вот видишь, – сказала Гленда. – Почему бы тебе не попытаться усыпить самого себя? Сейчас я найду что-нибудь блестящее, чтобы покачать.

Трев вытащил из кармана свою любимую жестянку.

– Вуаля! И где-то, кажется, у меня была веревочка...

– Все это, конечно, очень хорошо, но я не смогу задавать нужные вопросы, потому что буду находиться под гипнозом, – заявил Натт. – Очень важно правильно задать вопрос!

– Я кое-что придумал, – сказал Трев. – Я велю тебе, чтоб ты сам себе задавал правильные вопросы. Ты бы знал, о чем спрашивать, если б тут лежал кто-нибудь другой?

– Да, мистер Трев.

– Но Трева тебе гипнотизировать не пришлось, – напомнила Гленда.
– Его мысли очень близко к поверхности. Боюсь, к моим так легко не подступиться.

– Тебя действительно можно будет загипнотизировать и сделать так, чтоб ты сам себе задавал правильные вопросы?

– В «Дверях обмана» Фуссбиндер действительно описывает способ самогипноза, – сказал Натт. – По-видимому, это вполне возможно... – Его голос оборвался.

– Ну, так давайте рискнем, – предложил Трев. – Лучше пукнуть, чем терпеть, как говорила моя бабуля.

– По-моему, не такая уж хорошая идея.

– Лично мне никогда не вредило.

– То, что я не знаю... то, что я не знаю... – забормотал Натт.

– Что такое? – спросила Гленда.

– То, что я не знаю... – повторил Натт. – Наверное, оно за дверью, потому что я убрал его туда... потому что, наверное, я не хочу об этом знать.

– Тогда, видимо, ты сам в курсе, чего именно ты не хочешь знать, – предположила Гленда.

– Да.

– Ну и насколько всё плохо? – поинтересовался Трев.

– Не исключено, что очень.

– А что бы ты сказал, будь я на твоём месте? – спросила Гленда. – Только не ври.

– Ну... – произнес Натт, слегка запинаясь, – наверное, я бы посоветовал вам заглянуть за дверь и лицом к лицу встретиться с тем, что вы не желаете знать, чтобы мы могли бороться с ним вместе. Именно такой совет, разумеется, даёт фон Кладполл в своей книге «Doppelte Berührungsempfindung», потому что этот поступок лежит в основе анализа скрытых мыслей.

– Тогда ладно, – сказала Гленда, отступая.

– Но какого же рода неприятные вещи могут таиться в вашей голове, мисс Гленда? – спросил Натт, умудряясь быть галантным даже в зловонном свечном подвале.

– Есть кое-что, – ответила та. – Нельзя прожить жизнь, не подцепив гадость-другую.

– Ночью мне снились сны.

– Ну, всем снятся дурные сны, – сказала Гленда.

– Это были не просто сны, – ответил Натт, распрямылся и протянул им

руку.

Трев присвистнул.

Гленда охнула, а потом спросила:

– У гоблинов так и должно быть?

– Понятия не имею.

– Тебе больно?

– Нет.

– Ну, мож, они отрастают, когда гоблин, типа, становится старше, – предположил Трев.

– Да, наверное, им зачем-то нужны когти, – подхватила Гленда.

– Вчера был такой чудесный день, – пожаловался Натт. – Я был частью команды, а команда была вокруг меня. Я радовался жизни. А сейчас...

Трев привязал к побитой, но сверкающей банке замызганную бечевку.

– Так, мож, выясним, в чем проблема?

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – заявила Гленда, – но если ты не хочешь знать, что именно ты не хочешь знать, то рано или поздно вещей, которые ты не хочешь знать, станет еще больше, и, если так и будет продолжаться, в твоей голове появится дыра.

– В том, что вы оба говорите, есть разумное зерно, – неохотно признал Натт.

– Помоги перенести его на кушетку, – попросил Трев. – Он, типа, должен так потеть?

– Сомневаюсь.

– Будет гораздо лучше, если вы меня прикуете, – сказал Натт.

– Зачем? С какой стати?

– Я думаю, осторожность не повредит. Некоторые вещи подползают под дверь. Они могут быть очень опасны.

Гленда взглянула на когти – черные, блестящие и, на свой лад, довольно аккуратные. Но трудно было представить, чтобы ими, например, рисовали картину или готовили омлет. Когти есть когти, они нужны, чтобы... когтить, не так ли? Но это же мистер Натт. Даже с когтями он оставался мистером Наттом.

– Ну что, начнем? – спросил Трев.

– Я настаиваю, чтобы меня приковали, – повторил Натт. – В старой кладовой, четырьмя дверьми дальше, лежит всякий металлический хлам. Я видел там цепи. Пожалуйста, поторопитесь.

Гленда машинально взглянула на когти и увидела, что они удлиняются.

– Да, Трев, пожалуйста, поторопись.

Трев проследил ее взгляд и бодро ответил:

– Я живо обернусь, ты и моргнуть не успеешь.

Меньше чем через две минуты Гленда услышала лязг – Трев тащил цепи по коридору.

Она боролась со слезами. Все это было так странно. Они перенесли Натта на кушетку и осторожно обмотали цепями, и там он лежал, глядя в потолок.

– К замкам нет ключей. Если я их закрою, то не сумею открыть.

– Закройте, – попросил Натт.

Гленда очень редко плакала и сейчас старалась удержаться.

– Мы зря это затеяли, – сказала она. – Только не здесь, в подвале. На нас же смотрят.

– Пожалуйста, покачайте маятником, мистер Трев, – сказал Натт.

Трев пожал плечами и подчинился.

– А теперь скажите, что я засыпаю, мистер Трев.

Тот откашлялся, продолжая качать жестяной туда-сюда.

– Ты, типа, засыпаешь. Ты очень хочешь спать.

– Вот так, хорошо. Я невероятно хочу спать, – устало произнес Натт. – А теперь попросите, чтобы я занялся самоанализом.

– Что это такое? – быстро спросила Гленда, всегда настороже, когда дело касалось опасных слов.

– Прошу прощения. Я имею в виду: помогите мне исследовать в подробностях работу моего собственного ума при помощи вопросов и ответов.

– Но я ж не знаю, какие вопросы задавать! – воскликнул Трев.

– Зато я знаю, – терпеливо произнес Натт, – но вы должны приказать мне сделать это.

Трев пожал плечами.

– Мистер Натт, вы, типа, должны выяснить, какие проблемы у мистера Натта.

– Да, – сказал Натт, и его интонации слегка изменились. – Удобно ли вам, мистер Натт? Да, спасибо. Цепи почти не давят. Очень карашо. А теперь расскажите мне про вашу маму, мистер Натт. Это понятие мне знакомо, но у меня никогда не было матери, насколько я помню. В любом случае спасибо, что спросили.

То ли монолог, то ли диалог продолжался. Трев и Гленда сидели на ступеньках, пока тихий голос не произнес:

– О, та, библиотека. Что-нибудь такое есть в этой библиотеке, мистер Натт?

– В библиотеке много книг.

– А что еще в библиотека, мистер Натт?
– В библиотеке много кресел и лестниц.
– А что еще есть в библиотека, о чем вы не желаете мне рассказывать, мистер Натт?

Трево и Гленда подождали. Наконец послышался ответ:

– В библиотеке стоит шкаф.
– Этот шкаф какой-то особенный шкаф, мистер Натт?
Снова пауза, снова слабый тонкий голосок:
– Я не должен туда заглядывать.
– Почему он наполовину говорит как убервальдец? – спросила Гленда у Трево, забыв, какой у Натта примечательно тонкий слух.

– В исследованиях подобного рода вопросы задаются с легким убервальдским акцентом, чтобы пациент чувствовал себя карашо и спокойно, – ответил Натт. – Я буду очень благодарен, если вы больше не станете перебивать.

– Извините, – сказала Гленда.

– Нишего страшного. Итак, почему вы не должны открывать шкаф, мистер Натт?

– Потому что я обещал ее светлости, что не буду.

– Но вы открываете шкаф, мистер Натт?

– Я пообещал ее светлости, что не буду.

– Но вы открываете шкаф?

Пауза.

– Я пообещал ее светлости, что не буду.

– Вы многое узнаете в замке, да, мистер Натт?

– Много.

– Вы научились делать отмычки, мистер Натт?

– Да.

– Где дверь сейчас, мистер Натт?

– Прямо передо мной.

– Вы уже открывали дверь раньше, мистер Натт. Вы думаете, что вы этого никогда не делали, но вы уже делали. Нужно, чтобы вы все-таки открывали ее теперь еще раз.

– Но то, что за ней, – очень страшно!

Двое подслушивающих вытянули шеи.

– Нишего страшного. Нет нишего страшного. В прошлом вы открывали дверь, потому что были глупым ребенком. А теперь, чтобы понимаете, вы должны открывать ее со всей мудростью взрослого. Открывайте же дверь, мистер Натт, и я войду туда вместе с вами.

– Но у меня нет отмычки.

– Природа вам поможет, мистер Натт.

Гленда задрожала. Возможно, у нее просто разыгралось воображение, но из свечных подвалов они как будто перенеслись совсем в другое место.

Перед Наттом тянулся коридор. Он чувствовал, как с него спадает все – цепи, одежда, плоть, мысли. Остался только коридор, по которому навстречу ему плыл шкаф со стеклянными дверцами. Свет отражался в скошенных гранях. Натт протянул руку и выставил коготь, который прошел сквозь дерево и стекло, как сквозь воздух. В шкафу была всего одна полка, а на ней – всего одна книга, с серебряной надписью на обложке. Книгу опутывали стальные цепи. Их оказалось гораздо проще снять, чем в прошлый раз. Натт сел на стул, которого до тех пор там не было, и принялся читать. Книга называлась «Орк».

Крик издал не Натт, а кто-то сверху, из путаницы труб. Худая женщина в длинном черном платье свалилась на каменные плиты и по-кошачьи огляделась. «Ведьма, что ли? – подумала Гленда, испуганная этим внезапным явлением. – Нет, больше похоже на птицу».

Существо открыло рот и закричало:

– Опасность! Опасность! Берегись! Берегись!

Оно метнулось к кушетке, но дорогу ей преградил Трев.

– Глупец! Орк съест твои глаза!

Голоса зазвучали дуэтом, потому что из мрака выскользнуло второе существо. За спиной у него развевался то ли плащ, то ли крылья. Люди-птицы непрерывно двигались, метались туда-сюда, стараясь подобраться ближе к кушетке.

– Не бо-о-ойтесь! – крикнуло одно из них. – Мы на ва-а-ашей стороне! Мы здесь, чтобы защитить вас!

Гленда, дрожа от ужаса, с трудом поднялась и скрестила руки на груди. Эта поза всегда придавала ей уверенности.

– Да кто вы вообще такие? – поинтересовалась она. – С какой стати вы сваливаетесь с потолка и орете? И с вас перья сыплются! Гадость какая. Здесь готовят еду... во всяком случае, неподалеку отсюда!

– Давайте валите отсюда! – поддержал Трев.

– Да уж, теперь они поймут, – сквозь зубы сказала Гленда. – Сразу видно, ты долго думал, что бы такое сказать.

– Вы не понимаете, – проскрипело одно из существ. Лица у них были странные, как будто кто-то скрестил птицу с женщиной. – Вам грозит огромная опасность!

– От вас? – уточнила Гленда.

– От орка! – ответила женщина-птица и разразилась криком: – Орк!!!

В тени, сидя перед открытым шкафом, призрачный Натт перевернул страницу. Он почувствовал рядом чье-то присутствие, поднял голову и увидел лицо ее светлости.

– Почему вы запретили мне открывать эту книгу?

– Потому что я хотела, чтобы ты ее прочел, – ответила она. – Ты должен был узнать правду сам. Именно так и положено ее узнавать.

– А если она ужасна?

– Думаю, ты знаешь ответ на этот вопрос, Натт, – произнесла ее светлость.

– Да. Ужасна она или нет, она остается правдой.

– А еще? – спросил голос, точь-в-точь учитель, подбадривающий смышленного ученика.

– А еще правду можно изменить, – сказал Натт.

– Мистер Натт – гоблин, – заявил Трев.

– Ага, ну да, – ответила женщина-птица. И эта фраза прозвучала чертовски экзотично для существа, чье лицо все более напоминало птичий клюв.

– Если я закричу, сюда сбегутся люди, – предупредила Гленда.

– И что?

«Вот именно, что? – подумала Гленда. – Они будут стоять, гадать, что случилось, и задавать те же самые вопросы, что и мы».

Она снова шагнула вперед, когда одно из созданий попыталось добраться до кушетки.

– Орк всех убьет, – произнес третий голос, и очередная тварь, от которой воняло падалью, рухнула с потолка прямо перед Глендой.

– Мистер Натт – добрый, ласковый, он никому никогда не причинял вреда, – возразила Гленда.

– Если только по заслугам, – поспешно добавил Трев.

– Но теперь орк знает, кто он такой, – сказала женщина-птица. Они втроем то наступали, то отступали, словно исполняя зловещую павану.

– Я так думаю, вам нельзя трогать нас, – сказал Трев. – И вы не тронете.

Он быстро сел рядом с лежавшим Наттом и притянул к себе Гленду.

– Я так понимаю, они должны, типа, вести себя по правилам, – объяснил он. Фигуры немедленно перестали приплясывать и застыли, как статуи.

– У них когти на ногах, – тихо произнесла Гленда. – Три штуки...

– Четыре, – поправил Трев.

– Что?

– Только четвертый палец у птиц, типа, сзади, его почти не видно.

Мало кто знает, что это тоже палец.

– Зато, гляжу, ты знаешь, – хмыкнула Гленда. – Ты внезапно стал большим специалистом по жутким тварям?

– Ничего не могу поделывать, иногда сам не знаешь, где набираешься.

– Мы должны защитить вас! – сказала женщина-птица.

– Нас не нужно защищать от мистера Натта! Он наш друг! – воскликнула Гленда.

– И у многих ваших друзей есть когти?

– Что страшного может случиться здесь, в Незримом Университете, где очень толстые стены, а вокруг кишмя кишат волшебники?

Одна из женщин вытянула шею, так что ее лицо оказалось в нескольких дюймах от Трева.

– Здесь, с вами, орк.

Брякнула цепь. Натт слегка шевельнулся.

– Вы ведь кому-то служите? – спросил Трев. – У вас такие маленькие головки. Вам просто мозгов не хватило бы, чтоб все это самим придумать. Волшебники знают, что вы здесь?

Гленда завизжала. Раньше она никогда не визжала – по крайней мере, по-настоящему, от ужаса. Порезать палец при неосторожном обращении с ножом – это не считается, и, разумеется, тогда она не стала бы кричать так громко. Визг эхом пронесся по коридорам, залетел в подвалы, заставил звенеть старые своды ^[15].

Гленда завизжала второй раз. Поскольку легкие уже обрели некоторую практику, получилось громче. В обоих концах коридора слышались торопливые шаги.

Очень приятный звук.

В отличие от тихого металлического побрякивания, которое означало, что одна из цепей порвалась и медленно сползает на пол.

Странные существа запаниковали, пытаясь взлететь все одновременно. Они были неуклюжи, как цапли, и постоянно сталкивались друг с другом.

– И не возвращайтесь! – крикнула вдогонку Гленда, когда они исчезли во мраке, а потом повернулась к Треву и с колотящимся сердцем спросила:

– Что такое орк?

– Не знаю. Типа, какая-то старая страшилка, – ответил тот.

– Что это были за твари?

– Знаю, это прозвучит глупо, – сказал Трев, – но одну из них мы с ним недавно видели. Натт, кажется, считает, что они, типа... его друзья.

Из темных коридоров выбежали мясники, пекари, дворецкие и слугообразы, в том числе слугообраз Шноббс (не родственник), который по необъяснимой причине явился в официальном котелке, майке и трусах, слишком коротких и тесных для человека столь внушительных размеров.

Он посмотрел на Гленду, потом яростно взглянул на Трева. С точки зрения слугообраз Шноббса (не родственника), такие люди, как Трев, автоматически переходили в разряд врагов.

– Кто кричал? Что случилось? – спросил он.

– Я, это... сделал непристойное предложение, звиняйте, – ответил Трев и посмотрел на Гленду. Выражение его лица гласило: «А теперь выручи меня».

– Боюсь, девическая скромность взяла надо мной верх, – сказала Гленда, проклиная его глазами.

– Должно быть, чертовски странное было предложение, – заметил пекарь, который, судя по всему, решил, что очень длинный батон способен оказать существенную помощь в драке. Но он ухмылялся, и это был хороший знак.

«Если все закончится ухмылками и подмигиванием, значит, обошлось, – подумала Гленда. – Трудненько будет сделать так, чтобы они об этом позабыли, но уж ладно».

– А зачем этого парня приковали к кровати? – спросил слугообраз.

– Ага, я гляжу, тут еще одно непристойное предложение, – подхватил пекарь, который явно наслаждался ситуацией.

«Сейчас я кого-нибудь убью, причем не исключено, что саму себя», – подумала Гленда.

– А, мистер Натт, – продолжал слугообраз. – Кстати, у нас тренировка через пять минут.

За спиной у Гленды снова что-то лязгнуло, и Натт произнес:

– Не волнуйтесь, Альфонс, я это часто проделываю. Динамическое напряжение способствует укреплению мускулов.

– Альфонс? – переспросил пекарь, недоверчиво глядя на слугообраз. – А я думал, тебя зовут Альфред, сокращенно Альф. Альфонс – это же щегобанское имя, нет? Так ты, значит, не здешний?

Судя по тону, он обвинял, а не спрашивал.

– Ну и что такого, если Альф – это сокращенное от Альфонса? – поинтересовался слугообраз. У него были огромные ручищи, способные смутить даже Наверна Чудакулли, доведись ему играть со слугообразом в

ладушки. А еще у Шноббса (не родственника) покраснели уши. Для человека подобных размеров это дурной знак.

– Я ж разве говорю, что мне имя не нравится, – ответил пекарь, с запозданием выставляя впереди себя батон. – Но я бы в жизни не догадался, что тебя зовут Альфонс. Вот ведь как бывает.

– Я орк, – тихо произнес Натт.

– И вообще, Альфонс – хорошее имя, – продолжал пекарь. – «Фонс» слегка портит дело, но против Альфа лично я ничего не имею... – Тут он замолчал и повернулся к Натту: – В смысле, орк?

– Орк, – повторил Натт.

И где-то в хаосе труб центрального отопления послышался пронзительный крик:

– Орк! Орк!

– Не ври, никаких орков больше нет. Их всех перебили давным-давно. Я где-то читал, их очень трудно убить, – сказал дворецкий.

– В последней части вашего утверждения вы совершенно правы, – произнес Натт, все еще прикованный к кушетке. – Но тем не менее я орк.

– Вы сказали мне, что вы гоблин, мистер Натт, – напомнила Гленда. – Вы сказали – гоблин.

– Я был введен в заблуждение, – ответил Натт. – А теперь я знаю, что я орк. И, наверное, всегда знал. Я открыл дверь, прочел книгу и узнал правду, которая крылась в моей душе. Я орк – и более того, орк, которому очень хочется выкурить сигару.

– Но это ж были такие огромные жуткие чудовища, которые дрались без передышки и могли даже оторвать собственную руку, чтобы стукнуть ею врага по башке! – заметил слугообраз Шноббс (не родственник). – Я читал статью в «Луках и доспехах»!

Все взгляды обратились на руки Натта.

– Да, таков приговор истории, – произнес Натт и взглянул на Гленду. – Мне очень жаль, – сказал он. – Я нарушил запрет, но так поступают все, об этом пишет Шнузентинтль в своей книге «Повиновение неповиновения». Вот я и задумался, что такое спрятано в шкафу. И у меня действительно имелся некоторый опыт с отмычками. Я открыл шкаф, прочел книгу и... – цепи зазвенели, когда он заерзал, – ...и нарушил правила. Полагаю, все их нарушают. Мы хорошо умеем скрывать от самих себя то, чего не желаем знать. Я, например, очень хорошо скрывал. Но правда выходит на свет – во сне и в некоторых других вещах, когда перестаешь быть настороже. Я орк, можете не сомневаться.

– Так, ну допустим, ты орк, тогда почему ты еще не оторвал мне

голову? – спросил слугообраз Шноббс (не родственник).

– Вы этого хотите? – уточнил Натт.

– Э... нет!

– И вообще, какая разница? – спросил Трев. – Это ж древняя история. А сейчас у нас тут вампиры пачками шляются. И тролли, и големы, и зомби, ну и просто всякие понаехавшие. Какая разница, что, типа, было тыщу лет назад?

– Погодите минуту, погодите, – перебил дворецкий. – Он не может никому оторвать голову, потому что он прикован.

– Зачем вы это придумали? – спросила Гленда у Натта.

– Чтобы никому не оторвать голову. Я подозревал правду, хотя еще не знал наверняка, что такое я подозреваю. По крайней мере, мне так кажется.

– Значит, ты не сможешь освободиться и разорвать нас на части, – заключил слугообраз Шноббс (не родственник). – Извини, ничего личного, но значит, тренировки не будет?

– Мне очень жаль, – сказал Натт, – но, как вы видите, я слегка не в том состоянии.

– Вы чокнулись, что ли? – как ни странно, эту фразу произнесла Джульетта, стоявшая в дверях. – Это же Натт. Он делает свечи, и все такое. Я его каждый день вижу, и он еще никому не оторвал ногу. Или голову. А еще он любит футбол!

Гленде показалось, что она услышала, как у Трева забилось сердце. Она поспешно подошла к Джульетте и прошипела:

– Я же велела тебе уходить!

– Я вернулась, чтобы поговорить с Тревом. Он все-таки написал такие клевые стихи.

– А девочка права, – заявил мужчина в мясницком фартуке. – Я сто раз видел вашего Натта, и никакие оторванные ноги он в руках не носил.

– Точно, – поддержал пекарь. – И вообще, для вчерашнего банкета он сделал отличные свечи. Чем-чем, а этим орки точно заниматься не стали бы.

– А еще, – сказал слугообраз Шноббс (не родственник), – вчера он нас тренировал и ни разу не велел: «Эй, парни, идите и оторвите им головы».

– Это да, – вставил дворецкий, который, по мнению Гленды, вряд ли пользовался общей любовью. – Люди никому не отрывают головы. Не то что орки.

Вдалеке послышался крик: «Орк! Орк!»

– Он нас учил таким штукам, о которых мы б сами и не подумали, – продолжал слугообраз, – например, играть с завязанными глазами. С ума

сойти можно. Прямо какая-то философия, а не футбол, но все-таки очень здорово.

– Тактическое мышление и планирование боевых действий свойственны орочьей натуре. Но за это приходится платить.

– Убедились? Те, кто платит натурой, обычно никому не отрывают головы!

– Ты мою бывшую жену видел? – поинтересовался пекарь.

– Я б тоже сбежал, если бы ты вздумал платить натурой, – ответил мясник, к общему восторгу. – Пусть себе будет орком сколько вздумается, только без закидонов.

Гленда посмотрела на Натта. Он плакал.

– Друзья мои, спасибо за доверие, – сказал он.

– Ну, ты же вроде как часть команды, – ответил слугообраз Шноббс (не родственник), которому почти удалось улыбкой замаскировать свое волнение.

– Спасибо, мистер Шноббс, для меня это много значит, – ответил Натт, вставая.

Это было не просто движение.

Гленда навсегда запомнила, словно в замедленном действии, как цепи рвались, а дерево трескалось. Натт поднялся, как будто его удерживала паутина; обрывки цепей разлетелись и ударились о стену. Замки сломались, кушетка рассыпалась на составные части и рухнула на пол грудой обломков.

– БЕЖИМ!!!

Понадобился бы специальный микрометр, чтобы понять, кто крикнул первым, но топот по коридору затих очень быстро.

– Знаете, – сказал Трев после короткого молчания, – а я уже подумал, что все будет хорошо.

– Эти женщины... – сказала Гленда. – Кто они такие?

Натт уныло стоял посреди обломков. Кусок цепи соскользнул с него, как змея, и свалился на пол.

– Кто такие? – переспросил он. – Младшие Сестры Вечного Движения. Они из Эфеба. Если не ошибаюсь, эта разновидность называется фуриями. Полагаю, ее светлость послала их сюда на тот случай, если я попытаюсь кому-нибудь причинить вред.

Натт говорил совершенно бесстрастно.

– Но ты никому не сделал ничего плохого, – возразила Гленда.

– Все убежали, потому что я орк, – заметил Натт.

– Просто они самые обыкновенные люди, – ответила Гленда. – Они...

– ...придурки, – договорил Трев.

Натт повернулся и зашагал по коридору, отбрасывая на ходу обрывки цепей и обломки дерева.

– Мир полон самых обыкновенных людей.

– Не отпускайте его! – крикнула Джульетта. – Так нельзя! У него же такой вид, как будто ему по шарам съездили!

– Я, типа, его босс, я за ним пригляжу, – отозвался Трев.

Гленда схватила его за руку:

– Нет. Я сама все улажу. А ты послушай меня, Трев Навроде, хоть ты и трепач, но, кажется, приличный парень, поэтому вот что я тебе скажу: видишь Джульетту? Ты ее знаешь, она работает на кухне. Ты написал ей очаровательные стихи, правда? Слышал когда-нибудь сказку про Сажушку? Наверное, слышал. Так вот, хоть ты, на мой вкус, и не прекрасный принц, но бывает и хуже.

– Чего ты несешь, блин? – спросил Трев.

– Джульетта скоро уедет. Да, Джу?

Лицо Джульетты застыло.

– Да, но...

– Потому что она и есть та девушка в газетах.

– Что, та гномиха в кольчуге? С бородой?

– Да, это она! И теперь Джу намерена сбежать вместе с цирком, ну, в смысле, ты меня понял. Она хочет работать в модном магазине.

– Но у нее же нет бороды, – сказал Трев.

Джульетта, покраснев, сунула руку под фартук и, к удивлению Гленды, вытащила бороду.

– Мне ее разрешили оставить, – ответила она, нервно хихикая.

– Так, – сказала Гленда. – Ты говоришь, что любишь его. Трев, я не знаю, любишь ли ты Джульетту, но пора уже решиться. Вы оба взрослые люди, хотя бы теоретически, поэтому разбирайтесь сами, потому что поблизости я не вижу ни одной феи-крестной. А что касается мистера Натта, у него вообще никого нет.

– Джульетта уедет из города? – спросил Трев. До мужчин обычно доходит дольше.

– Да. Причем надолго, насколько я понимаю, – ответила Гленда.

Она внимательно наблюдала за ним. «Ты ничему не учился и в жизни не открывал книги, Тревор Навроде, но ты смысленный парень, ты должен знать, что на мои слова можно отреагировать двумя способами – правильно и неправильно». Она видела, как его лицо стремительно менялось, пока он раздумывал, и наконец Трев сказал:

– Да, это клево. Джу всегда о чем-то таком мечтала. Я за нее очень рад.
«Ах ты, ловкий плут, ты все-таки поступил правильно, – подумала Гленда. – Ты делаешь вид, что совсем не думаешь о себе, потому что иначе я на тебя и не взгляну, и ты это знаешь. Может, ты и искренен. Боги свидетели, лично я думаю, что ты искренен, но скорее я сама выдерну себе все зубы, чем скажу это».

– Она нравится тебе, ты нравишься ей, а я наделала кучу глупых ошибок. Теперь решайте, чего вы хотите. И на вашем месте я бы сбежала, пока кто-нибудь вас не опередил. Могу я дать тебе совет, Трев? Не будь хитрым. Лучше будь умным.

Трев взял Гленду за плечи и поцеловал в обе щеки.

– Вот это, типа, хитро или умно?

– Убирайся, Трев Навроде! – воскликнула Гленда, отталкивая молодого человека в надежде, что он не заметит, как она покраснела. – Пойду посмотрю, куда подевался мистер Натт.

– Я знаю, куда он пошел, – сказал Трев.

– Я, кажется, только что велела вам проваливать и жить долго и счастливо, – напомнила Гленда.

– Без меня ты его не найдешь, – возразил Трев. – Прости, Гленда, но нам тоже не все равно.

– Давайте кого-нибудь позовем, – предложила Джульетта.

– И что? – поинтересовалась Гленда. – Тот, кто откликнется, будет вести себя точно так же, как те, что тут уже побывали. Слоняться вокруг в надежде, что кого-нибудь осенит. И потом, – добавила она, – я уверена, что волшебники все знают про Натта. Даже не сомневаюсь.

Через десять минут она вынуждена была признать, что Трев не ошибся. Скорее всего, она и не заметила бы дверь в дальнем конце очередного заброшенного, заваленного всяким хламом подвала. Из-под двери пробивался свет.

– Однажды я за ним проследил, – объяснил Трев. – У каждого должно быть место, которое он, типа, может назвать домом.

– Да, – согласилась Гленда и открыла дверь. С тем же успехом она могла открыть дверцу духовки. В комнатке стояли свечи всех размеров и цветов, и большинство из них горели. Натт сидел в центре, за шатким столиком, тоже заставленном свечами. Они горели самыми разными цветами. Он тупо смотрел на них и даже не поднял голову, когда Гленда подошла.

– Знаете, я боялся, что так и не сумею получить синий цвет, – сказал Натт, обращаясь в пустоту. – Добиться оранжевого, разумеется, до

смешного легко, и красного, конечно, тоже, и зеленый получить не так сложно, но синий цвет, который у меня получался до сих пор, был, нужно признать, по большей части зеленым... – Его голос оборвался.

– Ты в порядке? – спросила Гленда.

– Вы имеете в виду – не считая того, что я орк? – с тонкой улыбкой уточнил Натт.

– Э... да, но ты же не виноват.

– И ваще, этого не может быть, – заявил Трев.

Гленда повернулась к нему.

– Ну и зачем ты это сказал?

– Говорят, типа, они все вымерли тысячу лет назад.

– Их истребили, – поправил Натт. – Но некоторые выжили. Боюсь, когда об этом упущении станет известно, найдутся те, кто пожелает откорректировать ситуацию.

Трев непонимающе взглянул на Гленду.

– Он имеет в виду, что его, возможно, попытаются убить, – объяснила она.

Натт продолжал смотреть на свечи.

– Я должен приносить пользу. Должен помогать. Должен быть дружелюбным. Должен заводить друзей.

– Если кто-нибудь захочет тебе навредить, я его убью, – заявила Гленда. – И если ты даже не попытаешься оторвать кому-нибудь ногу, то попытаюсь я. Трев, здесь нужна женская забота.

– Ага, я вижу.

– Не смешно, Трев Навроде. Нет, мистер Натт, вы останетесь здесь! – сказала Гленда, выталкивая Трева и Джульетту в коридор. – Ступайте, я хочу поговорить с ним наедине.

Натт опустил голову, когда она вернулась в комнату.

– Простите, что я все испортил.

– Куда подевались ваши когти, мистер Натт?

Он вытянул руку, и когти со слабым шорохом удлинились.

– О. Очень удобно, – сказала Гленда. – По крайней мере, вы сможете самостоятельно сменить рубашку.

Она стукнула по столу так, что свечи подпрыгнули.

– А теперь встаньте! – крикнула она. – И ступайте тренировать команду, мистер Натт, или вы забыли? Вы должны сейчас быть там, на газоне, и учить волшебников играть в футбол!

– Я должен приносить пользу, – повторил Натт, глядя на свечи.

– Тогда идите на тренировку, мистер Натт! Отчего вы так уверены, что

орки непременно плохи?

– Мы совершали ужасные вещи.

– *Они*, – поправила Гленда. – Они, но не мы и не вы. В одном я не сомневаюсь: когда идет война, трудно сказать, что противная сторона сплошь состоит из милых и приятных людей. А теперь, может быть, вы наконец займетесь командой? Неужели это так сложно?

– Вы же сами видели, что случилось, – сказал Натт. – Я мог вам навредить.

Он взял свечу, горевшую почти синим пламенем.

– Я должен подумать.

– Ладно, – сказала Гленда.

Она осторожно прикрыла дверь, прошла по коридору и взглянула на капавшие трубы.

– Я знаю, там кто-то сидит и слушает. Я слышала, как трубы скрипели. Выходите, ну.

Ответа не было. Она пожала плечами и заспешила по лабиринту коридоров, пока не достигла лестницы, ведущей в библиотеку. Гленда взбежала по ступенькам и направилась к столу библиотекаря.

Как только она приблизилась, над столом замаячило большое ухмыляющееся лицо.

– Мне нужно... – начала она.

Библиотекарь медленно выпрямился, поднес палец к губам и положил на стол перед ней книгу. Заглавие, выведенное серебром по черному, состояло из трех букв. Оно гласило:

ОРК

Библиотекарь оглядел Гленду с ног до головы, словно пытаясь прийти к какому-то выводу, открыл книгу и принялся с крайней осторожностью, учитывая толщину его пальцев, листать, пока не нашел нужную страницу. Он показал ее Гленде.

Сегодня она не успела позавтракать, но, как оказалось, желудок способен вывернуться, даже если он пуст. Если бы Гленде нарочно было нужно вызвать рвоту, гравюра, которую держал перед ней библиотекарь, оказалась бы наилучшим средством.

Он положил книгу, сунул руку в ящик и извлек почти не использованный платок, а еще, после непродолжительных поисков, стакан воды.

– Я не обязана этому верить, – объявила Гленда. – Это рисунок. Выдумка.

Библиотекарь показал оттопыренный палец и кивнул. Он сунул книгу под мышку, схватил Гленду за руку и с удивительной скоростью повлек по огромному лабиринту университетских коридоров и переходов.

Это стремительное путешествие закончилось перед дверью, на которой значилось «Отдел посмертных связей». Яркая краска, впрочем, местами облупилась, и под новой надписью можно было разобрать буквы «НЕКР...» и приблизительное изображение половинки черепа.

Дверь открылась – всякая дверь, которую толкал библиотекарь, с гарантией открывалась. Гленда услышала лязг упавшей на пол щеколды.

В центре комнаты возвышалась кошмарная фигура. Впрочем, ее ужасающее лицо произвело меньший эффект, чем могло бы, потому что с него свисал хорошо заметный ярлычок с надписью «Боффо, Розыгрыши и Шутки. Новая Маска Некроманта. Цена 3 доллара». Под ней обнаружилось румяное лицо доктора Икса.

– Честно говоря, никакой необходимости... – начал он и заметил библиотекаря. – Чем могу помочь?

Библиотекарь показал книгу, и доктор Икс застонал.

– Что, опять? Ну ладно. Что вам нужно?

– У нас в подвале орк, – сказала Гленда.

– Я знаю, – ответил доктор Икс.

Лицо у библиотекаря было большое, но все-таки недостаточно, чтобы вместить всё удивление, которое он попытался выразить. Глава отдела посмертных связей пожал плечами и вздохнул.

– Слушайте, – он вздохнул, как будто устал от частых объяснений, – согласно университетским статутам, я должен быть плохим парнем. Подслушивать под дверью. Баловаться черной магией. У меня перстень с черепом. Жезл с черепом...

– И маска из магазина розыгрышей? – намекнула Гленда.

– Между прочим, очень полезная штука, – высокомерно ответил Икс. – Гораздо страшнее оригинала и вдобавок моется, что в нашей работе также немаловажно. В любом случае аркканцлер побывал здесь уже несколько недель назад, причем с тем же самым вопросом, насколько я понимаю.

– Орки правда были ужасными созданиями? – спросила Гленда.

– Могу тебе показать, – сказал Икс.

– Господин библиотекарь уже показал мне картинку в книге.

– Ту, где орк с глазами в руке?

Воспоминание было еще слишком свежо.

– Да!

– Ну, бывало и хуже, – жизнерадостно воскликнул Икс. – Я так полагаю, тебе нужны доказательства?

Он слегка повернулся.

– Чарли!

Из-за черной занавески в дальнем конце комнаты вышел скелет. В руке он держал кружку. Было что-то невероятно тоскливое в надписи на ней, которая гласила «Некроманты ЭТИМ занимаются всю ночь».

– Не бойся, – предупредил доктор Икс.

– Я и не боюсь, – ответила Гленда, перепуганная до чертиков. – Я видела кишки на бойне, это часть моей работы. И потом, ваш Чарли чистенький.

– Большое спасибо, – произнес скелет.

– Его не так-то легко было раздобыть, – сказал доктор Икс. – Мы – не самый популярный отдел в университете. Чарли, юная леди хочет узнать побольше про орков.

– Опять? – скелет протянул доктору кружку. Он говорил довольно хриплым голосом, но, в общем, выглядел далеко не так страшно. Помимо всего прочего, кости у него были... помимо всего прочего, они парили в воздухе, как единственно видимые части невидимого тела. Челюсть задвигалась, и Чарли продолжал: – Если не ошибаюсь, в отстойнике еще осталась память, потому что, вы помните, мы вызывали картинку для Чудакулли. У меня так и не дошли руки стереть.

– Какая память? – спросила Гленда.

– Это такая магия, – надменно отозвался Икс. – Долго объяснять...

Гленда нахмурилась.

– Давайте в двух словах.

– Ладно. Мы практически уверены, что так называемое течение времени – это на самом деле разрушение и немедленное восстановление вселенной в кратчайшее мгновение вероятности, какое только возможно. В то время как процесс на каждом этапе происходит за доли секунды, тем не менее обновление вселенной целиком занимает, по нашему мнению, примерно пять дней. Что интересно...

– А можно в двух словах покороче?

– То есть ты не хочешь послушать про Хаусманову теорию мировой памяти?

– Пожалуйста, пусть эти слова будут не длиннее двух слогов, – попросила Гленда.

– Тогда представь себе следующее: современные ученые полагают, что

старая вселенная не уничтожается в то мгновение, когда создается новая. Это процесс, который, между прочим, успел случиться уже миллиарды раз с тех пор, как я начал говорить...

– Охотно верю. А теперь можно односложными словами?

– Копии вселенной сохраняются. Мы не знаем как, не знаем где, и я трачу чертову прорву сил, пытаюсь понять, как все это происходит. Но мы обнаружили, что иногда возможно, э... прочесть мировую память при определенных обстоятельствах. Я уложился в «два слова»?

– То есть у вас есть что-то вроде волшебного зеркала? – спокойно спросила Гленда.

– Даже не два слова, а одно. Да.

– Значит, – удовлетворенно произнесла Гленда, – вы говорите, что все случившееся где-то сохраняется и на него можно посмотреть, если знать как?

– Суть превосходно схвачена, – одобрил Икс. – Очень дельно... и в то же время неточно во всех смыслах. Но, как ты и сказала, мы пользуемся... – и тут он слегка вздрогнул, – волшебным зеркалом. Недавно мы с аркканцлером смотрели битву в Орочьей Низине. Там в последний раз в бой ввели расу, называющуюся орками.

– Ввели? – уточнила Гленда.

– Использовали.

– *Использовали?! И вы можете что-нибудь такое найти во всей мировой истории?*

– Для начала нужна зацепка, – сказал Икс. – То, что осталось в настоящем. И я скажу вам, юная леди, что на поле боя был найден фрагмент черепа. Поскольку это череп, он, разумеется, оказался в моем ведении... – Он повернулся к библиотекаря: – Ей ведь можно показать?

Библиотекарь потряс головой.

– Хорошо. Значит, я сделаю это, согласно университетскому статуту. Я обязан периодически проявлять тайное непослушание. Итак, мы поместили череп под омнископ. Поскольку мой коллега абсолютно уверен, что делать этого не следует, он не будет возражать, если я это так сделаю. Промежуток времени очень короткий, но аркканцлер впечатлился, если «впечатление» – подходящее слово.

– Я кое-что хочу уточнить, – сказала Гленда. – Вы действительно не подчиняетесь приказам самого аркканцлера?

– О да, – ответил Икс. – Более того, инструкции от меня этого требуют. Предполагается, что я именно *так* и буду себя вести.

– Но... что же получается? – спросила Гленда. – Что случится, если он

отдаст вам приказ, который нужно непременно выполнить?

– Мы уживаемся благодаря здравому смыслу и доброй воле всех заинтересованных сторон, – объяснил Икс. – Если, например, аркканцлер отдает приказ, который никоим образом нельзя игнорировать, он добавляет что-нибудь вроде: «Икс, мелкий гад (согласно университетскому статуту), если ты не сделаешь того, что я сказал, я тебе голову разобью». В реальной жизни, мадам, умный понимает с полуслова. Мне доверяют настолько, что позволяют быть недостойным доверия. Прямо и не знаю, как бы аркканцлер обходился без меня.

– Да уж, – ухмыляясь, вставил Чарли.

Через несколько минут Гленда оказалась в другой темной комнате. Она стояла перед круглым темным зеркалом высотой примерно с нее.

– Это что-то вроде Движущихся Картинок? – саркастически поинтересовалась она.

– Занятное сравнение, – сказал Икс. – С той разницей, что, во-первых, не будет попкорна, а во-вторых, он бы вам в горло не полез. В качестве камеры в данном случае выступает зрение одного из участников, а в качестве сюжета – последнее, что он увидел.

– Он и есть хозяин черепа?

– Умница. Я вижу, вы умеете делать выводы, – сказал Икс.

Наступила короткая тишина.

– Будет очень страшно, да?

– Да, – сказал Икс. – Не исключаю, что будут сниться кошмары. Даже с моей точки зрения, это весьма неприятное зрелище. Ты готов, Чарли?

– Готов, – отозвался Чарли из темноты. – Вы уверены, мисс?

Гленда отнюдь не была уверена, но решила, что лучше кошмары, чем созерцание всезнающей улыбочки доктора Икса.

– Да, – сказала она, стараясь говорить твердо.

– Фрагмент, который мы покажем вам, длится меньше трех секунд, но я сомневаюсь, что у вас появится желание его пересматривать. Все готовы? Спасибо, Чарли.

Стул, на котором сидела Гленда, резко откинулся, и Икс, который маячил рядом, едва успел ее подхватить.

– Это единственное известное нам изображение орка в бою, – сказал он, помогая Гленде подняться. – А вы молодчина. Даже аркканцлер громко выругался.

Гленда хлопнула глазами, пытаясь изгнать из памяти минувшие три секунды.

– Оно правда так и было?..

И никак иначе быть оно не могло. Образы намертво застряли в мозгу, намекая, что они правдивы.

– Я хочу посмотреть еще раз.

– Что?! – воскликнул Икс.

– Вы показали мне не все, – сказала Гленда. – Это только часть картинки.

– У нас ушло несколько часов, чтобы догадаться, – мрачно заметил доктор Икс. – А вы поняли с первого раза. Почему?

– Потому что знала, что должно быть что-то еще, – ответила Гленда.

– Она права, босс, – произнес Чарли.

– Покажи еще раз и увеличь правый верхний угол. Он очень размыт, – велел Икс.

– Вы можете остановить картинку? – спросила Гленда.

– Чарли придумал, как это сделать.

– Значит, вы понимаете, что именно я имею в виду.

– Да.

– В таком случае пустите еще раз.

Чарли исчез за занавеской. Несколько раз мигнул свет, а потом...

– Вон там! – Гленда указала на застывшее изображение. – Всадники! И у них бичи! Картинка размыта, но понятно же, что у них в руках бичи!

– Да, да, – сказал Икс. – Трудно заставить кого бы то ни было бежать под ливень стрел без дополнительного стимула.

– Они были оружием. Живые существа были оружием. И они не так уж отличались внешне от людей...

– Под властью Темного императора творилось много интересных дел, – жизнерадостно сообщил Икс.

– Злых дел, – уточнила Гленда.

– Да, – признал Икс, – именно. Темный император, Темная империя. Название, как вы понимаете, говорит само за себя.

– И что с ними случилось?

– Ну, официально все орки мертвы, – ответил Икс. – Но ходят слухи...

– Люди гнали их в бой.

– Можно и так сказать, – согласился Икс, – но вряд ли это что-нибудь меняет.

– А я думаю, это меняет всё, – заявила Гленда. – Потому что до сих пор мы говорили о чудовищах, но не о бичах. Существа, которые очень похожи на людей... почти люди. Что можно сделать из человека, если как следует постараться?

– Интересная теория, – сказал Икс, – но я сомневаюсь, что ты сумеешь

ее доказать.

– Когда один король сражается с другим и побеждает, он ведь отрубает побежденному голову, не так ли?

– Иногда.

– Я имею в виду – нельзя ведь винить оружие за то, как им пользуются. Никто не виноват в том, каким он создан. Я думаю, что орков создали.

Гленда взглянула на библиотекаря. Тот устремил взгляд в потолок.

– Ты служишь кухаркой, если не ошибаюсь? Не хочешь ли перейти в мой отдел?

– Всем известно, что женщины не бывают волшебниками, – сказала Гленда.

– Да, но некро... посмертные связи – совсем другое дело, – с гордостью заявил Икс. И добавил: – Нам нужны здесь разумные люди, боги мне свидетели. И женская рука тоже не помешала бы. Только не думай, что тебе придется взяться за метлу. Напротив, мы тщательно сохраняем нашу пыль. И твои кулинарные способности тоже не останутся неоцененными. В конце концов, разделка туш – часть нашей работы. Если не ошибаюсь, в магазинчике у Боффо есть неплохой костюм некромантки. Так, Чарли?

– Десять долларов, включая корсаж на шнуровке, – отозвался Чапли из-за занавески. – Очень сексуально, и цена вполне умеренная.

Гленда не ответила, потому что застыла с открытым ртом. Но в конце концов она произнесла вежливо, но твердо:

– Нет.

Глава отдела посмертных связей тихо вздохнул.

– Я так и думал. Но мы – часть мирового порядка. Свет и тьма. Ночь и день. Сладкое и кислое. Добро и зло (в рамках университетских статутов). Хорошо, когда на обеих сторонах есть те, на кого можно положиться. В любом случае я рад, что мы смогли тебе помочь. Сюда люди редко заходят. То есть... люди не заходят никогда.

Гленда шла по коридору и думала: «Орк. Создание, которое убивает, и только». Каждый раз, когда она моргала, образы возвращались. Зубы и когти твари в прыжке, глазами человека, на которого, судя по всему, эта тварь прыгала. Бойцы, которых невозможно остановить. Трев сказал, что Натта убили... потом он ожил, вернулся в Незримый Университет и слопал пироги.

Во всей этой истории была какая-то огромная брешь. И люди с бичами ее заполнили. «Нельзя создать существо, которое только дерется, –

подумала Гленда. – Оно должно делать и что-то еще. И Натт, в общем, не страннее многих других, кто живет в городе в наши дни. Биография не самая лучшая, но, опять-таки, Темный император был колдуном, это все знают. И все знают: никто не виноват в том, каким его создали. Что ж, стоит попытаться. Маленькая доля сомнения...»

Вернувшись в комнату Натта, она обнаружила, что каморка пуста. Гленда толкнула дверь и увидела, что свечей нет, а главное, нет Натта. «Но я же велела ему идти на тренировку. Именно туда он и пошел, ну разумеется, – сказала себе Гленда. – То есть не о чем беспокоиться».

Страшно волнуясь и чувствуя, что что-то все-таки не так, она заставила себя вернуться на Ночную Кухню.

Гленда почти дошла до кухни, когда встретила мистера Оттоми. Его тощий кадык был красным и блестел, как гусиные потроха.

– Так, значит, у нас тут завелся орк-людоед? – спросил он. – Мы этого не потерпим. Я где-то слышал, что орки продолжают драться, даже если им отрубить голову.

– Очень интересно. А как же они видят, куда идти?

– Х-ха! У орков отличный нюх, – заявил слугообраз.

– Как можно нюхать, если голова отрублена? Или они, по-вашему, жопой чуют?

Гленда сама удивилась тому, что произнесла грубое слово, но Оттоми был воплощенным грубым словом.

– Лично я этого не одобряю, – продолжал он, пропустив ее вопрос мимо ушей. – Знаешь, я слышал кое-что еще. Орков вроде как нарочно сделали. Когда Темному императору понадобились солдаты, он велел Игорям переделать гоблинов в орков. Они вообще ненастоящие. Я непременно пожалуюсь аркканцлеру.

– Он уже в курсе, – сказала Гленда. «Во всяком случае, должен быть, – мысленно добавила она. – И Витинари тоже».

– Не вздумайте устраивать мистери Натту неприятностей, – предупредила она. – Потому что в противном случае, мистер Оттоми... – Гленда подалась вперед, – ...вас здесь больше не увидят.

– Не смей мне угрожать!

– Ты прав, я не стану угрожать. Я скажу напрямик, что тебя больше никогда не увидят, гнусный мелкий скользкий придурок! Ступай и жалуйся аркканцлеру, если угодно. Посмотрим, много ли пользы тебе это принесет.

– Они ели людей живьем! – заявил Оттоми.

– И тролли тоже, – сказала Гленда. – А потом, по слухам,

выплювывали, причем не в том состоянии, чтобы человек мог наслаждаться жизнью. А еще мы дрались с гномами, и они вовсе не в шутку подрубали противникам колени. Мы знаем, мистер Оттоми, что горбатого не отмоешь добела... – она потянула воздух носом, – хотя было бы неплохо, если бы и вы помылись. И если я узнаю, что вы мутите воду, я за вами приду. Там, наверху, – аркканцлер. А внизу, в темноте, – кухня.

– Я все ему передам, – сказал злополучный слугообраз, пятась.

– И я скажу тебе спасибо, – ответила Гленда. – А теперь проваливай.

«Почему люди твердят, что горбатого не отмоешь добела? – размышляла она, наблюдая за бегством Оттоми. – Зачем вообще мыть горбатого? Разве это поможет ему избавиться от горба? Но мы продолжаем твердить одно и то же, хотя это всего лишь значит, что у спорщика закончились аргументы».

Нужно было сделать кое-что еще. Гленда снова подошла к котлу, на котором мелком было написано: «Не трогать», и подняла крышку. Глазобусинки уставились на нее из влажной глубины. Она взяла рыбные очистки и бросила энергичным клешням.

– По крайней мере, я знаю, как быть с тобой, – сказала она.

На кухне, где кипит работа, есть очень много вещей, в том числе – обширная коллекция предметов, с помощью которых можно совершить жестокое убийство, а затем избавиться от улик. Не в первый раз эта мысль пришла в голову Гленде, и она даже не возражала. Она достала из ящика перчатки поплотнее, снова надела старое пальто, сунула руку в котелок и вытащила краба. Тот попытался ущипнуть ее клешней. Гленда знала, что так и будет. Никогда не жди благодарности от того, кого спасаешь.

– Прилив, – объяснила она крабу. – Пойдем прогуляемся.

Она бросила ракообразное в сумку и зашагала по университетскому газону.

Возле лодочного сарая работали двое молодых волшебников. Один посмотрел на нее и спросил:

– Разве вам можно ходить по университетским газонам, мадам?

– Нет, кухонному персоналу это строго воспрещено, – ответила Гленда.

Студенты переглянулись.

– Э... ну ладно, – сказал один.

И все.

И больше ничего.

Дубинка была исключительно воображаемой. Она была лишь в том

случае, если ей позволяли.

Гленда вытащила краба из сумки, и тот сердито замахал клешнями.

– Посмотри вон туда, – сказала она, указывая свободной рукой. – Это Поле Наседки.

Вряд ли бисерные глазки краба могли сосредоточиться на травянистой пустоши по ту сторону реки, но, по крайней мере, Гленда ткнула его в нужном направлении.

– Все думают, оно так называется, потому что там паслись куры, – добродушно продолжала она, пока студенты переглядывались. – Но на самом деле там вешали преступников. Когда они выходили из ворот тюрьмы, которая раньше стояла вон там, во главе процессии шел священник в развевающихся одеяниях. Он вел за собой вереницу приговоренных и тюремщиков, точь-в-точь как наседка ведет цыплят. В наших краях у людей странное чувство юмора, и я понятия не имею, отчего я с тобой разговариваю. Я сделала все, что в моих силах. Ты теперь знаешь больше, чем любой другой краб.

Она подошла к кромке того, что в пределах Анк-Морпорка сходило за воду, и бросила краба в реку.

– Держись подальше от крабьих ловушек и не возвращайся!

Гленда развернулась и поняла, что волшебники продолжают смотреть на нее.

– Что? – сердито спросила она. – Разве какой-нибудь закон воспрещает разговаривать с крабами?

Проходя мимо, она слегка улыбнулась.

Гленда, чувствуя легкое головокружение, брела по длинным коридорам мимо свечного подвала. Некоторые из тамошних обитателей нервно взглянули на нее, когда она проходила мимо, но Натта нигде не было видно – впрочем, она его и не искала. Она почти добралась до Ночной Кухни, когда появились Трев и Джульетта. Гленда невольно заметила, что Джульетта покраснелась и была слегка растрепанна. То есть она просто не могла не заметить, потому что старательно примечала любой непорядок. Полуродительские обязанности – ужасно тяжелая ноша.

– Что вы тут забыли? – поинтересовалась она.

Они посмотрели на Гленду, и на их лицах отразилось что-то кроме обыкновенного смущения.

– Я хотела попрощаться с девочками, ну и, типа, пришлось подождать, пока у Трева не закончится тренировка.

Гленда села.

– Сделай мне чашечку чая, ладно?

Поскольку от старых привычек трудно отделаться, она добавила:

– Вскипяти воду в чайнике, положи в заварочник две ложки чая, налей воду из чайника в заварочник, когда закипит. Не сыпь заварку в чайник!

Она повернулась к Треву и спросила с наигранным равнодушием:

– Где мистер Натт?

Трев уставился в пол.

– Не знаю, Гленда. Я был...

– ...занят, – договорила Гленда.

– Но никаких фиглей-миглей, – быстро ввернула Джульетта.

Гленда подумала, что сейчас не стала бы возражать против фиглей, миглей и даже биглей. Вещи бывают важные и неважные, но разницу понимаешь не всегда.

– Как там дела у мистера Натта?

Трев и Джульетта переглянулись.

– Мы не знаем. Мы его не видели.

– Мы, типа, думали, что он тут, с тобой, – сказала Джульетта, протягивая Гленде чашку, в которой плескалось именно то, что получаешь, попросив чашку чаю у человека, который даже в лучшие времена способен напутать в рецепте.

– Его не было в Большом зале? – переспросила Гленда.

– Э... не было. Погоди-ка, – Трев сбежал по ступенькам, и через несколько секунд они услышали торопливые шаги в обратную сторону.

– Ящика с инструментами нет на месте, – сказал Трев. – Конечно, ничего ценного там не было, он все сам сделал из разного хлама, который в подвалах валялся, но это ж, типа, всё, что у него есть.

«Я так и знала, – подумала Гленда. – Конечно, знала».

– Где он может быть? Ему некуда пойти, кроме как в свечной подвал!

– Ну, есть же то место в Убервальде, про которое он часто говорил, – заметил Трев.

– Оно за тысячу миль отсюда!

– Ну, типа, наверно, он решил, что ему все равно где быть, здесь или там, – невинно сказала Джульетта. – Если б меня звали Оркой, я б тоже сбежала от такого имечка.

– Послушайте, я просто уверена, что он прячется где-то в университете, – перебила Гленда, твердо уверенная, что Натта в университете нет. «Но если я сумею убедить себя, что он где-то за поворотом, или просто ненадолго удалился... попудрить носик, или вышел на полчаса – это, разумеется, его право... вдруг ему понадобилось купить новые носки? – так вот, если я буду убеждать себя, что он вернется с

минуты на минуту, может быть, так и произойдет, пусть даже я твердо знаю, что он *не* вернется».

Она поставила чашку на стол.

– Полчаса. Джульетта, ступай и поищи в Главном зале. Трев, иди по коридору в ту сторону, а я пойду в эту. Если встретите кого-нибудь, кому можно доверять, спросите.

Примерно через полчаса Гленда последней вернулась на кухню. Она отчасти надеялась, что Натт будет там, хотя и знала, что его там не будет.

– Он знает, каким образом сесть в дилижанс? – спросила она.

– Вряд ли он его хоть раз видел, – ответил Трев. – Знаешь, че я бы сделал на его месте? Я бы просто сбежал. Когда папаша умер, я всю ночь бродил по городу. Мне было все равно, куда идти. Я шел и шел. Подальше от самого себя.

– Как быстро способен бежать орк? – уточнила Гленда.

– Ну, наверно, намного быстрее, чем человек, – сказал Трев. – И дольше.

– Эй! – вмешалась Джульетта. – Слышите?

– Что именно? – спросила Гленда.

– Ничего.

– Ну и?..

– В трубах стало тихо.

– Наверно, они там же, где он, – сказал Трев.

– Не может же он бежать всю дорогу до Убервальда, – заметила Гленда. – *Никто* не может. Нужно ехать за ним.

– Я поеду, – сказал Трев.

– Тогда и я тоже, – отозвалась Джульетта. – И потом, у меня еще есть деньги, а вам они понадобятся.

– Твои деньги в банке, – напомнила Гленда, – а банк закрыт. Но, кажется, у меня в кошельке осталось несколько долларов.

– Тогда прошу прощения, – сказал Трев, – я отлучусь на минутку. Нам лучше кое-что прихватить с собой...

Кучер столатского омнибуса посмотрел на них и сказал:

– Два доллара пятьдесят пенсов с носа.

– Но вы едете всего лишь до Сто Лата, – сказала Гленда.

– Да, – спокойно ответил кучер. – Именно поэтому на табличке написано «Сто Лат».

– А нам, мож, надо намного дальше, – сказал Трев.

– Почти каждый омнибус в этой части света идет через Сто Лат, –

заявил кучер.

– И сколько нужно времени, чтобы туда добраться?

– Это ночной омнибус. На нем ездят люди, которым нужно в Сто Лат с утра пораньше, и денег у них немного. В том-то и проблема, понимаете? Чем меньше денег, тем медленней езда. Но в конце концов доедем. Примерно на рассвете.

– То есть в пути всю ночь? Я пешком дойду быстрее!

У кучера был спокойный и дружелюбный вид человека, который знает, что наилучший способ прожить жизнь – никогда ни о чем не волноваться.

– Да пожалуйста. Я тебе помашу, когда проеду мимо.

Гленда окинула взглядом омнибус. Он был наполовину полон пассажирами, которые ездят ночными омнибусами, потому что это недорого. Пассажирами, которые прихватили с собой ужин в бумажном пакетике, притом необязательно в новом.

Трев, Джульетта и Гленда сгрудились кучкой, чтобы посоветоваться.

– У нас хватит денег только на один билет, – сказал Трев. – А если ехать почтовой каретой, и на один не хватит.

– Может быть, поторгуемся? – предложила Гленда.

– Хорошая идея, – сказал Трев и вернулся к кучеру.

– Привет еще раз, – сказал тот.

– Когда отправляешься? – спросил Трев.

– Минут через пять.

– Значит, все, кому надо ехать, уже внутри.

Гленда заглянула в салон. Пассажир за спиной у кучера старательно очищал крутое яйцо.

– Ну да, наверно, – ответил кучер.

– Так мож, типа, отправимся прямо сейчас и поедем побыстрее? – предложил Трев. – Дело очень важное.

– Я уже сказал, что это *ночной* омнибус, – сказал кучер.

– А если я тебе пригрожу монтировкой, ты поедешь быстрее? – поинтересовался Трев.

– Тревор Навроде! – воскликнула Гленда. – Нельзя грозить людям монтировкой!

Кучер посмотрел на Трева.

– Повтори еще разок, пожалуйста.

– Я сказал, что у меня есть монтировка, – сказал Трев, легонько постукивая упомянутым оружием по дверце омнибуса. – Прости, мужик, но нам правда очень надо в Сто Лат.

– Ах да, – сказал кучер. – Я вижу.

Он потянулся за сиденье.

– Тогда я покажу тебе вот этот топор и напомню, что закон будет на моей стороне, если мне придется разрубить тебя напополам. Ничего личного. Ты, наверное, думаешь, что я совсем дурак, но вы, ребята, скачете, как воши на сковородке, поэтому выкладывайте, в чем дело.

– Нам нужно догнать нашего друга. Может быть, он попал в беду, – сказал Трев.

– Это очень романтично, – подхватила Джульетта.

Кучер посмотрел на нее.

– Если вы, типа, поможете нам его догнать, я вас поцелую, – закончила она.

– Вот! – воскликнул кучер, обратившись к Треву. – Почему ты сам до этого не додумался?

– Договорились, я тоже тебя поцелую, – ответил тот.

– Нет уж, спасибо, – сказал кучер, явно наслаждаясь ситуацией. – В твоём случае я предпочту монтировку, только, пожалуйста, больше никаких штучек не выкидывай, потому что черта с два потом выведешь кровавые пятна с сиденья, ничего их не берет.

– Ладно, я попробую стукнуть тебя монтировкой, – сказал Трев. – Нам терять нечего.

– И мы вам дадим немножко денег, – сказала Джульетта.

– Прошу прощения? Я получу поцелуй, деньги и монтировку? От монтировки готов отказаться в обмен на еще один поцелуй.

– Два поцелуя, целых три доллара и никакой монтовки, – предложила Джульетта.

– Или только монтировка, и я, так и быть, рискну, – сказал Трев.

Гленда, которая наблюдала за ними с восхищением и ужасом, сказала:

– Я тоже тебя поцелую, если хочешь.

Она не могла не заметить, что ее предложение не вызвало особого восторга.

– А что скажут пассажиры? – спросил кучер.

Все четверо посмотрели в глубь омнибуса и поняли, что на них устремлены как минимум полтора десятка восхищенных взглядов.

– Соглашайся на поцелуй! – сказала женщина, державшая на коленях огромную бельевую корзину.

– И деньги бери! – добавил кто-то из мужчин.

– Мне плевать, поцелует она его и врежет по башке, только бы нас сначала высадили, – сказал старик из глубины омнибуса.

– А можно нас тоже поцеловать? – спросил какой-то парень. Его сосед

захихикал.

– Если хотите, – угрожающе проговорила Гленда. Парни вжались в спинки сидений.

Джульетта ухватила кучера за уши, и в течение некоторого времени – слишком долгого, по внутренним часам Гленды и Трева, – слышался такой звук, как будто теннисный мячик всасывало сквозь струны ракетки. Наконец Джульетта отступила. Кучер улыбался, и вид у него был слегка обалделый.

– Ух ты, вот это было все равно что монтировкой по башке!

– Мож, я буду править? – предложил Трев.

Кучер одарил его улыбкой.

– Нет, спасибо большое, править буду я, и не вздумай со мной шутить. Я распознаю шельмеца, как только его вижу, а потому не подходи близко. Моя мамаша и то скорее стукнет меня монтировкой по башке, чем ты. Выкинь ее, слышь, иначе кто-нибудь заделает тебе такой пробор на голове, что на всю жизнь хватит.

Он подмигнул Джульетте.

– Если хорошенько подумать, иногда надо проминать лошадей бегом. Ну-ка, все в омнибус, кому надо в Сто Лат.

Лошади, запряженные в омнибус, не склонны бегать чересчур быстро, и, с точки зрения кучера, «бегом» считалось то, что большинство людей назвали бы шагом, но он все-таки умудрился развить скорость, которая, по крайней мере, не позволяла заскучать, любуясь придорожным деревом.

Омнибус, как и заметил кучер, предназначался для пассажиров, которые не могли позволить себе скорость, зато не особенно спешили. А потому сконструирован он был без особых излишеств. По сути, омнибус представлял собой повозку с двойными сиденьями по всей длине, которые начинались сразу за спиной у кучера. Брезент по обе стороны с горем пополам защищал пассажиров от непогоды и в то же время впускал внутрь достаточно воздуха, чтобы рассеять запах обивки, повидавшей человечество в самых разных настроениях и состояниях.

У Гленды сложилось впечатление, что некоторые пассажиры регулярно ездят туда-сюда. Пожилая женщина тихонько вязала. Парни то и дело раздражались приглушенным хихиканьем, свойственным их возрасту, а гном смотрел в окно, но как будто ничего в отдельности не замечая. Никто ни с кем не разговаривал, не считая мужчины на заднем сиденье, который непрерывно беседовал сам с собой.

– Мы едем слишком медленно! – крикнула Гленда через десять минут подскакивания на ухабах. – Я бежать могу быстрее!

– Сомневаюсь, что он ушел далеко, – сказал Трев.

Солнце садилось, и через капустные поля уже тянулись тени, когда впереди на дороге показалась фигура, которая от кого-то отбивалась. Трев выскочил из омнибуса.

– Орк! Орк!

– Это те твари, – сказала Гленда, поспевая следом. – Дай-ка мне монтировку.

Натт согнулся в дорожной пыли. Сестры Вечного Движения скакали вокруг и хлопали крыльями, а он заслонял лицо руками. На пассажиров омнибуса Сестры не обратили особого внимания, но вскоре появилась монтировка, за которой с небольшим отрывом следовала Гленда. Впрочем, оружие не возымело эффекта, на который она надеялась. Сестры действительно очень напоминали птиц. Она не столько била их, сколько швыряла по воздуху.

– Орк! Орк!

– Перестаньте его мучить! – завопила Гленда. – Он не сделал ничего дурного!

Натт схватил ее за запястье. Он даже не особенно надавил, но Гленда вдруг поняла, что не может пошевелить рукой. Как будто к ней привязали огромный камень.

– Они здесь не для того, чтобы мучить меня, – сказал он. – Они хотят защитить вас.

– От кого?

– От меня. По крайней мере, так должно быть...

– Но я не нуждаюсь в защите! Просто смысла не вижу!

– А они полагают иначе, – сказал Натт. – И это еще не самое худшее.

Крылатые создания описывали круги, а остальные пассажиры, которых объединяла типичная для Анк-Морпорка любовь к уличным зрелищам, вышли из омнибуса и превратились в заинтересованных зрителей. Сестры явно обеспокоились.

– Куда же хуже? – спросила Гленда и погрозила монтировкой ближайшей Сестре, которая поспешно отпрыгнула.

– Возможно, они правы.

– Так, ну допустим, ты орк, – сказал Трев. – Орки, говорят, ели людей. Ты кого-нибудь съел в последнее время?

– Нет, мистер Трев.

– Ну вот и кончен разговор!

– Нельзя арестовать человека за то, чего он не делал, – глубокомысленно кивая, заявил один из пассажиров омнибуса. – Это

главный закон, вот что.

– А что такое орк? – спросила стоявшая рядом с ним женщина.

– О, давным-давно в Убервальде, или еще где-то, они рвали людей на части и пожирали.

– Вот они, иностранцы, – сказала женщина.

– Но сейчас они все умерли.

– Ну и хорошо. Чаю кто-нибудь хочет? У меня полная фляжка.

– Все умерли, кроме меня. Я орк, – повторил Натт и посмотрел на Гленду. – Прошу прощения. Вы были очень добры, но я понимаю, что я орк, и с этим ничего не поделаешь. У меня будут неприятности, и я не хочу втягивать и вас.

– Орк! Орк!

Женщина открыла фляжку.

– Но ты ведь не собираешься никого есть, правда, голубчик? Если ты голоден, могу предложить макароны.

Она посмотрела на ближайшую Сестру и добавила:

– Тебя, милочка, тоже покормить? Конечно, никто не виноват в том, каким его создали, но хотела бы я знать, кто тебя создал настолько похожей на курицу.

– Орк! Орк!

– Опасность! Опасность!

– Ниче не знаю, – сказал какой-то пассажир. – По-моему, он ниче плохого делать не собирается.

– Пожалуйста, пожалуйста... – заговорил Натт. На дороге рядом с ним лежал сундучок. Он лихорадочно откинул крышку и начал вытаскивать оттуда... свечи.

Опрокидывая их в спешке и ставя трясущимися руками только для того, чтобы вновь уронить, он наконец их все пристроил на камушках, вытащил спички из кармана, опустился на колени и опять принялся путаться дрожащими пальцами, пытаясь чиркнуть спичкой. Слезы потекли по его лицу, когда свечи загорелись.

И цвет огня изменился.

Синий, желтый, зеленый. Свечи горели, испуская дым, и каждые несколько секунд пламя становилось другого цвета, под охи и ахи толпы.

– Смотрите! Смотрите! – воскликнул Натт. – Вам нравится? Нравится?

– Да этак можно уйму денег зашибать, – сказал кто-то.

– Просто прелесть! – заявила старушка. – Ей-богу, вы, молодые люди, в наше время просто чудеса творите.

Натт повернулся к ближайшей Сестре и проговорил:

– Я не зря. Я приношу пользу.

– Мой зять держит магазинчик розыгрышей, – сказал специалист по оркам. – Если хочешь, я запишу его адрес. Эти штучки на ура пойдут на детских праздниках.

Гленда с открытым ртом наблюдала за демократией, воплощенной очень благоразумными и дружелюбными, но не слишком умными людьми. Эти люди, которые учились не по книгам, а друг от друга, заключили Натта в свои незримые ласковые объятия.

Зрелище было приятное, но в душе Гленда не питала иллюзий. Она помнила про ведерко с крабами. Сентиментальные и всепрощающие – да, но один неверный шаг – неверное слово, неверное знакомство, неверная мысль, – и ласковые руки с легкостью сожмутся в кулаки. Натт сказал правду: быть орком значит даже в лучшем случае жить под вечной угрозой.

– Эй вы! У вас нет никакого права так обращаться с бедным малым! – сказала старушка, грозя пальцем Сестрам. – Если хотите здесь жить, придется вести себя по-нашему, понятно? А у нас никого клевать не разрешается. В Анк-Морпорке так не принято!

Улыбнулась даже Гленда. Клюв фурии был сущим пикником по сравнению с тем, что мог предложить Анк-Морпорк.

– Витинари пускает в город всех подряд, – заявил еще какой-то пассажир. – Лично я ничего против гномов не имею...

– Это хорошо, – произнес голос у него за спиной. Пассажир отодвинулся, и Гленда увидела гнома.

– Прости, приятель, не заметил, что ты там стоишь, ты ведь такой мелкий, – сказал пассажир, который ничего не имел против гномов. – Я имел в виду – вы, гномы, просто приходите, живете себе и никого не беспокоите, но у нас теперь и всяких странных тварей хватает.

– Например, та женщина, которую в прошлом месяце приняли в Стражу, – подхватила старушка. – Та жуткая, из Эфеба. Порывом ветра у нее сорвало темные очки, и три человека превратились в камень.

– Это была Медуза, – ответила Гленда, которая читала о случившемся в газетах. – Но волшебники их расколдовали.

– Я вот что хочу сказать, – продолжал пассажир, который ничего не имел против гномов, – мы всех принимаем, лишь бы они занимались своими делами и не выкидывали ничего такого.

С точки зрения Гленды, так гласил девиз мира, в котором она жила, и она слышала это уже тысячу раз. Но толпа сейчас не испытывала симпатии к Сестрам; рано или поздно кто-то должен был подобрать камень.

– На вашем месте я бы улетела, – посоветовала она. – Возвращайтесь к

той особе, которой служите. И я бы поторопилась.

– Орк! Орк! – вскрикнула одна из Сестер.

Но в этих курьезных головках мозги все-таки были. И Сестрам явно хватило сообразительности, чтобы не оставаться здесь. Они побежали, подскакивая и прыгая, как цапли, пока плащи не превратились в крылья. Колотя ими по воздуху, Сестры набирали высоту. В последний раз послышался крик:

– Орк! Орк!

Кучер омнибуса кашлянул.

– Так, если все улажено, тогда, пожалуйста, возвращайтесь в омнибус, дамы и господа. И остальные тоже. И не забудьте свои свечки, мистер.

Гленда помогла Натту усесться на деревянное сиденье. Он крепко прижимал к себе сундучок с инструментами, словно ища в нем защиты.

– Куда ты собрался? – спросила она, когда лошади тронулись.

– Домой, – ответил Натт.

– Обрато к ней?

– Она научила меня приносить пользу, – ответил Натт. – Я был ничем, а она дала мне цену.

– Как ты можешь говорить, что был ничем? – упрекнула Гленда. На сиденье впереди Трев и Джульетта о чем-то шептались.

– Но ведь правда был, – сказал Натт. – Я ничего не знал, ничего не понимал, ни о чем не думал, ничего не умел...

– Но это не значит, что ты был бесполезен! – твердо заявила Гленда.

– Это не значит, что я был плохим. Но я не приносил никакой пользы. Ее светлость научила меня быть полезным, и теперь я приношу пользу.

Гленда почувствовала, что они говорят на разных языках.

– А что значит «приносить пользу», мистер Натт?

– Делать мир лучше, чем он был до тебя, – сказал Натт.

– Хорошо подмечено, – отозвалась старушка с макаронами. – Вокруг столько людей, которые и пальцем о палец не ударят.

– Ну а как насчет слепых, например? – поинтересовался с другого конца омнибуса пассажир, чистивший крутое яйцо.

– Я знаю одного слепого парня в Сто Лате, который держит бар, – ответил какой-то старик. – Прекрасно знает, где что стоит, а когда кладешь монетку на прилавок, так он по звону понимает, сколько ты ему дал. Такой не прогорит. Вы представляете, он может за полкомнаты расслышать фальшивый шестипенсовик!

– Сомневаюсь, что есть какие-то абсолютные критерии, – произнес Натт. – Наверное, ее светлость имела в виду, что нужно стараться изо всех

сил, располагая тем, что есть.

– Похоже, толковая дама, – сказал пассажир, который ничего не имел против гномов.

– Она вампирша, – злобно заметила Гленда.

– Ничего не имею против, лишь бы они занимались своими делами, – сказала старушка с макаронами, которая теперь лизала нечто отвратительно розовое. – Одна такая работает у кошерного мясника на нашей улице. Очень милая особа.

– Я думаю, дело не в том, что ты получаешь в итоге, – объявил гном. – Дело в том, что ты получаешь в итоге сравнительно с тем, с чего ты начал.

Гленда с улыбкой откинулась на спинку сиденья, пока философские изречения перелетали из конца в конец омнибуса. Ситуация в целом ее еще тревожила, но Натт казался гораздо более счастливым, и остальные обращались с ним как с равным.

Впереди в темноте замаячили тусклые огоньки. Гленда встала и подошла к кучеру.

– Мы уже почти приехали?

– Еще пять минут, – ответил тот.

– Простите за все эти глупости насчет монтировки.

– Проехали, – добродушно отозвался он. – На ночных омнибусах кто только не попадает. Никого не вырвало, и то спасибо. А у вас там занятный парнишка.

– Вы даже не представляете, – сказала Гленда.

– И ведь он всего-навсего говорит, что каждый должен стараться по мере сил, – продолжал кучер. – И чем больше тебе дано, тем больше ты должен делать. Вот и все.

Гленда кивнула. Кучер и впрямь идеально подвел итог.

– Вы сразу едете обратно? – спросила она.

– Нет. Мы с лошадьми заночуем в Сто Лате и поедем обратно утром, – он искоса взглянул на нее, как человек, который много слышал и на удивление много повидал, в то же время для прочих пассажиров оставаясь попросту тем, кто смотрит вперед и следит за дорогой. – Поцелуй был чудесный. Вот что я тебе скажу: омнибус будет стоять на постоялом дворе, там полно соломы, и если кто захочет покемарить, я ничего не знаю, ясно? Отправляемся в шесть, как только сменим лошадей.

Он ухмыльнулся, взглянув на ее лицо.

– Говорю тебе, на ночном омнибусе кого-кого только не встретишь. Дети, которые сбежали от родителей, жены, которые сбежали от мужей, мужья, которые сбежали от других мужей... Мы с тобой сидим в омнибусе,

а «омни» значит «всё», и, черт возьми, здесь и впрямь бывает всё, поэтому я и вожу с собой топор. Но я так думаю, жизнь – это не только топор...

Он заговорил громче:

– Сто Лат, ребята, обратный рейс ровно в шесть!

Кучер подмигнул Гленде.

– А кто не придет, ждать не стану. Кто не успел, тот опоздал.

– Все ведь было не так плохо, правда? – спросила Гленда, глядя на растущие впереди огни города.

– Папаша с ума сойдет, – сказала Джульетта.

– Он решит, что ты со мной.

Тре́в ничего не сказал. По законам улицы, если в присутствии потенциальной подружки ты с такой легкостью позволил выставить себя человеком, которому не хватает духу стукнуть противника по голове монтировкой, – это очень стыдно. Хотя, казалось, никто и не обратил внимания.

– Похоже, тут небольшие проблемы! – крикнул кучер. – «Ланкрский летун» еще не отошел.

Они видели только факелы и свет фонарей, озарявший большой постоялый двор у городских ворот, где стояли несколько пассажирских карет. Когда они подъехали ближе, кучер окликнул какого-то тощего, кривоногого, похожего на хорька субъекта из тех, что как будто самозарождаются вблизи любого места, где есть лошади.

– «Летун» еще не отчалил? – спросил он.

Человек-хорек вытащил изо рта окурок.

– Лошадь подкову сбила.

– И что? Здесь же есть кузнец. Типа, чтоб почта не запаздывала.

– Ага, только сейчас он не работает, потому как стукнул себя молотком по руке.

– Придется платить черт знает какую неустойку, если «Летун» не отправится, – заметил кучер. – Это почта, в конце концов. По «Летуну» часы сверяют!

Натт встал.

– Я могу подковать лошадь, сэр, – заявил он, беря свой деревянный сундучок. – Пожалуйста, скажите кому-нибудь.

Тощий тип неспешно ушел, а омнибус заехал в главный двор, где к нему заторопился некто получше одетый.

– Кто из вас кузнец? – спросил он, глядя на Гленду.

– Я, – ответил Натт.

Мужчина уставился на него.

- Что-то непохоже, сэр.
- Вопреки распространенному мнению, большинство кузнецов не столько громадны, сколько жилисты. Силу дают сухожилия, а не мускулы.
- И с молотком умеешь управляться?
- Вы удивитесь, сэр.
- Подковы в кузне, – сказал человек. – Одну придется подогнать под размер.
- Я знаю, как это делается, сэр. Мистер Трев, я буду очень благодарен, если вы поможете раздувать мехи.

Постоялый двор был огромным и людным, потому что, как и на всех постоянных дворах, рабочий день здесь продолжался двадцать четыре часа и ни секундой меньше. Обеденного времени как такового не существовало. Горячая еда для тех, кто мог ее себе позволить, была в доступе круглые сутки, а на огромном столе в зале лежало холодное мясо. Люди приезжали, выгружались и загружались за кратчайшее время и катили дальше, чтобы освободить место для новоприбывших. Ни на мгновение не умолкал звон упряжи.

Гленда нашла тихий уголок.

- Знаешь что, – сказала она Джульетте, – ступай-ка и принеси для парней пару сэндвичей.
- Прикинь, мистер Натт – кузнец, – сказала Джульетта.
- Да уж, он мастер на все руки.
- Джульетта нахмурилась.
- Сколько же у него рук?
- Это фигура речи, Джу. Ну, иди.

Гленде было нужно время, чтобы подумать. Странные крылатые женщины. Мистер Натт. Просто в голове не укладывалось. День начался как самый обычный, и вдруг она, чудом не побывав в роли дорожного грабителя, оказалась в другом городе, у нее нет ничего, кроме того, что на ней, и она не знает, что произойдет дальше.

Но отчего-то это было приятно. У Гленды ушло несколько секунд, чтобы осмыслить непривычное чувство, потому что радостное волнение не то чтобы сопутствовало ей в жизни. Пирог, в общем и целом, редко волнуют. Она встала и, никем не замечаемая, побрела через толпу, со смутной идеей поглядеть, какая тут кухня, но внезапно дорогу ей преградил некто с потным лицом, беспокойным взглядом и округлым брюшком – судя по всему, хозяин постоялого двора.

- Подождите минутку, мэм, – сказал он, а затем, заколыхавшись,

обратился к женщине, которая только что вышла из отдельной столовой: – Так приятно опять увидеть вас, ваша светлость. Большая честь принимать вашу милость в моем скромном доме.

Ее светлость.

Гленда посмотрела на женщину, которая выглядела именно так, как она представила себе, когда впервые услышала о ней от Натта. Высокая, худая, темноволосая, зловещая, внушающая страх, с суровым выражением лица. Она произнесла аристократическим (с точки зрения Гленды) тоном:

– Здесь слишком шумно.

– Но бифштекс был превосходен, – отозвался другой голос, и Гленда поняла, что ее светлость заслоняла собой вторую женщину, поменьше, довольно приятного обличья, среднего роста, слегка суетливую на вид.

– Вы госпожа Марголотта? – спросила Гленда.

Высокая дама взглянула на нее с легким отвращением и зашагала к выходу, но ее спутница остановилась и спросила:

– Вы что-то хотели?

– Она едет в Анк-Морпорк? – поинтересовалась Гленда. – Все знают, что она подруга Витинари.

Она немедленно смутилась, как только произнесла это слово; оно вызывало в воображении образы, которые просто не укладывались в специально отведенное место в мозгу.

– Да? Они действительно очень близкие друзья.

– Я хочу поговорить с ней насчет мистера Натта, – сказала Гленда.

Женщина беспокойно взглянула на нее и потянула к свободной скамье.

– У вас проблемы? – спросила она, садясь и жестом приглашая сесть Гленду.

– Она сказала Натту, что он бесполезен, – ответила та. – Иногда мне кажется, что он думает только о том, чтобы приносить пользу.

– А вы приносите пользу? – спросила женщина.

– Что за вопрос такой?!

– Интересный и, возможно, познавательный. Стал ли мир с вашей помощью лучше? И, пожалуйста, окажите мне любезность и сначала подумайте над ответом, вместо того чтобы обижаться. В наши дни, к сожалению, обид хватает. Люди полагают, что реагировать и думать – одно и то же.

Гленда могла ответить только «да».

– Так вы делаете мир лучше?

– Да. Я многим помогла. А еще я придумала «пирог пахаря».

– Люди, которым вы помогали, хотели вашей помощи?

– Что? Да, они сами приходили и просили.

– Хорошо. А что такое «пирог пахаря»?

Гленда объяснила.

– А, вы, наверное, та кухарка из Незримого Университета, – сказала женщина. – То есть возможностей у вас несколько больше, чем у обычной кухарки, и я делаю вывод, что незадолго до помещения в духовку вы относите маринованный лук в холодную комнату, где температура на грани замерзания, чтобы он остался хрустящим в пироге. Как вариант, вы завертываете его в сыр, в качестве временного изоляционного материала, поэтому, если рецепт соблюден и пирог не подгорел, полагаю, фокус удастся... – Она сделала паузу. – М-м?

– Вы кухарка? – спросила Гленда.

– Боги мои, нет!

– Значит, вы просто догадались? Мистер Натт говорил, что ее светлость нанимает только *очень* умных людей.

– Мне неловко это признавать, но так оно и есть.

– Но она напрасно сказала мистеру Натту, что он бесполезен. Так нельзя.

– Он действительно был бесполезен. Он даже не умел толком говорить, когда его нашли. Вы ведь не станете отрицать, что действия ее светлости пошли ему на пользу?

– Но он все время нервничает, а теперь еще выяснилось, что он орк. Что будет дальше?

– На ваш взгляд, он делает что-нибудь типично орочье?

Гленда неохотно произнесла:

– Иногда у него вырастают когти.

Женщина внезапно встревожилась.

– И что?

– Э... ничего, – ответила Гленда. – Они вроде как... убираются обратно. Но он делает замечательные свечи! – быстро добавила она. – Он всегда чем-нибудь занят. Как будто вся польза может вытечь, если не доливать постоянно доверху.

– Судя по тому, что вы говорите, не исключено, что она была с ним слишком резка.

– Она любит его?

– Прошу прощения?

– Я имею в виду... кто-нибудь когда-нибудь любил мистера Натта?

– О, думаю, она его любит... на свой лад, – ответила женщина. – Хоть она и вампир, а вампиры смотрят на мир по-другому.

– Что ж, если бы мы встретились, уж я бы сказала ей пару слов, – заявила Гленда. – Она совсем запудрила мозги бедняжке. Натравила на него этих жутких крылатых женщин. Я бы ни за что не позволила так с ним обращаться.

– Насколько мне известно, она обладает невероятной силой, – заметила женщина.

– Это не дает ей права, – возразила Гленда. – И вот еще что. Мистер Натт здесь. Да, да, там, во дворе, подковывает лошадь для «Ланкрского летуна». Он и правда просто чудо.

– Похоже на то, – с легкой улыбкой сказала женщина. – А вы, кажется, его горячий апологет.

Гленда помедлила.

– Это как-то связано с пологом? – спросила она.

– «Апологет» значит «сторонник», – объяснила женщина. – Я вижу, вы как минимум равнодушны к мистеру Натту? И, пожалуйста, помните: я предпочитаю, чтобы люди думали, прежде чем ответить.

– Да, он мне очень нравится, – пылко ответила Гленда.

– Очаровательно, – сказала женщина. – По-моему, мистер Натт и впрямь сумел стать гораздо полезнее, чем я полагала.

– Передайте ее светлости мои слова, – попросила Гленда, чувствуя, что у нее от смущения горит шея. – У мистера Натта есть друзья.

– О, передам, – ответила женщина, вставая. – А теперь извините меня. Наша карета, кажется, отправляется, и мне пора.

– Не забудьте передать! – крикнула Гленда вдогонку.

Она увидела, как женщина обернулась с улыбкой, а потом исчезла, когда в дом с холода вошла толпа, прибывшая на очередном дилижансе.

Гленда, которая встала одновременно со своей собеседницей, тяжело опустилась на скамью. Кто она такая? Наверное, библиотекарь ее светлости. Натт несколько раз о ней упоминал. Хотя, с точки зрения Гленды, поведение этой особы явно выходило за рамки положения. Она даже не удосужилась представиться.

В глубине сознания вдруг зазвучали слабые, отдаленные сигналы неподдельного ужаса. Разве она спросила у Гленды, как ее зовут? Нет! Но откуда-то она это знала... и про кухарку из Незримого Университета – тоже! И она так быстро соображает, она за долю секунды догадалась насчет «пирога пахаря». Та часть сознания, которую некогда высвободило бренди, вмешалась и сказала: «Проблема в том, что у тебя уйма предубеждений. Ты что-то видишь и думаешь: ага, я твердо знаю, что такое я вижу. Но она говорила совсем не как библиотекарь, правда?»

Гленда очень медленно сжала правую руку в кулак, сунула в рот и сильно прикусила в попытке изгнать из памяти последние пятнадцать минут и вообразить взамен что-нибудь менее неприятное. Например, что у нее свалились панталоны.

Даже сейчас, глухой ночью, кузня оставалась центром притяжения. Непрерывно приезжали и отъезжали кареты. Постоялый двор жил не по солнцу, а по расписанию, и тех, кто ждал свой дилижанс, кузня манила надеждой на бесплатное представление и уютное укрытие от ночного холода.

Натт подковывал лошадь. Трев раньше уже видел, как это делается... но только не так. Животное стояло, словно окаменев, и слегка дрожало. Если Натт хотел, чтобы лошадь сменила положение или подняла ногу, он щелкал языком, и она слушалась. Трев понял, что наблюдает не просто за кузнецом, который подковывает лошадь, а за мастером, демонстрирующим свои умения многочисленным дилетантам. Когда подкова была прибита, лошадь прошла задом перед толпой, как на показе мод, повинувшись едва заметным жестам. Она явно не особенно радовалась, но, черт возьми, слушалась.

– Да, кажется, все нормально, – сказал Натт.

– Сколько просишь? – спросил кучер. – Отличная работка, вот что.

– Сколько? Сколько? Сколько? – повторил Натт, задумавшись. – Я принес вам пользу, сэр?

– А то, приятель. Я никогда еще не видел, чтобы лошадь этак ловко подковали.

– Значит, пользы достаточно, – сказал Натт. – А еще я попрошу отвезти меня и трех моих друзей обратно в Анк-Морпорк.

– И пять долларов, – вставил Трев, отрываясь от стенки, которую он подпирал, как только речь зашла об уплате.

Кучер хмыкнул.

– Многовато...

– Что? За ночную работу? Лучше, чем у Коренного и Рукисилы? По моему, еще дешево.

Трева поддержало бормотание прочих зевак.

– Да я ваще в жизни ничего подобного не видела, – сказала Джульетта. – Если вы его, типа, попросите, лошадь танцевать будет.

Кучер подмигнул Треву.

– Ладно, парень. Что тут скажешь? Старина Хоботок – отличный конь, но с норовом. Однажды так брыкнул кучера, что тот сквозь стену прошел.

Не думал я, что однажды увижу, как он стоит в кузне и поднимает ногу, что твоя собачка. Ваш приятель заслужил и деньги и поездку.

– Пожалуйста, возьмите коня, – попросил Натт. – Но держите покрепче – когда он отойдет от меня подальше, то, возможно, занервничает.

Толпа рассеялась. Натт старательно затушил горн и принялся складывать инструменты в сундучок.

– Если мы собираемся обратно, то лучше ехать теперь же. Кто-нибудь видел мисс Гленду?

– Я здесь, – ответила та, выступая из тени. – Трев, вы с Джу ступайте и займите нам места в омнибусе. Мне нужно поговорить с мистером Наттом.

– Ее светлость была здесь, – сказала Гленда, когда Трев и Джульетта ушли.

– Не удивлюсь, – спокойно ответил Натт, захлопывая крышку сундучка. – Через Сто Лат проезжают буквально все, а она много путешествует.

– Отчего ты сбежал?

– Потому что знаю, что будет дальше, – ответил Натт. – Я орк. И точка.

– Но пассажиры в омнибусе были на твоей стороне, – напомнила Гленда.

Натт пошевелил пальцами, и на мгновение выскользнули когти.

– А завтра? А если что-нибудь случится? Орк может оторвать человеку руку. Орк может оторвать человеку голову. Это все знают. И ничего хорошего не выйдет.

– Тогда почему же ты возвращаешься? – спросила Гленда.

– Потому что вы добрая. Потому что вы приехали за мной. Разве я мог отказаться? Но от этого не изменится то, что известно всем.

– Каждый раз, когда ты делаешь свечу или подковываешь лошадь, ты меняешь то, что известно всем, – сказала Гленда. – Ты ведь знаешь, что орки были... – она помедлила, – ну, вроде как созданы нарочно?

– Да, я читал.

– Тогда почему ты мне не сказал?! – взорвалась она.

– Какая разница? Мы – то, что мы есть.

– Но не обязательно же быть именно таким! – закричала Гленда. – Все знают, что тролли едят людей, а потом выплевывают. Все знают, что гном только и ждет, чтобы рубануть тебя топором по ногам. Но в то же самое время все знают, что это неправда. Орки не сами выбрали себе судьбу. Люди поймут.

– Но это такое страшное время...

– Я помогу! – Гленда сама удивилась скорости своего ответа и

повторила уже тише: – Я помогу.

Угли в горне потрескивали, потухая. Огонь в кузне на большом постоялом дворе редко гаснет. Спустя некоторое время Гленда спросила:

– Ты написал те стихи для Трева?

– Да, мисс Гленда. Надеюсь, мисс Джульетте понравилось.

Гленда решила, что надо остороженько объяснить.

– Знаешь, многие слова она не поняла *до конца*. Мне... ну, вроде как пришлось переводить.

«Что было нетрудно, – мысленно закончила она. – Большинство любовных стихотворений говорят об одном и том же, если отбросить завитушки».

– Вам понравилось? – спросил Натт.

– Да, стихи были чудесные.

– Я написал их для вас.

Он посмотрел на нее со страхом и непокорством, смешанными в равной пропорции.

Остывающие угли вдруг вспыхнули. В конце концов, у всякой кузни есть душа. Ответы выстраивались в голове у Гленды в ряд, как будто до сих пор ждали подходящей минуты. «Твой следующий шаг будет очень-очень важным, – сказала она себе. – Чрезвычайно, невероятно важным. И не гадай, как поступила бы Юная Мэри в дешевом романе, потому что Мэри придумал человек, чье имя подозрительно напоминает анаграмму. Мэри, в отличие от тебя, не настоящая».

– Пойдемте в дилижанс, – сказал Натт, подхватывая сундучок.

Гленда перестала раздумывать и разрыдалась. Нужно сказать, это были не жемчужные слезы, как у Юной Мэри, а большие и мутные, какие обычно проливает человек, который очень редко плачет. И вдобавок у Гленды потекло из носа. Зато не приходилось сомневаться, что слезы настоящие. Горничная Мэри ни за что не сравнилась бы с ней в этом.

Разумеется, тут Трев Навроде просто обязан был выйти из теней и сказать:

– Пора садиться... Эй, вы в порядке?

Натт посмотрел на Гленду. Слезы скрыть трудно, но она все-таки сумела улыбнуться.

– Кажется, да, – сказал он.

При езде на быстром дилижансе, даже теплой осенней ночью, пассажиры на крыше подвергаются воздействию температуры, способной заморозить даже дверную ручку. Поэтому в ход идут кожаные плащи и

коврики – древние, толстые и вонючие. Выжить удастся лишь в том случае, если соорудить вокруг себя кокон побольше, предпочтительно прижавшись к кому-нибудь еще: вдвоем согреться проще, чем в одиночку. Теоретически это способно повести к фиглям-миглям, но деревянные сиденья и дорожные ухабы гарантируют, что в первую очередь пассажир будет с тоской думать о мягких подушках.

И потом, шел дождь.

Джульетта вытянула шею, чтобы посмотреть на заднее сиденье, но там виднелась только груда сырых ковриков – «наш ответ ночному холоду».

– Думаешь, они, типа, друг другу приглянулись? – спросила она.

Треп, который и сам по уши замотался в коврики, что-то буркнул, прежде чем ответить:

– Да я б сказал, что он ее просто обожает. У него всегда аж язык заплетается, когда он ее видит. А больше ниче не знаю.

«Несомненно, это *очень* романтическая ситуация», – подумала Гленда. Хотя происходящее вовсе не походило на то, о чем повествовала каждую неделю Анжебета Бодсслъ-Ярбоуз. Оно было куда более настоящим и очень, очень странным.

– Ты знаешь, что всех орков перебили после войны? – спросил Натт. – Даже детей.

«В романтических ситуациях таких вещей не говорят, – подумала Гленда и мысленно добавила: – И все-таки это *романтика*».

– Но орков просто принудили, – ответила она. – И у них были дети.

«Сказать ли ему про волшебное зеркало? Будет лучше или хуже?»

– Были плохие времена, – сказал Натт.

– Посмотри на ситуацию с другой стороны, – предложила Гленда. – Большинство людей, которые теперь рассуждают об орках, даже не знают толком, о чем речь. Единственный орк, которого им суждено увидеть, – это ты. Ты делаешь чудесные свечи. Тренируешь футбольную команду. Понимаешь? Ты докажешь им, что орки вовсе не обязаны отрывать людям головы. Тебе есть чем гордиться.

– Ну, честно говоря, я признаю, что бываю изрядно впечатлен, когда думаю о количестве радиальной силы, которая требуется, чтобы эффективно открутить человеческую голову вопреки желанию владельца. Но сейчас мы сидим тут с тобой... Раньше я хотел уйти в холмы. Наверное, именно там орки и уцелели. Если не уберешься подальше от людей, погибнешь.

– Да, ты прав, – сказала Гленда, – но я думаю, что пока лучше об этом

помолчать.

Она заметила удивленную сову, на мгновение освещенную фонарем кареты.

А потом сказала, глядя прямо перед собой:

– Кстати, насчет стихотворения...

– Как вы узнали, мисс Гленда? – перебил Натт.

– Ты много говоришь о доброте... – Она откашлялась. – И, честно говоря, просто Гленды достаточно.

– Ты была ко мне добра, – сказал Натт. – Ты ко всем добра.

Гленда поспешно изгнала из памяти образ мистера Оттоми.

– Нет. Я только и делаю, что ругаюсь.

– Да, но не со зла.

– И что же делать теперь? – спросила Гленда.

– Понятия не имею. Хочешь, я расскажу тебе одну интересную вещь про корабли?

Гленда ожидала чего-то другого, но это было совершенно в духе Натта.

– Пожалуйста, расскажи мне одну интересную вещь про корабли.

– Она заключается в том, что капитаны должны быть особенно осторожны, если два корабля сближаются в открытом море, особенно когда оно спокойно. Они могут столкнуться.

– Потому что ветер дует? – уточнила Гленда, подумав: «Вообще-то у нас тут ситуация прямо из любовного романа, а мне рассказывают про корабли. В книгах Анжебеты Бодсслъ-Ярбоуз нет ни слова про корабли. Наверное, потому, что про ридикиули ничего нельзя сказать».

– Нет, – сказал Натт. – Проще говоря, каждый корабль защищает другой от боковых волн с одной стороны, так что понемногу внешние силы приближают их друг к другу, притом незаметно.

– О. Так это метафора? – с облегчением воскликнула Гленда. – Ты думаешь, что нас сталкивают друг с другом.

– Да, примерно так, – ответил Натт. Они подпрыгнули, когда дилижанс ухнул в особенно глубокую рытвину.

– Значит, если мы ничего не станем делать, то будем сближаться все больше и больше?

– Да.

Дилижанс подскочил и задрезжал, но Гленде показалось, что она идет по очень тонкому льду. Меньше всего ей хотелось сказать что-нибудь не то.

– Ты помнишь, как Трев сказал, что я умер? – продолжал Натт. – Это была правда. Наверное. Ее светлость сказала, что при Темном императоре

Игори сделали орков из гоблинов. И они вложили в них нечто странное. Часть души, которая принадлежит не им. Она называется Младший Брат. Она запрятана глубоко внутри, абсолютно защищена, и это все равно что носить с собой свою персональную маленькую больницу. Я знаю, что меня ударили очень сильно, но Младший Брат не позволил мне умереть и вылечил. Есть некоторые способы убить орка, но их немного, и у всякого, кто попытается осуществить их на живом орке, будет очень мало времени, чтобы понять основной принцип. Тебя это не пугает?

– Да нет, – ответила Гленда. – Я просто не вполне понимаю. По-моему, гораздо важнее просто быть тем, кто ты есть.

– Нет, я не думаю, что должен быть тем, кто я есть, потому что я орк. Но у меня есть некоторые планы в этом направлении.

Гленда кашлянула.

– Насчет кораблей... это случается быстро?

– Начинается медленно, но ближе к финалу все происходит достаточно быстро, – сказал Натт.

– Я ведь не могу просто уйти с работы, – сказала Гленда, – и есть старушки, которых я навещаю, а ты будешь занят футболом...

– Да. Я думаю, мы должны просто делать то, что делаем, и завтра последний день тренировок, то есть уже сегодня.

– А мне нужно приготовить уйму пирогов.

– Мы оба будем очень заняты, – торжественно произнес Натт.

– Да. Э... ты не обидишься, если я скажу... в твоём очаровательном стихотворении... там есть строчка... «Приятно в склепе время проводить, но гости остаются чай допить»... она не вполне...

– Не вполне доносит основную мысль? – уточнил Натт. – Я знаю. Мне она тоже не очень нравится.

– Не расстраивайся, ты написал замечательные стихи! – воскликнула Гленда и почувствовала, как спокойное море заволновалось.

Утреннее солнце пробилось сквозь огромный столб дыма, который вечно поднимался над Анк-Морпорком, Городом городов, сигнализируя на много миль вокруг, что дым означает прогресс, ну, или, по крайней мере, что люди что-то жгут.

– Я думаю, мы будем так заняты, что у нас не останется времени... для самих себя, – сказала Гленда.

– Согласен, – ответил Натт. – Оставить ситуацию как она есть – это, несомненно, самое мудрое решение.

Гленда чувствовала себя легче воздуха, когда карета загрохотала по Бродвею, притом не от недостатка сна. «Эта история про корабли... надеюсь, он не думает, что она действительно только про корабли».

Когда они приехали, перед университетом стояла толпа, совсем как вчера, но сегодня настрой был другой. Люди главели на Гленду и Натта, и в этом было что-то не то.

Она потянулась к груди ковриков, которую представлял собой Трев, стараясь не обращать внимания на девичье хихиканье, и сказала:

– Трев, не мог бы ты, э, посмотреть. По-моему, у нас будут неприятности.

Трев, страшно растрепанный, высунул голову и сказал:

– Хм... я тоже так думаю. Давайте просочимся с черного хода.

– Можем остаться здесь и сойти у Почтамта, – предложила Гленда.

– Нет, – сказал Трев. – Мы не сделали ничего плохого.

Когда они сошли, какой-то мальчик спросил у Натта:

– Мистер, вы орк?

– Да, – ответил Натт, помогая Гленде спуститься. – Я орк.

– Круто! Вы кому-нибудь уже оторвали голову?

– Сомневаюсь. Я бы наверняка это запомнил, – сказал Натт.

Кучка зевак ответила если не аплодIMENTами, то хотя бы одобрительным гулом. «Это всё его голос, – подумала Гленда. – Он говорит внушительней, чем волшебники. Нельзя представить себе такой голос с оторванной головой в руках».

Задняя калитка открылась, и поспешно выбежал Думминг Тупс.

– Мы увидели вас из окна Зала, – сказал он, хватая Натта за руку. – Скорее, заходите. Где вы были?

– Ездили в Сто Лат, – ответил Трев.

– По делу, – добавила Джульетта.

– Личному, – закончила Гленда, взглядом предлагая Думмингу возразить. – А что, какие-то проблемы?

– Утром кое-что появилось в газетах. У нас было не самое приятное утро, – сказал Думминг, таща их за собой в относительно безопасные университетские пределы.

– Сказали что-то плохое про мистера Натта? – уточнил Трев.

– Не совсем, – ответил Думминг. – Редактор «Таймс» явился сюда лично в ночи глухой и барабанил в дверь, требуя встречи с аркканцлером. Он хотел узнать все о вас, – эти слова были обращены непосредственно к Натту.

– Держу пари, это чертов Оттоми проболтался, – прорычала Гленда. –

И что же они сделали?

– Ну, вы, разумеется, знаете, какой был переполох из-за Медузы в Страже... – начал Думминг.

– Да, но ведь вы, волшебники, все уладили, – сказал Трев.

– Но никому не хочется, чтобы его превратили в камень, пусть даже на полчаса, – Думминг вздохнул. – В «Таймс» напечатали очередную содержательную статью. Даже не слишком плохую. В ней приведены слова аркканцлера, который сказал, что мистер Натт – трудолюбивый представитель университетского персонала и никаких инцидентов по поводу оторванных ног еще не было.

– Они так и написали? – с широко раскрытыми глазами уточнила Гленда.

– Вы же знаете, как это бывает, если регулярно читаете газеты, – сказал Думминг. – Я всерьез думаю, что они считают своей обязанностью успокаивать людей, объясняя в первую очередь, отчего им надлежит волноваться и трястись.

– Да, именно так они делают, – подтвердила Гленда. – Каким образом люди разволнуются, если им об этом не сказать?

– Что ж, статья была не такая уж плохая, – повторил Думмингс, – но ее перепечатали несколько других газет и слегка... изменили кое-какие факты. «Любопытный» напечатал, что Натт тренирует футбольную команду.

– Это правда, – заметила Гленда.

– Но на самом деле это я. Я просто поручил ему эту обязанность! Надеюсь, это понятно? И потом, они напечатали комикс.

Гленда закрыла рукой глаза. Она ненавидела комиксы в газетах.

– Они нарисовали футбольную команду орков? – спросила она.

Думминг взглянул на нее почти с восхищением.

– Да, – ответил он. – И написали статью о том, что политика открытых дверей, которую проводит Витинари, вызывает ряд вопросов, но в то же время заметили, что слухи о том, будто мистера Натта приходится держать в цепях, сильно преувеличены.

– А «Вестник Танти»? – спросила Гленда. – Они печатают только истории про кровь и ужасные убийства... – Она помедлила и добавила: – И картинки девушек без лифчиков.

– О да, – ответил Думминг. – Они напечатали размытый рисунок одной юной особы с огромными арбузами.

– То есть... – начал Трев.

– Нет. Просто огромные арбузы. Зеленые. С бородавками. Она, если не ошибаюсь, победила на сельскохозяйственном конкурсе, но в заголовке

сказано, что, по ее словам, она вряд ли сможет спокойно спать в собственной постели – теперь, когда в город приходят орки.

– Патриций Витинари намерен что-нибудь сделать по этому поводу?

– Не знаю, – ответил Думминг. – Кстати, «Куль» хочет взять интервью у мистера Натта. Написать статью об образе жизни, – он произнес эти слова так, словно держал их на расстоянии вытянутой руки.

– Игроки уже собрались на тренировку? – спокойно спросил Натт.

– Да. И буквально роют землю.

– Значит, мы пойдем и проведем тренировку, – сказал Натт. – Не беспокойтесь, я никому не оторву голову.

– Не надо так шутить, – попросила Гленда. – Я думаю, это было ужасно.

– Мы знаем, что в городе тревожно, – продолжал Думминг. – И ночью было много драк.

– По какому поводу?

– Кто будет с нами играть. – Думминг замолчал и осмотрел Натта с головы до ног. – Командор Ваймс вернулся в город. Он хотел тебя арестовать. Разумеется, в целях защиты.

– То есть запереть его там, где все его смогут найти? – уточнила Гленда.

– Я бы сказал, что у толпы весьма немного шансов ворваться в Псевдополис-Ярд, – сказал Думминг.

– Да, но вы собираетесь его запереть. Именно так и должно случиться. Натта посадят под арест, а копы сплетничают, как прачки. Орка посадили в тюрьму, и если людям не объяснить причину, они ее придумают сами, потому что таковы люди. Разве вы, волшебники, не можете что-нибудь сделать?

– Да, – сказал Думминг. – Мы можем сделать практически все, но мы не можем изменить людям головы. Мы не можем по мановению волшебной палочки сделать их разумными. Поверьте, если бы мы могли, то сделали бы это уже давным-давно. Мы можем сделать так, что люди перестанут драться, – и что потом? Нам придется непрерывно использовать магию, чтобы мешать им драться. Нам придется непрерывно использовать магию, чтобы мешать им делать глупости. И чем все закончится? Поэтому мы стараемся, чтобы ничего и не началось. Для этого существует университет, этим мы занимаемся. Мы сидим здесь и ничего не делаем, потому что в прошлом сотни раз было доказано, что, как только волшебник говорит «абракадабра», «вуаля» и превращает голубей в теннисные мячики, куда больше проблем возникает, нежели решается. Хватает и того, что

теннисные мячики потом начинают вить гнезда на чердаке.

– Мячики вьют гнезда? – уточнил Трев.

– Я не хочу об этом говорить, – хмуро сказал Думминг.

– Помню, как один из вас проголодался ночью и наколдовал себе жареной картошки, – произнесла Гленда.

Думминг содрогнулся.

– Это был казначей. И он действительно вечно путает с десятичной запятой.

– Я помню все эти тачки, – продолжала Гленда, явно радуясь замешательству Думминга. – Потребовалось несколько дней, чтобы все вывезти. Я слышала, мы до отвала накормили всех городских нищих и на несколько недель снабдили кормом все свинофермы отсюда и до Сто Лата.

Думминг кашлянул.

– Да, да, и это объясняет, отчего мы должны быть осторожны.

– Но завтра, тем не менее, будет матч, и я бы хотел завершить подготовительную программу, – сказал Натт.

– Есть еще одна проблема. Вы помните, что патриций Витинари разрешил провести игру в Иппо? Часть команд уже тренируется там. Чтобы немного размяться, и все такое. Весь вопрос в том, кто будет играть с «Незримыми Академиками».

– Но это же другой конец города, – сказала Гленда.

– Командор Ваймс сказал, что Стража предоставит сопровождение. Безопасности ради, сами понимаете.

– Чьей безопасности? – уточнила Гленда. – Вы же видите, что происходит. Люди решат, что проблема в мистере Натте.

– О, все это очень весело, пока кто-нибудь не потеряет голову, – произнес голос у нее за спиной. Она узнала его – он неизменно звучал так, как будто пытался просочиться ей под блузку.

– Пепе? Какого черта ты тут делаешь?

– И как ты прошел в здание? – спросил Думминг. – Вокруг полно стражников!

Пепе даже не удостоил его взглядом.

– А ты что за умник?

– Я управляю этим университетом!

– Тогда давай этим займусь я, потому что от тебя толку все равно не будет.

– Эта... личность вам знакома, мисс? – спросил Думминг.

– Э... да. Он, э, шьет одежду.

– Я законодатель мод, – возразил Пепе. – Я с одеждой такие штуки

проделываю, какие вам и в голову не придут.

– Вот в это я верю, – сказал Трев.

– И я разбираюсь в толпах и бунтах.

В голове Гленды родилась идея, и она шепнула взбешенному Думмингу:

– Это большая шишка в гномьих кругах, сэр. Знаком со многими влиятельными личностями.

– Я тоже, – сказал Думминг. – Более того, я и есть влиятельная личность! – жалобно провозгласил он. – Но вчера мне пришлось проводить тренировку *самому*, а я не помню всех тех штук, которые придумал мистер Натт, поэтому я просто заставил их бежать на месте, но, по-моему, от этого мало пользы.

– В городе что-то назревает, – сказал Трев. – Я-то чую. Я схожу и кой-чего разведу. Если я вам не нужен, конечно.

– Ты нужен мне, – отозвалась Джульетта.

Трев помедлил, но Натт ведь научил его, как это надо делать. Он вытянул руку, послал ей воздушный поцелуй и вышел.

– Вы видели? – спросила Джульетта. – Он послал мне воздушный поцелуй!

Гленда посмотрела на Пепе, который закатил глаза так, что виднелись одни белки – впрочем, красные.

Недолгое время спустя, когда большая часть университетской команды отправилась в Иппо, а Гленда и Джульетта шагали следом, как маркитантки, из разных укромных мест, куда они забрались покурить, показались с полдюжины стражников. Они двинулись за ними, делая вид, что просто прогуливаются в том же направлении.

«Трев был прав, – подумала Гленда. – Дела плохи».

Трев не успел уйти далеко, когда уличный инстинкт подсказал, что за ним следят. Он свернул пару раз в переулки и притаился в углу, чтобы встретить преследователя лицом к лицу... но никакого преследователя не было. Переулок у него за спиной был пуст с обоих концов. Трев понял это в ту же секунду, когда почувствовал, что кто-то прижал к его шее нечто весьма похожее на нож.

– Вспоминаю старые времена, – произнес голос. – Что приятно, я до сих пор помню здесь все закоулки.

– Я тебя знаю, ты Пепе, да? Ты гном? – спросил Трев, стараясь не оборачиваться.

– Ну, типа гном, – ответил Пепе.

– Но я с тобой не ссорился, – сказал Трев.

Что-то маленькое и блестящее мелькнуло в пределах зрения Трева.

– Образец лунного серебра, – объяснил Пепе. – Я даже разбитой бутылкой от шампанского мог бы причинить больше вреда – и причинял, поверь мне. Я бы не стал угрожать такому, как ты, ножом, раз уж к тебе неровно дышит эта девочка. Она, кажется, счастлива с тобой, а я хочу видеть ее счастливой.

– Что-то творится на улице, – сказал Трев.

– Что, прямо на улице? Может быть весело.

– Что-то не так.

Только теперь Пепе появился перед ним.

– Не моя проблема, – сказал он. – Но есть люди, которых я не люблю. Я их слишком много повидал, задир и мерзавцев. Если хочешь научиться бегать очень быстро, нужно родиться в этом районе с дизайнерским талантом и некоторыми другими предпочтениями. Патриций Витинари все неправильно понял. Он подумал, что сможет наложить руку на футбол, но ничего не получается. Это не Гильдия воров. С Гильдией воров все было просто. Потому что она организована. А футбол нет. Если патрицию удалось одержать верх над капитанами команд, это не значит, что все послушно выстроятся в шеренгу. Вчера ночью по всему городу были драки. Ваших парней с их новеньким мячиком и в новенькой форме завтра раскатают тонким слоем. Размажут по булыжникам.

– Я думал, ты всего-навсего шьешь одежду, – сказал Трев.

– Я. Всего-навсего. Шью. Одежду. Всего-навсего?! Ну, нет. Я – Пепе, и я не шью одежду. Я создаю уникальные произведения искусства, которым лишь по чистой случайности требуется тело, чтобы на них можно было посмотреть. Одежду шьют портные. А я кую историю. Ты слышал про микрокольчугу?

– Ага, – ответил Трев.

– Хорошо. Что ты слышал про микрокольчугу?

– Что она, типа, не трет.

– У нее есть и еще парочка секретов... – сказал Пепе. – В любом случае не могу сказать, что у меня есть время знаясь с волшебниками. Надменные типы. Но завтра будет не игра, а война. Ты знаешь парня по имени Энди? Энди Шенк?

У Трева сжалось сердце.

– А он тут при чем?

– Я просто слышал имя. Но, кажется, я могу представить, что это за типчик. Патриций Витинари сделал то, что хотел. Он разрушил футбол, но

у обломков острые края, если ты меня понимаешь.

– Завтра там будет Стража, – сказал Трев.

– Ба! Ба! Уличный пацан вроде тебя радуется, что завтра где-то будет Стража?

– И много зрителей.

– Да, потому что будет очень весело, – сказал Пепе. – Знаешь, в этом городе люди охотно пойдут смотреть на смертную казнь и поднимут детишек повыше, чтоб было лучше видно. Поэтому я скажу тебе, что я сделаю. Я не стану тебя пугать – меньше всего завтра тебе будет нужен страх. Я дам тебе кое-что получше. В конце концов, ты сын Дэйва Навроде.

– Я не стану играть, – ответил Трев. – Я обещал мамаше.

– Ты обещал мамаше? – переспросил Пепе, даже не пытаясь скрыть презрение. – Думаешь, есть какая-то разница? У тебя в руках звезда, мальчик. Ты будешь играть, поэтому я скажу тебе, что я сделаю. Ты подойдешь к «Шобле» с черного хода – прости, по-гномьи это звучит лучше – примерно в полночь и постучишь ногой в дверь. Можешь прихватить с собой какого-нибудь приятеля, если угодно, но, черт возьми, приходи.

– Почему я должен стучать в дверь ногой? – уточнил Трев.

– Потому что в каждой руке у тебя будет бутылка лучшего бренди. И не благодари, я делаю это не для тебя. Я защищаю свои капиталовложения, и, кстати, твои в том числе. Ступай, мальчик, иначе опоздаешь на тренировку. А я? Да я, блин, долбаный гений!

Трев заметил вокруг еще больше стражников, шагая по городу. Они, конечно, бывали изрядными поганцами, но Сэм Ваймс не держал на службе копов, не умеющих читать улицу.

Стража нервничала.

Люк по кличке Пук жил у матери в подвале, пока та не сдала его семейству гномов, после чего он переселился на чердак, где летом было жарко, а зимой холодно. Люк выживал лишь благодаря тому, что стены были оклеены страницами «Луков и боеприпасов», «Красоток и купальников», «Анекдотов из подворотни», «Марок Стэнли Хаулера», «Еженедельного големского вестника» и «Современного лобзика». И это был только верхний слой. Защищаясь от стихий, Люк заклеивал старыми журналами самые большие щели и дыры в крыше. Насколько Трев знал, Люк никогда не увлекался ни одним хобби из своей более чем странной библиотеки дольше чем на неделю, за исключением разве что печально знаменитого увлечения, связанного с разворотами «Красоток и

купальников».

Миссис Люк открыла Треву дверь и указала в сторону лестницы с радушным и гостеприимным видом, с которым обычно встречают непутевых друзей сына.

– Он болен, – заявила она, как будто это ее скорее забавляло, чем тревожило.

И это еще было мягко сказано. Один глаз Люка представлял собой разноцветное месиво, по лицу тянулся синий шрам. Трев заметил это не сразу, поскольку Люк упорно приказывал ему проваливать, но, поскольку ветхая дверь держалась на веревочке, достаточно было нажать плечом.

Трев устался на парня, который съезжился на своей чудовищной постели, как будто ожидая удара. Трев не любил Люка. Никто не любил Люка. Его невозможно было любить. Даже миссис Люк, которая теоретически должна была испытывать хотя бы минимальную привязанность к своему отпрыску, не любила Люка. Он был в высшей степени несимпатичен. Грустно было это признавать, но Люк, пукающий или нет, был прекрасным примером антихаризмы. Пару дней он мог вести себя сносно, но затем какая-нибудь дурацкая фраза, неуместный анекдот или совершенно нелепый поступок портили впечатление. Но Трев терпел его, подозревая, что и сам мог бы стать таким, если бы не был Тревом. Может быть, в каждом парне есть частичка Люка-Пука, думал Трев, но в случае с Люком это была не частичка, а целое.

– Что стряслось? – спросил Трев.

– Ниче.

– Эй, я Трев, я знаю, что такое «ниче». Тебе надо в больницу.

– Все не так страшно, как кажется, – простонал Люк.

Трев взорвался.

– Ты спятил, блин? Тебе ж чуть глаз не вынули!

– Я сам виноват! – возразил Люк. – Я разозлил Энди.

– Да, я понимаю, где тут твоя вина, – сказал Трев.

– Где ты был вчера вечером?

– Ты не поверишь...

– Тут, блин, была настоящая война!

– Я решил провести немного времени в Сто Лате. А здесь были драки, да?

– Все клубы подписались на этот новый футбол, а кое-кому это не нравится.

– Энди? – уточнил Трев и снова посмотрел на свежий сочащийся шрам. Да, похоже, Энди и впрямь был недоволен.

Трудно было сочувствовать такой неприятной личности, как Люк, но нельзя же пинать человека только потому, что у него на душе вытатуирована надпись «Пните меня в зад». Нельзя было обижать Люка. Это все равно что отрывать крылышки мухам.

– И не только Энди, – ответил Люк. – С ним заодно Глупс Аткинсон, Джимми Ложка и Ключ.

– Ключ? – переспросил Трев.

– И мамаша Аткинсон.

– Мамаша Аткинсон?!

– А еще Вилли Пилтдаун, Гарри Шлемобой и братья Колбассы.

– Что? Но мы их ненавидим. Их ненавидит Энди. Они ненавидят Энди. Стоит ступить на их улицу – и домой отправишься в мешке!

– Ну, знаешь, как говорят, – сказал Люк. – Враг моего врага – мой враг.

– По-моему, ты чего-то не понял, – заметил Трев. – Но я въехал, да.

Охваченный ужасом, он уставился в пустоту. Все перечисленные были Лицами. Чудовищно влиятельными в мире футбольных команд, а главное – среди фанатов. Они владели Толпой. Пепе был прав. Витинари думал, что главные – капитаны. А они вовсе не были главными. Главной была Толпа, а Толпой правили Лица^[16].

– Завтра они соберут команду и уж постараются, чтоб там таких было побольше, – сказал Люк.

– Да, я слышал.

– Они хотят показать Витинари, что они думают об его новом футболе.

– Я не услышал имени О’Столлопов, – заметил Трев.

– Я слышал, их папаша каждый вечер заставляет их ходить на репетиции хора, – сказал Люк.

– Капитаны действительно подписались, – сказал Трев, – и им это не понравится. Но неужели мы думаем, что Энди и его друзьям на это не наплевать? – Он подался вперед. – У Витинари, конечно, есть Стража. А ты Стражу знаешь. Да, там есть приличная публика, если брать поодиночке, но если начнется заварушка, в ход пойдут большие, большие дубинки и большие, большие тролли, и им будет пофиг, кого они бьют, потому что они – Стража, а значит, все законно. А если их хорошенько разозлить, они скажут, что ты испортил им дубинки своим лицом. Кстати, о лицах, каким именно образом ты едва-едва избежал шанса получить белую трость?

– Я сказал Энди, что это не такая хорошая идея, – ответил Люк.

Трев не смог скрыть удивления. Такая смелость была чужда Люку.

– Ну, может быть, тебе даже повезло. Ты останешься лежать в постели и не окажешься между Старым Сэмом и Энди.

Он замолчал, услышав какой-то шорох.

Поскольку Люк клеил старые журналы смесью воды и муки, на чердаке обитали хорошо откормленные мыши. По какой-то причине одна из них только что прогрызла себе путь на свободу, и у прошлогодней Мисс Апрель появился третий сосок, который смотрел на Трева и шевелил усами. Это было зрелище, способное надолго отбить человеку аппетит.

– Что ты намерен делать? – спросил Люк.

– Все, что смогу.

– Ты знаешь, что Энди решил тебя достать? Тебя и того странного типа.

– Я не боюсь Энди, – ответил Трев. И это было полной правдой. Он не боялся Энди. Он испытывал смертельный ужас, внутренний трепет, как будто грудную клетку ему набили снегом.

– Все боятся Энди, Трев. Если они не идиоты, – сказал Люк.

– Слушай, Большой Пук, я же Тревор Навроде!

– Я так думаю, этого будет мало.

«Этого будет мало, – думал Трев, поспешно двигаясь через город. – Если даже Пепе знает, что улицы бурлят, значит, знает и Старый Сэм? Хм...»

Он поспешно бросился к задней площадке омнибуса и спрыгнул, прежде чем кондуктор успел подойти. Если тебя не поймали в омнибусе, значит, тебя вообще не поймали, и хотя кондукторы были вооружены большими блестящими топорами, призванными отпугивать безбилетных пассажиров, все знали, что, во-первых, они слишком боятся пускать их в ход, а во-вторых, количество проблем, которое их ждет, если они зарубят какого-нибудь уважаемого члена общества, слишком велико, чтобы рисковать.

Он выбежал переулком на Куроносную улицу, заметил очередной омнибус, трюхающий в нужном направлении, вспрыгнул на подножку и уцепился. На сей раз ему повезло. Кондуктор только взглянул на него, а потом перестал замечать.

Когда Трев достиг большого перекрестка, известного под названием Пять дорог, он пересек почти весь город со скоростью, превышающей среднюю скорость пешехода, и бегать ему тоже по большей части не пришлось. Почти идеальный результат для Трева Навроде, который не любил ходить, если была возможность прокатиться.

Прямо перед ним возвышался Иппо. Раньше здесь проходили бега, пока Иппо не оказался в дальней части Анка. Теперь это была всего лишь

большая площадка, в которой нуждается каждый мегаполис, чтобы проводить ярмарки, время от времени бунтовать и, разумеется, устраивать вошедшие в моду распродажи, которые стали очень популярными у людей, желавших выкупить обратно свое имущество.

Сегодня Иппо был полон, притом нигде не было видно даже краденой лопаты. На всем поле люди гоняли футбольные мячи. Тревор слегка расслабился. Вдалеке маячили остроконечные шляпы, и, кажется, никто никого не убивал.

– Эй, как дела?

Трев слегка опустил взгляд.

– Здорово, Себя-Режу.

– Я слышал, ты вроде как связался с «Незримыми Академиками»? – спросил Себя-Режу-Без-Ножа Достабль, самый предприимчивый в городе, но при этом, как ни странно, наименее успешный делец.

– Только не говори, что ты пришел продавать пироги!

– Не-не, – ответил Достабль. – Сегодня тут слишком много дилетантов. Мои пироги не состряпаны из всякой дряни для кучи пьяных старых футбольных фанатов!

– Значит, твои пироги для... – Трев оставил вопрос висеть в воздухе, с незримой петлей на конце.

– И вообще, пироги – это вчерашний день, – уверенно заявил Достабль. – Я попал в струю с футбольными сувенирностями.

– Что это такое?

– Например, подлинные, подписанные игроками футболки и все такое. Вот, посмотри, – Достабль выудил с большого подноса, который висел у него на шее, уменьшенную копию нового футбольного мяча, с той разницей, что эта штука была вдвое меньше и кое-как вырезана из дерева. – Видишь эти белые участки? Это чтобы их можно было подписать у игроков.

– Ты собираешься раздобыть подписи?

– Нет-нет, люди захотят сделать это сами. Личный штрих. Понимаешь?

– Значит, это просто раскрашенные деревянные мячи и больше ничего? – уточнил Трев.

– Зато подлинные! – заявил Достабль. – Как и футболки! Хочешь? Для тебя – за пять долларов, и учти, я себя режу без ножа.

Он вытащил какую-то красную хлопчатобумажную тряпку и завлекаяще ею помахал.

– Что это?

– Цвета вашей команды.

– Две большие буквы «О» спереди? Но это неправильно, на наших футболках две маленькие переплетенные «о» слева, как герб. Очень стильно.

– Да ладно, почти то же самое, – беззаботно отозвался Достабль. – Никто и не заметит. И так пришлось продавать детям дешевле.

Он придвинулся ближе.

– Что-нибудь можешь рассказать про завтрашнюю игру, Трев? Похоже, из всех команд соберется настоящая банда. В кои-то веки все будет не так, как хочет Витинари?

– Мы хорошо сыграем, вот увидишь, – ответил Трев.

– О да, невозможно проиграть, если на поле Навроде.

– Я просто помогаю. Я не стану играть. После того как умер папаша, я пообещал своей старухе.

Достабль окинул взглядом переполненный стадион. Казалось, у него на уме что-то еще, помимо желания стрясти лишний доллар.

– А что будет, если ваша команда продует? – спросил он.

– Это всего лишь игра.

– Да, но на кону репутация Витинари.

– Это игра. Одна команда выигрывает, другая проигрывает. Просто игра.

– Многие с тобой не согласятся, – заметил Достабль. – Витинари всегда выигрывает, – продолжал он, глядя на небо. – В том-то и магия, понимаешь? Все думают, что он всегда добивается своего. Что, по-твоему, произойдет, если он промахнется?

– Это всего лишь игра, Себя-Режу, всего лишь игра... Увидимся, – и Трев зашагал дальше. На одной стороне арены устанавливали деревянные трибуны, а поскольку дело происходило в Анк-Морпорке, два человека, сойдясь вместе, немедленно привлекали еще тысячу, которые просто любопытствовали, что случилось.

И там был мистер Думминг Тупс – он сидел за длинным столом вместе с некоторыми капитанами команд. Ах да, судейский комитет. Об этом шли разговоры. Пусть даже правила были записаны и половина из них была так же стара, как сама игра, несколько вещей все же нужно было прояснить. Трев подошел как раз вовремя, чтобы услышать слова Думминга:

– Послушайте, в новой игре просто не может сложиться такой ситуации, чтобы игроки околачивались рядом с чужими воротами!

– Раньше было, и все нормально, – сказал один из капитанов.

– Да, но теперь мячи летают. Один сильный удар – и мяч может перелететь половину стадиона. Если кто-то поймет, как это работает, у

голкипера не будет и шанса.

– Значит, вы говорите, – сказал мистер О’Столлоп, бывший своего рода представителем капитанов, – что должно быть два парня из команды А перед парнем из команды Б, прежде чем он забьет гол?

– Да, примерно так, – сдержанно ответил Думминг, – и один из них – голкипер.

– Ну а что будет, если один из этих парней проскочит мимо него, прежде чем тот ударит по мячу?

– Тогда получится то, что традиционно называют офсайд, – сказал Думминг. – Без вариантов.

– Скорее без головы, – произнес кто-то. Поскольку это было хотя бы приблизительно смешно, послышался смех. – Если это так, парни только и будут бегать наперегонки и стараться сделать так, чтоб противник оказался в неразрешенном положении, причем мяч никто и не тронет. Так?

– И все-таки мы придерживаемся этого правила. Мы его проверили. Оно учитывает право свободного перемещения по полю. В старой игре для игроков не было исключением прихватить с собой ленч и экземпляр «Красоток и купальников», в ожидании, пока к ним прилетит мяч.

– Эй, Трев, как делишки? – Это был Энди, и он стоял за спиной у Трева.

«Здесь тысяча человек, – подумал Трев, очень медленно и с огромным облегчением. – И уйма стражников. Двоих я вижу прямо отсюда. Энди ведь не попытается ничего сделать, правда?»

Не исключено, что попытается, потому что это Энди. Маленькая пчелка, которая жужжала у него в мозгу, могла стукнуться непредсказуемым образом, и тогда Энди оставлял противника без лица. Ага, а еще неподалеку были Глуппс Аткинсон и его мамаша, которые делали вид, что прогуливались.

– В последнее время ты куда-то пропал, Трев, – сказал Энди. – Наверное, был занят?

– А я думал, ты залег на дно, – безнадежно произнес Трев.

– Ну, сам знаешь, как говорят. Рано или поздно все грехи прощаются.

«В твоём случае – скорее поздно», – подумал Трев.

– И потом, – сказал Энди, – я решил начать с чистого листа.

– Правда?

– Я бросил Толпу. Бросил беспутную жизнь. Пора уже остепениться.

– Приятно слышать, – сказал Трев, ожидая ножа.

– Теперь я – главный игрок «Анк-Морпорк Юнайтед».

Ножа не было, но эффект получился примерно схожим.

– Судя по всему, его светлость подал им идею, – продолжал Энди тем же сально-дружелюбным тоном. – Разумеется, ни одна команда не хочет играть против вас, волшебников. Поэтому, типа, для такого случая создали новую команду.

– А я думал, ты не играешь, – слабо произнес Трев.

– Да, но это было в жестокие прежние времена, до того как футбол стал открыт для индивидуальных усилий и личной предприимчивости. Видишь футболку?

Трев опустил глаза. До сих пор он не особенно задумывался о том, во что одет этот тип. Достаточно, что он был здесь.

– Белая с синим кантом, – весело сказал Энди. – Просто шик.

Он повернулся. На спине была синим выведена цифра 1, над ней стояло имя – Энди Шенк.

– Моя идея. Очень разумно, по-моему. Чтоб своих можно было отличить со спины.

– Я сказала вашим волшебникам, что вы, господа, должны сделать то же самое, – сказала миссис Аткинсон – несомненно, одно из самых жутких Лиц, которые когда-нибудь расхаживали с заостренным зонтиком и злобным умыслом. Взрослые мужчины уступали дорогу миссис Аткинсон, иначе взрослые мужчины истекали кровью.

«То, что нужно, – подумал Трев. – Наши имена будут написаны на спине. То есть им даже не придется обходить спереди, прежде чем пырнуть ножом».

– Ладно, я не могу стоять тут целый день и болтать с тобой. Мне надо поговорить с командой. Выработать тактику.

«На поле будет судья, – думал Трев. – Будет Стража. Будет патриций Витинари. К сожалению, Энди Шенк тоже будет здесь, и Натт хочет, чтобы я был его помощником, поэтому мне тоже придется быть здесь. Если что-нибудь грянет, поле будет не тем местом, где стоит находиться, и я буду прямо на нем».

– Если хочешь знать, где ваша тупая красотка, она вон там, со своей толстухой. Скажи честно, что ты обо мне думаешь?

– Ничего, до тех пор, пока ты не спросил, – сказал Трев. – Зато думаю теперь.

– Передай привет орку, – произнес Энди. – Страшно жаль, что он последний.

Они ушли, но Трев успел убраться с дороги прежде, чем миссис Аткинсон воткнула ему в ногу свою трость.

Найти Джульетту. Найти Натта. Найти Гленду. Найти помощь. Найти

билет до Четвертого континента.

Тре́в никогда не дрался. То есть по-настоящему. Разумеется, когда он был младше, его порой втягивали в кучу-малу, и было гораздо благоразумней быть среди других парней, держа в руке какое-нибудь импровизированное оружие. Тре́в ловко умел казаться вездесущим, он громко орал и влетал в самую гущу, но никогда не ввязывался в серьезную потасовку. Он мог бы обратиться к Страже и сказать... Что Энди угрожает? Но Энди всегда угрожал. Когда в Толпе начиналась заварушка – а такое иногда бывало, – когда два клана выясняли отношения, всегда был лес ног, сквозь который можно было нырнуть, а однажды, когда Тре́в всерьез отчаялся, – много плечей, по которым можно было пробежать. О чем он думал? Ему тут нечего делать, он не собирается играть. Он пообещал мамаше. Все знают, что он пообещал мамаше. Он бы, может, и хотел сыграть, но старушке бы это не понравилось. Как будто она написала записку: «Дорогой Энди, пожалуйста, не убивай Тре́вора сегодня, потому что он пообещал не играть».

Он отогнал от себя мысленное зрелище летящего ножа и услышал голос Натта:

– А, я слышал про «Куль».

Это были Гленда и Джульетта, Натт и Джульетта, слегка встревоженная девица с блокнотом и Джульетта. Еще там была Джульетта, но ее было непросто заметить, потому что там была Джульетта.

– Она говорит, что хочет написать статью, – сказала Гленда, которая явно подстерегала журналистку. – Ее зовут мисс...

– Роз, – сказала та. – Все о вас говорят, мистер Натт. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов? У нас очень современная аудитория^[17].

– Да?

– Каково это – быть орком, мистер Натт?

– Не знаю. А каково это – быть человеком? – спросил Натт.

– Ваш опыт в качестве орка повлияет на вашу предстоящую игру?

– Я буду играть только в качестве запасного. Моя роль – это всего лишь роль тренера. И, отвечая на ваш вопрос, я также вынужден добавить, что до сих пор у меня было не очень много опыта в качестве орка.

– Вы посоветуете своим игрокам отрывать противникам головы? – девица захихикала.

Гленда открыла рот, но Натт торжественно ответил:

– Нет, это против правил.

– Я слышала, вас считают очень хорошим тренером. Почему?

Несмотря на патентованный идиотизм этого вопроса, Натт, казалось,

глубоко задумался.

– Нужно учитывать рамки возможностей, – медленно произнес он. – E pluribus unum, многие станут одним, но можно с тем же успехом сказать, что и один станет многими, ex uno multi, и действительно, фон Шлисс пишет в «Потоке реальности»: «Если хорошенько подумать, один на самом деле может быть многими, просто в разной одежде».

Гленда смотрела на лицо девушки. Его выражение не менялось, а карандаш не двигался. Натт улыбнулся собственным словам и продолжал:

– Давайте рассмотрим это в свете, например, летящего мяча. Мы знаем, откуда он летит, но куда он приземлится – это задача со множеством неизвестных, даже если дело происходит в четырехмерном пространстве. Перед нами – экзистенциальная загадка, с которой сталкивается ударивший по мячу, потому что он одновременно, так сказать, и стрелок и мишень. Пока мяч летит, все возможности неумолимо переплетены, как пишет герр Фругаль в «Das Nichts des Wissen»: «Ich kann nicht genau erinnern, aber es war so etwas wie eine Vanillehaltige susse Nachspeisenbeigabe», хоть мне и кажется, что в это время он находился под воздействием какого-то препарата. Кто движется и кто есть движущая сила? Поскольку решения можно достичь лишь с помощью концептуальной манифестации, используя восприятие трансфинитного пространства, становится ясно, что среди возможностей есть и та, что мяч может упасть буквально где угодно или же что по нему вообще не ударили. Моя обязанность – сократить этот метафизический потолок и дать игрокам некоторые приемлемые парадигмы, как то: стукни его прямо в серединку, сынок, так что если вратарь его поймает, то, по крайней мере, ладони обожжет. Понимаете ли, суть футбола в том, что это не только футбол. Это увлекательнейшая многомерная философия, экструзия, которую разъяснил доктор Маспиндер в своей книге «Das Meer von Unvermeidlichkeit». Теперь, разумеется, вы мне скажете: а как же в таком случае «4–4–2» или даже «4–1–2–1–2», верно? И я вот отвечу: есть только один игрок. По традиции что мы говорим, что игроков в команде одиннадцать, но это лишь из-за нашего слаборазвитого восприятия. По правде говоря, игрок только один, и, следовательно, – Натт усмехнулся, – я посмею слегка переделать фразу из «Врат обмана»: «Неважно, победил ты или проиграл, лишь бы ты забил больше всего голов».

Девушка взглянула в свой блокнот.

– А можно чуть попроще?

– О. Прошу прощения, – сказал Натт. – Я думал, это и было попроще.

– А я думаю, этого достаточно, – вмешалась Гленда, беря журналистку

за руку.

– Но я еще не успела спросить про любимую ложечку! – жалобно воскликнула та.

Натт откашлялся.

– Я предпочел бы, чтобы меня об этом вопросе предупредили заранее, поскольку это весьма обширная область знаний, но я полагаю, что Великая кладхская бронзовая ложка, которая весит больше тонны, по праву занимает первое место, хотя не следует забывать и набор ложечек, каждая из которых меньше рисового зернышка, созданный каким-то неведомым гением для наложниц императора Вхези. Но, несомненно, насколько мне известно, все это превосходит печально знаменитая ложка с часовым механизмом, изобретенная Чертовым Тупицей Джонсоном, которая, если не ошибаюсь, способна размешивать кофе так быстро, что чашка отрывается от блюдечка и врезается в потолок. Хотел бы я это увидеть. Хотя, конечно, не с близкого расстояния. Менее известна поющая ложка ученого мудреца Ли Тин Уидла, которая развлекала обедающих, распевая комические куплеты. В числе прочих знаменитых ложек...

– *Теперь* достаточно, – сказала Гленда, таща журналистку прочь ради ее собственного блага.

– Он орк? – спросила мисс Роз.

– Все так говорят, – ответила Гленда.

– Орки все такие? Я думала, они только и делают, что отрывают головы.

– Полагаю, им тоже надоедает делать одно и то же.

– Но откуда он столько всего знает про ложки?

– Поверьте, если существует книга под названием «Великие ложки мира», мистер Натт ее прочел.

Треув слышал жалобный голос мисс Роз, когда Гленда почти силком вела ее прочь, во всяком случае, подальше от Натта.

– Я очень хочу поговорить с Жужу, – сказала журналистка, проходя мимо Джульетты и даже не глядя на нее. – Но она скрывается. Так все говорят.

Треув заспешил дальше, таща остальных двоих за собой.

– Завтра здесь будет убийство, – сказал он. – Волшебники не могут пользоваться магией, а «Анк-Морпорк Юнайтед» состоит из самых злобных и подлых сукиных сынов, какие только есть за пределами Танти.

– Значит, нужно изменить нашу тактику, – отозвался Натт.

– Ты рехнулся? Я имею в виду таких, как Энди, Натт! И он, возможно, еще не худший.

– Но в любом случае это – вопрос тактики. Внимание к достоинствам и недостаткам, а также правильное использование знаний, – ответил Натт.

– Послушай, на всё это просто не будет времени.

– Если ты позволишь мне процитировать... – начал Натт.

– Я сказал – послушай! Ты знаешь какие-нибудь цитаты о людях, которых сначала пырнули ножом в спину, а потом пнули по... – Он запнулся и продолжил: – Пнули, когда они лежали на земле. Потому что сейчас нужно думать именно об этом.

– Там будет Стража, – сказал Натт.

– Но их привычный способ разбираться с запутанными событиями – это сделать так, чтоб лежали все. Ведь так проще, – заявил Трев.

– Я не сомневаюсь, что в игре мы сможем победить любую команду, – примирительно сказал Натт.

Трев безнадежно посмотрел вокруг в поисках хоть кого-нибудь, способного его понять.

– Не получится! Дело уже не в футболе!

– Я не хочу смотреть, как кому-нибудь сделают больно, – сказала Джульетта.

– Значит, придется закрыть глаза, – буркнул Трев. – Натт, ты думаешь, что все будет мило и спортивно, потому что придумали новый футбол, но люди-то остались прежними! Знаешь, о чем я думаю?

– Мой папаша говорит, что для Витинари будет не очень хорошо, если «Академики» проиграют, – сказала Джульетта.

– А он-то будет рад? – спросил Трев.

– Ну, да, наверное, но даже папаша говорит, что лучше чертов Витинари, чем те уроды, которые у нас были до него.

«Потому что город живет, – подумал Трев. – До того, как Витинари пришел к власти, здесь был хаос. Никто толком не знает, как ему это удалось. Он наладил работу Стражи. Он прекратил войну между гномами и троллями. Он позволил людям делать то, что им хочется, хотя на самом деле они делают то, что хочется ему. А главное, город полон жителей и денег. Все хотят жить в Анк-Морпорке. Может ли Витинари слететь, если новый футбол потерпит крах? Да. Конечно, да. Потому что люди есть люди».

Трев сказал об этом Гленде, когда она выдворила озадаченную Роз за пределы досягаемости Натта и вернулась. Гленда взглянула на Трева и спросила:

– Думаешь, Витинари знает?

– Понятия не имею, – ответил Трев. – Ну, наверное, у него полно

шпионов, только я не поручусь, что они об этом знают.

– Может быть, кто-нибудь должен ему сказать?

Трев засмеялся.

– Ну и что ты предлагаешь? Что мы постучимся во дворец, придем прямо к нему и скажем: «Простите, мистер, тут кое-какие мелочи ускользнули от вашего внимания»?

– Да, – ответила Гленда.

– Спасибо, Стукпостук, пока все, – сказал Витинари.

– Да, сэр, – ответил Стукпостук. Он кивнул госпоже Марголотте и беззвучно просочился из комнаты.

– Хэвлок, я понимаю, что Стукпостук весьма компетентен, но мне он кажется очень странным человеком.

– Мир был бы забавным местом, будь мы все одинаковы, мадам, хотя, признаю, не очень забавным, будь мы все Стукпостуками. Но он верен и в высшей степени надежен, – сказал Витинари.

– Хм, – отозвалась ее светлость. – У него есть какая-то личная жизнь?

– Насколько я знаю, он коллекционирует канцелярские принадлежности, – сказал Витинари. – Я подозреваю, его жизнь может измениться к лучшему, если однажды он встретит юную особу, готовую нарядиться как конверт.

Они находились на балконе Продолговатого кабинета, с которого открывался шикарный вид на центр города, и в то же время зритель оставался почти невидимым.

– Договор продвигается? – спросил Витинари.

– Несомненно, – ответила ее светлость. – Наконец-то мир между троллями и гномами.

Витинари улыбнулся.

– Слово «мир» обычно определяют как период затишья и перевооружения перед следующей войной. Понадобилось много заказных убийств?

– Хэвлок, иногда ты слишком прям!

– Прошу прощения, но движение истории требует не только пастырей, но и мясников.

– Никаких заказных убийств, – ответила ее светлость и возвела глаза горе. – Но, тем не менее, произошел ужасный несчастный случай в шахте и весьма необычный оползень. И, разумеется, еще нужно уладить проблему в Локо. Гномы по-прежнему жаждут полного истребления.

– Сколько орков там осталось?

– Никто не знает. Может быть, Натт сумеет их разыскать.
– Геноцида не будет, – сказал Витинари. – История склонна наносить ответный удар.
– Он, кажется, оказался большим сюрпризом.
– Да, насколько мне известно. Судя по отчетам, которые я получаю, у него есть все качества, которых не было у орков.
– Но все-таки в душе он орк, – намекнула ее светлость.
– Мне интересно, кто в душе все мы, – ответил Витинари.
– Ты знаешь, что это большой риск, – сказала госпожа Марголотта.
– Мадам, этот город – сплошной риск, уверяю вас.
– А власть – это игра дыма и зеркал, – продолжала ее светлость, потянувшись за вином.

– Странно, но командор Ваймс напоминает мне об этом почти каждый день. Никакие полицейские силы не справятся с разгневанным и решительно настроенным населением. Фокус в том, чтобы не дать им осознать это. Да?

В дверь постучали. Это снова был секретарь.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь, сэръ, мадам, но в данных обстоятельствах я подумал, что это будет простительно... – Он фыркнул. – Снова та молодая особа с пирогами.

– А, мисс Медоед, легендарный изобретатель знаменитого «пирога пахаря», – сказал Витинари и взглянул на ее светлость. – Она друг мистера Натта.

– Я видела ее, Хэвлок. Она обратилась ко мне с речью.

– Да, она это умеет. Чувствуешь себя так, как будто принял ледяную ванну. Пропусти же ее, Стукпостук.

– И с ней молодой человек. Если не ошибаюсь, Тревор Навроде, сын знаменитого футболиста Дэйва Навроде. Она просила передать, что принесла вам «пирог пахаря».

– Ты возьмешь непроверенную еду от человека с улицы? – в ужасе спросила ее светлость.

– От этого конкретного человека – да, несомненно, – сказал Витинари. – Она никоим образом не станет класть в нее яд. И не из уважения ко мне, насколько я понимаю, а из уважения к еде. Не уходите. Я думаю, вам это покажется... небезынтересным.

Пирог в руках у Гленды был еще теплым, когда она вошла в Продолговатый кабинет. Она буквально застыла при виде госпожи Марголотты, но тут же в ней пробудилось здравомыслие.

– Мне нужно кланяться? – спросила она.

– Только если вам действительно того хочется.
– Мы пришли, чтобы вас предупредить, – сказал Трев.
– Вот как? – Витинари поднял бровь.
– «Анк-Морпорк Юнайтед» раскатают «Незримых Академиков» тонким слоем и пройдутся по ним своими большими тяжелыми башмаками.

– Ох, боги. Вы думаете, именно так и будет?
– Они – не обычные игроки! – выпалил Трев. – Они из Толпы! Они ходят с оружием!

– Ах да. Футбол как война, – сказал Витинари. – Что ж, спасибо, что сказали.

Настала тишина. Витинари прервал ее первым:

– Вы хотите сказать что-нибудь еще?

Он посмотрел на пирог, который Гленда держала перед собой, словно какой-то символ целомудрия.

– Вы можете что-нибудь сделать? – намекнула она.

– Это игра, мисс Медоед. Именно я предложил провести матч – как повашему, хорошо ли будет, если я теперь вмешаюсь? В конце концов, там будут правила. В конце концов, там будет судья.

– Им плевать, – сказал Трев.

– Тогда, полагаю, Стража исполнит свой долг. А теперь, если вы меня извините, у меня много государственных дел, которыми я должен заняться. Но пирог, пожалуйста, оставьте.

– Одну минуту, – сказала ее светлость. – Отчего вы пришли предупредить его светлость, юная леди?

– А разве я не должна была так поступить? – уточнила Гленда.

– И вы просто взяли и вошли?

– Ну, не без помощи пирога.

– Мы уже раньше встречались, – напомнила ее светлость.

Она смотрела на Гленду, Гленда смотрела на нее и, наконец, произнесла:

– Да, я помню, мне не страшно, и я ничуть не сожалею.

Поединок взглядов длился целую вечность, и наконец госпожа Марголотта быстро отвернулась и сказала:

– Да, ты поняла правильно, но, несомненно, я получу удовольствие как от пирога, так и от матча.

– Да, да, – поддержал Витинари. – Спасибо вам обоим, что заглянули, но, прошу прощения, государственные дела требуют нашего внимания.

– Однако! – воскликнула госпожа Марголотта, когда за гостями

закрылась дверь. – Что за людей ты выращиваешь в своем городе, Хэвлок?

– Полагаю, лучших из лучших, – ответил тот.

– Два простолюдина могут к тебе вломиться без предварительной договоренности?

– Зато с пирогом, – быстро ответил Витинари.

– Ты их ждал?

– Скажем так, я не то чтобы страшно удивился, – сказал Витинари. – Я действительно знаю, что представляют собой «Анк-Морпорк Юнайтед». И Стража тоже в курсе.

– И ты позволишь им выйти на поле против кучки старых волшебников, которые пообещали не пользоваться магией?

– Кучки старых волшебников и мистера Натта, – бодро уточнил Витинари. – Если не ошибаюсь, ему хорошо удается тактическое планирование.

– Я этого не допущу.

– Это мой город, Марголотта. В Анк-Морпорке нет рабов.

– Он мой подопечный. Хотя, полагаю, ты пропустишь мои слова мимо ушей.

– Именно так я и намерен поступить. В конце концов, это всего лишь игра.

– Но суть всякой игры – не только игра! Что за игра, по-твоему, состоится завтра?

– Война, – ответил Витинари. – А суть всякой войны – только война.

Госпожа Марголотта взмахнула длинным рукавом, и внезапно в руке у нее появился тонкий стальной кинжал.

– Разрежь пополам, – попросил Витинари, указав на пирог. – А я выберу свою половинку.

– А если в ней окажется больше запеченных луковок, чем в другой?

– Тогда, полагаю, мы сможем договориться. Хочешь еще... вина?

– Ты видел, что она пыталась меня переглядеть? – спросила Марголотта.

– Да. Я видел, что ей это удалось.

Когда Гленда и Трев вернулись в Иппо, Натт выжидающе посмотрел на них.

– Он даже не стал слушать, – пожаловался Трев.

– Наверняка, – ответил Натт. – Но я уверен в нашем завтрашнем успехе. Я не сомневаюсь, что тактически мы превосходим противника.

– А я просто радуюсь, что не буду играть, – заявил Трев.

– Да, мистер Трев, и мне страшно жаль.

От ближайшего стола, где Футбольная лига вносила последние поправки, донесся чей-то голос:

– Нет-нет, слушайте, вы все неправильно поняли. Если парень из команды Б стоит ближе к голкиперу... нет, не так... если он стоит ближе к воротам, чем голкипер, тогда, разумеется, он запросто забьет гол. По моему, разумно.

Послышался вздох, который мог издать только Думминг Тупс.

– Нет, вы, кажется, не поняли...

Вмешался другой голос:

– Если голкипер стоит так далеко от ворот, он идиот!

– Давайте начнем сначала, – произнес третий голос. – Предположим, я – этот парень...

Трев посмотрел в ту сторону и увидел, что один из спорщиков запустил по столу бумажный комочек.

– Типа, я ударил по мячу, и он полетел далеко, а вот этот комочек – я. И что тогда?

Он снова щелкнул ногтем по комочку, и тот ударился о карандаш Думминга.

– Нет! Я ведь уже объяснил! И перестань разбрасывать бумагу, я не могу сосредоточиться!

– Пусть на них поплюет, – подсказал кто-то.

– Погодите-ка минуту, – сказал очередной голос. – Ну а что будет, типа, если ты загонишь мяч в собственную половину поля, а потом побежишь вот так, никому не пасуя, и забьешь гол?

– Это будет совершенно законно, – ответил Думминг.

– Да, но ведь это невозможно, правильно? – спросил мужчина, который только что щелкнул ногтем жеванный комочек бумаги, и ему так понравилось, что он повторил.

– Но если человек попытается и преуспееет, это будет прекрасный футбол, не так ли? – сказал Думминг.

– Где наша команда? – спросил Трев, оглядываясь.

– Я предложил им лечь спать пораньше, – сказал Думминг.

– «Пораньше» для волшебников – это два часа ночи, – сказала Гленда.

– А я распорядился, что у команды сегодня вечером будет специальный ужин, – объявил Натт. – В связи с этим, мисс Гленда, я настоятельно прошу вас запретить Ночную Кухню.

Вечером в столовой висело ледяное молчание.

– Я не ем салат, – заявил слугообраз Шноббс (не родственник). – У меня от них ветры.

– Как можно жить без пасты? – возмутился Бенго. – Это варварство!

– Надеюсь, вы заметили, что моя тарелка так же пуста, как и ваши, господа, – сказал Чудакулли. – Мистер Натт – наш тренер, и я позволил мистериу Натту командовать. И никакого курева сегодня тоже не будет.

Послышался хор сердитых восклицаний, и аркканцлер вскинул руку, призывая к тишине.

– Также он требует, чтобы... – Он всмотрелся в неразборчивый почерк Натта и слегка улыбнулся. – Никакого сексуального общения.

Эти слова вызвали отнюдь не ту реакцию, какую он ожидал.

– В смысле, собраться и поговорить? – уточнил заведующий кафедрой бесконечных штудий.

– Нет, это оральный секс, – сказал Ринсвинд.

– А орать никто не собирается.

Бенго Макарона сидел с ошеломленным видом.

– А также я не хочу, чтобы вы ночью шныряли за едой, – продолжал Чудакулли. – Есть правила. Я известил миссис Уитлоу и мисс Медоед, что целиком и полностью поддерживаю распоряжения мистера Натта. Не сомневаюсь, господа, у вас хватит силы воли.

– В попытке выказать солидарность с прочими членами команды, – сказал профессор самых современных рун, – я, кажется, видел в моей комнате оставшийся в мышеловке кусочек сыра.

Чудакулли остался в полном одиночестве, и его окружало только эхо упавших стульев.

Аркканцлер вернулся к себе в комнату и бросил шляпу на вешалку. «Должны быть правила, – сказал он себе. – Правила для них – и правила для меня». Он подошел к огромной кровати и открыл ящичек с табаком. Вместо табака в нем лежала маленькая записка:

«Дорогой аркканцлер, в связи с тем, что вы одобрили инструкции мистера Натта, чтобы факультет нынешним вечером воздержался от еды и курения, я взяла на себя смелость убрать ваши сигареты и табак. Также смею заметить, что я вынула из буфета все холодные остатки и соленья, чтобы вы устояли перед искушением».

– Черт подери, – негромко произнес аркканцлер.

Он подошел к гардеробу, порылся в кармане курительного халата и обнаружил другую записку, которая гласила:

«В соответствии с правилами мистера Натта, получившими ваше одобрение, аркканцлер (у миссис Уитлоу даже почерк был укоризненный),

я взяла на себя смелость вытащить из карманов ваш экстренный запас мятных леденцов».

– Гром и молния! – провозгласил Чудакулли. – Меня окружают предатели! Они преграждают дорогу на каждом шагу!

Он безутешно побрел к книжному шкафу и вытащил «Спутник оккультиста» Бодри – книгу, которую знал наизусть. А поскольку он знал ее наизусть, на странице четырнадцать оказалось маленькое изящное углубление, в котором лежал пакетик чрезвычайно сильных лакричных леденцов, унция табака «Веселый моряк» и пачка «Уизлы». А также записка.

«Дорогой аркканцлер, у меня духу не хватило. Миссис Уитлоу».

В университете, казалось, было темнее обычного. Обычно приказам аркканцлера подчинялись, и «Незримые Академики», бегавшие в поисках еды, убедились, что все двери закрыты, точнее, даже захлопнуты, а все кладовки заперты и заговорены. Футболисты безнадежно рысили по коридорам.

– В комнате у меня есть разогреваемая паста, – сказал Бенго Макарона. – Бабушка дала мне ее с собой, когда я сюда собрался. Она хранится десять лет. Бабушка говорит, что через десять лет у нее будет точно такой же вкус, как сейчас. Не исключаю, что она говорила правду.

– Если ты за ней сбегаешь, можно приготовить ее в моей комнате, – сказал профессор самых современных рун.

– Договорились. Между прочим, в ней крокодильи яички. Очень питательно. У меня на родине они очень популярны.

– А я и не знал, что у крокодилов есть яички, – сказал профессор самых современных рун.

– Больше нет, – заметил слугообраз Шноббс (не родственник).

– У меня есть печенье, могу поделиться, – сказал Думминг Тупс, и его немедленно пригвоздили к месту вопросительные взгляды.

– Нет, – сказал он. – Я не собираюсь нарушать приказы аркканцлера, поэтому печенье – и точка. Больше ничего я не слышал, господа. Без иерархии мы ничто.

– У библиотекаря наверняка есть бананы, – сказал Ринсвинд.

– Ты уверен? – уточнил Макарона.

– Насколько я знаю, у библиотекаря в подобных случаях девиз: «Если ты попытаешься отнять у меня бананы, я заберу их из твоих мертвых рук».

Треф, который прятался в тени, подождал, пока урчание голодных желудков не замерло вдали, после чего поспешил обратно и постучал в

запертую дверь Ночной Кухни.

– Они собрались все вместе и пошли в библиотеку, – сообщил он.

– Хорошо. Думаю, он поделится с ними бананами, – сказал Натт.

– Честно говоря, я не понимаю смысл, – призналась Гленда.

– Суть в том, что они друзья. Братья по несчастью. Они – команда.

Таков футбол. Нужно учить команду быть командой, и я не стану возражать против того, чтобы они плотно позавтракали утром.

Трев подумал, что Натт заметно меняется.

– Можно задать личный вопрос?

– Почти все вопросы, которые мне задают, – личные. Но, пожалуйста, задавайте, мистер Трев.

– Э... ну ладно. Иногда ты кажешься большим, а иногда маленьким.

Почему?

– Это наше свойство, – ответил Натт. – Полагаю, результат сокращения и расширения морфического поля. Оно воздействует на ваше восприятие.

– Когда ты расстроен, ты кажешься совсем маленьким, – сказала Гленда.

– А сейчас я каким кажусь?

– Довольно большим, – сказал Трев.

– Хорошо, – и Натт взял еще кусок пирога. – Завтра я намереваюсь казаться еще больше.

– Мы должны сделать еще кое-что, – сказал Трев. – Пепе хочет мне помочь. Он думает, я буду играть.

– Ты ведь будешь играть, – сказал Натт.

– Нет, и ты это знаешь. Я обещал моей старушке. Нельзя нарушать слово, которое ты дал старухе матери, упокой боги ее душу. У тебя есть ключ от винного погреба, Гленда?

– И ты думаешь, я тебе скажу, Трев Навроде?

– Думаю, что нет. Но мне нужны две бутылки лучшего бренди. И... э... не могли бы вы все пойти со мной? Я думаю, Пепе не затеял ничего дурного, но... э... вы же знаете... полночь и все такое...

– Да, я знаю Пепе, – ответила Гленда.

У задней двери в «Шоблу» стоял охранник, но, прежде чем он успел хотя бы подумать о том, чтобы прогнать Трева и его телохранителей, появился Пепе.

– О! Три товарища. Я прямо весь дрожу, – объявил он, гнусно ухмыляясь. – Что, ребята, принесли бренди?

– В чем дело, Пепе? Ты до чертиков перепугал Трева, – сказала Гленда.

– Я его не пугал! В наши дни я уже мало кого пугаю. Я просто сказал ему, что он будет играть.

– Я пообещал моей старушке, – повторил Трев, хватаясь за эти слова, как за крошечный плотик в бурном море.

– Но у тебя в руках звезда, и выбор не то чтобы большой.

Трев уставился на свою ладонь.

– Просто линии.

– Ну, есть люди, которые видят, и есть те, кто нет. Я принадлежу к тем, кто видит. Это метафора. И дело в том, что я хочу дать тебе одну штуку, которая, возможно, пригодится завтра. Да что там! Она, возможно, спасет тебе жизнь, черт побери. И уж точно спасет твой брак. Наверняка твоим спутницам будет приятно сознавать, что мы здесь, в «Шобле», сделали для тебя что могли.

– Гарантировать не могу, Трев, но я доверяю Пепе, – сказала Гленда.

– Это мистер Натт, – сказал Трев. – Он мой друг.

– Да, я знаю, кто такой мистер Натт, – ответил Пепе. – Он тоже может войти. Очень рад... познакомиться.

Он повернулся к Гленде.

– А вы, девочки, оставайтесь здесь. Это зрелище не для дам.

Он повел Трева и Натта в темноту.

– То, что я вам покажу, господа, – это большой секрет, и если ты меня разозлишь, Трев Навроде, я сделаю с тобой такое, что Энди Шенк покажется дворовым задирой.

– Энди всегда был дворовым задирой, – сказал Трев, когда они вошли в кузницу.

– Микрокольчуга, – довольно произнес Пепе. – Мир еще и половины не знает.

– Выглядит просто как тонкая кольчуга, – сказал Натт.

– Это странная штука, – сказал гном. – Я могу дать тебе жилет и трусы, и лучше не забудь их вернуть, парень, иначе упомянутые последствия ощутишь на собственной заднице, и я не шучу. Эта штука придумана не только для того, чтобы девчонки в ней хорошо смотрелись. Вы удивитесь, на что она способна, если слегка изменить сплав, – он указал на сверкающую грудку металла. – Легкая, как перышко, и не трет.

– А еще что она умеет?

– Сейчас покажу. Надевай эти трусы.

– Что, прямо здесь?

Пепе вдруг превратился в маленького демона, озаренного огнем горна.

– Посмотрите-ка на этого господина Скромника! – воскликнул он. –

Надень их прямо поверх штанов, а я тебе скажу, что я сделаю, – я отвернусь, пока ты будешь их надевать.

Он отвернулся, перебирая инструменты на наковальне.

– Надел? – спросил Пепе, когда пыхтение прекратилось.

– Да. Э... они ничего себе.

– Так, – сказал Пепе. – Теперь подожди секундочку.

Он исчез в темноте, и послышались странные звуки. Затем Пепе вернулся – медленно и неуклюже.

– Что это ты нацепил, Пепе? – спросил Трев. – Похоже на кучу подушек.

– Небольшая предосторожность, – ответил Пепе. – А теперь, пожалуйста, отойдите немного назад, мистер Натт, а ты, Трев, очень обяжешь меня, если заложишь руки за голову, это поможет правильно рассчитать... – Он повернулся спиной. – Так, Тревор, ты заложил руки за голову?

– Ага.

И тогда Пепе развернулся и со всего размаха врезал ему в пах двадцатичетырехфунтовой кувалдой.

Как ни странно, единственным результатом стало то, что Пепе отлетел и врезался в противоположную стену.

– Превосходно! – прозвучал заглушенный подушками голос.

Пришло утро, но Гленде казалось, что не было ни дня, ни ночи, ни работы, ни отдыха – только футбол, который ждал впереди и притягивал их всех друг к другу. В Большом зале для команды был накрыт стол. Слуги и волшебники, бок о бок, наедались так, как бывает только в Незримом Университете.

Днем правил футбол. Происходило только то, что было с ним связано. Разумеется, отменили все лекции. Конечно, их никогда не было, но сегодня, по крайней мере, студенты не пришли на них из-за общего волнения, связанного с предстоящим матчем, а не из-за того, что никто не хотел на них идти. Спустя некоторое время Гленда услышала звук, который исходил из города.

Перед университетом стояли толпы; даже сейчас люди выстраивались в очередь, чтобы попасть в Иппо. Шум ста тысяч человек, объединенных общей целью, напоминал гул далекого пчелиного роя.

Гленда вернулась в святилище Ночной Кухни и попыталась провести некоторое время, занимаясь пирогами, но тесто валилось у нее из рук.

– Ты расстроена? – спросила Джульетта.

– Я надеюсь, мы выиграем, – сказала Гленда.
– Конечно, выиграем, – ответила Джульетта.
– Да, да, а если, в конце концов, мы проиграем? – спросила Гленда. – Да, кто там?
Дверь открылась, и вошел Пепе. Вид у него был нахальнее обычного.
– Привет, дамочки, – сказал он. – У меня для вас новости. Откуда вы собираетесь смотреть матч?
– Откуда угодно, лишь бы подойти поближе, – сказала Гленда.
– Тогда вот что я вам скажу. У мадам на стадионе лучшие места. Никаких секретов, только прямой и неприкрытый подкуп. «Шоблу» должны видеть, понимаете? Чтоб микрокольчуга была у публики на виду.
– Как здорово! – воскликнула Джульетта. Даже Гленда почувствовала, что нерассуждающий, глубоко укорененный цинизм ее подводит.
– Будет херес, – намекнул Пепе.
– Там будет кто-нибудь знаменитый? – спросила Джульетта.
Пепе подошел, игриво ткнул ее в грудь и сказал:
– Да. Вы, мисс. Все хотят видеть Жужу.

Казалось, время шло вспять. Всей Страже отменили увольнительные, хотя трудно было понять, что за преступление может совершиться на улице, на которой никто не может двигаться. Поток людей – ну, по большей части людей – тек в сторону стадиона, отскакивал от ворот и заливал город от края до края. Игра должна была состояться в Иппо, а очередь тянулась до Саторской площади, и в конце концов давление стольких взглядов на стрелки стольких часов заставило время двигаться быстрее.

В Большом зале остались только команда и Трев, все остальные ушли раньше в бесплодной попытке захватить местечко. А они бесцельно слонялись по Залу, перебрасывая друг другу мяч, пока не появились Думминг, Натт и аркканцлер.

– Большой день, парни, – заявил Чудакулли. – Похоже, не только большой, но и хороший. Они все там и ждут, когда мы покажем им настоящий класс. Я хочу, чтобы вы подошли к делу в лучших спортивных традициях Незримого Университета, а именно: ловчите, когда на вас не смотрят, хотя, боюсь, сегодня будет мало шансов на то, что кто-нибудь останется незамеченным. Но, во всяком случае, я хочу, чтобы вы выложились на сто десять процентов.

– Прошу прощения, аркканцлер, – сказал Думминг Тупс. – Я понимаю смысл ваших слов, но процентов всего сто.

– Они могут выдать сто десять, если хорошенько постараются, – заявил Чудакулли.

– Э... и да и нет, сэр. По сути, это значит, что сто процентов просто станут больше, хотя останутся ста процентами. И потом, есть предел тому, с какой скоростью человек может бежать и как высоко прыгать. Я просто хотел уточнить.

– Хорошее уточнение, молодец, – ответил Чудакулли и немедленно двинулся дальше. Он обвел взглядом окружающих. – А, мистер Навроде. Я так понимаю, что ничего не могу сделать, чтобы вы вошли в команду? Сын Дэйва Навроде, играющий за «Незримых Академиков», – это было бы изрядное перо в нашу шляпу. И я вижу, что мой коллега профессор Ринсвинд весьма остроумно воткнул в свою шляпу белое.

– Сэр, вы ж знаете, что я в безвыходном положении, – пробормотал Трев.

– Да, твоя старушка, – понимающе кивнул Чудакулли.

– Я ей обещал, – сказал Трев. – Конечно, она уже умерла, но я все-таки уверен, что она за мной следит, сэр.

– Что ж, это очень мило и делает тебе честь. Что еще нужно сказать? Сейчас подумаю. Ах да, господа, – миссис Уитлоу, поскольку таково ее обыкновение в подобных случаях, нарядила своих девушек в подходящие костюмы. Они будут подбадривать нас, стоя на боковой линии... – Его лицо превратилось в бесстрастную маску, когда он продолжил: – Миссис Уитлоу, как ни странно, с большим энтузиазмом и массой сил принимает участие во всем этом. Насколько мне известно, они собираются высоко задирать ноги, но если вы будете осторожны и не станете чересчур глазеть по сторонам, вы наверняка не увидите ничего такого, что вас смутит.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Ринсвинд. – Правда, что некоторые игроки из «Анк-Морпорк Юнайтед» – это просто головорезы из Толпы?

– Да, эти парни могут быть крутоваты... – начал Чудакулли.

– Простите, сэр, это правда, – перебил Трев. – Я бы сказал, что примерно половина из них – честные ребята, а остальные – просто сукины дети.

– Но я надеюсь, что мы победим, – жизнерадостно произнес Чудакулли.

– Также я бы хотел сказать несколько фраз, прежде чем мы отправимся, сэр, – сказал Натт. – Несколько советов. В те дни, когда я научил вас всему, что знал, я и сам не знал, откуда все это знаю. Как вам известно, я орк, но, кем бы все мы ни были, мы – команда. Таким образом, вы играете не как отдельные личности, а как команда. Если не ошибаюсь,

фон Ханденбрау в своей книге сказал...

– Боюсь, у нас не так много времени, чтобы пробраться через толпу, – вмешался Чудакулли, который этого ожидал. – Спасибо, мистер Натт, но я думаю, что нам пора.

Те, кто смотрел сверху, увидели бы, как переполненные городские улицы колебались, пока красная гусеница – команда «Незримых Академиков» – продвигалась к полю. Слышались одобрительные крики и шиканье, а поскольку это был Анк-Моркпорк, то и другое поочередно издавали все зрители.

Когда младший констебль Флюорит и еще двое троллей с трудом открыли ворота, на которые снаружи давило множество тел, шум напоминал гигантский звуковой молоток. Тролли проложили для волшебников дорогу с деликатностью и осмотрительностью, которые сделали полицейский контроль над толпой притчей во языцех. Волшебники оказались на отгороженном и тщательно охраняемом пятачке, в центре которого стояли аркканцлер, раньше известный как декан, «Анк-Морпорк Юнайтед» полным составом и его светлость герцог Анкский, командор городской Стражи сэра Сэмюэль Ваймс, и лицо у него было точь-в-точь прокисшее молоко.

– Какого черта вы, клоуны, собираетесь устроить в моем городе? – поинтересовался он и посмотрел на Витинари, который сидел в своей ложе в середине трибуны, после чего повысил голос: – Я целый месяц носился как ненормальный, чтобы добиться заключения Кумского договора, и вдруг в тот самый момент, когда тролли и гномы уже готовы пожать друг другу руки и стать добрыми друзьями, вы начинаете еще одну Кумскую долину?

– Да перестань, Сэм, – сказал Чудакулли. – Это всего лишь веселый выходной.

– Очередь тянется до ворот. До городских ворот, смею заметить. Где тут магия?

– Нигде, Сэм, насколько мне известно. Никакого волшебства на игре не будет, это было оговорено и утверждено, и де... – Чудакулли сглотнул, – ... аркканцлер Коксфорда несет ответственность за приглушение магического поля на стадионе.

– Тогда вот что я вам скажу, – продолжал командор. – Никто из моих стражников не ступит на поле, что бы ни произошло. Я ясно выражаюсь?

– Ясно как день, Сэм.

– Прошу прощения, аркканцлер, но сейчас я не Сэм, а командор городской Стражи, если вам не все равно, – сказал Ваймс. – Весь город,

черт его подери, – это катастрофа, которая ожидает повода, чтобы... нет-нет, это катастрофа, которая уже разразилась, и все, что сегодня случится плохого, очень быстро станет еще хуже. И я не хочу, чтоб потом говорили, что от Стражи были проблемы. Честное слово, Чудакулли, я от тебя этого не ожидал.

– Сейчас я аркканцлер, – холодно отозвался тот.

– Насколько я знаю, – продолжал Ваймс, – это разборка между двумя бандами. Ты знаешь, в чем заключается моя работа, аркканцлер? В том, чтобы поддерживать порядок, и вот тебе мое честное слово, я бы арестовал всю вашу гоп-компанию, только его светлость не позволит.

Чудакулли кашлянул.

– Могу я принести свои поздравления, сэр, по поводу отличной работы, которую вы проделали в Кумской долине?

– Спасибо, – ответил Ваймс. – Я так думаю, вы понимаете, как я рад видеть, что вы тут завязали еще одну войну.

Командор повернулся к аркканцлеру Генри:

– Приятно видеть и вас, сэр^[18], приятно знать, что вы продвигаетесь по лестнице. Я официально заявляю вам, что складываю закон к вашим ногам, и вы в качестве судьи должны его принять. За этой чертой футбол, но выйди за черту – и там буду я.

Он вновь повернулся к Чудакулли:

– Знай край да не падай, аркканцлер.

Он вышел, и стражники зашагали следом.

– Подозреваю, в последнее время у командора слишком много дел на уме, – бодро сказал аркканцлер Генри и вытащил часы. – Я бы хотел поговорить с капитанами команд.

– Я один из них, – ответил Чудакулли.

Из рядов «Юнайтед» кто-то вышел.

– Джозеф Боров, из команды «Свиноедов». Капитан, за мои грехи.

Боров протянул руку Чудакулли и, надо отдать ему должное, почти не поморщился, когда ее крепко стиснули.

– Ну, господа, – сказал бывший декан, – я уверен, что вы знаете правила, мы не раз их разбирали. Я хочу хорошей честной игры. Один долгий, э, свисток означает, что я прерываю игру в связи с нарушением, травмой игрока или любой другой причиной, пусть даже известной только мне. Один более долгий свисток или, скорее, гудок означает конец одного тайма и время подкрепиться, после чего игра продолжится. Во время перерыва, насколько мне известно, по полю маршем пройдет анк-морпоркский аккордеонный оркестр, хотя я и полагаю, что эти штуки

посланы нам во испытание. Также напоминаю вам, господа, что после перерыва вы меняетесь воротами. Пожалуйста, донесите до своих команд, что ворота, в которые они целятся, не должны находиться у них за спиной. Если я увижу серьезное нарушение, игрок будет удален с поля. Еще более долгий свисток, который, насколько я понимаю, будет продолжаться, пока я не выдохнусь, означает конец игры. Напоминаю вам – как уже напомнил нам командор Ваймс, – что в пределах этих четырех, еще свежих, меловых линий я обладаю властью, которая уступает лишь божественной, да и то не факт. Если в какой-то момент станет ясно, что правила непрактичны, я их изменю. Когда я дуну в свисток, то подниму жезл и произнесу заклинание, которое предотвратит дальнейшее применение магии в пределах этих освященных линий вплоть до конца игры. Все ясно?

– Да, сэр, – ответил Джозеф Боров.

– Наверн? – многозначительно окликнул бывший декан.

– Да, да, все ясно, – проворчал тот. – Наслаждаешься минутой, да? Давай поживее, ладно?

– Господа, пожалуйста, выстройте команды, сейчас мы будем петь гимн. Мистер Тупс, вы, кажется, нашли мне рупор, спасибо большое. – Аркканцлер Генри поднес рупор к губам и прогремел: – Дамы и господа, встаньте для исполнения национального гимна!

Пение национального гимна всегда представляло некоторую проблему: добрые жители Анк-Морпорка полагали, что непатриотично распевать песни о том, какой ты патриот, поскольку такие песни поет только тот, кто что-то затеял, либо глава государства^[19].

Еще одна проблема заключалась в акустике арены, которая была слишком хороша. Вдобавок скорость звука в одном конце стадиона слегка не совпадала с другим, и этот недостаток еще усиливался от того, что обе стороны пытались сравняться. Но акустические аномалии казались сущим пустяком тому, кто стоял рядом с Наверном Чудакулли, поскольку аркканцлер был из тех людей, кто исполняет национальный гимн красиво, внятно и очень, очень громко.

– Когда бегемоты летят над горой, душою, Анк-Морпорк, всегда я с тобой! – начал он.

Треув, к своему большому удивлению, заметил, что Натт стоит по стойке «смирно». Сам он, машинально двигая губами, рассматривал объединенные силы «Анк-Морпорк Юнайтед». «Пятьдесят на пятьдесят. Половина – приличные ребята, а половина – Энди и компания». Его взгляд остановился на Энди, как только он об этом подумал. Тот слегка улыбнулся и показал оттопыренный палец. «Я не буду играть, – повторил Треув, –

потому что обещал моей старушке». Он посмотрел на свою ладонь – он знал наверняка, что никакой звезды там нет. «В конце концов, – подумал Трев, разглядывая противников, – если начнется заварушка, судья – волшебник».

– Пусть хвалятся силою наши враги, у нас покупают они сапоги! – редела толпа с разной скоростью и на все голоса.

«То есть, – продолжал Трев, – он ведь не отключит магию самому себе, правда?»

– У нас вы мечи покупали не раз...

«Он этого не сделает, так ведь? Единственный человек, способный остановить мясорубку, не совершит такой ошибки?»

– ...и все генералы в кармане у нас!

«Нет. Он сделал именно это».

– Морпоркия! Морпоркия всех победит! – заорал Трев, чтобы заглушить собственную панику. «Он это сделал у нас на глазах. Судья оставил собственный жезл за чертой внутри поля, где магия не действует». Трев посмотрел на Энди, и тот кивнул. Да, он тоже видел.

– Врагам не дадим мы ни пенса в кредит!

На Столатских равнинах считается, что только предатели знают второй куплет своего национального гимна, поскольку человек, который тратит время на его заучивание, явно замышляет недоброе. Поэтому второй куплет анк-морпоркского гимна изначально представлял собой «ля-ля-ля», среди которого время от времени на плаву пыталось удержаться случайное осмысленное слово (ведь именно так оно бы и звучало в любом случае). Трев прислушивался к пению, страдая как никогда.

Но голоса слились в ликующий унисон на последней строчке, которую знал каждый:

– Мы всех вас купим и продадим!!!

Гленда, прижав руку к груди (по возможности), рискнула бросить взгляд в сторону ложи, которую по-прежнему называли Королевской, – в то самое мгновение, когда Витинари поднял раскрашенный позолоченный кубок и послышался восторженный рев. Анкморпоркцы не особенно любили приветствовать патриция, зато деньги они приветствовали в любое время суток. Тем не менее Гленде показалось, что в этом крике звучала какая-то странная нота, которая словно исходила из-под земли, как будто стадион превратился в один огромный рот. Потом непонятное ощущение прошло, и день вступил в свои права.

– Господа! Команды по местам, – высокомерно произнес аркканцлер Коксфорда.

– Э... можно вас на пару слов, сэр? – спросил Трев, поспешно подходя.
– А, сын Дэйва Навроде, – сказал бывший декан. – Мы тут собираемся начать футбольный матч, мистер Навроде, не сомневаюсь, что вы в курсе.

– Да, сэр, э... но...

– Вам известна хоть одна веская причина, по которой я должен задержать игру? – поинтересовался судья.

И Трев сдался.

Генри вытащил из жилетного кармана монетку.

– Наверн?

– Орел, – сказал аркканцлер и ошибся.

– Хорошо, мистер Боров... где мяч?

Бом! Бом!

Натт достал мяч как будто из воздуха и протянул судье.

– У меня, сэр.

– А, ты тренер «Академиков».

– И запасной игрок, если понадобится.

– Господа, вы видите, как я кладу мяч в центр поля...

Да, аркканцлер, прежде известный как декан, наслаждался моментом. Он отступил на несколько шагов, помедлил для пущего эффекта, вытащил из кармана свисток и помахал им, а затем дунул так, как мог дунуть только человек его размеров. Лицо аркканцлера Генри покраснело и исказилось, он поднес рупор ко рту и проорал:

– КТО НЕ ПРИНЕС ФОРМУ, БУДЕТ ИГРАТЬ В ТРУСАХ!

И вслед за ним закричал Думминг Тупс:

– Кто дал ему этот свисток?!

Толпа взревела, и смех покатился по городу, по мере того как каждый слушатель на переполненных улицах передавал его дальше. Он воскрешал такие воспоминания, что как минимум двое тут же принялись строчить поддельные записки от родителей.

Библиотекарь запрыгнул на верхушку своих ворот, чтобы лучше видеть. Чарли Бартон, голкипер «Юнайтед», стоя в воротах, методично закурил трубочку. Но человеком с самой большой проблемой на сегодня – не считая разве что Трева – был редактор «Таймс» Уильям де Слов, который не доверил ни одному подчиненному репортаж об этом уникальном и невероятно важном событии, хотя и сам толком не знал, как его надлежит писать.

При звуке свистка он начал: «Предводитель «Юнайтед» – можно сказать «предводитель»? Наверное, есть более подходящее слово, выясню в офисе – как будто не знает, что делать дальше. Аркканцлер Чудакулли

(бакалавр красноречия, нет, остальное допишу потом), сильно ударил по мячу, целясь... но на самом деле мяч попал в Джимми Уилкинса, бывшего игрока «Шахтеров», который, кажется, растерялся. Нет, нет, он подобрал мяч! Он схватил мяч!!! Судья – бывший декан Незримого Университета – подозвал его, вероятно, чтобы освежить в памяти новые правила».

«Рупор, – подумал де Слов, – вот что мне нужно. Большой-пребольшой рупор, чтобы я мог всем рассказать, что происходит».

«Мяч передали... сейчас посмотрим... номеру шестьдесят девять, да-да, многосторонне одаренному профессору Бенго Макалоне, который, в соответствии с новыми правилами, может сделать так называемый свободный удар с того места, где было совершено нарушение, и вот – да-да – Бенго Мака... простите, профессор Бенго Макарона из «Незримых Академиков»... и... о боги! Мяч летит через все поле на высоте человеческого роста, как куропатка (проверить на всякий случай в «Заметках о природе»), и бьет мистера Чарли Бартона, по прозвищу Большой Парень, в живот с такой силой, что тот влетает в сетку! Какое зрелище! И... кажется, это гол! По крайней мере, один гол! Стадион стоит, хотя на самом деле большая часть встала еще до того (записал он добросовестно, влекомый типичным журналистским стремлением к максимальной точности). И... публика приветствует героя, и припевка на местном наречии, которая срывается с губ болельщиков, звучит так: «Макарона, Макарона лишь один, Макарона, он у нас непобедим»^[20]. Нет, нет. Кажется, опять что-то происходит. Макарона покинул поле и оживленно обращается к зрителям. Он произносит целую речь, и те, с кем он разговаривает, явно смущены...»

В этот момент подбежал один из помощников редактора с кратким донесением о том, что произошло на другой стороне поля. Де Слов быстро принялся писать, надеясь, что самодельная стенография не подведет: «С горячей решительностью, которая так очаровательна и столь типична для коренного жителя Генуи, профессор Макарона, как оказалось, настаивает на том, чтобы хвалебные припевки включали в себя его полное имя и список званий. Он любезно составляет их перечень для болельщиков. Также возникло некоторое замешательство возле ворот «Юнайтед»: товарищи Чарли Бартона помогают ему искать трубку, а также, самоочевидно (редактор «Таймс» любил слово «самоочевидно»), половинку пирога со свининой, который он, самоочевидно, ел в тот момент, когда был забит гол. Судя по всему, он, как и многие из нас, недооценил скорость полета нового мяча. Итак, мяч возвращается в центр поля, и разгорается очередной спор».

- Но они только что забили гол! – заявил мистер Боров.
- Именно так, – ответил бывший декан, отдуваясь. – А значит, теперь они бьют по мячу.
- А мы нет? Но ведь нам только что забили гол!
- Так гласят правила.
- Это нечестно, мы тоже хотим ударить по мячу. Они по нему уже били!
- Дело не в том, чтобы ударить, мистер Боров. Дело в том, что дальше.

Де Слов лихорадочно писал:

«Аркканцлер Чудакулли несется к мячу. Он быстро поворачивается и посылает мяч в сторону своих же ворот! Почти все игроки «Юнайтед» бегут следом, надеясь воспользоваться этой странной ошибкой... не будучи вполне осведомлены (это слово редактор любил тоже, оно звучало намного лучше, чем просто «знать») ...но знаменитый библиотекарь Незримого Университета как раз...»

Он остановился, моргнул, ухватил за руку одного из своих помощников, который только что прибежал с полным списком званий Бенго Макароны, и втолкнул на свое место.

– Записывай все, что я говорю! – приказал де Слов. – И надеюсь, стенографируешь ты лучше, чем я, а если нет – я тебя утром же уволю. Здесь же черт знает что творится!

«Они это нарочно сделали, я клянусь, они это сделали нарочно. Чудакулли нацелил удар в собственные ворота, прекрасно зная, что библиотекарь, обладающий невероятно мощной верхней частью туловища, способен швырнуть мяч почти через все поле. А вот и Бенго Макарона, которого не заметили противники... он направляется к мячу, пользуясь тем, что «Юнайтед» отхлынули от своей цитадели, точь-в-точь как злополучные мараниды во время первой Продостианской войны (редактор считал себя знатоком классиков)».

– Я в жизни ничего подобного не видел! – заорал он почти оглохшему помощнику. – Они застали «Юнайтед» врасплох!

«Вот он, Макарона. Мяч как будто приклеен к его ноге. И перед ним – единственный игрок злосчастной команды «Юнайтед», который понял, что происходит. Мистер Чарли Бартон, он же Большой Парень, запинаясь, выходит навстречу Макароне из ворот, как Гигантский Осьминог, завидевший орды мормидонов».

Редактор замолчал, позабыв обо всем на свете, по мере того как

расстояние между двумя игроками все сокращалось.

– О нет!

Толпа издала оглушительный крик.

– Что случилось? – спросил помощник, воздев карандаш.

– Ты видел? Ты видел? – крикнул редактор. С растрепанными волосами, он походил на безумца. – Макарона обежал его кругом! Я не знаю, каким чудом он не потерял мяч!

– То есть обогнул вратаря, сэр? – уточнил помощник.

Будь шум толпы видимым, к этому моменту он бы уже накалился добела.

– Еще один гол, – произнес редактор, падая на место. – Два гола за несколько минут! Нет, он не обогнул его, он обежал вокруг! Два раза! И, клянусь, на втором витке еще ускорился!

– А, – отозвался помощник, продолжая писать. – Однажды я ходил на лекцию, сэр. Там рассказывали, отчего предметы не падают на мировую черепаху. Это вроде как эффект рогатки – он, видимо, набрал дополнительную скорость, обегая огромное брюхо вратаря, сэр.

– Ты послушай, как кричит толпа! – перебил редактор. – И запиши!

– Да, сэр. Вот что они кричат: «Макарона, профессор магических наук (Пугалоу), профессор КОТ (Чабб), мастер игры (Щеботан), старший специалист (п.ч.т.), д. ф.н. (блит), ДМСК, МК, профессор магических наук (Коксфорд), старший специалист по куроведению (Генуя, Университет Иана Завоевателя, Креветочный корпус, второй этаж), Primo Osto (дважды), старший специалист по блит-слудовому обмену (Аль-Хали), КФГСБ, возвратно-поступательный профессор блит-теории (Клатчский университет), профессор магических наук (Клатчский университет), Didimus Supremus (Клатчский университет), почетный профессор блит-субстратных определений (Чабб), заведующий кафедрой блит- и музыкальных наук (Щеботанский колледж для молодых девиц), Макарона, профессор магических наук (Пугалоу), профессор КОТ (Чабб), мастер игры (Щеботан), старший специалист (п.ч.т.), д.ф.н. (блит), ДМСК, МК, профессор магических наук (Коксфорд), старший специалист по куроведению (Генуя, Университет Иана Завоевателя, Креветочный корпус, второй этаж), Primo Osto (дважды), старший специалист по блит-слудовому обмену (Аль-Хали), КФГСБ, возвратно-поступательный профессор блит-теории (Клатчский университет), профессор магических наук (Клатчский университет), Didimus Supremus (Клатчский университет), почетный профессор блит-субстратных определений (Чабб), заведующий кафедрой блит- и музыкальных наук (Щеботанский колледж для молодых девиц),

лишь один, Макарона, профессор магических наук (Пугалоу), профессор КОТ (Чабб), мастер игры (Щеботан), старший специалист (п.ч.т.), д.ф.н. (блит), ДМСК, МК, профессор магических наук (Коксфорд), старший специалист по куроведению (Генуя, Университет Иана Завоевателя, Креветочный корпус, второй этаж), Primo Octo (дважды), старший специалист по блит-слудовому обмену (Аль-Хали), КФГСБ, возвратно-поступательный профессор блит-теории (Клатчский университет), профессор магических наук (Клатчский университет), Didimus Supremus (Клатчский университет), почетный профессор блит-субстратных определений (Чабб), заведующий кафедрой блит- и музыкальных наук (Щеботанский колледж для молодых девиц), он у нас непобедим!» Но разве это не офсайд, сэр?

– Кажется, злополучные игроки «Юнайтед» действительно жалуются судьбе, – сказал редактор. – Они сгрудились вокруг, и... и, право же, у стен должны быть уши!

– Только там нет стен, сэр.

– Я думаю... – И тут редактор замолчал. – Кто это?

– Где, сэр?

– Посмотри вон туда, на трибуну! На трибуну для знати, куда нас, смею заметить, не пригласили.

Солнце воспользовалось возможностью выйти из-за облаков, и чаша Иппо как будто наполнилась светом.

– Эта та девушка в микрокольчуге, сэр, – сказал помощник.

Даже игроки «Юнайтед» перестали спорить и уставились на трибуну. Неведомая красавица сверкала так, что больно было глазам, но взгляды так и тянуло к ней.

– Она висит у меня на стене в спальне, – сказал де Слов. – И ее все ищут.

Он кашлянул.

– Знаешь, говорят, эта штука совсем не трет.

Все футболисты на поле, кроме злополучного Чарли Бартона, у которого еще не прошло головокружение, столпились вокруг судьи. Тот твердил:

– Повторяю, гол был абсолютно приемлем. Да, немного негуманным и хвастливым, но, тем не менее, полностью в рамках правил. Вы сами видели, как тренировались «Незримые». Игра движется быстро. Никто не станет посылать вам клик, предупреждая о том, что будет дальше.

Чей-то тихий голос произнес:

– Распространенная ошибка – полагать, что даже самый доблестный вратарь способен в одиночку устоять против совокупной мощи всей команды противника.

Это был Натт.

– Мистер Натт, не нужно им объяснять, – вмешался Чудакулли.

Мистер Боров явно приуныл. Человек, обманутый командой, историей и ожиданиями.

– Я так понимаю, нам еще многому нужно учиться, – признал он.

Трев оттянул Натта в сторону.

– Вот сейчас дела пойдут плохо, – предупредил он.

– Перестаньте, мистер Трев. Мы очень хорошо играем. По крайней мере, Бенго.

– Я на него не смотрю. Я смотрю на Энди, а Энди смотрит на Бенго. Они выжидают. Сначала дадут старичкам порадоваться, а потом зажмут в клещи.

И тут Трев получил импровизированный урок на тему «Почему волшебники – это волшебники».

– У меня есть скромное предложение, – сказал Чудакулли, – и я надеюсь, что ты позволишь мне высказаться, судья. Хотя мы, команда Незримого Университета, полнейшие новички в футболе, у нас было гораздо больше времени на то, чтобы освоиться с новыми правилами, чем у наших нынешних противников. А потому я предлагаю отдать им один из наших голов.

– Так нельзя, сэр! – воскликнул Думминг.

– Что, это против правил? – Чудакулли заговорил громче и гораздо торжественнее. – Я спрашиваю вас, разве настоящий спортивный дух, дружба и великодушие – против правил?

Его голос разносился почти до самых задних рядов стадиона.

– О, в правилах ничего такого не написано, сэр. Никакое правило не воспрещает заняться стиркой во время игры – просто потому, что никто этого делать не будет.

– Прекрасно. Мистер Боров, наш гол – ваш гол. Теперь мы на равных.

Боров, совершенно обалдевший, обвел взглядом свою команду.

– Э... ну ладно, если вы настаиваете.

– Я не приму отрицательного ответа, – прогремел Чудакулли.

– Какая муха его укусила? – поинтересовался редактор «Таймс», когда измученный гонец принес ему новости.

– Он поступил очень великодушно.

– Зачем вы это сделали? – спросил Думминг у Чудакулли.

– Я прям и честен, Тупс. До неприличия великодушен. Да, я таков. Не моя вина, что они не сознают своего несовершенства. И теперь до конца игры они будут об этом думать.

– Э... ловко, сэр.

– Ловко, говоришь? Да, я собой горжусь. И кстати, мы снова имеем право ударить по мячу первыми. Неудивительно, что футбол так популярен.

– Какой любопытный психологический момент, – сказал Натт, когда они с Тревом возвращались за боковую линию. – Не исключаю, что жестокий, но небезынтересный.

Трево промолчал. Послышался пронзительный свист, возвещающий продолжение игры, и немедленно последовал громовой рев судьи:

– ПОДУМАЕШЬ, НЕБОЛЬШОЙ ДОЖДИК, ПАРЕНЬ, ЭТО ПОЛЕЗНО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ!

– Волшебство, – заметил Трево. – Но ведь его не может здесь быть.

– Нет, – ответил Думмингс Тупс, шагавший следом. – Всего лишь одержимость.

– Футбол и одержимость – одно и то же, мистер Трево, – сказал Натт.

Трево снова посмотрел на трибуну. Там виднелся лишь сияющий силуэт Джульетты, всего в нескольких футах от Витинари. По бокам сидели Гленда и Пепе. Джульетта походила на богиню. «Ничего у нас не получится, так ведь? – подумал он. – Джульетта и парень из свечного подвала? Нет. Особенно сейчас».

Никогда не случится. Только не сейчас.

А потом громко закричал Бенго, и стадион дружно издал слитное «ох!».

И опять послышался свисток.

– Что стряслось, сэр? – спросил помощник редактора.

– Не знаю... они снова передали мяч Макароне, он столкнулся с двумя игроками «Юнайтед», и получилась куча-мала.

Натт, который первым добежал до поверженного Макароны, мрачно посмотрел на Трева.

– Вывихнуты обе коленные чашечки, – сказал он. – Нужны двое, чтобы отнести его в больницу госпожи Сибиллы.

Бывший декан обвел взглядом столпившихся футболистов.

– Что тут произошло, мистер Шенк? – спросил он, утирая пот, капавший с подбородка.

Энди поднес палец ко лбу.

– Сэр, я просто бежал вперед, в полном соответствии с правилами,

чтобы перехватить мистера Макарону, и понятия не имел, что Джимми Ложке пришла точно такая же идея. Он подбежал с другой стороны, и все мы через задницу кувырнулись, простите мой клатчский.

Трев нахмурился.

Выражение лица Энди было недвусмысленно. Он лгал. Он знал, что лжет и что это понимают все, но ничуть не смущался. Более того, Энди наслаждался ситуацией. Башмаки у него на вид были тяжелыми, как лодочные якоря.

– Они зажали его, как мясо в сэндвиче! – пожаловался Трев судье.

– Вы можете это доказать, молодой человек?

– Вы же видите, что с беднягой случилось!

– Да, но вы можете доказать, что это произошло по предварительному соглашению?

Трев сморгнул, и Натт шепотом подсказал:

– Вы можете доказать, что они не нарочно?

– Кто-нибудь может это доказать? – повторил судья, обводя взглядом игроков. Все молчали. Трев подумал: может быть, кто-нибудь и рискнул бы заговорить, если бы Энди не стоял тут же с невинной улыбкой акулы.

– Я судья, господа, и судить могу лишь о том, что вижу. А я ничего не видел.

– Да, потому что они уж об этом позаботились, – сказал Трев. – Спросите зрителей! Они видели!

– И вообще, у них башмаки, которыми можно дробить камни! – запротестовал Чудакулли.

– Да, Наверн, то есть, прости, капитан, но пока что не существует правил касательно того, какими должны быть башмаки. Более того, это именно такие башмаки, которые, по традиции, носят игроки в футбол.

– Это просто орудия убийства!

– Я отлично понимаю, что ты имеешь в виду, но чего ты от меня хочешь? – спросил Генри. – Я всерьез подозреваю, что, если прервать матч сейчас, мы с тобой не выйдем отсюда живыми. Даже если мы ускользнем от разъяренной толпы, то не спасемся от разъяренного Витинари. Игра *будет* продолжена. «Незримые Академики» могут выпустить на поле замену, и я... сейчас скажу... – Он вытащил записную книжку. – Ах да. Я позволю вам сделать свободный удар с того самого места, где произошла столь досадная случайность. И примите к сведению, что в дальнейшем на подобные случайности я буду смотреть не так благосклонно. Надеюсь, мистер Боров, вы доведете эту мысль до своей команды.

– Кончайте в солдатики играть! – закричал Трев. – Они только что

вынесли вашего лучшего игрока, и вы им позволите стоять тут и ухмыляться?

Но судья, в конце концов, некогда был деканом Незримого Университета, то есть человеком, привыкшим к лобовым столкновениям с Наверном Чудакулли. Он смерил Трева ледяным взглядом, неторопливо повернулся к аркканцлеру и сказал:

– И я надеюсь, что ты, капитан, тоже внушишь своей команде, что мои решения не оспариваются. Объявляю пятиминутный перерыв для разъяснительной беседы, и пусть кто-нибудь вынесет бедного профессора Макаרוןу с поля. Найдите какого-нибудь костоправа, пусть глянет на него.

Голос у него за спиной прогремел:

– Я уже здесь, сэр.

Оба обернулись. Необъятных размеров фигура в цилиндре и с маленьким саквояжем кивнула им.

– Я не ожидал увидеть тебя тут, – сказал Чудакулли.

– Да я бы в жизни не пропустил матч! – воскликнул доктор Газон. – Ну-ка, ребята, оттащите пострадавшего в тот угол, и я посмотрю, что с ним такое. Счет я пришлю тебе, Наверн.

– Может быть, перенести его туда, где потише и поспокойней? – намекнул судья.

– Ни в коем случае, я хочу видеть игру!

– И им это сойдет с рук, – пожаловался Трев, шагая обратно за линию. – Все знают, что им ничего не будет.

– У нас есть остальные игроки, мистер Трев, – напомнил Натт, шнуруя башмаки. Он, конечно, сшил их сам, и они больше напоминали перчатки для ног. – И, разумеется, я как первый запасной. Обещаю сделать что могу, мистер Трев.

До сих пор для библиотекаря день тянулся скучно, не считая одной-единственной минуты славы. Стоять в воротах было довольно тоскливо, и он проголодался, а потому приятно удивился, когда перед воротами вдруг появился огромный банан. Впоследствии все пришли к выводу, что в футбольном контексте к загадочно появляющимся фруктам следует относиться с изрядной осторожностью. Но библиотекарь хотел есть, перед ним лежал банан, поэтому он послал к черту метафизику и съел его.

Гленда, сидевшая на трибуне, подумала, что, кажется, была единственной, кто заметил пугающе яркий желтый банан в полете, а затем – огромную ухмылку на лице мамыши Аткинсон, которая смотрела на Гленду из толпы. Мать Глупса Аткинсона сама по себе являлась

смертельным оружием. Всякий, кто хоть раз стоял в Толкучке, знал ее как весьма изобретательную и разностороннюю правонарушительницу. Ей все всегда сходило с рук, потому что ни у кого не хватит совести ударить старушку. Особенно ту, с которой рядом стоит Глупс.

– Прошу прощения, – сказала Гленда, вставая. – Мне нужно поскорей спуститься.

– Исключено, детка, – ответил Пепе. – Здесь яблоку негде упасть. Толкучка как она есть.

– Присмотри за Джульеттой, – велела Гленда, наклонилась и похлопала ближайшего болельщика по плечу. – Я хочу спуститься как можно быстрее. Вы не против, если я спрыгну?

Тот посмотрел на сверкающий силуэт Джульетты и сказал:

– Не возражаю, если твоя подружка меня поцелует.

– Нет. Если хочешь, я сама тебя поцелую.

– Э... не утруждайтесь, мисс. Вот, держитесь за руку.

Спустилась она довольно быстро, переходя с рук на руки, в сопровождении непристойных шуток и веселой возни, в процессе которой Гленда искренне радовалась, что надела самые просторные и непроницаемые панталоны^[21].

Протискиваясь и проталкиваясь в толпе, она добралась до ворот в ту самую секунду, когда банан был проглочен одним заходом. Беспомощно отдуваясь, Гленда остановилась перед библиотекарем. Он широко улыбнулся, задумчиво взглянул на нее и рухнул навзничь.

Сидя высоко на трибуне, госпожа Марголотта повернулась к Витинари:

– Это тоже часть игры?

– Боюсь, что нет, – ответил тот.

Ее светлость зевнула.

– По крайней мере, стало капельку увлекательней. Они больше спорят, чем играют.

Витинари улыбнулся.

– Да, мадам. Футбол во многом похож на дипломатию – короткие периоды борьбы сменяются долгими периодами переговоров.

Гленда потрясла библиотекаря.

– Эй, вы в порядке?

Ответом ей был хрип. Она сложила руки рупором и крикнула:

– Люди... в смысле, кто-нибудь! Сюда!

Под аккомпанемент шиканья и – поскольку дело происходило в Анк-Морпорке – радостных возгласов кочующий комитет, объединивший судью и игроков, заспешил к воротам «Незримых Академиков».

– Кое-кто бросил на поле банан, и я видела кто. Кажется, банан отравлен, – на одном дыхании выпалила Гленда.

– Он тяжело дышит, – сказал Чудакулли. Это замечание было излишним, поскольку от храпа тряслись ворота.

Аркканцлер присел на корточки и приложил ухо к груди библиотекаря.

– Сомневаюсь, что его отравили, – наконец изрек он.

– Почему? – спросил Думминг.

– Я по природе не мстительный человек, но если кто-нибудь отравит нашего библиотекаря, то я лично позабочусь о том, чтобы университет выследил отравителя при помощи всех имеющихся в нашем распоряжении магических, мистических и оккультных средств и сделал его жизнь такой ужасной, что он и представить себе не может! Более того, что и я представить себе не могу. И даже не сомневайтесь, господа, что я уже предпринял кое-какие шаги.

Думминг оглядывался, пока не заметил Ринсвинда.

– Профессор Ринсвинд, вы были... то есть вы его друг. Что вам стоит сунуть пальцы ему в глотку или что-нибудь такое?

– Ну нет, – сказал Ринсвинд. – Я очень привязан к своим пальцам и смею надеяться, что они также привязаны ко мне.

Шум толпы становился все громче. Люди пришли смотреть футбол, а не дебаты.

– Но доктор Газон еще здесь, – продолжал Ринсвинд. – Он, между прочим, зарабатывает на жизнь тем, что сует пальцы в разные места. Он в этом спец.

– Ты прав, – сказал судья. – Давайте поручим ему и второго пациента.

Он повернулся к Чудакулли.

– Вам придется выставить второго запасного игрока.

– Сейчас выйдет Тревор Навроде, – сказал аркканцлер.

– Нет! – воскликнул Трев. – Я обещал своей старушке.

– А я думал, ты часть команды.

– Да, сэр, типа того... я помогаю и все такое... но я обещал своей старушке, сэр, когда папаша умер. Да, да, меня внесли в список, но кто же думал, что так обернется?

Чудакулли уставился на небо.

– Что ж, господа, я полагаю, что нельзя требовать от человека, чтобы он нарушил обещание, данное старушке матери. Это хуже, чем убийство.

Нам придется играть вдесятером. Как-нибудь обойдемся.

Редактор «Таймс», сидя в своей хлипкой будочке, взял блокнот и объявил:

- Я пойду туда. Глупо сидеть здесь сложа руки.
- Вы собираетесь на поле, сэр?
- По крайней мере, я хоть пойму, что происходит.
- Вряд ли судья вам разрешит, сэр!

- Ты будешь играть, Трев? – спросила Гленда.
- Я же сказал! Сколько раз надо повторить? Я обещал своей старушке!
- Но ты в команде, Трев.
- Я обещал своей старушке!
- Да, но, разумеется, она бы поняла.
- Легко тебе говорить. Откуда ты знаешь?
- О, есть разные варианты, – жизнерадостно отозвался какой-то голос.
- Здравствуйте, доктор Икс, – сказала Гленда.

– Я, как вы понимаете, подслушал ваш разговор. Если мистер Навроде скажет мне, где похоронена его мать, а судья даст небольшую отсрочку, может быть, я сумею...

– Так я тебя и подпущу с лопатой к моей матери! – заорал Трев. По его лицу катились слезы.

– Трев, мы тебя понимаем, – сказала Гленда. – Старушка мать – это всегда нелегко... – И она добавила, даже не задумываясь о смысле своих слов: – И я не сомневаюсь, что Джульетта тоже поймет.

Она взяла его за руку и увела с поля. Трев был прав, все пошло наперекосяк. Лучезарные перспективы начали увядать.

– Вы подарили им гол, сэр, – напомнил Думминг, когда они с Чудакулли заняли свои места на поле.

– Я верю, что из мистера Натта получится неплохой вратарь, – ответил Чудакулли. – И я покажу им, что бывает с теми, кто пытается отравить волшебника!

Прозвучал свисток.

– ДВАДЦАТЬ ОТЖИМАНИЙ! Прошу прощения, господа, я сам не знаю, что говорю...

Вот что бывает с теми, кто пытается отравить волшебника: в футболе у них появляется преимущество, хотя бы на некоторое время. Отсутствие профессора Макароны стало смертельным ударом для «Незримых

Академиков». Он был краеугольным камнем, на котором основывалась стратегия университетской команды. Осмелев, «Юнайтед» ринулись в бой.

«И все-таки, – думал редактор «Таймс», лежа на кромке поля со своим иконографом, – волшебники как-то держатся». Он писал с бешеной скоростью, стараясь не обращать внимания на обертки от пирогов, пивные бутылки, банановые шкурки и сальные пакетики из-под гороха, которые градом сыпались на поле. У кого сейчас мяч? Редактор заглянул в список игроков, который успел набросать. Ах да. «Юнайтед» прорвались на сторону противника, и мяч у Энди Шенка, весьма неприятного молодого человека, но... на поле явно происходит что-то выходящее за рамки нормальной футбольной тактики. Несколько игроков «Юнайтед» выстроились вокруг Энди – таким образом, он бежит, окруженный телохранителями. Даже товарищи по команде как будто не понимают, что происходит, но мистер Шенк, тем не менее, нанес уверенный удар по воротам... и мяч ловко перехвачен в воздухе мистером Наттом». Редактор заглянул в шпаргалку: «Орк». Он дописал: «...которому привычно хватать большие круглые предметы». Но потом он устыдился и вычеркнул эти слова. «Как бы низко мы ни пали, – сказал де Слов сам себе, – мы все-таки не желтая пресса».

Орк.

Натт пританцовывал в воротах, ища взглядом того, кто мог что-нибудь сделать с мячом.

– Мне что, тут весь день торчать, орк? – поинтересовался Энди, стоя прямо перед ним. – Давай поживей, орк. Что, никто не бежит на помощь, а, орк? Говорят, у тебя когти. Покажи нам когти, орк. Тогда мячик лопнет.

– По-моему, у вас серьезные психологические проблемы, сэр.

– Чего?

Натт перебросил мяч через голову Энди, и где-то в толпе игроков, которые принялись за него драться, послышался хруст, затем вопль, затем свисток, а за свистком – общее пение. Оно началось где-то в районе миссис Аткинсон, но быстро распространилось по всему стадиону:

– Орк, орк, орк, орк, орк, орк, орк!

Чудакулли, пошатываясь, поднялся на ноги.

– Эти сукины дети меня зажали, Генри! – заорал он едва слышным сквозь пение голосом. – Мое колено! Будь оно неладно!

– Кто это сделал? – поинтересовался судья.

– А я откуда знаю? На поле треклятая мешанина, точь-в-точь как в старой игре! И сделай так, чтоб они перестали петь, провались оно совсем!

Я вовсе не желаю это слушать!

Аркканцлер Генри поднял рупор:

– Мистер Боров!

Капитан «Юнайтед» протолкался сквозь толпу. Вид у него был смущенный.

– Вы в состоянии контролировать своих фанатов?

Боров пожал плечами:

– Звиняйте, сэр, но что тут поделаешь?

Генри обвел глазами Иппо. Действительно, что тут поделаешь? Это была Толкучка. Толпа, у которой нет главных. Нет руки, по которой можно хлопнуть, задницы, которую можно пнуть. Нет даже адреса. Толкучка пела, потому что пел каждый.

– По крайней мере, вы способны контролировать свою команду? – поинтересовался он. К его удивлению, мистер Боров опустил глаза.

– Не знаю, сэр. Звиняйте, сэр, оно как-то так получилось.

– Еще один инцидент подобного рода, и я прекращаю матч. Советую тебе уйти с поля, Наверн. Кто тебя замещает?

– Я сам! – ответил Чудакулли. – Но, учитывая обстоятельства, я назначаю помощником мистера Шноббса.

– Шнобби Шноббса? – уточнил бывший декан.

– Мы не родственники, – немедленно отозвался слугообраз Шноббс.

– Ладно, это еще куда ни шло, – вздохнув, сказал Трев. – Шнобси и сам не дурак подражаться.

– Но цель футбола – не драка, – возразила Гленда. – И знаешь что? – добавила она, повышая голос, чтобы перекрыть стальной рев толпы. – Что бы там ни думал бывший декан, сейчас он не сможет остановить игру. Стадион просто взорвется!

– Ты так думаешь?

– Ты только послушай. Знаешь, ты прав. Тебе нужно отсюда убираться.

– Ни за что!

– Ты можешь сделать полезное дело и забрать Джульетту. Отведи ее туда, где стоит старина Ваймси и его ребята. Держу пари, они ждут прямо за воротами. И поторопись, пока по лестнице еще можно пройти. Как только игра возобновится, шанса не будет.

Когда Трев ушел, Гленда зашагала вдоль боковой линии туда, где над своими пациентами стоял на страже доктор Газон.

– Этот ваш маленький саквояжик, сэр...

– Что?

– Подозреваю, вам понадобится сумка побольше. Как там профессор

Макарона?

Упомянутый профессор лежал на спине, глядя в небо с выражением незамутненной радости на лице.

– Ну, с ним я легко разобрался, – ответил доктор. – В ближайшее время играть он точно не будет, вот я и влил в него капельку кое-чего, чтобы он не грустил. Впрочем, изрядную капельку кое-чего.

– А библиотекарь?

– Я позвал двух парней, которые помогли перевернуть его вниз головой, и беднягу вырвало. Он еще нетвердо стоит на ногах, но, кажется, все не так скверно. Хотя икает он, как пьяный попугай^[22].

– Мы не думали, что так будет, – сказала Гленда. У нее возникло ощущение, что хаос на поле нуждается в некотором оправдании.

– Да, обычно никто не думает, – отозвался доктор.

Они оба повернулись, поскольку шум толпы изменился. Джульетта, сверкая и сияя, спускалась с трибуны. Молчание шло за ней по пятам, как безнадежно влюбленный пес. А следом двигались Пепе и внушительная туша мадам Шарн, вполне способная сыграть роль баррикады в том случае, если Иппо суждено было превратиться в арену военных действий. Трев тащился в хвосте, словно запоздалая мысль.

– Ну, детка, что стряслось? – поинтересовался Пепе.

– Я никуда не пойду, пока Трев здесь, – заявила Джульетта. – Я не уйду без Трева. Пепе говорит, он выиграет матч.

– Что-что? – переспросила Гленда.

– Трев выиграет, – ответил Пепе, подмигнув. – У него звезда в руках. Хочешь посмотреть, как это будет, девочка?

– Ты куда клонишь? – сердито спросил Трев.

– Назови меня фокусником, парень. Или феей-крестной. – Пепе обвел жестом стадион. – Видишь эту публику? Их предки орали от радости, когда видели, как бойцы убивают друг друга или как дикие звери разрывают ни в чем не повинных бедолаг на части. Люди с копьями дрались против людей с сетками, ну и все такое.

– А сейчас здесь каждое воскресенье устраивают дешевые распродажи, – произнесла Гленда.

– Люди не меняются, – продолжал Пепе. – Толпа – одно большое существо. Оно не умирает. Оно кричит, визжит, любит и ненавидит, передавая все это из поколения в поколение. Толпу нельзя ни укротить, ни остановить. Только ради вас, юная леди, и ради блага мистера Трева я брошу ей кость. Подождите одну секунду.

Его поджарая паукообразная фигурка исчезла на лестнице в ту самую

секунду, когда прозвучал свисток. Гленда видела, как слугообраз Шноббс ударил по мячу, но Чудакулли ошибался, полагая, что человек одинаковых с ним размеров должен быть столь же умен. Старая игра вступила в свои права. «Юнайтед» неслись по полю, и старые игроки уступали дорогу Энди и его армии, которая стремилась к мистеру Натту. От удара в грудь тот влетел в сетку ворот, раздался свисток, а за ним вопль: «НЕ ТРОГАЙ, ПАРЕНЬ, ТЫ ЖЕ НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ ОНО ПОБЫВАЛО!» – и слова судьи:

– Честное слово, мне очень неловко, и я не понимаю, почему...

И наступила тишина.

Ее нарушил лишь один голос.

– Навроде! Навроде! Навроде!

Этот клич начался наверху, на трибуне, вблизи того места, где исчез Пепе.

Зверь позабыл про орка, но немедленно вспомнил Навроде. Человека, чье имя так часто воодушевляло толпу. Человека, которого она породила и пожрала. Человека, который и был футболом, самым сердцем зверя. Здесь, на поле боя, именно его и следовало вспомнить.

– Навроде! Навроде! Навроде!

Мало кто из старшего поколения не знал Дэйва Навроде. Он был легендой. Даже спустя столько лет это имя заставляло забыть все прочие привязанности. О нем рассказывали внукам. Рассказывали в том числе и о том, как он лежал в луже собственной крови. Может быть, рассказчик даже смочил платочек в его крови и хранил в качестве сувенира...

– Навроде! – отозвался баритон мадам Шарм.

– Навроде! – шепотом подхватила Гленда, а затем закричала: – Навроде!

Она видела, как по трибунам перебежала маленькая фигурка, и пение шло за ней по пятам.

По лицу Трева текли слезы. Гленда безжалостно заглянула ему в глаза.

– Навроде! Навроде!

– Но я обещал! – прорыдал Трев.

Джульетта наклонилась и поцеловала его, и на мгновение слезы сделались серебряными.

– Навроде?..

Трев стоял, ломая руки, а пение продолжалось. Наконец он пожал плечами, вытащил из кармана помятую жестянку и протянул Гленде, прежде чем вновь повернуться лицом к полю.

– Прости, ма, – сказал он, стаскивая куртку, – но это футбол. Кстати, у меня даже футболки нет.

– Мы сделали запасную, когда их шили, – ответила Гленда и извлекла из недр сумки футболку.

– Номер четвертый? Это ж номер моего старика.

– Да, – сказала Гленда. – Мы знаем. Послушай, как они кричат, Трев.

Трев, судя по всему, искал пути к отступлению.

– Я никогда не тренировался с новым мячом! Ты же знаешь, я только жестянку гонял.

– Просто начни играть, – сказал Натт. – Ты быстро поймешь.

К ним подошел бывший декан.

– Конечно, трогательные речи – это очень приятно, дамы и господа, но пора наконец продолжать игру, и я буду очень благодарен, если посторонние отойдут за линию! – проорал он, перекрикивая толпу.

Натт занял свое место на воротах.

– Не беспокойтесь, мистер Трев, – сказал он, ухмыляясь. – Мы не проиграем, если вы будете бить, а я ловить. Второй раз они меня так не достанут.

Он понизил голос и ухватил Трева за плечо.

– Когда здесь станет жарко, бегите что есть сил в другой конец, а я уж позабочусь, чтоб вы получили мяч.

Трев кивнул и зашагал по полю под приветственные крики.

Редактор «Таймс» писал:

«Юнайтед», кажется, убедились, что выработали действенную стратегию и сосредоточили все силы на чужой стороне поля. Завязалась схватка, которую явно не под силу контролировать судье. Отважный орк-вратарь также усвоил урок и несколько раз спасал положение, перехватывая мяч, а один раз даже отбил его, как нам показалось, нарочно прямо в голову одному из игроков «Юнайтед». Оглушив противника и поймав мяч при отскоке, он сильным ударом послал его на другую половину поля сыну знаменитого футболиста Тревору Навроде, очертя голову бегущему к воротам, в которых ожидал мистер Чарли Бартон, заботливо снабженный стулом, столиком, ленчем и двумя дюжими защитниками, которым явно наказали никого не пропускать.

Весь стадион затаил дыхание, когда юный паладин нанес сокрушительный удар по мячу, но, к сожалению, промахнулся на несколько дюймов, так что затряслись ворота, и мяч отскочил к защитникам. Тем не менее Навроде энергично бросился в схватку, и зрители вновь ахнули: двое защитников столкнулись, и молодой человек вновь ударил по мячу, в надежде отправить его на законное место.

Ваш корреспондент полагает, что даже болельщики «Юнайтед» испустили стон, когда и второй удар не попал в цель, на сей раз отлетев к ногам Г. Шлемобоя, который, не тратя времени, со свистом запустил его на половину «Академиков», прежде чем Навроде успел нанести «Юнайтед» еще какой-нибудь вред.

И опять-таки неутомимый мистер Натт отразил некоторое количество атак, в то время как жалкие остатки университетской защиты популярно доказывали, что волшебная палочка бесполезна, если человек не знает, для чего ему ноги.

Именно в это время с поля был поспешно удален магистр темной магии доктор Дж. Икс, поскольку немолчное пение толпы: «Это что за сукин сын, кто там в черном сукин сын?» – привлекло внимание судьи к его попытке поразить Ф. Колбасса, одного из печально знаменитых братьев Колбассов, смертоносным кинжалом Ужасной Королевы Пауков-Вампиров. Впрочем, выяснилось, что кинжал ни волшебным, ни хотя бы стальным не является, но был приобретен в магазине розыгрышей Боффо, на Десятой Яичной улице. Доктора Икса, выкрикивавшего ужасную брань по адресу университетских статуй, пришлось вытащить с поля силами его собственных коллег, и в результате наши энергичные волшебники оказались в еще более затруднительном положении. Не исключая, что они мечтали о ковче-самолете, способном унести их отсюда!»

По крайней мере, тирады доктор Икса и попытки вытащить его с поля дали им немного времени. Гленда подбежала к растрепанному и обескураженному Треву.

– Что случилось? – спросила она. – Мяч был прямо перед тобой. Буквально у тебя в руках, точнее, в ногах.

– Он не слушается, – пожаловался Трев.

– Заставь его! Это же просто мяч!

– Попробуй-ка чему-нибудь научиться в таком бардаке!

– Ладно, ты хотя бы почти попал. Мы еще не проиграли, и идет только первая половина матча.

Игра возобновилась, и редактор «Таймс» написал:

«Игроки в остроконечных шляпах отчасти вернули себе присутствие духа, и капитан Шноббс возглавил уверенную атаку в попытке оторвать Чарли Бартона от ленча, но, к разочарованию всех и каждого, сын Дэйва Навроде, видимо, успел лишь шапочно познакомиться с искусством футбола, так что, видимо, единственным шансом отправить мяч в ворота

для юного Навроде было бы послать его почтой.

А затем, к общему удивлению, наши друзья-чернокнижники доказали, что гораздо лучше умеют играть в бильярд, чем в футбол, потому что при очередном мощном, но беспорядочном ударе Навроде мяч отскочил от стойки ворот, стукнул по голове профессора Ринсвинда, который как раз бежал в противоположную сторону, и влетел обратно в ворота, прежде чем кто-нибудь, включая Чарли, успел спохватиться.

Стадион одобрительно закричал, но лишь потому, что игра к тому моменту, на наш взгляд, превратилась в вереницу комических номеров. Впрочем, ничего смешного мы не усмотрели в том, что в разных частях Иппо начались драки между соперничающими группировками болельщиков, несомненно вызванные злополучными происшествиями на поле...»

Когда обе команды прошествовали – или проковыляли – на свои места, судья подозвал обоих капитанов.

– Господа, я сам не разобрался хорошенько, что тут происходит, но это не вполне футбол, и в дальнейшем я намерен произвести расследование. Тем временем, пока никто еще не пострадал и пока толпа не разнесла стадион на кусочки и не съела нас живьем, я объявляю, что следующий забитый гол будет последним, пусть даже первый тайм еще не закончен. – Бывший декан многозначительно посмотрел на Борова и продолжал: – И я искренне надеюсь, некоторые игроки вспомнят о том, что у них есть совесть. В любом случае игре конец, простите за невольный каламбур. Даю вам несколько минут, чтобы довести это до сведения команд.

– Звиняйте, сэр, – сказал Боров, озираясь, – некоторых из моих парней я бы по доброй воле не выбрал, если понимаете. Но я с ними хорошенько поговорю.

– По-моему, до них дойдет, если одновременно вы постучите по ним кувалдой, мистер Боров. Они позорят футбол. И вы также меня поняли, мистер Шноббс?

– Я думаю, надо продолжать, сэр. Пока есть жизнь, есть и надежда.

– И я тоже хотел бы верить, что никто не умрет, хотя подозреваю, дополнительное время вы попросили в надежде, что мистер Навроде научится играть в футбол. Но я боюсь, что этому суждено стать, когда рак на горе свистнет.

– Да, сэр, но не могли бы вы... – начал Боров.

– Мистер Боров, я свое сказал. Я судья и сейчас следующий после бога.

«Я следующий после бога», – прозвучало эхом. Но тише и отчетливей. Бывший декан оглянулся.

– Что? Кто-то что-то сказал?

«Я следующий после бога». И послышалось нечто вроде «бом». Но ведь он по-прежнему держал мяч в руках, не так ли? Декан посмотрел, чтобы убедиться. У него разыгралось воображение или в воздухе действительно витало что-то такое? Что-то такое... в воздухе... серебряный оттенок ясного зимнего дня...

Трев, ожидая решения, развлекался невероятно трясучим бегом на месте. Когда он поднял глаза, то увидел Энди Шенка, который за ним наблюдал.

– Твою старушку мать удар бы хватил, – бодро заметил тот.

– Я тебя знаю, Энди, – устало сказал Трев. – Знаю, какой ты. Ты, типа, загоняешь какого-нибудь бедолагу в угол и жмешь, чтоб он слетел с катушек и начал ссору первым. Только я так просто не куплюсь, Энди.

– Да, вижу. Тебя уже с потрохами купили.

– Говори что хочешь, я не слушаю.

– А по-моему, слушаешь.

Трев опять вздохнул.

– Я за тобой наблюдал. Ты и твои дружки, блин, первые мастера наподдать башмаком, когда судья не смотрит, а если он не смотрит, значит, ничего не подделает.

Энди понизил голос:

– Ну, с тобой я кое-что могу поделать, Трев. Отсюда ты своими ногами не выйдешь, помяни мое слово. Тебя вынесут.

Послышался свисток, а за ним неизбежное «КТО НЕ ПРИНЕС ФОРМУ, БУДЕТ ИГРАТЬ В ТРУСАХ!».

– Конец игре, – сказал бывший декан, и стороны столкнулись. Энди вынырнул из свалки, гоня перед собой мяч, а его непочетная стража бежала по бокам.

Думминг Тупс, видя их приближение, очень быстро прикинул в уме многое – скорость, направление ветра и вероятность того, что его в буквальном смысле втопчут в землю. В любом случае он таки предпринял попытку – и остался лежать на спине. Как выразился редактор «Таймс», посреди ужаса, смятения и отчаяния лишь одинокий защитник – Натт – стоял на пути «Юнайтед», которые уже торжествовали победу...

За спиной Натта послышался рев. Он не посмел обернуться, но кто-то вскочил на верхушку ворот, так что они затряслись, потом спрыгнул и,

воздев огромный мозолистый палец, дал понять, что помощь мистера Натта больше не требуется. На губах библиотекаря запеклась зеленая пена, зато в глазах горел огонь.

По словам редактора «Таймс», дальше произошло следующее:

«Ничуть, казалось, не смущенный возвращением знаменитого университетского дикаря, Шенк предпринял очередную попытку забить победный гол, но библиотекарь перехватил мяч одной рукой и с легкостью запустил на половину «Юнайтед». Поскольку на кону стояло многое, за мячом бросились все, кто находился на поле, точь-в-точь компания мальчишек, которые дерутся в канаве за классическую жестянку. Однако мистер Шноббс – как нам известно, не родственник – сумел освободить местечко и дал злополучному мистеру Навроде еще один шанс последовать по отцовским стопам. Но юный Трев промахнулся, по нашим подсчетам, примерно на полдюйма, и мяч перехватил Большой Парень Чарли Бартон, который тут же с кашлем рухнул наземь, подавившись, как выяснилось, огромным куском пирога, который он засунул в рот, чтобы освободить руки».

– Должно быть по-другому! – сказала Гленда, и эта мысль эхом отозвалась в ее голове: «Должно быть по-другому». – Трев обязан выиграть, других вариантов просто нет.

И голос отозвался снова. Бывает ли эхо в голове? «Академики» ведь обречены на поражение, не так ли? Они проиграют, потому что Энди умеет нарушать правила».

Правила.

«Я и есть правила».

Гленда огляделась, но, не считая доктора и его стонущих – или, в случае Чудакулли, бранящихся – пациентов, поблизости не было никого, кроме Джульетты, которая наблюдала за игрой со своей обычной слабой улыбкой.

«Я и есть цель», – произнес тихий голос из ниоткуда.

– Ты слышала? – спросила Гленда.

– Че? – Джульетта обернулась, и Гленда увидела, что подруга плачет.

– Трев проиграет.

«Я и есть мяч».

На сей раз голос прозвучал из кармана, и Гленда вытащила старую жестянку.

Когда доктор Газон с ворчанием заспешил по полю к павшему Чарли (как выразился редактор «Таймс»), Гленда последовала за ним и столкнулась с мистером Шноббсом.

– Если вам дороги чашка чая и кусок пирога, мистер Шноббс, пните мяч ко мне. Вы меня точно заметите, потому что я буду вопить и вести себя как полная дура. Сделайте то, что я говорю, ясно?

«Сделай то, что она говорит, ясно?» – повторило эхо.

– И что вы сделаете? Бросите мяч обратно?

– Ну да, типа того, – ответила Гленда.

– И что толку?

– Мы выиграем матч. Помните правило номер двести два?

Она оставила мистера Шноббса ломать голову, а сама заспешила к миссис Уитлоу и группе поддержки, которую, впрочем, и саму сейчас стоило поддерживать.

– Давайте устроим нашим парням шоу повеселее, – предложила она. – Согласна, Джульетта?

Джульетта, которая послушно следовала по пятам, ответила:

– Да, Гленда.

«Да, Гленда». Вот оно опять. Одна фраза, два голоса.

Миссис Уитлоу была не из тех, кто подчиняется приказам с Ночной Кухни, но Гленда склонилась к ней и шепнула:

– Специальная просьба аркканцлера.

Воскрешение Большого Парня Бартона оказалось задачей не из легких: сунуть ему два пальца в глотку нашлось еще меньше желающих, чем в случае с библиотекарем. А потому потребовалось немало времени на то, чтобы очистить его изнутри и привести в порядок снаружи.

Когда судья велел игрокам вернуться на места, подбежала запыхавшаяся Гленда и протянула ему листок бумаги.

– Это что?

– Правила, сэр. Видите, одно из них я обвела.

Он посмотрел на листок и небрежно заметил:

– По-моему, чушь какая-то.

– Нет, сэр, если прочитать вдумчиво. Это правила, сэр.

Аркканцлер Генри пожал плечами и сунул листок в карман.

Слугобраз Шноббс мельком взглянул на Гленду, которая смотрелась по-бунтарски неуместно среди группы поддержки. Было хорошо известно, что она щедра к друзьям и лучше всех в университете умеет заваривать чай. Речь шла не о футболе, а о горячей чашке чая и, возможно, пончике. Поэтому Шноббс склонился к Натту.

– Гленда велела вспомнить правило двести два.

Натт просиял.

– Отличная идея. Ну, разумеется. Она просила вас выбить мяч с поля?

– Точно. Мы что, собираемся сжульничать? – уточнил Шноббс.

– Нет, мы собираемся придерживаться правил. Порой это лучше, чем жульничать.

Шноббсу выпала подходящая возможность, когда Боров сделал на диво неудачный пас. Кажется, он стоял близко, когда Гленда разговаривала со слугообразом? И, кажется, он сказал: «Давай, парень»? Да, похоже на то. Шноббс пинком отправил мяч прямо к девушкам, и Гленда перехватила его и засунула под юбку миссис Уитлоу.

– Вы ничего не видели, девочки, вы ничего не видели, и никого не слушайте, ясно?

Под крики и свист толпы она вытащила из сумочки жестянку и воздела ее в воздух.

– Мяч утерян! Замена! – прокричала Гленда и бросила жестянку слугообразу Шноббсу, который немедленно сделал пас Натту. Прежде чем кто-нибудь успел шевельнуться, жестянка с тихим «бом» приземлилась на мысок башмака Трева...

Редактор «Таймс» писал:

«Нас заверили, что в день матча волшебство использоваться не будет, и не мое дело спорить с почтенными представителями Незримого Университета. Ваш корреспондент может лишь сказать, что Тревор Навроде послал «мяч», вопреки всем ожиданиям, к воротам «Академиков», где он стоял, явственно ожидая атаки разъяренных «Юнайтед». То, что за этим последовало, – по мнению вашего корреспондента, не просто гол, а кара и возмездие. Этот гол во второй раз вписал имя Навроде в анналы футбольной истории, потому что Тревор, знаменитый сын знаменитого отца, размазал «Юнайтед», вытер ими пол, а потом повторил на бис. Он бежал. Уворачивался. Иногда делал пас точнехонько в сторону защитника «Юнайтед», который внезапно обнаруживал, что мяч летит совсем в другую сторону – именно туда, где, как по заказу, находился Навроде. Он дразнил противников. Играл с ними. Заставлял их сталкиваться, когда они одновременно бросались к мячу, который необъяснимым образом оказывался не там, где они ожидали. И какое же облегчение испытали наиболее стойкие игроки «Юнайтед», когда Навроде наконец сжалился и перебросил мяч через голову запасного вратаря, Микки Пулфорда (из «Бродяг с Огромной улицы»), прямо в сетку, где он описал круг и вернулся»

точнехонько к ногам Навроде. Тишина...»

...растекалась, как масло по воде. Гленда была уверена, что слышит вдалеке пение птиц и, возможно, даже ход червей под землей. И, несомненно, звуки, доносившиеся из импровизированного полевого госпиталя доктора Газона (Большого Парня Бартона снова рвало).

А затем как будто хлынула вода из прорванной плотины. Этот шум был осязаемым и неоднородным. Там и сям зрители начали петь. Речевки всех команд, слитые и объединенные в едином порыве.

Гленда восхищенно наблюдала за Джульеттой. То же самое она видела на показе мод в «Шобле». Джульетта словно светилась изнутри, от кольчуги исходили лучи золотого света. Девушка устремилась к Треву, срывая накладную бороду и с каждым шагом приподнимаясь все выше над землей, словно она бежала вверх по лестнице.

Это было странное и прекрасное зрелище, и даже Чарли Бартон не мог от него оторваться.

– Звиняйте, – перебил мистер Боров. – Гол засчитан?

– Да, мистер Боров, именно так, – ответил судья.

Борова отпихнул Энди Шенк.

– Нет! Это нечестно! Вы, блин, ослепли, что ли? Он забил в ворота жестянку!

– Нет, мистер Шенк. Господа, неужели вы не видите, что происходит прямо у вас под носом? Это было совершенно законно и по правилам. Согласно правилу двести два, если говорить точно. Правило, конечно, древнее, но до сих пор не отмененное, и я заверяю вас, что магией никто не пользовался. Кстати, господа, вы видите ту золотую девушку, которая парит в воздухе?

– Ага, ну да, опять какие-то детские сказки, совсем как тот гол.

– Футбол – сплошь детская сказка, мистер Шенк.

– Значит, игра закончена, – настаивал мистер Боров.

– Да, закончена. Не считая прекрасной золотой девушки, плывущей над полем, к которой я усиленно привлекаю ваше внимание. Неужели я единственный, кто ее видит?

Боров мельком взглянул на парящую Джульетту.

– Ну да, типа, очень красиво... Но мы, стал-быть, проиграли, так?

– Да, мистер Боров, вы несомненно и недвусмысленно проиграли.

– Я еще хочу уточнить, – продолжал Боров. – Больше, типа, никаких правил?

– Нет, мистер Боров, вы больше не обязаны подчиняться правилам

игры.

– Спасибо за разъяснение, ваша честь, и спасибо от имени «Юнайтед» за то, как вы тут управлялись, хоть вам и нелегко пришлось.

С этими словами он развернулся и врезал Энди по физиономии. Мистер Боров был человек мягкий, но он много лет таскал по две свиные туши зараз, и его удар пронял даже толстую шкуру Энди. Тот несколько секунд хлопал глазами, прежде чем наконец выговорил:

– Ах, ты, сукин сын.

– Мы из-за тебя проиграли, – сказал Боров. – Мы могли выиграть честно, а ты влез и помешал.

Те, кто стоял вокруг, укоризненно забормотали в знак согласия.

– Я? Нет, это не я помешал, а треклятый Трев Навроде и его приятель орк! Они колдовали! Вы не рискнете сказать, что волшебства не было!

– Только личные умения, заверяю вас, – ответил бывший декан. – Из ряда вон выходящие, признаю, но ведь всем известна ловкость Трева в обращении с жестяной, которая сама по себе – настоящий символ футбола!

– Где вообще этот треклятый Навроде?

Гленда, которая не сводила глаз с середины поля, произнесла зачарованно:

– Он тоже парит в воздухе.

– Только не говорите мне, что это не волшебство! – настаивал Энди.

– Нет, – сказала Гленда. – По-моему, это сродни религии. Разве вы не слышите?

– За шумом, дорогая моя, я вообще ничего не слышу, – ответил бывший декан.

– Да. Послушайте *толпу*.

И он прислушался. Толпа издавала рев – слитный, наполняющий небеса, древний, животный, исходящий боги знают откуда, – но в глубине своей он, словно зашифрованное послание, состоял из слов. Их можно было различить, хорошенько сосредоточившись... если только они действительно проникали через уши. С тем же успехом эти слова можно было ощущать всем телом.

Иль мяч тобою был забит,
Иль ты промазал по мячу,
Но вечно я меняю вид,
Реву, смеюсь и хохочу.
Я – мяч, победа и позор,

Я – нынче, завтра и вчера,
Я – поле, песни, смех и спор,
Пирог, толпа... я есмь Игра.
Неважно мне, кто гол забьет,
Кто проиграл, кто всех сильнее.
Пусть сгинет слава через год,
Ты будешь в памяти моей.

«Твое имя останется в толпе навеки, – подумала Гленда. – Все люди – часть игры».

Джувлетта и Трев начали спускаться, держась за руки и неторопливо вращаясь, пока не приземлились на траву, все еще продолжая целоваться. Реальность медленно возвращалась в свои права. Но бывают люди, которые, даже услышав пение соловья, скажут: «Что это, блин, за шум?»

– Ах ты, мразь! – крикнул Энди и с удивительной скоростью бросился к Треву, который стоял с обалделой, но счастливой улыбкой на лице. Он не замечал пыщущего яростью Энди до тех пор, пока огромный башмак не пнул его прямо в пах с такой силой, что у всех зрителей мужеска пола от сочувствия дружно заслезились глаза.

Во второй раз за двадцать четыре часа Трев услышал, как микрокольчуга запела. Тысячи звенушек всколыхнулись и так же быстро легли на место. Как будто между ног у него пролетел легкий ветерок. Не считая этого, Трев ничего не почувствовал.

Зато почувствовал Энди. Он лежал на земле, согнувшись пополам, и со свистом втягивал воздух сквозь зубы.

Кто-то похлопал Трева по спине. Тот обернулся и увидел Пепе.

– Ты таки надел мои трусы, да? В смысле не мои трусы, ты же не самоубийца. Но ты меня понял. Между прочим, я придумал название для этой штуки. Я назову ее возмездием. Не возьмусь утверждать, что она положит конец войне – вряд ли для этого есть средство, – зато она полной мерой воздаст тому, кто ударит первым. И совсем не трет, правда?

– Да, – ответил ошеломленный Трев.

– Твоему приятелю, впрочем, кое-что натерло. И это только начало. Кстати говоря, нужно будет тебя зарисовать.

Энди медленно поднимался, отрывая себя от земли одной лишь силой воли. Пепе ухмыльнулся, и вдруг Треву стало до жути очевидно, что всякий, кто грозит ухмыляющемуся Пепе, – заведомо самоубийца.

– Доставай нож, ты, мелкий гаденыш, – сказал Энди.

– Нет, – произнес Натт, стоя у него за спиной. – Хватит. Игра окончена. Удача была благосклонна к «Незримым Академикам», и, насколько я знаю, теперь, по традиции, команды должны обменяться футболками в теплой товарищеской атмосфере.

– Но только не трусами, – вполголоса произнес Пепе.

– Что ты вообще понимаешь? – прорычал Энди. – Ты – орк! Я все про вас знаю. Вы отрываете людям руки-ноги. Вы вообще – черная магия! Но я тебя не боюсь!

Он зашагал к Натту с удивительной, невзирая на боль, скоростью.

Натт увернулся.

– Я не сомневаюсь, что наши несомненные разногласия можно решить мирным путем.

– Че?!

Пепе и футболисты подошли ближе. Энди явно терял популярность. Натт жестом велел им отойти.

– Я готов тебе помочь, Энди. Да, ты прав, я орк, но разве у орков нет глаз? Разве у них нет ушей? Разве нет рук и ног?

– Пока что есть, – ответил Энди и прыгнул.

Дальнейшее произошло так быстро, что Трев не успел разглядеть. Энди прыгнул – и вдруг оказался на земле, а Натт держал его за голову, выпустив когти.

– Сейчас посмотрим, – задумчиво произнес он, пока Энди тщетно вырывался. – Повернуть череп с такой силой, чтобы переломить спинной хребет и позвоночный столб, не особенно трудно, поскольку это не вращающийся сустав. И, разумеется, глазницы и ушные отверстия позволят ухватиться поудобнее, на манер шара в боулинге, – радостно добавил Натт и продолжал в полной ужаса тишине: – Используя метод распределения силы, изобретенный сэром Палисандром Банном, я полагаю, что двухсот пятидесяти баннов вполне хватит. Но, как ни странно, основная трудность заключается в том, чтобы разорвать кожу, мышцы и сухожилия. Ты молод, так что предел прочности довольно высок. Полагаю, кожа потребует приложения силы как минимум в тысячу баннов...

Энди взвизгнул, когда его голову слегка повернули.

– Эй, послушай! – вмешался Чудакулли. – Шутки шутками и все такое, но...

– Сейчас будет грязно, – предупредил Натт. – Мускулы отрываются от костей довольно легко...

Энди вновь издал сдавленный вопль.

– Но если принять во внимание все вышперечисленное, я думаю, что

достаточно будет от трех до пяти килобаннов, – закончил Натт и сделал паузу. – Я пошутил, Энди. Ты ведь сам любишь посмеяться. Кстати говоря, я могу засунуть руку тебе в глотку и вырвать желудок.

– Валяй, – прохрипел Энди.

Толпа на стадионе почуяла кровь. В конце концов, в Иппо столетиями проходили не только скачки. Относительно небольшое количество крови, пролитое сегодня, было сущим пустяком по сравнению с тем, что пролилось за минувшие века, но зверь безошибочно распознавал кровь, как только чуял ее. Свист и пение возобновились, они становились все громче и громче, люди вскакивали на ноги...

– Орк, орк, орк!

Натт спокойно встал и повернулся к бывшему декану.

– Я убедительно прошу вас удалиться. Могут начаться беспорядки.

– Да брось, – сказал Трев. – Ни за что.

– Хотя бы дамы?..

– Нет, – ответила Гленда.

– В таком случае не окажете ли вы мне любезность, судья, и не дадите ли рупор? И я буду очень благодарен, если вы попросите кого-нибудь из игроков посильнее вывести отсюда мистера Шенка, который, к сожалению, не в своем уме.

Ему без единого слова протянули рупор. Натт взял его, и крики «Орк! Орк!» стали еще громче. Он стоял, бесстрастно сложив руки на груди, пока шум не прекратился просто за недостатком инерции. Тогда под прицелом тысяч глаз Натт поднес рупор к губам.

– Господа! Да, действительно, я орк и всегда им буду. Позвольте сказать, что для меня честь играть здесь сегодня и видеть вас всех. Но я понимаю, что присутствие орка в городе и впрямь может казаться вам проблемой. – Он помедлил. – Поэтому, с вашего позволения, я предлагаю решить эту проблему немедленно.

Из разных частей стадиона послышались смех и издевательские возгласы, но зверь, как показалось Гленде, призывал самого себя к молчанию. В тишине, в которой не прошло бы незамеченным даже падение булки, стук упавшего наземь рупора разнесся по самым дальним уголкам Иппо. Натт закатал рукава и понизил голос, так что зрителям пришлось напрячься, чтобы расслышать.

Он сказал:

– *Сытые сюда, если вы такие крутые.*

Сначала был шок, потом недоверчивое молчание, потом шепот – люди переглядывались и спрашивали: «Он действительно это сказал?». И

наконец где-то высоко на трибуне кто-то захлопал, сначала медленно, потом все быстрее, и вот настал переломный момент, когда не хлопать было уже немисливо и перестать – тоже. Целую минуту гремел шквал аплодисментов.

Натт повернулся к остальным. По его щекам текли слезы.

– Я принес вам пользу? – спросил он у Гленды.

Она обняла его.

– Ты всегда приносишь пользу.

– Когда матч закончится, нам нужно будет еще кое-что сделать.

– Он уже давно закончился, – ответила Гленда.

– Нет, потому что судья сначала должен засвистеть. Это все знают.

– Клянись Ио, он прав, – сказал Чудакулли. – Валяй, декан.

Аркканцлер Коксфорда предпочел великодушно пропустить это мимо ушей.

Он поднес к губам гигантский свисток, набрал в грудь побольше воздуха, и по стадиону прокатилась пронзительная трель. Как бы там ни было, последнее слово осталось за тенью Эванса Полосатого:

– И ЧТОБ НИКТО НЕ СТРАДАЛ ФИГНЕЙ ПОД ДУШЕМ!

Когда толпа принялась спускаться с трибун, топча священное поле, Чудакулли похлопал мрачного мистера Борова по плечу и сказал:

– Для меня будет честью обменяться с вами футболками, сэр.

Он бросил шляпу наземь и стянул футболку, обнажив волосатую грудь, похожую на двух спящих львов. Футболка «Юнайтед», которую он получил взамен, едва налезла на аркканцлера, но это уже не имело никакого значения, потому что, как и предсказывал Энди, «Незримых Академиков» (кроме миссис Уитлоу, которая отчаянно отбивалась) подхватила вопящая толпа и с почетом понесла по городу. Это был триумф. Как для выигравших, так и для проигравших^[23].

ДУМАЕТЕ, ЭТО КОНЕЦ?

Волшебники Незримого Университета умели праздновать. Пепе и мадам Шарн^[24] впечатлились. Тем не менее дело есть дело, и нужно было подумать о Джульетте.

– Я ее нигде не вижу, – сказала мадам.

– Недавно они обе тут проходили, – ответил Пепе. – А эти ребята ни в чем себе не отказывают – я еще никогда не видел такого сырного ассорти. Ради него стоит дать обет безбрачия.

– Да?

– Нет. Кстати, ты заметила, что тот высокий волшебник строит тебе глазки, дорогая?

– Это профессор Бенго Макарона. Ты думаешь, он... – начала мадам.

– Несомненно, дорогая. Я знаю, что он повредил ноги, но вряд ли у него возникнут трудности.

Мадам опять вытянула шею, оглядывая толпу в поисках сверкающей фигуры.

– Право же, я надеюсь, что наша юная модель не вляпается в неприятности.

– Каким образом? Она со всех сторон окружена поклонниками!

– И тем не менее.

На самом деле Трев и Джульетта сидели в темноте на Ночной Кухне.

– Я уж придумаю, чем мне заняться, – сказал Трев. – Я поеду туда, куда и ты.

– Ты должен остаться и играть в футбол, – возразила Джульетта. – Знаешь, что говорили в городе? Что Дэйв Навроде – твой отец.

– Ну да, так это ж правда.

– Да. Но до сих пор говорили, что ты его сын.

– Мо-ожет быть, я еще немножко поиграю, – согласился Трев, – только не думаю, что мне еще раз так повезет.

Они поцеловались.

Здесь и сейчас это казалось самым важным.

И все-таки...

Гленда и Натт тоже искали местечко поукромнее и, по возможности, потемнее. К счастью, она обнаружила в кармане два билета, которые засунул туда доктор Икс, сеявший в мире тьму и отчаяние посредством любительских спектаклей. Билеты были на «Несчастливую звезду», пьесу Хвеля-Драматурга, в исполнении труппы Сестричек Долли. Гленда и Натт сидели, держась за руки, торжественно смотрели на сцену и чувствовали, как их колышут волны, а потом брели пешком через город, старательно избегая счастливых, пьяных, поющих фанатов, и обсуждали спектакль.

– Ну как? – спросил Натт, некоторое время помолчав. – Я имею в виду пьесу.

– По-моему, она не такая уж романтическая, – ответила Гленда. – И, честно говоря, довольно глупая.

– Но «Несчастливая звезда» считается одним из величайших романтических произведений за последние полвека, – возразил Натт.

– Да? Но какой же пример они подадут? Разве в Генуе, даже в те дни,

никто не умел щупать пульс? Неужели так сложно научиться хотя бы оказанию первой помощи? Можно было обойтись карманным зеркальцем! И потом, для щупанья пульса есть много вполне приличных мест.

– Я полагаю, герои не думали о себе, – сказал Натт.

– Герои не думали, точка, – сказала Гленда. – И уж точно не считали друг друга людьми. Капелька здравого смысла – и они остались бы живы. Все нарочно придумано как в книжке. Сомневаюсь, что хоть один разумный человек так бы себя повел.

Натт сжал ее руку.

– Иногда ты говоришь совсем как ее светлость. И это наводит меня на мысль.

– На какую?

– Пора мне встретиться со своим создателем.

Энди Шенк, пошатываясь, брел по ночным переулкам. Он твердо знал, что в них нет никого опаснее его. Но в этом он ошибался.

– Мистер Шенк?

– Кто там? – спросил он, разворачиваясь и инстинктивно нащупывая под курткой новый кинжал.

Но чей-то нож, серебристый и тонкий, полоснул дважды, а чей-то башмак ловко пнул в голень, свалив Энди наземь.

– Это я, твой счастливый финал, – произнес голос. – Можешь назвать меня феей-крестной. Не беспокойся, когда ты вытрешь кровь с глаз, то убедишься, что не ослеп. А еще тебе больше не придется платить за выпивку в пределах этого города. Хотя, подозреваю, ты и так никогда не платил.

Нападавший беззаботно прислонился к стенке.

– Я это сделал, Энди Шенк, потому что я тот еще сукин сын. Я негодяй. Я подонок. Тебя отпустили безнаказанным, потому что они очень хорошие люди. Такие, как я, нужны, чтобы восстановить равновесие. Ты еще на свет не родился, когда я познакомился с тебе подобными. С мучителями, задирами и ворами. Да, ворами. Вы крадете у других самоуважение. Лишаете их спокойствия духа. Мистер Натт – орк, и я слышал, он одними словами может сделать человека лучше. Ну и пусть себе. Если так, он гений, но счет это не уравнивает, по крайней мере в моем представлении. Вот я и решил, что тебе стоит встретиться с Пепе, просто чтобы поздороваться. Если я увижу тебя еще раз, костей не соберут. Но в знак того, что у меня есть кое-какие хорошие качества, возьми вот эту штучку и приложи к ранам.

Что-то мягко упало наземь рядом с Энди.

Истекая кровью, он зашарил вокруг, как только тихие мелкие шаги затихли. Энди думал только о том, чтобы разлепить залитые кровью глаза и изгнать из головы мысль о мести и воздаянии. Поэтому ему уж точно не нужно было вытирать лицо половинкой лимона.

ДУМАЕТЕ, ЭТО ВСЕ?..

К сожалению, когда два человека ужинают за очень большим парадным столом, они сидят на противоположных концах длинной оси. Это донельзя глупо, мешает разговаривать, и еду соседу не передашь, но патриций Витинари и госпожа Марголотта, видимо, смирились.

С другой стороны, оба ели очень мало, а потому передавать все равно было особо нечего.

– Ваш секретарь, кажется, хорошо ладит с моим библиотекарем, – заметила госпожа Марголотта.

– Да, – сказал Витинари. – Наверное, они сравнивают скоросшиватели. Он как раз изобрел новый.

– Ну, чтоб мир вращался, как положено, нужно, чтобы хоть один человек искренне занимался скоросшивателями, – произнесла госпожа Марголотта. Она отставила бокал и посмотрела в сторону двери.

– Ты, кажется, волнуешься, – сказал Витинари. – Гадаешь, каким он придет?

– У него был долгий и необычайно успешный день. Ты говоришь, он отправился на какой-то любительский спектакль?

– Да, с той весьма прямолинейной молодой особой, которая печет пироги.

– Понятно, – сказала госпожа Марголотта. – Он, разумеется, знает, что я здесь, – и уходит развлекаться с кухаркой?

На губах Витинари мелькнула тонкая улыбка.

– Это не простая кухарка, а гений среди кухарок.

– Тем не менее признаю, что я удивлена.

– И расстроена? – подсказал Витинари. – А может быть, слегка ревнуешь?

– Хэвлок, ты заходишь слишком далеко.

– А ты ожидала чего-то другого? И потом, должна же ты понимать, что его победа – это и твоя победа.

– Я рассказывала, что видела и других? – спросила Марголотта, помолчав.

– Орков?

– Да. Они такие жалкие. Конечно, так люди отзываются и о гоблинах, и они действительно по религиозным соображениям хранят собственные сопли, а заодно и все остальное, но, по крайней мере, в этом есть некоторая логика.

– Хотя бы религиозная, – пробормотал Витинари. – Которая зачастую весьма растяжима.

– Ты знал, что Игори сделали орков из людей?

Витинари, с бокалом в руках, подошел к другому концу стола и взял перочницу.

– Нет. Хотя мог бы и догадаться. Гоблины не настолько жестоки.

– У орков ничего не было, – продолжала Марголотта. – Ни культуры, ни легенд, ни истории. Он может дать им все это.

– Он – полная им противоположность, – произнес Витинари и добавил: – Но ты возлагаешь на его плечи огромное бремя.

– А разве мое мало? А твое?

– Я чувствую себя ломовой лошастью, – признал Витинари. – Но спустя некоторое время перестаешь это замечать. Это просто образ жизни.

– Орки заслужили шанс. Притом немедленно, пока действует перемирие.

– Перемирие? – переспросил Витинари. – Ах да, промежуток времени, когда готовятся к следующей войне.

– Где ты научился такому цинизму, Хэвлок?

Витинари развернулся и рассеянно зашагал обратно на свое место.

– В основном от тебя, Марголотта, хотя должен признать, что не только. Я имел возможность изрядно пополнить образование, став тираном Анк-Морпорка.

– По-моему, ты даешь людям слишком много свободы.

– О да. Именно поэтому я до сих пор правлю городом. Я искренне полагаю, что лучший способ сохранить власть – это сделать так, чтобы мое отсутствие казалось совершенно невыносимым. Я, разумеется, помогу тебе, чем сумею. Рабов быть не должно, даже рабов собственного инстинкта.

– В одиночку тоже можно качнуть чашу весов, – сказала Марголотта. – Посмотри на господина Блеска – верховного короля троллей. Посмотри на себя. Если люди способны пасть...

Витинари усмехнулся:

– Еще как!

– ...значит, орки способны подняться, – закончила Марголотта. – И если это не так, значит, в мире нет истины.

В двойные двери тихо постучали, и вошел Стукпостук.

– Мистер Натт здесь, сэр, – и с нескрываемым презрением он добавил:
– С ним та... особа, которая служит в университете.

Витинари взглянул на Марголотту.

– Да, – произнес он. – Думаю, следует принять его в Главном зале.

Стукпостук кашлянул.

– Должен вам сообщить, сэр, что мистер Натт вошел в здание через ворота, которые были надежно заперты.

– Он что, сорвал их с петель? – уточнил Витинари с явным интересом.

– Нет, сэр, но собственноручно снял и аккуратно прислонил к стене.

– А, ну, значит, не все так плохо.

– А стражники?

Стукпостук мельком взглянул на госпожу Марголотту.

– Я принял меры предосторожности и незаметно расставил нескольких человек с арбалетами в галерее Главного зала.

– Вели им уйти, – приказал Витинари.

– Уйти? – переспросила Марголотта.

– Вели им уйти, – повторил патриций, пристально глядя на Стукпостука, и протянул руку ее светлости. – Если не ошибаюсь, это называется *alea jacta est*. Жребий брошен, ваша светлость, и сейчас мы оба увидим, какие кости нам выпали.

– Что тебе за это будет? – спросила Гленда, держась поближе к Натту, пока они шагали вверх по лестнице.

Главный дворцовый зал внушал страх, когда был пуст. Его построили именно с этой целью.

– Почему ты просто не постучал, как все остальные?

– Милая моя Гленда, я не такой, как все остальные, и ты тоже.

– Ну и что ты собираешься делать?

– Не знаю. А что сделает ее светлость? Понятия не имею, хотя, кажется, догадываюсь, о чем она думает, и держу в голове кое-какие варианты.

Две фигуры спускались навстречу им по широкой лестнице, ведущей в главную часть дворца. Эта лестница была выстроена с тем расчетом, чтобы вместить сотни человек, и двое казались на ней необычайно маленькими.

– А, мистер Натт, – сказал Витинари, когда они с госпожой Марголоттой почти достигли нижней ступеньки, – и мисс Медоед. Приношу вам обоим мои поздравления по поводу удивительной, почти невероятной победы «Незримых Академиков».

– Я думаю, в правила придется внести немало изменений, сэр, –

произнес Натт.

– А именно?

– Во-первых, судье нужны помощники. Он не может видеть всё. И еще кое-какие нюансы. Хотя мистер Боров поступил великодушно.

– А из профессора Ринсвинда получится неплохой нападающий, если только ты сумеешь ему внушить, чтобы он не забывал прихватить с собой мяч, когда бегают, – сказал Витинари.

– Я не скажу этого аркканцлеру, милорд, но лично я полагаю, что гораздо больше проку от него в обороне.

– А еще кого бы ты предложил? – спросил Витинари.

– Чарли, живой скелет, который служит в отделе посмертных связей, неплохо показал себя на предварительных испытаниях... В конце концов, – Натт на мгновение замолчал, – да, в конце концов, мы не виноваты в том, какими созданы.

Они обернулись, услышав легкий стук. Это госпожа Марголотта постукивала ногой.

Натт слегка поклонился.

– Ваша светлость, надеюсь, вы в добром здравии.

– Надеюсь, и ты тоже, Натт, – ответила госпожа Марголотта.

Натт повернулся к Гленде.

– Как ты там выразилась?

– Все тип-топ, – сказала Гленда.

– Да, вот именно. Все тип-топ, – повторил Натт. – И, пожалуйста, зовите меня мистер Натт, ваша светлость.

– Может быть, вы не откажетесь присоединиться к нам за ужином? – предложил Витинари, внимательно разглядывая обоих.

– Нет, полагаю, нам не стоит навязываться, но в любом случае большое спасибо за приглашение. У меня еще много дел. Госпожа Марголотта!

– Что?

– Подойдите, пожалуйста.

Гленда наблюдала за выражением лиц. Слабая улыбка Витинари, обиженный взгляд Марголотты, уверенность Натта. Длинное черное платье опьяняюще зашуршало. Госпожа Марголотта преодолела последние несколько ступенек и остановилась напротив орка.

– Я приношу пользу? – спросил Натт.

– Да, Натт, приносишь.

– Спасибо, – ответил он. – Но я понял, что польза – это сосуд, который нужно постоянно доливать доверху. Вы просили меня соответствовать

обстановке. Я ей соответствовал?

– Да, Натт, вполне.

– Что вы хотите теперь?

– Разыщи орков, которые живут в Дальнем Убервальде, и выведи их из тьмы.

– Значит, есть еще и другие – такие же, как я? – спросил Натт.

– Лишь несколько десятков, скорее всего, – ответила Марголотта, – и я бы не сказала, что они такие же, как ты. Они очень жалкие создания.

– И кому надлежит об этом жалеть? – уточнил Натт.

Гленда наблюдала за лицами. Как ни странно, госпожа Марголотта, казалось, была захвачена врасплох.

– Под властью Темного императора свершилось много зла, – произнесла она. – Исправить его – лучшее, что мы можем сделать сейчас. Ты поможешь нам?

– Всеми доступными способами, – ответил Натт.

– Я хотела бы, чтобы ты научил своих сородичей цивилизованному поведению, – высокомерно произнесла ее светлость.

Натт задумался.

– Да, разумеется, я полагаю, что это вполне достижимо, – наконец сказал он. – А кого вы пошлете учить людей?

Витинари коротко расхохотался и тут же захлопнул рот ладонью.

– Прошу прощения!

– Но поскольку эта задача выпала мне, – закончил Натт, – я согласен ехать в Дальний Убервальд.

– Пастор Овсец наверняка будет очень рад тебя видеть, – сказала Марголотта.

– Он еще жив?

– Да, он, в конце концов, еще не стар и, как всегда, разъезжает с прощением наготове. Я думаю, он не станет возражать, если ты к нему присоединишься. Более того, во время одного из своих визитов – увы, чересчур редких – он сказал, что почел бы за честь подарить прощение и тебе.

– Натт не нуждается в прощении! – воскликнула Гленда.

Натт улыбнулся и похлопал ее по руке.

– Убервальд – дикая страна, там опасно путешествовать даже святому, – объяснил он. – «Прощением» называется двуручный боевой топор пастора Овсеца. Для него крестовый поход против зла – отнюдь не метафора. Прощение рассекло мои цепи, и я охотно возьму его в руки.

– Короли троллей и гномов по мере сил будут тебе способствовать, –

сказала ее светлость.

Натт кивнул.

– Но сначала я попрошу вас о маленькой услуге, милорд, – обратился он к Витинари.

– Разумеется.

– Я знаю, что в Анк-Морпорке есть лошади-големы. Можно мне взять одну из них?

– Пожалуйста, – ответил патриций.

Натт повернулся к Гленде.

– Мисс Медоед, Джульетта сказала мне, что вы втайне мечтаете прокатиться по Щеботану теплым летним вечером, чувствуя ветер в волосах. Предлагаю отправиться сейчас же. Я скопил кое-какую сумму.

В голове у Гленды роились всевозможные доводы, почему ей не следует соглашаться. Со всех сторон ее окружали ответственность, долг и бесконечные назойливые просьбы. По тысяче и одной причине она должна была сказать «нет»...

– Да, – сказала она.

– В таком случае мы больше не будем отнимать ваше драгоценное время, милорд и миледи, и отправимся прямо на конюшню.

– Но... – начала госпожа Марголотта.

– Я думаю, все, что должно быть сказано, мы уже сказали, – перебил Натт. – Я... то есть *мы* нанесем вам визит, как только я улажу здесь свои дела. И я с большим нетерпением буду этого ждать.

Он кивнул обоим и зашагал вниз по лестнице. Гленда шла следом, словно паря по воздуху.

– Разве не прелесть? – спросил Витинари. – Ты видела? Они все время держались за руки.

В дверях Натт обернулся.

– А, еще кое-что. Спасибо, что не стали ставить в галерее лучников. Пожалуй, нас бы это... стеснило.

– Я пью за твой успех, Марголотта, – сказал Витинари, когда шаги замерли вдаль. – Знаешь, а я всерьез намеревался предложить мисс Медоед место кухарки, – он опять вздохнул. – Но что такое пирог по сравнению со счастливым концом?

ДУМАЕТЕ, ВСЁ?

На следующее утро Думминг Тупс работал в корпусе высокоэнергетической магии, когда к нему прихромал Чудакулли. На колене у него светилась какая-то серебристая лента.

– Терапевтический сжиматель Бертолета, – объяснил он. – Простенькое заклинание. Скоро я совсем оправлюсь. Миссис Уитлоу хотела, чтобы я сверху повязал чулок, но я сказал, что меня такие вещи не интересуют.

– Рад видеть вас в хорошем настроении, аркканцлер, – сказал Думминг, не отрываясь от какого-то долгого расчета.

– Ты видел утренние газеты?

– Нет, сэр. Со всеми этими футбольными делами я немного забросил работу.

– Возможно, тебе интересно будет узнать, что вчера ночью курица ростом в семьдесят футов вырвалась из так называемого корпуса сверхвысокоэнергической магии в Коксфорде и, насколько я слышал, сейчас крушит Псевдополис, преследуемая профессорским составом, который и сам способен внушить горожанам немалый ужас. Генри получил экстренный клик и поспешно умчался.

– Как досадно, сэр.

– О да, – отозвался Чудакулли. – Если не ошибаюсь, она вдобавок непрерывно несет яйца.

– А, похоже на квазиэкспансивный блит-феномен, адаптировавшийся в живом организме, – произнес Думминг. Он перевернул страницу, и его карандаш задвигался вдоль аккуратной колонки цифр.

– Бывший декан сел в изрядную калошу.

– Не сомневаюсь, профессор Турнепс введет события в рамки, – отозвался Думминг тем же бесстрастным тоном.

Воцарилась деловая тишина, и наконец Чудакулли спросил:

– Сколько времени, по-твоему, нужно им дать на введение событий в рамки?

– А какого размера яйца?

– От восьми до девяти футов в высоту.

– С кальциевой скорлупой?

– Насколько мне известно, они весьма прочные.

Думминг задумчиво уставился в потолок.

– Хм... тогда все не так плохо. Если бы вы сказали «со стальной», это меня бы уже обеспокоило. Очень похоже на блит-переход, возможно возникший... из-за недостатка опыта.

– А я думал, ты научил мистера Турнепса всему, что знал, – заметил Чудакулли с такой счастливой улыбкой, какую Думминг уже давно не видел.

– Наверное, сэр, что-то он не вполне уловил. Надеюсь, мирным

жителям опасность не грозит?

– Волшебники велели им сидеть по домам.

– Что ж, сэр, я полагаю, мы можем выехать сразу после чая, как только я соберу кое-какое оборудование.

– И я, разумеется, еду тоже, – сказал Чудакулли, взглянул на Думминга и добавил: – И...

– Что? – спросил Думминг и посмотрел на ухмылку аркканцлера. – Да, кстати, есть идея пригласить с собой кого-нибудь из «Таймс», пусть сделает картинки. Пригодятся в образовательных целях.

– Превосходный план, мистер Тупс, а еще я думаю, что нужно прихватить старших профессоров. Они добавят... – он щелкнул пальцами, – как это называется?

– Беспорядка, – подсказал Думминг.

– Нет, не то.

– Аппетита? Веса?

– Что-то вроде того... а. Авторитета. Да. Побольше авторитета. Мы не из тех, кто бегают по городу за курами. Увидимся после ленча, а сейчас у меня другие дела.

– Да, аркканцлер, – отозвался Тупс. – Э, кстати... как насчет предполагаемого матча?

– Увы, придется подождать, пока они не отстроят университет заново.

– Очень жаль, аркканцлер.

Магистр традиций продолжал возиться с подсчетами, пока последние цифры не встали на места. Убедившись, что аркканцлер ушел, Думминг улыбнулся – эту улыбку заметил бы только тот, кто ожидал ее увидеть, – и притянул к себе очередной гроссбух.

День удался.

А ВОТ ТЕПЕРЬ КОНЕЦ.

СНОСКИ

Теоретически, в Анк-Морпорке тирания, и этот режим правления зачастую отличается от монархии. Более того, само звание тирана, можно сказать, подверглось переосмыслению трудами человека, ныне это звание носящего, а именно патриция Витинари. Анк-морпоркская тирания стала единственной реально работающей формой демократии. Всякий имеет право голоса, кроме тех, кто не достиг требуемого возраста и не является патрицием Витинари. И все-таки система работает – и злит немало людей, которые полагают, что она работать не должна, и не прочь видеть на троне монарха. Иными словами, сместить того, кто достиг своего положения благодаря хитрости, глубокому пониманию тайн человеческой души, потрясающей дипломатии, ловкому обращению со стилетом, а главное (что признавали все), благодаря уму, подобному идеально сбалансированной циркулярной пиле, и заменить его тем, кто совершил одно-единственное деяние, а именно родился на свет*.

Тем не менее, в городе по традиции висели изображения короны – на Почтамте, на Королевском банке, на Монетном дворе... а главное, корона присутствовала в шумном, кипучем, громогласном, темном сознании города как такового. В темноте обитает множество тварей. Более того, темнота бывает разная, и в ней живут самые разные существа – изгнанные, заточенные, затерявшиеся или спрятанные подальше. Иногда они удирают. Иногда просто пропадают. Иногда больше не могут терпеть.

* Третий вариант – что городом надлежит править некоторому количеству уважаемых граждан, которые пообещают серьезно относиться к своим обязанностям и не обманывать общественное доверие на каждом шагу, – немедленно стал предметом мюзик-холльных шуток по всему Анк-Морпорку.

Строго говоря, доктор Икс был сыном мистера и миссис Хикс, но человек, который носит черное одеяние, покрытое зловещими символами, и перстень в виде черепа, должен быть сумасшедшим – точнее, *совсем* сумасшедшим, чтобы отказаться от возможности добавить к «доктору» «икс».

Содержание профессиональных стекальщиков может показаться лишней роскошью в таком заведении, как Незримый Университет, но это предположение весьма далеко от истины. Ни один ортодоксальный волшебник, достойный носить остроконечную шляпу, не станет работать при свете чистой, гладкой, можно сказать девственной, то есть неоплывшей, свечи. Это просто... неправильно. Общая атмосфера была бы нарушена. А если все-таки кому-либо попадалась неоплывшая свеча, то злополучный волшебник, повинуюсь природе, как водится, принимался мудрить со спичками и согнутыми скрепками, чтобы создать симпатичные маленькие потеки. Впрочем, этот трюк никогда не удавался, и волшебник либо закапывал воском ковер, либо случайно поджигал сам себя. А потому университетский декрет гласил, что оплавление свечей – обязанность стекальщика.

Изначально оно называлось Обществом первооткрывателей, пока патриций Витинари не заявил, что большинство мест, «открытых» членами общества, уже были кем-либо населены и аборигены уже не в первый раз пытались продавать пришельцам змей.

Некоторые полагают, что херес не стоит пить рано утром. Они ошибаются.

Если коротко – каждый волшебник знает, что, невзирая на все усилия, кто-нибудь непременно будет удирать в потаенную пещеру и заниматься там очень, очень странным и неприятным волшебством.

Икс просто-напросто отказался надевать штаны. Он объявил, что ни один неуважающий себя темный маг не наденет такой заурядный предмет туалета, как штаны. Поэтому общий эффект был совершенно испорчен.

Честно говоря, появление Джульетты из-под тележки осталось практически не замеченным никем, кроме одного начинающего художника, который чуть не ослеп от этого зрелища. Много лет спустя он написал картину под названием «Красота, восстающая из-под тележки с ореховыми пирогами, в сопровождении херувимов, несущих хотдоги и пудинг». Картину сочли шедевром, хотя никто так и понял, о чем, черт возьми, она повествует. Но картина была красивая, а красота есть истина.

Но ведь остается другой глаз, правда? И у человека появляется серьезное доказательство собственной крутизны, особенно если удастся обзавестись классическим шрамом через бровь и щеку. А если вдобавок надеть черную повязку, больше никогда не придется ждать своей очереди в баре.

У гномов незатейливый подход к спиртным напиткам. Пиво, эль, вино, херес... что угодно, лишь бы побольше.

Тот, кто не в состоянии постигнуть обширное количество значений, кроющихся в слове «уук», никогда не добьется успеха в Незримом Университете.

Согласно диаграмме Совина-Типса, волшебники, которые в начале своей карьеры были худыми и бледными, прогрессируют в своем мастерстве, становясь все толще и краснее, до тех пор пока в один прекрасный день не взрываются от собственной напыщенности.

Волшебники склонны полагать, что до следующего приема пищи еще далеко, вплоть до самой минуты, когда они примутся поглощать еду.

Говорят, если хочешь выдержать стычку, представь противника голым. В случае с миссис Уитлоу это было, как сказал бы Думминг Тупс, противопоказано.

Вопреки распространенному мнению и общей надежде, люди не бегут немедленно к источнику шума, услышав крик. Человеческий мозг устроен иначе. Сначала они переглядываются и спрашивают друг к друга: «Ты что-нибудь слышал?», потому что первый крик вполне мог прозвучать в воображении. А может быть, это просто лошадь пукнула.

В том числе Лицами их называли из-за грубых рисунков, которые появлялись на плакатах, расклеиваемых Стражей, с безнадежными призывами к гражданам известить Стражу, если кто-нибудь из изображенных на плакате личностей появится поблизости.

Архиепископ в доме договорного гостеприимства и то, наверное, выглядел бы чуть более смущенным, чем Натт в ту минуту, но количество упомянутого смущения зависит от того, сколько у вас знакомых архиепископов.

Стражники умеют произносить слово «сэр» так, что оно звучит как «дерьмо».

А значит, что-то затеял.

Университетский магистр музыки, сидя на трибуне, достал записную книжку и поспешно записал: «Macarona Unum Est. Certes Macarona Est». Ему не терпелось вернуться к хору.

Радость слегка уменьшилась, когда она убедилась, что никто из зрителей даже не пытается предпринять какие-нибудь фигли-мигли.

Согласно «Справочнику по морской болезни» Флетчера, пьяный попугай значится под номером пятым в списке «хочу сдохнуть». Верхнюю строчку этого списка занимает лысый орел, который способен заблевать три страны зараз.

По традиции, в таких случаях победители поливают толпу шампанским. Но только не волшебники. Если волшебнику удастся вытащить пробку из бутылки с шампанским, он уж постарается, чтобы мимо не пролилось ни капли.

Которая по размерам была сопоставима с большинством волшебников, а потому чувствовала себя вдвойне как дома.